

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 6 том - «Любовь Анжелики»
Перевод с фр. Е.С. Татищевой
СП «Панас» (Москва), 1993г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ПУТЕШЕСТВИЕ**

Глава 1

Чувство, что за ней пристально наблюдает кто-то незримый, вывело Анжелику из забытья.

Она рывком села и быстро огляделась, ища глазами того, кто приказал перенести ее сюда, на ют^[1], в эти убранные с восточной роскошью апартаменты. Она была уверена, что он где-то здесь, однако так никого и не увидела.

Она находилась сейчас в том же самом салоне, где Рескатор принимал ее прошлой ночью. После драматичных, стремительно сменявших друг друга событий сегодняшнего дня покой и необычное убранство этой гостиной казались волшебным сном. Анжелика и впрямь засомневалась бы, не снится ли ей все это, если бы рядом с нею не было Онорины. Малышка просыпалась, ворочаясь и сладко потягиваясь, точно котенок.

В сгущающихся вечерних сумерках тускло поблескивали золотом мебель и украшающие капитанскую гостиную безделушки, но их очертания уже тонули во тьме. В воздухе был разлит какой-то приятных запах, в котором Анжелика не без волнения узнала аромат духов, исходивший от одежды Рескатора. Видно, он сохранил эту свою утонченную средиземноморскую привычку, как сохранил пристрастие к кофе, коврам и диванам с шелковыми подушками.

В окно с силой дохнул холодный ветер, принеся с собой водяную пыль. Анжелике стало зябко. Она вдруг осознала, что шнуровка корсажа у нее распушена и грудь обнажена. Это смутило ее. Чья рука расшнуровала ее корсаж? Кто склонялся над ней, когда она лежала в забытии? Глаза какого мужчины всматривались — и, быть может, с тревогой — в ее бледное лицо, неподвижные черты, посиневшие от смертельной усталости веки?

Потом он, видимо, понял, что она просто выбилась из сил и заснула, и ушел, расшнуровав ее корсаж, чтобы ей было легче дышать.

Вероятно, это была с его стороны простая любезность, однако любезность такого рода, которая выдавала в нем человека, привыкшего иметь дело с женщинами и обращаться с ними со всеми — кто бы они ни были — с учтивой непринужденностью. От этой мысли Анжелику неожиданно бросило в краску. Она вскочила и торопливо привела свое платье в порядок.

Почему он велел принести ее сюда, почему не отправил к ее

спутникам-гугенотам? Стало быть, он смотрит на нее, как на свою рабыню, как на пленницу, обязанную исполнять его прихоти, при всем том, что прошлой ночью он ясно выказал ей свое пренебрежение?..

— Есть здесь кто-нибудь? — громко спросила она. — Вы здесь, монсеньор?

Ответом ей было лишь дыхание ветра и плеск волн. Но в это мгновение Онорина окончательно проснулась, села и, раскрыв ротик, зевнула. Анжелика склонилась к ней и, ревниво обхватив маленькое тельце, взяла дочку на руки, как столько раз в прошлом, когда она защищала эту хрупкую жизнь от грозивших ей опасностей.

— Иди ко мне, сердечко мое, — шепнула она, — и ничего не бойся. Мы уже в море!

Она подошла к застекленной двери и очень удивилась, когда та легко отворилась. Так значит, она не пленница...

Снаружи было еще довольно светло. Можно было разглядеть снующих по палубе матросов, но вокруг уже зажигали первые фонари. Зыбь была невысокой, и одинокий в пустынном океане пиратский корабль дышал странным покоем, как будто всего несколькими часами раньше ему не грозила — и притом не один раз — верная гибель. Поистине, вкус жизни хорошо ощущаешь лишь тогда, когда в лицо тебе только что посмотрела смерть.

Сидевший на корточках около двери человек выпрямился, и Анжелика увидела рядом с собой великана-мавра, который прошлой ночью приготовил для нее кофе. На нем по-прежнему был белый шерстяной марокканский бурнус, а в руках он держал мушкет с прикладом, отделанным чеканным серебром — точно такие же она видела у личной охраны Мулея Исмаила^[2].

— Где разместили моих спутников? — спросила она.

— Идем, — ответил мавр, — господин велел мне проводить тебя к ним, когда ты проснешься.

Как и на всех кораблях, предназначенных для морского разбоя или перевозки грузов, на «Голдсборо» не было помещений для пассажиров. Кубрик под баком^[3] был достаточно просторен для размещения команды, но не более того. Поэтому эмигрантов поместили в той части нижней палубы, где стояли замаскированные пушки пиратского судна. Спустившись по короткому трапу, Анжелика вновь оказалась в кругу своих друзей, которые уже начинали с грехом пополам располагаться среди

тяжелых бронзовых орудий. В конце концов, на их покрытых парусиной лафетах вполне можно было разложить прихваченный впопыхах скудный скарб.

На палубе ночная темнота еще не вступила в свои права, но здесь, внизу, уже царил сумрак, и только через один открытый порт^[4] едва просачивался слабый розоватый свет.

Стоило Анжелике спуститься на орудийную палубу, как ее тут же радостно обступили дети и друзья.

— Госпожа Анжелика! А мы уже думали, что вы погибли... что вы утонули...

И почти сразу же наперебой посыпались жалобы:

— Тут совсем ничего не видно... Нас держат под замком, словно пленников... Дети хотят пить...

В полумраке Анжелика узнавала их только по голосам. Громче всех слышался голос Абигель.

— Надо позаботиться о мэтре Берне. Он тяжело ранен.

— Где он? — спросила Анжелика, мысленно упрекая себя за то, что совсем о нем забыла.

Ее провели к тому месту, где под открытым портом лежал раненый торговец.

— Мы думали, от свежего воздуха ему станет лучше, но воздух из порта до него не доходит.

Анжелика опустилась на колени рядом с раненым. При розовом свете заката, еще проникавшем в темный трюм, она смогла рассмотреть лицо Берна, и ужаснулась, увидев покрывающую его бледность и застывшее на нем выражение муки, которое не стерло даже беспамятство. Дыхание раненого было медленным и тяжелым.

«Он был ранен, когда защищал меня», — подумала она.

Сейчас Габриэль Берн утратил и силу, и всю свою респектабельность богатого ларошельского торговца и лежал перед Анжеликой с обнаженными широкими плечами и голым массивным торсом, таким же волосатым, как у простого грузчика. В этой его беспомощности было что-то трогательное: лежащий без чувств, ослабевший от боли мужчина, такой же, как и все остальные.

Его спутники, не зная, как ему помочь, разрезали его пропитавшийся кровью черный камзол, а из рубашки наделали тампонов на рану. В таком непривычном виде Анжелика, пожалуй, могла бы его и не узнать. Какая глубокая пропасть пролегла между мирным торговцем-гугенотом,

сидящим с пером и чернильницей над бухгалтерскими книгами, и этим мужчиной, полуголым и беззащитным. У ошеломленной Анжелики вдруг мелькнула нелепая, неподобающая мысль: «А ведь он мог бы быть моим любовником...»

Внезапно мэтр Габриэль показался ей очень близким, будто он в какой-то мере принадлежал ей, и она с возросшим беспокойством ласково коснулась его рукой.

— С тех пор, как его сюда принесли, он хоть раз шевельнулся, заговорил?

— Нет. Это странно — ведь его раны на вид не тяжелые. Удар саблей рассек ему плечо и левую сторону груди, но кость не задета. Раны почти не кровоточат.

— Надо что-то делать.

— А что? — снова послышался все тот же раздраженный голос лекаря Альбера Парри. — У меня нет ни слабительного, ни клистира, и поблизости нет аптекаря, к которому можно было бы послать за травами.

— Но вы могли бы по крайней мере взять в дорогу свою врачебную сумку с инструментами, мэтр Парри, — воскликнула Абигель с неводившейся ранее за ней горячностью. — Она бы заняла не так много места!

— Как... как вы можете, — вознегодовал ученый лекарь, — как вы можете упрекать меня в том, что я забыл свои инструменты, когда меня без объяснений вытащили из постели и чуть ли не в ночной рубашке и колпаке поволокли на это судно, так что я и глаз не успел протереть? И потом, для такого пациента как Берн я мало что мог бы сделать. Я ведь не хирург.

Лорье, цепляясь за Анжелику, умоляюще спрашивал:

— Мой отец не умрет?

Со всех сторон ее хватили чьи-то руки. Чьи: Северины, Онорины, Мартиала или матерей, растерявшихся перед непривычными для них лишениями?

— Дети хотят пить, — как затверженный урок повторяла госпожа Каррер.

К счастью, их хотя бы не мучил голод, поскольку булочник щедро раздал пассажирам свои хлебцы и бриоши. В отличие от доктора он не потерял головы и захватил их с собой, и даже гонка через ланды не заставила его бросить выпеченный им хлеб.

— Если эти разбойники не принесут нам фонарей, я вышибу дверь! — завопил из темноты судовладелец мэтр Маниго.

И будто они только и ждали этого громогласного зова, на пороге

показались матросы с тремя большими, ярко горящими фонарями. Повесив их по краям и в середине батареи, они возвратились к двери и втащили на нижнюю палубу деревянную лохань, из которой исходил аппетитный запах, и ведро с молоком.

Это были те самые двое мальтийцев, которых Рескатор прошлой ночью послал с Анжеликой в Ла-Рошель, чтобы они ее охраняли. Несмотря на диковатый вид, который им придавали оливковая кожа и горящие, как уголья, глаза, она уже тогда поняла, что они славные малые — в той мере, в какой это определение применимо к членам экипажа пиратского корабля. Матросы поощряющими жестами указали пассажирам на лохань с супом.

— И как, по-вашему, мы должны это есть?.. — визгливым голосом вскричала госпожа Маниго. — Вы принимаете нас за свиней, которые жрут корм из одного корыта?.. У нас нет ни единой тарелки!..

И, вспомнив о своем прекрасном фаянсовом сервизе, разбившемся в дюнах на песчаном берегу под Ла-Рошелью, она истерически зарыдала.

— А, пустое! — сказала госпожа Каррер. — Не портите себе кровь, дорогая, как-нибудь управимся.

Но и сама она была не в лучшем положении, чем прочие, и могла предложить только одну-единственную чашку, каким-то чудом засунутую в последний момент в ее тощий узелок. Анжелика, перейдя на средиземноморский жаргон, который она еще смутно помнила, постаралась по мере сил объяснить матросам суть дела. Те в замешательстве поскребли в затылках. Вопрос о вилках и ложках, пожалуй, нелегко будет разрешить. Однако уходя, матросы пообещали как-нибудь все уладить.

Сгрудившись вокруг лохани, пассажиры принялись обсуждать ее содержимое.

— Это рагу с овощами.

— Во всяком случае, свежая пища.

— Значит, нас еще не посадили на судовые галеты и солонину, какими обычно кормят в море.

— Они наверняка награбили всю эту провизию на берегу. Я слышал, как в трюме, что под нами, хрюкали свиньи и блеяли козы.

— Нет, они их не украли, они купили скотину у нас и щедро заплатили звонкой монетой. Мы на них не в обиде.

— Кто это там встрял в разговор? — осведомился Маниго, когда это разъяснение, сделанное на шарантском диалекте, дошло до его сознания.

При свете фонарей он увидел в трюме незнакомые фигуры: двух тощих длинноволосых крестьян и их жен, за юбки которых цеплялись с

полдюжины оборванных ребятишек.

— А вы-то откуда тут взялись?

— Мы гугеноты из деревни Сен-Морис.

— А с какой стати вы сюда заявились?

— Ну как же! Когда все побежали к берегу, мы тоже побежали. А там и вовсе подумали: коли все садятся на корабль, давай и мы сядем. Думаете, нам больно хотелось попасть в лапы королевских драгун? Глядишь, они бы на нас всю злость сорвали... А узнай они, что мы торговали с пиратами, нам бы так досталось! Да и по правде сказать, что у нас в деревне осталось? Почитай ничего — ведь мы продали нашу последнюю козу и всех свиней... И что бы мы без них делали?

— Тут и без вас слишком много народу, — в ярости сказал Маниго. — Еще взяли на хлебники на нашу шею!

— Хотела бы заметить вам, милостивый государь, — вставила Анжелика, — что эта забота лежит отнюдь не на ваших плечах, и, кроме того, своим супом вы косвенным образом обязаны именно этим самым крестьянам, потому что его, судя по всему, сварили из мяса их свиньи.

— Но когда мы прибудем на Американские острова...

В разговор вмешался пастор Бокер:

— Крестьяне, умеющие пахать землю и ухаживать за скотом, никогда не будут в тягость колонии эмигрантов. Братья мои, добро пожаловать в нашу общину!

На этом инцидент был исчерпан и горожане расступились, пропустив бедняков к лохани с супом.

Для каждого из эмигрантов этот первый вечер на незнакомом судне, уносящем их навстречу неведомой судьбе, отдавал чем-то нереальным. Еще вчера они легли спать в своих домах, богатых у одних, бедных у других. Тревога за свое будущее наконец перестала их терзать, так как мысли о предстоящем вскоре отъезде успокоили их. Смирившись с неизбежными потерями, они решили приложить все усилия, чтобы плавание прошло как можно более безопасно и с удобствами. Но все пошло прахом — и вот они качаются на волнах ночного океана, отрезанные от всей своей прошлой жизни, едва ли не безымянные, словно души умерших в ладье Харона. Именно это сравнение приходило на ум гугенотам-мужчинам, в большинстве своем людям весьма образованным, и они с унылым видом взирали на суп, который от бортовой качки тихо плескался в лохани.

А женщин занимали иные заботы — у них и в мыслях не было вспоминать пассажи из Данте. За неимением мисок они передавали из рук

в руки единственную чашку госпожи Каррер и по очереди поили из нее детей молоком. Сделать это было нелегко, ибо с наступлением ночи качка усилилась. Обливаясь молоком, дети смеялись, но их матери ворчали. Ведь переодеть детей им было не во что, а где на борту судна стирать? Каждая минута несла с собой новые горестные воспоминания о том, чего эти женщины-хозяйки лишились. Их сердца обливались кровью, когда они с тоской думали о добрых запасах золы и мыла в покинутых домашних прачечных и о многочисленных щетках: от больших до самых маленьких — ведь как можно стирать без щетки? Жена булочника вдруг повеселела, вспомнив, что свою щетку она из дому прихватила, и взглядом победительницы обвела своих подавленных соседок.

Анжелика снова подошла к мэтру Берну и встала рядом с ним на колени. За Онорину ога была спокойна: девочка ухитрилась одной из первых напиться молока и теперь тайком вылавливала из супа кусочки мяса. Слава Богу, Онорина всегда сумеет за себя постоять!..

Теперь все внимание Анжелики принадлежало мэтру Габриэлю. К ее беспокойству прибавились угрызения совести и чувство признательности.

«Если бы не он, сабельный удар достался бы мне или Онорине...»

Застывшее лицо Берна и его долгое беспамятство внушали Анжелике опасения — это не соответствовало характеру его раны. При свете фонаря стало видно, что его лицо приняло восковой оттенок. Когда двое матросов-мальтийцев вернулись с десятком мисок и раздали их женщинам, Анжелика подошла к одному из них и, потянув за рукав, подвела его к раненому, давая понять, что тому требуется помощь. Матрос довольно равнодушно пожал плечами и, возведя глаза к небу, помянул Мадонну. По его словам, среди команды тоже были раненые, и как на всяком пиратском судне для них имелось только два чудо-снадобья: ром, чтобы промыть рану, и порох, чтобы ее прижечь. И еще — молитвы Пресвятой Деве, к каковым мальтиец, кажется, рекомендовал прибегнуть в случае с Берном.

Анжелика вздохнула. Что же делать? Она перебрала в памяти все домашние средства, которые узнала за свою жизнь хозяйки и матери, и даже рецепты зелий колдуньи Мелюзины, которыми она пользовалась раненых, когда во время восстания в Пуату скрывалась со своим отрядом в лесах. Но из всего этого у нее под рукой не было сейчас ничего, совсем ничего. Маленькие пакетики с лекарственными травами остались лежать на дне ее сундука в Ла-Рошели и она даже не вспомнила о них в час бегства.

«И все же я должна была об этом подумать, — укоряла она себя. — Не так уж трудно было рассовать их по карманам».

Ей показалось, что черты раненого исказила чуть заметная дрожь, и

она нагнулась к нему еще ниже, внимательно вглядываясь в его лицо. Он шевельнулся и приоткрыл плотно сомкнутые губы, как бы пытаясь глотнуть воздух. Выражение у него было страдальческое, а она ничем не могла ему помочь.

«А что если он умрет?» — подумала она и вся похолодела.

Неужели их плавание начнется под знаком непоправимого несчастья? Неужели по ее вине дети мэтра Габриэля, которых она так любит, лишатся отца, своей единственной опоры? А что будет с ней самой? Она уже привыкла к тому, что Габриэль Берн всегда рядом и на него можно опереться. И теперь, когда опять рвались все нити, связывавшие ее с прежней жизнью, она не хотела потерять его. Только не его! Этот человек был ей верным другом, ибо — в глубине души она это знала — он ее любил.

Анжелика положила ладонь на его широкую грудь, покрытую сейчас липким, нездоровым потом. Ей страстно хотелось вернуть его к жизни, влить в него силу, которую она только что ощутила в себе, когда осознала, что она наконец в море и отныне будет свободна.

Берн вздрогнул. Должно быть, непривычная нежность этой теплой женской руки пробилась к его сознанию сквозь пелену беспамятства.

Он шевельнулся, и его глаза приоткрылись. Анжелика с нетерпением и тревогой ждала его первого взгляда. Что в нем будет: мука агонии или признаки возвращения к жизни?

Встретив его взгляд, она успокоилась. С открытыми глазами мэтр Габриэль уже не выглядел таким слабым, и все то волнение и растроганность, которые Анжелика испытала, увидев этого крепкого мужчину поверженным, быстро рассеялись. Хотя он долго находился без сознания и, наверное, видел все как в тумане, его взгляд не утратил глубины и осмысленности. На мгновение он обратился вверх, к низкому, скудно освещенному потолку твиндека ^[5], затем уперся в низко склоненное лицо Анжелики. И в то же мгновение она поняла, что раненый еще не вполне владеет собой, ибо никогда прежде он не смотрел на нее таким пожирающим, восторженным взглядом, никогда — даже в тот страшный день, когда, задушив двух пытавшихся изнасиловать ее полицейских, он сжал ее в своих объятиях.

Одним-единственным пылким взором он признавался ей сейчас в том, в чем, наверное, ни разу не признался себе самому. Закованное в жесткий панцирь пуританской морали, благоразумия, подозрительного отношения к женщине, неистовство его любви могло вырваться наружу лишь в такой

миг, какой наступил сейчас, когда Габриэль Берн был очень слаб и не заботился о том, что о нем могут подумать его ближние.

— Госпожа Анжелика! — выдохнул он.

— Я здесь.

«Какое счастье, — подумала она, — что все остальные поглощены своими делами и никто ничего не заметил».

Никто, может быть, только Абигель, которая стояла чуть поодаль на коленях и молилась.

Габриэль Берн порывисто потянулся к Анжелике. И тут же, застонав, снова закрыл глаза.

— Он пошевелился, — прошептала Абигель.

— Он даже открывал глаза.

— Да, я видела.

Губы торговца медленно задвигались.

— Госпожа Анжелика... Где... мы?

— В море... Вы ранены...

Когда он закрыл глаза, его вдруг проснувшаяся страсть перестала пугать ее. Она чувствовала только одно — что должна заботиться о нем, как раньше, в Ла-Рошели, когда он засиживался допоздна над своими записями и она приносила ему чашку бульона или глинтвейна и говорила, что он непременно подорвет себе здоровье, если будет так мало спать.

Она ласково погладила его широкий лоб. Ей часто хотелось сделать это еще в Ла-Рошели, когда она видела его озабоченным, снедаемым тревогой, которую он старался скрыть под показным спокойствием. Жест чисто дружеский, материнский. Сегодня она могла себе его позволить.

— Я здесь, с вами, мой дорогой друг. Прошу вас, не двигайтесь.

Ее пальцы коснулись его слипшихся волос, и, отдернув руку, она увидела на ней кровь. Так вот оно что! Значит, он ранен еще и в голову! Эта рана и, главное, полученная вместе с нею контузия объясняли, отчего он так долго не приходил в сознание. Теперь ему нужен хороший уход, нужно его согреть, перевязать, и он наверняка поправится. Она повидала столько раненых, что могла с уверенностью поставить ему диагноз.

Анжелика выпрямилась и вдруг осознала, что в трюме установилась какая-то странная тишина. Споры вокруг лохани с супом стихли, и даже дети замолчали. Она подняла глаза и с замиранием сердца увидела, что в ногах раненого стоит Рескатор. Как давно он тут? Всюду, где он появлялся, мгновенно воцарялось молчание. Молчание либо враждебное, либо просто настороженное, порождаемое его непроницаемой черной маской.

И Анжелика в который раз подумала, что он и впрямь какое-то особое,

необыкновенное существо. Иначе как объяснить то волнение и даже некоторый страх, которые она испытала, увидев его перед собой? Она не слышала, как он вошел, и ее спутники, по-видимому, тоже, ибо при свете фонарей было видно, что протестанты глядят на хозяина судна в таком ошеломлении и тревоге, как если бы им вдруг явился дьявол. Смятение в их душах вызывало и то, что Рескатора сопровождала какая-то диковинная личность — высокий, худой человек, облаченный в белое долгополое одеяние и длинный вышитый плащ. Его костистое лицо было словно вырезано из дерева и обтянуто морщинистой темной кожей, на крупном носу поблескивали огромные очки в черепаховой оправе.

После столь бурного, полного тревожений дня незнакомец показался протестантам видением из ночного кошмара. От окутанной полумраком темной фигуры Рескатора веяло еще большей жутью.

— Я привел к вам моего арабского врача, — сказал он глухим голосом.

Вероятно, он обращался к мэтру Маниго, который специально вышел вперед, но Анжелике отчего-то показалось, что его слова обращены только к ней.

— Благодарю вас, монсеньор, — ответила она.

Альбер Парри проворчал:

— Арабский врач! Только этого нам не хватало.

— Вы можете вполне на него положиться, — возразила Анжелика, которую покорибили слова ларошельского лекаря. — Арабская медицина — самая древняя и совершенная в мире.

— Благодарю вас, сударыня, — сказал старый араб, взглянув с едва уловимой иронией на своего коллегу из Ла-Рошели. По-французски он говорил очень чисто.

Он опустился подле раненого на колени, и его искусные, легкие пальцы, похожие на тонкие самшитовые палочки, едва касаясь тела мэтра Берна, ощупали его раны. Берн заворочался. И вдруг, когда этого меньше, всего ожидали, сел и свирепо произнес:

— Оставьте меня в покое! Я никогда в жизни ничем не болел и сейчас тоже не собираюсь!

— Вы не больны, вы ранены, — терпеливо сказала Анжелика.

И ласково обняла его за плечи, чтобы он не упал. Врач по-арабски обратился к Рескатору. Раны, сказал он, хотя и глубокие, но не опасные. Единственное повреждение, требующее более длительного наблюдения, — это удар саблей по своду черепа. Но поскольку раненый уже пришел в себя, последствием этого сотрясения, вероятно, явится лишь быстрая

утомляемость, которая пройдет через несколько дней.

Анжелика нагнулась к мэтру Берну и перевела ему добрую весть.

— Он говорит, что если вы будете лежать смирно, то скоро встанете на ноги.

Торговец шире открыл глаза и посмотрел на нее с подозрением.

— Вы понимаете по-арабски, госпожа Анжелика?

— Разумеется, госпожа Анжелика понимает по-арабски, — ответил за нее Рескатор. — Разве вам, сударь, не известно, что в свое время она была одной из самых знаменитых пленниц в Средиземноморье?

Эта бесцеремонная реплика показалась Анжелике подлым ударом в спину. Она не ответила тотчас лишь по одной причине: выпад был настолько гнусен, что она даже усомнилась, верно ли расслышала.

Поскольку ничего другого у нее не было, она укрыла мэтра Габриэля своим плащом.

— Врач пришлет лекарства, и они облегчат ваши страдания. Тогда вы сможете заснуть.

Голос Анжелики звучал спокойно, но она вся дрожала от сдерживаемой ярости.

Рескатор был высокого роста и заметно возвышался над гугенотами, теснившимися за его спиной в безмолвном остоленении. Когда он обратил к ним свою черную кожаную личину, они невольно попятнулись. Он не удостоил вниманием мужчин, но устремил взгляд туда, где белели чепчики женщин.

Он снял шляпу с перьями, которую носил поверх повязанного на пиратский манер черного атласного платка, и отвесил дамам изящнейший поклон.

— Сударыни, я пользуюсь случаем, чтобы сказать вам: «Добро пожаловать на мой корабль!» Я сожалею, что не могу предоставить вам больше удобств. Увы, ваше появление было для нас неожиданностью. И все же я надеюсь, что это путешествие не покажется вам слишком неприятным. Засим, сударыни, я желаю вам доброй ночи.

Даже Сара Маниго, привыкшая принимать соседей в роскошных гостиных своего особняка, не нашлась, что ответить на это великосветское приветствие. Необычная внешность того, кто его произнес, странный тембр его голоса, казалось, придающий словам оттенок насмешки и угрозы, повергли женщин в оцепенение. Они смотрели на корсара с ужасом. И когда Рескатор, поклонившись дамам еще пару раз, прошел между ними и в сопровождении похожего на белый призрак араба направился к выходу, кто-то из детей вдруг завизжал от страха и уткнулся

лицом в широкую юбку матери.

И тогда робкая Абигель, собрав все свое мужество, отважилась заговорить. Сдавленным от волнения голосом она сказала:

— Мы признательны вам, монсеньор, за добрые пожелания и еще больше — за то, что сегодня вы спасли нам жизнь. Отныне мы будем ежегодно благословлять этот день.

Рескатор обернулся. Из сумрака, совсем было его поглотившего, вновь возникла его темная странная фигура. Он подошел к побледневшей Абигель, оглядел ее, коснулся рукой ее щеки и мягким, но властным движением повернул ее лицо к резкому свету ближайшего к ним фонаря.

Он улыбался, пристально всматриваясь в это прелестное лицо фламандской мадонны, в большие, светлые умные глаза, расширившиеся сейчас от удивления и растерянности. Наконец он сказал:

— Несомненно, приток стольких красивых девушек как нельзя лучше скажется на населении Американских островов. Но сумеет ли Новый Свет по достоинству оценить то богатство чувств, которое вы ему несете, моя милая? Я надеюсь, что сумеет. А до тех пор спите спокойно и перестаньте терзать свое сердце из-за этого раненого...

И жестом, в котором сквозило легкое презрение, он указал на мэтра Габриэля Берна.

— Я ручаюсь вам, что он вне опасности и вас не постигнет горе его потерять.

Рескатор уже вышел, и соленый морской ветер захлопнул за ним дверь, а свидетели этой сцены все никак не могли опомниться.

— По-моему, — мрачно сказал мэтр часовщик, — этот пират — сам сатана.

— Как вы посмели заговорить с ним, Абигель? — задыхаясь, проговорил пастор Бокер. — Привлечь к себе внимание человека такого сорта весьма опасно, дочь моя!

— А этот его намек на население островов, чью породу якобы улучшат... какая непристойность! — возмутился бумажный фабрикант Мерсело, глядя на свою дочь Бертиль и надеясь, что она ничего не поняла.

Абигель прижала руки к горящим щекам. За всю ее жизнь добродетельной девы, даже не подозревающей, что она красива, ни один мужчина не осмелился повести себя с нею так вольно.

— Я... я подумала, что мы должны поблагодарить его, — пролепетала она. — Каков бы он ни был, он все же рисковал свои судном, своей жизнью, своими людьми... ради нас...

Ее смятенный взгляд метался между темным концом пушечной

палубы, в котором скрылся Рескатор, и распростертым на полу мэтром Берном.

— Но почему он так сказал? — вскричала она. — Почему он так сказал?

Уронив лицо в ладони, она истерически разрыдалась. Шатаясь, ничего не видя от слез, она оттолкнула столпившихся вокруг нее единоверцев, бросилась в угол, и, прижавшись к лафету пушки, продолжала все так же безутешно плакать.

Этот внезапный срыв всегда такой спокойной Абигель стал для женщин сигналом к всеобщим стенаниям. Все горе, которое они так долго сдерживали, разом прорвалось наружу. Ужас, пережитый ими во время бегства через ланды и посадки на корабль подточил их самообладание. Как это часто бывает, когда опасность уже позади, женщины пытались успокоиться, выплескивая свое напряжение в криках и слезах. Молодая дочь Маниго, Женни, которая была беременна, билась головой о переборку и твердила:

— Я хочу вернуться в Ла-Рошель... Мой ребенок умрет...

Муж не знал, как ее успокоить. Маниго вмешался — решительно, но снисходя к женской слабости.

— Ну, ну, женщины, возьмите себя в руки. Сатана он или нет, но этот человек прав: все мы устали и нам пора спать... Перестаньте кричать. Я вас предупреждаю, что той из вас, которая замолчит последней, я плесну в лицо ковш морской воды.

Все мигом умолкли.

— А теперь помолимся, — сказал пастор Бокер. — Слабые смертные, мы до сих пор только и делали, что сетовали, и даже не подумали возблагодарить Господа за то, что он нас спас.

Глава 2

Воспользовавшись всеобщей сумятицей, Анжелика незаметно выбралась наружу. Поднявшись на верхнюю палубу по короткому трапу, она остановилась, держась за поручни. Ночь была холодная, сырая, но Анжелика и не думала мерзнуть — ее достаточно согревали возмущение и ярость.

Фонарям, укрепленным на мачтах и фальшборте, было не под силу разогнать крошечный мрак. Однако за основанием грот-мачты Анжелика различила освещенные изнутри красные витражи в апартаментах Рескатора. Уверенным шагом — ибо ей невольно вспомнился навык хождения по качающейся палубе, приобретенный в Средиземном море, — она направилась в ту сторону.

По пути она столкнулась с каким-то невидимым в темноте существом и едва не закричала от испуга, почувствовав, как что-то обжигающе горячее стиснуло ее запястье. Она осознала, что это рука мужчины, а когда попыталась разжать ее, оцарапалась об острые грани бриллианта в его перстне.

— Куда это вы так бежите, госпожа Анжелика? — спросил голос Рескатора. — И зачем отбиваетесь от своей судьбы?

До чего же это злит — всегда разговаривать с маской! Он играл своим кожаным лицом, как демон. Анжелика почти не видела его в этой темноте и когда подняла глаза на звук его голоса, у нее появилось ощущение, что она обращается к ночи.

— Так куда же вы направлялись? Неужели мне выпадет неслыханное счастье узнать, что вы шли на ют, желая найти там меня?

— Вот именно! — вскричала разъяренная Анжелика. — Потому что я хотела вас предупредить, что не потерплю, чтобы вы намекали на мое прошлое в присутствии моих спутников. Я вам запрещаю, слышите — запрещаю говорить им, что я была рабыней на Средиземном море, что вы купили меня в Кандии^[6], что я состояла в гареме Мулея Исмаила, и вообще что бы то ни было, что касается меня. Как вы посмели сказать им об этом? Какая неучтивость по отношению к женщине!

— С одними женщинами хочется быть учтивым, с другими — нет.

— Оскорблять меня я вам тоже запрещаю! Вы мужлан, начисто лишенный галантности... Пошлый пират.

Бросая ему это последнее оскорбление, она постаралась вложить в

него как можно больше презрения. Она уже отказалась от попыток высвободиться, потому что Рескатор теперь сжимал оба ее запястья. Руки у него были горячие, как у человека здорового, привыкшего находиться на открытом воздухе в любую непогоду: и в жару, и в стужу, и это тепло передавалось ей, дрожащей от тревоги и злости.

Прикосновение его рук, поначалу так раздражавшее ее, теперь действовало на нее благотворно. Но она была не в состоянии осознать это. Рескатор казался ей каким-то мерзким существом, и в эту минуту ей очень хотелось его изничтожить.

— Вы не потерпите... вы мне запрещаете, — повторил он за ней. — Честное слово, вы совершенно потеряли голову, маленькая мегера. Вы забываете, что на этом судне я — единственный хозяин и могу приказывать вас повесить, бросить за борт или отдать на потеху моему экипажу, если мне так заблагорассудится. Таким же тоном вы, вероятно, говорили и с моим добрым другом д'Эскренвилем? Стало быть, его крутое обращение не излечило вас от безрассудной страсти к спорам с пиратами?

При упоминании о д'Эскренвиле в памяти Анжелики ожили образы минувшего. Еще вчера она начала терзаться, раздираемая между воспоминаниями о своих прошлых похождениях и сознанием того, что теперь она стала другой. И она чувствовала, что именно здесь, на этом корабле, рядом с человеком, который называл себя Рескатором, сольются, словно реки, все ее прежние жизни, такие многочисленные и разнообразие.

«Ох, хоть бы он меня отпустил, — мысленно умоляла она, — не то я стану его рабыней, его игрушкой. Он отнимает у меня силы. Почему?»

— Вам кажется, что вы все еще при дворе Короля-Солнце, госпожа дю Плесси-Белльер? — тихо спросил Рескатор. — И потому вы так надменны? Берегитесь, здесь ваш августейший любовник уже не сможет вас защитить...

Она вдруг капитулировала, явив ту не лишенную кокетства, но вместе с тем и искренности гибкость, которая прежде не раз обезоруживала ее разъяренных противников.

— Простите мне мои необдуманные слова, монсеньор Рескатор. Я совсем потеряла голову. Но все дело в том, что у меня нет ничего, кроме уважения моих спутников. Какая вам польза от того, что вы разлучите меня с моими последними друзьями?..

— Значит вы до того стыдитесь своего прошлого, что дрожите при одной мысли о том, что ваши друзья о нем узнают?

Она ответила сразу, не раздумывая, и слова слетали с ее губ так легко,

словно только и ждали этой минуты:

— Какой человек, достойный этого звания, многое переживший и достигший середины своей жизни, не найдет в ней нескольких постыдных страниц, которые он предпочел бы скрыть?

— Ну вот, от ярости вы перескочили к чистой философии.

«Как удивительно, — подумала Анжелика. — Этот человек опять кажется мне до странности близким. Почему?»

— Вы должны понять, — сказала она, словно разговаривая с другом, — что образ мыслей этих гугенотов очень далек от нашего. Они совсем не похожи на вас или на ваших людей. Вы ужасно шокировали бедняжку Абигель, заговорив с ней так вольно, и если бы мои друзья узнали, что мне, пусть даже вопреки своей воле, пришлось вести на Востоке столь постыдную жизнь...

И вдруг случилось то, чего она уже какое-то время неосознанно желала.

Он притянул ее к себе и стиснул так, что у нее захватило дух. Держа ее в объятиях, он заставил ее сделать несколько шагов, и она почувствовала, что уперлась спиной в фальшборт. Корабль качнуло, и в лицо Анжелики плеснула волна. Она увидела под собой белые барашки пены. Слабые лучи луны, временами пробивающиеся сквозь толщу облаков, бросали на море тусклые серебристые блики.

— Неужели? — сказал вдруг Рескатор. — Так ли уж велика разница между этими гугенотами и матросами моего экипажа? Между этим почтенным, убеленным сединами пастором, которого я сегодня мельком видел, и мною, жестоким пиратом всех морей мира?.. Между скромной и целомудренной Абигель и такой ужасной грешницей, как вы? Да где же эта великая разница, моя дорогая? В чем она состоит?.. Посмотрите вокруг!

Новая волна, ударившись о борт, снова бросила в лицо Анжелики холодные брызги, и, напуганная темной бездной, над которой Рескатор заставил ее склониться, перегнув ее тело назад, она судорожно вцепилась в его бархатный камзол.

— Нет, — сказал он, — мы ничем не отличаемся друг от друга. Мы просто горстка людей, оказавшихся на одном корабле посреди океана... со своими страстями, сожалениями... и надеждами!

Он говорил, и его шевелящиеся губы были в опасной близости от ее губ. Пока он не касался ее, она еще могла ему противиться. Но теперь, почувствовав себя в его власти, растерялась. Она не понимала, что за странное волнение томит ее. Она так давно не ощущала ничего

подобного... Она говорила себе: «Это страх», но то был не страх, а желание. Мысль о том, что он пользуется своей магической силой, чтобы подчинить ее и впутать в немислимую ситуацию, из которой она уже не найдет выхода, заставила ее насторожиться и подавить в себе странное чувство. «Если мы уже сегодня докатились до таких дел, — подумала она, — то еще до конца плавания все рехнемся и поубиваем друг друга».

И она так резко отвернула лицо, что губы Рескатора лишь слегка коснулись ее виска. Она почувствовала прикосновение его жесткой кожаной маски и, вырвавшись из этих тягостных для нее объятий, шагнула в сторону, ощупью ища опору.

Из темноты опять послышался его насмешливый голос:

— Почему вы убегаете? Я намеревался всего-навсего пригласить вас отужинать со мной. Если вы лакомка, то получите истинное наслаждение — ведь у меня превосходный повар.

— Да как вы смеете предлагать мне такое? — возмутилась Анжелика. — Послушать вас, так подумаешь, будто мы находимся в окрестностях Пале-Рояля! Мой долг — разделять участь моих друзей. К тому же мэтр Берн ранен.

— Мэтр Берн? Это тот раненый, над которым вы склонялись с такой нежной заботой?

— Он мой лучший друг. То, что он сделал для меня и для моей дочери...

— Что ж, прекрасно, как вам будет угодно. Я согласен отсрочить уплату ваших долгов, но вы не правы, предпочитая ваш сырой твиндек моим апартаментам, ведь вы, по-моему, мерзлячка. Кстати, куда вы дели тот плащ, который я одолжил вам прошлой ночью?

— Не помню, — сказала Анжелика, чувствуя себя так, словно он уличил ее в чем-то неблаговидном.

Она провела рукой по лбу, силясь вспомнить. Должно быть, она просто забыла про этот плащ, когда закуталась в другой, тот, который дала ей Абигель.

— Я... я, кажется, забыла его дома, — сказала она.

И внезапно Анжелика как наяву увидела дом в Ла-Рошели с его погасшим очагом.

Она явственно видела красивую мебель, блестящую медную посуду в кухне, сумрачные комнаты, где со стен, будто ясные, круглые глаза, неусыпно глядели дорогие венецианские зеркала; видела висящие вдоль лестницы гобелены и пристально смотрящих на нее с портретов давно

почивших корсаров и торговцев Ла-Рошели.

Тоска по этому прибежищу, где она хозяйничала всего лишь на правах служанки, — вот все, что уносила она из Старого Света! Эта мирная картина заслонила в ее памяти и сверкающие огни Версаля, и ее жестокую войну против короля, и даже ту скорбь, которую вызывали в душе мысли о черных руинах замка Плесси в сердце ее родной провинции Пуату, дотла разоренной и на долгие годы проклятой.

Монтелу она уже давно не вспоминала. Владения барона Армана перешли к ее брату Дени, в замке Монтелу рождались его дети. Теперь пришел их черед подстерегать в коридорах призрак Старой дамы с протянутыми руками и силой воображения создавать из своей аристократической нищеты волшебное, восхитительное детство.

Анжелика уже давно чувствовала, что больше не принадлежит ни Монтелу, ни Пуату. И когда она спускалась на нижнюю палубу, ее преследовало лишь одно воспоминание: мэтр Габриэль, прежде чем взять Лорье за руку и навсегда уйти, дробит кочергой последние головешки в очаге своего дома.

Сейчас перед мысленным взором изгнанников-гугенотов, наверное, стоят их прекрасные дома в Ла-Рошели, покинутые, лишившиеся своей души, хотя их фасады все так же озаряет свет ясного неба Ониса^[7]. Дома ждут, но окна их закрыты, как мертвые глаза, и только шелест пальм во дворах и испанской сирени у стен напоминает о недавно согревавшей их жизни.

На нижней палубе было темно и холодно. Один фонарь из трех погасили, чтобы изнемогающие от усталости дети смогли заснуть. Отовсюду слышались шепот и невнятное бормотание. Кто-то из мужчин успокаивал жену: «Вот увидишь... увидишь! Когда мы приплывем на острова, все образуется».

Госпожа Каррер трясла своего мужа-адвоката за плечо и говорила:

— На островах у вас все равно будет так же мало клиентов, как и в Ла-Рошели, стало быть, мы ничего не потеряем.

Анжелика подошла к кругу света, в котором подле раненого бодрствовали Маниго и пастор. Мэтр Габриэль выглядел посвежевшим и спокойно спал. Мужчины коротко рассказали, что приходил арабский врач с помощником. Они перевязали мэтра Берна и заставили его выпить какую-то микстуру, от которой ему очень полегчало.

Анжелика не предложила гугенотам сменить их у ложа Берна. Она

чувствовала потребность в уединении и отдыхе, и не потому, что так уж устала, а потому, что в голове у нее царил полный сумбур. Ей никак не удавалось обрести свою былую уверенность и понять, что же с нею происходит, впрочем, здесь, вероятно, сказались также темнота и бортовая качка.

«Завтра будет светло. И я, наконец, все пойму».

Она пошла искать Онорину, но сделала это почти машинально — такая путаница была у нее в мыслях. По дороге кто-то схватил ее за юбку. Это была Северина. Девочка показала ей на своих спящих младших братишек.

— Я уложила их спать, — с гордостью сказала она.

Она укрыла мальчиков их плащами и обложила им ножки невесть где раздобытой соломой. Да, Северина была настоящей женщиной. В повседневной жизни дочь Габриэля Берна была очень ранима, но когда приходил час испытаний, обнаруживала твердость духа и умела все взять в свои руки. Анжелика обняла ее как младшую подругу.

— Дорогая моя, — сказала она, — мы даже не смогли спокойно посидеть и поговорить с тех пор, как я привезла тебя обратно домой с острова Сен-Мартен-де-Ре от твоей тетушки.

— Ах, все взрослые стали такие странные, будто с ума посходили, — вздохнула девочка. — А ведь как раз сейчас мы должны были бы успокоиться. Я все время помню, и Мартиал тоже, что теперь мы избавились от монастыря и иезуитов.

Сказав это, она тут же спохватилась и быстро добавила, словно укоряя себя за легкомыслие:

— Правда, отец ранен, но знаете, мне кажется, это все-таки не так страшно, как если бы его посадили в тюрьму, а меня с братьями навсегда с ним разлучили... И потом, врач в длинной одежде сказал, что завтра ему уже станет лучше... Госпожа Анжелика, я попробовала уложить и Онорину, но она говорит, что ни за что не ляжет без своей шкатулки с сокровищами.

У матерей совершенно особый взгляд на вещи. Анжелика забыла взять с собой шкатулку с «сокровищами» Онорины, и из всех бед, обрушившихся на них за последние несколько часов, потеря игрушек дочери показалась ей самой тяжелой и непоправимой. Она была в отчаянии. Онорина спряталась за пушкой и стояла там в этот поздний час с открытыми глазками, точно маленький лесной совенок.

— Хочу мою шкатулку с сокровищами!

Анжелика еще не решила, как ей поступить: постараться уговорить

дочку или просто употребить свою материнскую власть — когда вдруг увидела съежившуюся на лафете пушки фигуру и узнала в ней Абигель. Так вот подле кого спряталась ее малышка!

— Абигель?.. Это вы?.. Но почему вы здесь, почему не спите?

При виде скорчившейся, совершенно упавшей духом Абигель, прежде такой сдержанной и исполненной достоинства, Анжелике стало почти неловко.

— Что с вами? Вы заболели?

— О, мне так стыдно, — глухо ответила Абигель.

— Но отчего?

Абигель не дура и не ханжа. Не станет же она терзаться из-за того, что Рескатор погладил ее по щеке?

Анжелика заставила ее выпрямиться и посмотрела ей в глаза.

— Что с вами такое? Я не понимаю.

— Но его слова — ведь это ужасно!

— Какие слова?

Анжелика попыталась припомнить ту сцену. Если манера, в которой Рескатор повел себя с Абигель, и показалась ей дерзкой и неуместной — правда, для него такая манера была обычной — то в его словах она не усмотрела ничего шокирующего.

— Вы не поняли? — пробормотала молодая гугенотка. — Правда, не поняли?

Волнение сделало ее моложе, и со своими пылающими щеками и припухшими от слез глазами она была поистине красива — сейчас это было бы очевидно любому. Однако единственным, кто смог оценить ее красоту с первого взгляда, был этот проклятый Рескатор. Анжелика вспомнила, что он только что обнимал ее саму, а она и не подумала испугаться. Со всеми — и особенно с женщинами — он обращается так, будто он государь, а они его подданные.

При этой мысли она невольно возмутилась:

— Абигель, не придавайте значения поведению хозяина этого судна. Вы просто никогда не имели дела с мужчинами такого рода. Но даже среди авантюристов, с которыми мне приходилось встречаться, он самый... самый...

Подходящее слово все не находилось.

— Самый невозможный, — заключила она. — Но когда нам грозил неминуемый арест и тюрьма, у меня не было иного выхода, как обратиться к нему. Из всех, кого я знала, только этот стоящий вне закона разбойник был способен спасти нас от ужасной участи. Теперь мы в его власти. Нам

придется жить бок о бок и с ним и с его командой и стараться ни в коем случае не озлоблять их. Во время моих скитаний по Средиземному морю — к чему теперь это отрицать, раз уж он взял на себя труд так негалантно просветить вас на сей счет — я повстречалась с ним всего один раз, но слава у него была очень громкая. Этот пират не признает ни веры, ни закона, но мне кажется, он не лишен чести.

— О, по-моему, он совсем не страшный, — покачивая головой, прошептала Абигель.

Она уже почти успокоилась и, подняв глаза, устремила на Анжелику свой прежний взгляд, ясный и умный.

— Мы каждый день соприкасаемся со множеством людей, и сколько же в них сокрыто тайн! — задумчиво проговорила она. — Знаете, Анжелика, теперь, когда завеса, за которой вы так ревниво оберегали ваше прошлое, немного приподнялась, мне кажется, что вы стали мне еще ближе, но в то же время и отдалились от меня. Сможем ли мы понимать друг друга, как прежде?

— Я думаю, да, Абигель, милая, милая моя Абигель. Если вы этого хотите, мы всегда будем друзьями.

— Я желаю этого всей душой. Ах, Анжелика, если там, куда мы держим путь, ненависть и узость ума окажутся в нас сильнее, чем любовь, то мы не сможем выжить, мы все погибнем.

«А ведь она высказала сейчас ту же самую мысль, что и Рескатор, — подумала Анжелика. — Кажется, он сказал это так: «Отныне мы просто горстка людей, оказавшихся на одном корабле посреди океана... со своими страстями, сожалениями... и надеждами».

— Это так странно, Анжелика, — едва слышно продолжала Абигель, — вдруг открыть иные измерения жизни. Как будто отдернули театральный занавес, а за ним — новая декорация, и, глядя на нее, видишь, как расширяется до бесконечности то, что мы уже считали бесспорным, неизменным... И то, что так неожиданно произошло со мной сегодня... Я буду помнить этот день до самой смерти. И не столько из-за пережитых нами опасностей, сколько из-за того, что мне открылось... Наверное, мне нужно было это узнать, чтобы подготовиться к той жизни, которая ждет нас за океаном... Все мы должны будем сбросить с себя старую кожу... И я глубоко убеждена — заставив нас сесть на этот корабль... именно на этот, а не на другой, — Господь явил нам величайшую милость.

Глаза ее блестели, и Анжелика уже не узнавала в этой полной страсти молодой женщине то неприметное, почти безропотное существо, которое было ей знакомо в Ла-Рошели.

— Этот человек, которого вы называете разбойником, стоящим вне закона... я уверена, что он умеет читать по глазам самые сокровенные тайны сердец. Ему это дано свыше.

— В Средиземноморье его называли волшебником, — прошептала Анжелика.

То, что Абигель в чем-то согласна с Рескатором, было ей очень приятно — она сознавала, что такое чувство нелепо, но не пыталась разобраться, чем оно вызвано. Ею владело необычное воодушевление. Она слушала плеск бьющихся о борт волн. Покачивание корабля как будто пьянило ее, и она с удовольствием просидела бы всю ночь с Абигель, рассказала бы ей о своем прошлом и всласть поговорила бы с ней о Рескаторе, если бы не беспокойство за все еще не спящую Онорину.

— Ох уж эта Онорина! Никак не желает ложиться спать без своей шкатулки с сокровищами! — вздохнула она, кивнув в сторону малышки, которая, все так же надувшись, стояла рядом с ними с видом непреклонного судьи.

— Да мне просто нет прощения! — воскликнула Абигель, вскакивая с лафета.

Теперь она уже вполне овладела собой. Пройдя к тому месту, где были сложены ее пожитки, она порылась в них и вернулась с маленькой резной деревянной шкатулкой, которую Мартиал когда-то сделал для Онорины.

— Господи, Абигель! — вскричала Анжелика, с жаром сжав руки на груди. — Вы и об этом подумали! Вы ангел! Вы настоящее чудо!.. Онорина, вот твои ракушки!

А потом все стало просто. Спокойствие, возвратившееся наконец в сердечко Онорины, передалось и ее матери. Анжелика развернула то небольшое из одежды, что успела захватить из дома: ее юбка и кофта станут для малышки хорошим, большим одеялом.

Уложив Онорину рядом с собой, она подумала, что теперь у девочки, пожалуй, есть все, что ей надо. Самой ей доводилось спать и в тюрьме, где удобств было еще меньше, чем здесь. Однако сейчас она никак не могла согреться — и сон не приходил. Анжелика прислонилась плечами к переборке и попыталась привести в порядок свои мысли.

Что принесет с собой завтрашний день?

Она все еще ощущала на запястьях крепкое пожатие рук Рескатора. Когда она думала об этом, ее почему-то охватывала слабость. И оттого, что ей было зябко, воспоминание о его объятиях казалось ей удивительно приятным — и в то же время вызывало странную тревогу. Наверное

потому, что когда она схватилась за его бархатный камзол, ее рука ощутила под тканью не живое человеческое тело, а некую твердую оболочку. Что это было: кольчуга или стальной нагрудник?.. Человек, живущий в постоянной опасности и каждую минуту ждущий смертельного удара. Его сердце заковано в латы. Впрочем, разве у такого человека может быть сердце?

Неужели она совершит глупость и влюбится в него?.. Нет! К тому же теперь она уже вообще неспособна полюбить мужчину. Но что же тогда с нею происходит? Он обольщает ее при помощи каких-то чар, как... постоялка, кто же это был, тот, кто когда-то, давным-давно, внушал ей похожие чувства, одновременно притягивая и вызывая в душе смутный страх? И про того, другого, тоже говорили, будто он обладает колдовской силой и что женщины так к нему льнут, потому что он их привораживает.

В лицо ей вдруг ударил свет лампы, она сощурилась.

— А, вот вы где.

К ней склонилась мохнатая голова. Это был Никола Перро в своей неизменной меховой шапке.

— Капитан поручил мне принести вам вот это и еще гамак для вашего ребенка.

«Вот это» оказалось куском плотной ткани, не то плащом, не то одеялом, тяжелым, украшенным вышивкой и очень мягким — такую ткань ткнут жены погонщиков верблюдов в Аравийской пустыне. Она даже не утратила аромата восточных благовоний.

Канадец ловко подвесил гамак к бимсам ^[8], и Анжелика переложила в него Онорину. Та даже не проснулась.

— В гамаке ей будет лучше, да и не так сыро. Но мы не можем дать гамаки и одеяла всем. У нас их не хватит на эту ораву. Не думали же мы, что нам на голову вдруг свалится такой груз. Но когда мы войдем в зону льдов, вам сюда принесут жаровни.

— Поблагодарите от моего имени монсеньера Рескатора, — сказала Анжелика.

Перро многозначительно подмигнул ей и, уверенно ставя ноги в огромных сапогах из тюленьей кожи, вразвалку удалился.

В твиндеке слышался громкий храп. Гугеноты потушили и второй фонарь, оставив свет лишь около раненого. Но и с ним, кажется, все было в порядке — он спокойно спал. Анжелика завернулась в свое роскошное одеяло.

Утром ее спутницы не преминут обратить внимание на ту особую

честь, которой вдруг удостоилась госпожа Анжелика. Неужели Рескатор не мог прислать ей что-нибудь поскромнее, не так бросающееся в глаза? Нет, он сделал это нарочно. Его это так забавляет — выводить всех из равновесия, разжигать в людях удивление, зависть, пробуждать в них низменные чувства или же ввергать их в неистовство.

Это одеяло — не просто одеяло, это оскорбление, брошенное в лицо ее обнищавшим друзьям.

Но, возможно, у него просто нет других? Рескатор окружает себя дорогими вещами. Он не умеет делать скромные подарки. Он счел бы это недостойным. В нем чувствуется прирожденное благородство духа, как у... «У него нет шпаги, он носит вместо нее саблю, но я могла бы поклясться, что он дворянин... Приветствие, с которым он нынче вечером обратился к дамам, не было ни игрой, ни позерством. Он не умеет приветствовать иначе, как в изысканных выражениях — для него это совершенно естественно. И я никогда не встречала человека, который бы умел носить плащ с таким изяществом, кроме... кроме...»

Размышления неизменно подводили ее к желанию сравнить его с кем-то, но это неуловимое сравнение упорно от нее ускользало. Где-то в ее памяти жил образ человека, которого ей так напоминал Рескатор...

«Он похож на кого-то, кого я знала. Может быть, поэтому мне иногда кажется, будто мы хорошо знакомы, и я веду себя с ним так, словно он мой старый друг... Видимо, тот, другой, был человек такого же склада, ведь когда я говорю себе «похож», я не имею в виду внешность — лица Рескатора я никогда не видела... Но эта непринужденная манера держаться, легкость, с которой он подчиняет себе других и в то же время как бы над ними насмехается... да, все это мне знакомо... И потом, тот, другой, тоже носил маску...»

Ее сердце затрепетало.

Ее вдруг бросило в жар, потом в холод. Она села и поднесла руку к горлу, словно пыталась отбросить сжимавший его необъяснимый страх.

«Он носил маску... Но не всегда — и когда он снимал ее...»

Она едва удержалась от вскрика — внезапно все в ее сознании встало на свои места.

Она вспомнила.

И тут же нервно рассмеялась.

«Так вот оно что!.. Теперь я знаю, на кого он похож... На Жоффрея де Пейрака, моего первого мужа... А я-то никак не могла припомнить, кого он мне напоминает...»

Но странная лихорадка не оставляла ее — она опять вся горела как в

огне. В голове одна за другой вспыхивали разноцветные молнии, озаряя мрак, словно сигнальные ракеты той далекой ночью в Кандии...

«Он похож на него!.. Он закрывает лицо маской... он властвовал на Средиземном море... А что, если это... ОН?»

Ей вдруг стало трудно дышать. Казалось, что сердце сейчас разорвется от переполнившей его муки и радости.

«ОН... А я его не узнала!..»

Потом удушье отпустило ее, она смогла перевести дыхание... и почувствовала одновременно облегчение и разочарование.

«Какая же я дура!.. Боже мой, что за безумная мысль! Это просто смехотворно!»

Перед ее мысленным взором вновь предстала прекрасная Тулуза и сеньор в красном, вышедший навстречу ей, своей юной супруге. Почти забытая картина... Пусть черты его лица немного стерлись в ее памяти, но она очень ясно видела густые, вьющиеся черные волосы, чьей красоте она так удивилась, когда узнала, что это не парик. И другое, главное — прихрамывающую походку, которая так испугала ее тогда и из-за которой его прозвали Великим Лангедокским хромым.

«Какая же я дура! Как я могла хотя бы на секунду вообразить себе такое?»

Поразмыслив, она признала, что между Рескатором и ее мужем действительно есть что-то общее — было от чего впасть в заблуждение и предаться фантазиям. Непринужденная манера разговора, насмешливый ум... Но у Рескатора такая странная форма головы — как у хищной птицы... она кажется маленькой на широких гофрированных воротниках его испанских костюмов. К тому же у него уверенная походка, крепкие плечи...

«Мой муж был хромым... Но он так хорошо приспособился к своему увечью, что о нем забывали... Его блестящее остроумие восхищало, но в нем не было злости, как у этого морского авантюриста...»

Она вдруг осознала, что вся покрыта потом, будто после приступа лихорадки. Плотнее завернувшись в мягкое одеяло, она задумчиво погладила его пальцем.

«Злости?.. То ли это слово?.. Жоффрею де Пейраку, пожалуй, тоже были свойственны такие широкие, рыцарственные жесты... Но как я посмела их сравнивать! Жоффрей де Пейрак был самым знатным дворянином Тулузы, могущественным сеньором, чуть ли не королем. А Рескатор, хотя он с присущим ему самомнением и заставляет других величать себя «монсеньором», в конце концов всего лишь авантюрист,

живущий грабежами и незаконной торговлей серебром. Сегодня он сказочно богат, а завтра — беден как нищий и на него постоянно охотятся, чтобы изловить и повесить. Эти корсары воображают, будто могут сохранить свое богатство, но на самом деле положение у них непрочное... Быстро наживутся, а потом так же быстро разорятся...

Ей вспомнился маркиз д'Эскренвиль, смотрящий на свой объятый пламенем корабль.

«Все они — игроки, но игроки опасные, потому что их выигрыш всегда зиждется на смерти других людей. А Жоффрей де Пейрак, напротив, был эпикурейцем. Он презирал насилие. Такие, как Рескатор, строят свое существование на трупах... На его руках кровь...»

Она подумала о Канторе, о галерах, которые пустил ко дну этот пират. Да она ведь и сама видела, как исчезла в пучине баржа — плавучий склад боеприпасов королевской эскадры, исчезла вместе со всеми гребцами-каторжниками. А шебека^[9] Рескатора лавировала около французских галер, точно стервятник.

«И все же именно к этому человеку меня влечет... да, влечет, я не могла бы этого отрицать».

Надо смотреть правде в глаза. Анжелика беспокойно ворочалась на своем жестком деревянном ложе не в силах заснуть. А ведь именно к нему, к Рескатору, она бросилась за помощью, думала она. Именно в его руки отдалась с доверием, отбросив всякую осторожность.

Что он имел в виду, сказав, что «согласен отсрочить уплату ее долгов»? Какой платы потребует он от нее за ту услугу, которую согласился ей оказать, и за злую шутку, которую она некогда с ним сыграла?

«Вот чем он в корне отличается от моего первого мужа. Он, как видно, не способен оказать услугу бескорыстно, совершить доброе дело, ничего не ожидая взамен, а ведь как раз по этому и познается истинный дворянин. А Жоффрей де Пейрак — тот был настоящий рыцарь».

Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы вслух произнести это имя, которое столько лет жило в ее сердце.

Жоффрей де Пейрак!

Как давно запретила она себе воскрешать память о нем! Как давно перестала надеяться встретить его в этом мире!

Ей казалось, что она уже смирилась с тем, что никогда больше его не увидит. Однако необычайное волнение, каких-то несколько минут назад захватившее все ее существо, заставило ее вдруг осознать, что эта

несбыточная мечта, несмотря ни на что, продолжает жить в ней.

Жизни не удалось стереть в ее памяти то далекое время, когда она была упоительно счастлива. А между тем, как мало осталось в ней теперь сходства с той юной женщиной, что звалась когда-то графиней де Пейрак!

«Тогда я ничего еще не знала, не умела. Но была абсолютно уверена, что знаю и умею все. И находила вполне естественным, что он меня любит». Представив себе ту супружескую пару: она и граф де Пейрак — Анжелика невольно улыбнулась. Теперь это действительно стало всего лишь картинкой из давнего прошлого, картинкой, которую она могла разглядывать без особой грусти, словно портрет двух посторонних ей людей.

Их богатство, окружавшая их роскошь, утонченные гости Отеля Веселой Науки, высокое положение, которое занимал в королевстве знатный сеньор из Аквитании — как невообразимо далеко все это от переполненного эмигрантами и пиратами таинственного корабля, плывущего к чужой, незнакомой земле.

И ведь с той поры минуло пятнадцать лет!

Королевство теперь далеко, и король никогда более не увидит Анжелику дю Плесси-Белльер, бывшую графиню де Пейрак. Но он, по крайней мере, остался на своем королевском месте, все так же окруженный марионетками-придворными, среди грандиозного великолепия Версаля.

Что ж, когда-то и она была одетой в золотую парчу придворной дамой, любимицей высшего света Франции, Страны-завоевательницы, перед которой трепетала вся Европа.

Но чем дальше в океан уходил маленький, хрупкий корабль, тем больше тускнел прежде такой ослепительный образ Версаля. Он словно застывал, принимая вид помпезной театральной декорации со всей ее фальшью и мишурным блеском.

«Только теперь я начинаю по-настоящему жить, — подумала Анжелика. — Только теперь я наконец-то стала самой собой... или вот-вот стану. Потому что раньше — даже при дворе — мне всегда чего-то не хватало и я чувствовала, что иду не по тому пути».

Она привстала, чтобы взглянуть на тускло освещенную оружейную палубу, где спали сокрушенные горестями и усталостью люди.

От неожиданного открытия, что она способна столь легко начать жизнь заново, Анжелике сделалось почти страшно. Ведь нельзя же вот так, полностью, отрешиться от своего прошлого, одним махом отбросить все то, что сделало ее такой, а не другой, наложило на нее свой отпечаток. Нельзя так просто отречься от тех, кого она когда-то любила... или

ненавидела. Это поистине чудовищно!

И однако это было так. Бедняжка, она чувствовала, что в придачу ко всему остальному лишилась даже своего прошлого. Она подошла к той поре жизни, когда единственное богатство, которым владеешь и которое никто не сможет у тебя отнять, это ты сама. Все те обличья, которые она принимала прежде и которые так долго боролись между собой: женщина верная и женщина ветреная, честолюбивая и великодушная, мятежная и покорная — помимо ее сознания наконец помирились, и в ее душе воцарился мир.

«Неужели я пережила все это лишь ради того, чтобы однажды оказаться среди чужих мне людей на чужом корабле, плывущем к чужим, неведомым берегам?»

Но должна ли она забыть также и Жоффрея де Пейрака? Навсегда оставить его там, в прошлом?

Острое сожаление о несбывшемся, о том, чем могла бы стать, но не стала их любовь, словно кинжалом пронзило ее сердце. Может быть, они сами разрушили бы ее за эти годы, как и многие супружеские пары, которые она знала? Или же им все-таки удалось бы избежать ловушек и пронести свое чувство через всю жизнь?

Это было бы нелегко. И она знала его так мало...

Впервые Анжелика признавалась себе, что хотя Жоффрей и был ее мужем, она так и не смогла до конца понять, что он за человек. В те недолгие годы, которые они прожили вместе, открытие любви и даримых ею наслаждений, всего того, во что так искусно посвящал свою молодую жену знатный тулузский сеньор на двенадцать лет ее старше, занимало ее куда больше, чем поиски глубокого взаимопонимания. И у нее не осталось времени — его оказалось отпущено так мало — чтобы оценить свою собственную душевную силу и, главное, постичь истинные, неизменные основы характера Жоффрея де Пейрака, завязатого фантазера, так любившего сбивать с толку всех, кто его окружал.

Она и себя научилась понимать лишь в той жестокой борьбе, которую ей навязала жизнь и которую ей пришлось вести в одиночестве.

В одиночестве — всегда, всегда!

Хотя она дважды побывала замужем, была матерью, судьба назначила ей удел женщины одинокой. Она одна решала, как ей жить: так или этак, что ей делать, а чего нет, одна выбирала, какой ей идти дорогой. И не было рядом мужского плеча, на которое можно было бы, закрыв глаза, приклонить голову и наконец подумать: «Какая разница — куда? Веди меня! Ведь я твоя жена, и чего хочешь ты, того хочу и я».

Судьба вынуждала ее принимать все решения в одиночку. И она замечала, что уже устала от этого — ведь это совсем несвойственно женской натуре.

Дойдя в своих раздумьях до этого вывода, Анжелика тут же с жаром себя опровергла. С чего это ей сегодня вздумалось сокрушаться о своем одиночестве? До сих пор ничто не свидетельствовало о том, что она создана для безропотного послушания.

Да разве согласилась бы она теперь, чтобы ее кто-то вел за руку? В конце концов она намного лучше, чем большинство мужчин, знает, что и как ей делать. Брачное ярмо только раздражало бы ее.

Мэтр Берн скоро сделает ей предложение. Сейчас он ранен — это дает некоторую отсрочку. Но он ее любит, он попросит ее выйти за него замуж — и что она ему ответит? И «да», и «нет» казались ей равно невозможными, потому что она и боялась связать себя с ним, и нуждалась в его дружбе. Ей необходимо было чувствовать себя любимой.

«Вот единственные узы, которых я жажду всей душой, — подумала она. — Узы любви. Но может ли любовь существовать без оков?»

От этой мысли она вздрогнула.

«Нет, это не правда! Я ненавижу любовь! Я не хочу любви!»

Теперь она ясно видела свой дальнейший путь. Она останется одинокой. Останется вдовой. Это ее судьба — остаться вдовой, хранящей верность далекой любви своей молодости, любви, по которой она будет тосковать до самого смертного часа. Она будет жить так, что ее не в чем будет упрекнуть. Она вырастит счастливой и красивой Онорину, свое дорогое дитя. На Островах ей некогда будет скучать — ведь там надо будет строить новую жизнь. Она будет Другом всем и прежде всего — детям и не изменит своему женскому предназначению, которое во все времена состоит в том, чтобы отдавать и растить.

Что же касается Рескатора... Она не может не принимать его в расчет. На несколько мгновений ей удалось выбросить из мыслей его образ, но он возвращался, неотступно преследуя ее. Пират в черной маске был слишком близко.

Несколько лет она думала о нем, как об умершем, но теперь это было невозможно. Она ощущала его присутствие рядом с собой так живо, так остро, что ясно поняла: ей нелегко будет избежать ловушек, из которых наиболее опасные, пожалуй, таились в ней самой. К счастью, теперь она знает, отчего этот человек, Рескатор, так воспламенил ее воображение и ее

сердце. Всеми виной его неуловимое сходство в поведении и манерах с тем, кого она когда-то так любила, сходство, которое чуть было не обмануло ее. Но мираж рассеялся, и она не позволит хозяину «Голдсборо» сделать ее своей игрушкой.

Анжелика погружалась в сон. «Нет никакого сходства, — повторила она про себя, засыпая, — кроме... кроме чего?.. При следующей встрече надо будет присмотреться к Рескатору внимательнее...»

Право же, тут не только ее вина... Виновато это странное сходство и ее воспоминания... это из-за них она, несмотря ни на что, немножко в него... влюблена...

Глава 3

На следующий день мэтр Габриэль Берн сделал ей предложение.

Он был уже в полном сознании и, судя по всему, шел на поправку. Его левая рука висела на перевязи, однако когда он сидел, опираясь на большую подушку, набитую соломой (Абигель и Северина надергали ее из подстилки для коз и коров в соседнем трюме), вид у него снова был такой же, как обычно; здоровый цвет лица, спокойный взгляд. Он признался, что умирает от голода. Ближе к середине утра мавр, охранявший апартаменты Рескатора, по поручению своего господина принес раненому маленький серебряный котелок с превосходным, искусно приправленным пряностями рагу, а также бутылку старого вина и два хлебца с кунжутом.

Появление огромного мавра произвело среди пассажиров сенсацию. Вид у него был самый добродушный, и он весело смеялся под любопытными взглядами окруживших его детей, скаля крепкие белые зубы.

— Всякий раз, когда один из этих молодчиков является к нам на нижнюю палубу, оказывается, что он принадлежит к иной расе, чем предыдущие, — заметил мэтр Габриэль, неприязненно глядя вслед уходящему мавру. — Похоже, что здешний экипаж еще пестрее, чем костюм Арлекина.

— Азиаты нам тут еще не встречались, зато я уже видел индейца, — взволнованно сообщил Мартиал. — Да, да, я уверен: это самый настоящий индеец. Одет он, как другие матросы, но у него черные косички и красная, как кирпич, кожа.

Анжелика расставила принесенную еду около раненого.

— С вами здесь обращаются, как с почетным гостем, — заметила она.

Торговец что-то невнятно пробурчал, а затем, увидев, что Анжелика собирается его кормить, почти рассердился.

— Да за кого вы меня принимаете? Я не новорожденный младенец.

— Но вы еще слабы.

— Слаб? — повторил он, негодуяще пожав плечами, отчего его лицо тут же сморщилось от боли.

Анжелика рассмеялась. Ей всегда нравилась его спокойная сила. В ней было что-то такое, что вселяло в окружающих чувство покоя и безопасности. Всем своим видом мэтр Берн внушал доверие — и этому впечатлению способствовала даже его дородность. То не была обрюзглость

чревоугодника и кутилы, напоминающего подушку или раздувшегося моллюска. Дородность казалась частью его сангвинической натуры, и, должно быть, он располнел еще в молодости, не потеряв от этого силы, а только став выглядеть старше своих лет, что с самого начала помогало ему производить благоприятное впечатление на клиентов и коллег-торговцев. Отсюда и то неподдельное уважение, которое они продолжают оказывать ему и по сей день. Анжелика снисходительно смотрела, как он, действуя одной рукой, с аппетитом уплетает рагу из поставленного рядом с ним котелка.

— Если бы вы не были гугенотом, мэтр Берн, из вас мог бы получиться заправский гурман.

— Не только, — ответил он, бросая на нее загадочный взгляд. — У каждого человека есть две стороны: лицо и изнанка.

Не донеся до рта очередную ложку, он заколебался и добавил:

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но, право, сегодня я голоден как волк и...

— Да ешьте, ешьте! Я вас просто поддразнивала, — с нежностью сказала она. — В память обо всех тех случаях, когда вы ворчали на меня в Ла-Рошели за то, что я слишком радею о вашем столе и ввожу ваших детей в грех обжорства.

— Так мне и надо, — признал он с улыбкой. — Увы, теперь все это от нас далеко...

Между тем пастор Бокер собирал свою паству — приходивший только что боцман Эриксон сказал, что все пассажиры должны подняться на верхнюю палубу для короткой прогулки. Погода стоит хорошая, так что сейчас они будут меньше мешать команде, чем в другое время.

Анжелика осталась наедине с мэтром Берном. Она хотела воспользоваться случаем, чтобы выразить ему свою признательность.

— Я еще не имела возможности поблагодарить вас, мэтр Берн, — сказала она, — но я снова перед вами в долгу. Вы были ранены, спасая мне жизнь.

Он поднял глаза и посмотрел на нее. Анжелика опустила веки. Его взгляд, нередко бесстрашный и холодный, был сейчас так же красноречив, как и вчера, когда, очнувшись от беспомощности, он видел только ее и больше ничего.

— Как мог я не спасти вас? — сказал он наконец. — Ведь в вас — вся моя жизнь.

И, увидев ее еле заметный протестующий жест, добавил:

— Госпожа Анжелика, я прощу вас стать моей женой. Анжелика

смутилась. И так, эта минута наступила — мэтр Габриэль попросил ее руки. Она не впала в панику и даже, надо признаться, почувствовала к нему нежность. Он любит ее так сильно, что готов сделать ее своей женой перед Богом, несмотря на все то, что он знает... или, наоборот, не знает о ее прошлом. Для человека столь строгой нравственности это не шутка, это свидетельство подлинной любви.

Но она чувствовала, что не может дать ему ясного ответа и в замешательстве сцепила руки.

Габриэль Берн, не отрываясь, глядел на ее правильный, тонкий профиль, вид которого наполнял его душу острым волнением и почти причинял боль. С тех пор, как он, поддавшись искушению, стал смотреть на нее, как на женщину, каждый брошенный на нее взгляд открывал ему в ней все новые совершенства. Ему нравилась даже ее сегодняшняя бледность — следствие усталости после драматических событий вчерашнего дня, когда она словно взяла их всех за руки и вырвала из когтей безжалостной судьбы. Он снова видел ее прекрасные, горящие глаза, слышал ее повелительный голос, приказывающий им торопиться.

С развевающимися по ветру волосами она мчалась через ланды, держа за руки детей, за которыми гнались убийцы-драгуны, мчалась, влекомая той могучей силой, что просыпается в женщине — дарительнице и хранительнице жизни, когда ее близким грозит смерть. Он никогда не забудет этой картины.

Сейчас та же самая женщина стояла рядом с ним на коленях и казалась уже не сильной, а слабой. Он видел, как она кусает губы, и по судорожному движению ее груди догадывался, как учащенно колотится ее сердце.

Наконец она ответила:

— Своим предложением вы оказали мне большую честь, мэтр Берн... но я вас недостойна.

Торговец нахмурился и крепко стиснул зубы, с трудом подавляя желание вспылить. Ему не сразу удалось взять себя в руки, и когда удивленная его молчанием Анжелика осмелилась взглянуть на него, то увидела, что он побелел от ярости.

— Мне противно смотреть, как вы лицемерите, — сказал он без обиняков. — Это я вас недостойн. Не думайте, что меня так легко одурачить. Берны из Ла-Рошели никогда не числились в простаках... Я знаю... я уверен, и не просто уверен, а убежден, что вы принадлежите к иному миру, чем я. Да, сударыня, я знаю, что в сравнении с вами я всего лишь простолюдин, простой торговец.

Испугавшись, что он разгадал ее тайну, она взглянула на него с таким страхом, что он поспешил взять ее за руку.

— Госпожа Анжелика, я ваш друг. Я не знаю, что разлучило вас с вашей семьей и вашим кругом, не знаю, какая драма ввергла вас в ту нищету, в которой я нашел вас... Но я знаю, что ваше сословие отвергло и изгнало вас, как волки изгоняют из стаи того или ту, кто не желает быть вместе с ними. Вы нашли пристанище у нас, в Ла-Рошели, и были там счастливы.

— О да, там я была счастлива, — сказала она совсем тихо.

Он все еще сжимал ее ладонь, и, подняв его руку вместе со своей, она смиренно и нежно прижалась к ней щекой. Он вздрогнул.

— В Ла-Рошели я не осмеливался поговорить с вами об этом, — сказал он глухо, — потому что чувствовал: я вам не ровня. Но сегодня мне кажется, что в нашей нынешней нищете мы стали... равны. Мы плывем в Новый Свет. И вы нуждаетесь в защите, ведь правда?

Анжелика несколько раз кивнула. Как просто было бы Ответить: «Да, я согласна» — и зажить скромной жизнью, вкус которой она уже знала.

— Я люблю ваших детей, — сказала она, — и мне нравится служить вам, мэтр Берн, но...

— Но что?

— Роль супруги предполагает некоторые обязанности!

Он внимательно посмотрел на нее, все еще держа ее руку, и она почувствовала, как задрожали его пальцы.

— Разве вы из тех женщин, которые их страшатся? — спросил он мягко. В его голосе слышалось удивление. — Или же я вам неприятен?

— Нет, дело вовсе не в этом, — искренне запротестовала она.

И вдруг сбивчиво, перескакивая с одного на другое, начала рассказывать ему свою трагическую историю, которую до этого не могла рассказать никому: как горел ее замок, как драгуны выбрасывали из окон детей на острия пик, как потом они надругались над ней и перерезали горло ее маленькому сыну. Она говорила, и на душе у нее становилось легче. Страшные картины утратили прежнюю остроту, и Анжелика обнаружила, что может вызывать их в памяти, не теряя самообладания. Единственной раной, которой она и теперь не могла коснуться без боли, было воспоминание о том, как она взяла на руки Шарля-Анри и увидела, что он не спит, а умер.

По ее щекам покатались слезы.

Мэтр Берн слушал ее очень внимательно и не выказывал ни ужаса, ни жалости.

Потом он долго думал.

Его разум безжалостно отторгал мысли о поругании, которому подверглось ее тело, ибо он решил никогда не думать о прошлом той, кого называли госпожой Анжеликой, поскольку никто не знал ее фамилии. Он желал видеть в ней лишь ту женщину, которая была сейчас перед ним и которую он любил, а не ту незнакомку, чье бурное минувшее порой проглядывало в ее переменчивых глазах, так похожих цветом на море. Если бы он начал задумываться, пытаясь разгадать ее и сорвать покровы с ее тайн, он бы сошел с ума, измученный неотвязными думами о ее прошлом.

Наконец он твердо сказал:

— Я думаю, вы преувеличиваете, полагая, что эта давняя драма помешает вам снова зажить жизнью здоровой женщины в объятиях супруга, который будет любить вас и в счастье, и в горестях. Если бы все это произошло, когда вы еще были невинной девушкой, то случившееся, конечно, могло бы подействовать на вас сокрушительно. Но ведь вы уже были женщиной, и — если можно верить вчерашним намекам этого коварного субъекта Рескатора, нашего капитана, — женщиной, которая не всегда была робка с мужчинами. Время прошло. И сердце ваше, и тело давно уже не те, что в день, когда на них обрушились эти несчастья. Женщины обладают способностью к самообновлению — они подобны луне или круговороту времен года. Теперь вы другая. Зачем же вам, чья красота, кажется, сотворена только вчера, жить прошлым и изводить себя тягостными воспоминаниями?

Анжелика слушала его с удивлением; от его логичных, здравых рассуждений, высказанных с грубоватой прямолинейностью и вместе с тем тактично, она чувствовала себя бодрее и спокойнее. В самом деле, что мешает ее разуму воспользоваться жизненной силой, которую она вновь ощущает в своем теле? Почему бы ей не смыть с души грязные воспоминания? Начать все сначала и даже снова вкусить от таинства любви?

— Наверное, вы правы, — сказала она. — Мне следовало бы выбросить все это из памяти, и, возможно, я продолжаю думать о тех событиях лишь потому, что с ними связана смерть моего сына. Ее я забыть не могу!

— Никто от вас этого и не требует. Однако, несмотря ни на что, вы все же смогли заново научиться жить. А чтобы до конца развеять ваши страхи, я даже пойду дальше. Я утверждаю, что вы ждете мужской любви, что она нужна вам, чтобы вполне ожить. Я не обвиняю вас в кокетстве, госпожа

Анжелика, но в вас есть что-то, зовущее мужчину к любви... от вас словно исходит зов: «Люби меня!»

— Разве у вас есть повод обвинить меня в том, что я когда-либо вас завлекала? — возмутилась Анжелика.

— Вы заставили меня пережить очень тяжелые минуты, — угрюмо сказал он.

Под его настойчивым взглядом она снова потупила глаза. Хотя она и не желала себе в том признаться, ей было приятно узнать, что этот непримиримый протестант тоже подвержен слабостям.

— В Ла-Рошели вы еще принадлежали мне одному, жили под моей крышей, — снова заговорил он. — А здесь мне кажется, что к вам прикованы взгляды всех мужчин, и что все они страстно вас желают.

— Вы преувеличиваете мою власть над мужчинами.

— Вовсе нет — мне ли не знать, как она велика? Скажите, кем был для вас Рескатор? Вашим любовником, не так ли? Это бросается в глаза.

Он вдруг грубо стиснул ее руку, и Анжелика подумала, что он на редкость силен, хотя никогда не занимался физическим трудом. Она с горячностью возразила:

— Он никогда не был моим любовником!

— Вы лжете. Вас с ним что-то связывает — когда вы оказываетесь рядом, это становится ясно всем, даже самым наивным.

— Я вам клянусь, что он никогда не был моим любовником.

— Тогда кто же он вам?

— Пожалуй, еще хуже, чем любовник! Он был моим хозяином, он купил меня за очень большие деньги, но я от него убежала прежде, чем он успел мною воспользоваться. И сейчас мое положение при нем, по правде сказать... двусмысленно, и должна признаться, что я боюсь этого человека.

— Однако он вам очень нравится — это видно любому!

Анжелика хотела было с жаром возразить, однако передумала, и ее лицо озарилось улыбкой.

— Вот видите, мэтр Берн, пожалуй мы только что обнаружили еще одно препятствие к нашему браку.

— Какое же?

— Наши характеры. У нас с вами было время хорошо узнать друг друга. Вы человек властный, мэтр Берн. Будучи вашей служанкой, я старалась вам повиноваться, но не знаю, хватило ли бы у меня на это терпения, стань я вашей женой. Я привыкла сама распоряжаться своей жизнью.

— Что ж, откровенность за откровенность: вы, госпожа Анжелика,

тоже женщина властная, и вы овладели моими чувствами. Я долго боролся, прежде чем окончательно это уразумел, потому что мне было страшно осознать, до какой степени вы способны поработить меня. К тому же ваши взгляды на жизнь отличаются такой свободой, которая для нас, гугенотов, непривычна. Мы ни на миг не забываем, что склонны к греху. Мы чувствуем под своими ногами его скрытые западни, его зияющие расщелины. Женщина внушает нам страх... вероятно потому, что мы виним ее в первородном грехе, от которого пошли все беды. Я поделился моими сомнениями с пастором Бокером.

— И что же он вам ответил?

— Он сказал: «Будьте покорны самому себе. Откровенно признайтесь себе в своих желаниях, которые, в сущности, вполне естественны, и освятите их таинством брака, дабы они возвышали вас, а не губили». Я последовал его совету. В вашей власти позволить мне исполнить мои желания. В нашей с вами власти отринуть ту часть нашей гордости, которая мешает нам понять друг друга.

Он приподнялся и, обняв Анжелику за талию, привлек ее к себе.

— Мэтр Берн, вы же ранены!

— Вы отлично знаете, что ваша красота могла бы воскресить и мертвого.

Вчера вечером другие руки обнимали ее с той же самой ревнивостью собственника. Быть может, мэтр Берн прав, и, чтобы почувствовать себя женщиной, ей действительно нужно только одно — мужская ласка? Но когда он захотел поцеловать ее в губы, она безотчетным движением удержала его.

— Не сейчас, — прошептала она. — О, прошу вас, дайте мне еще немного подумать.

Берн судорожно сжал зубы, его челюсти напряглись. Он с трудом овладел собой и от этого усилия заметно побледнел. Отпустив Анжелику, он вновь упал на свою набитую соломой подушку. Он больше не смотрел на Анжелику, а со странным выражением лица уставился на маленький серебряный котелок, принесенный ему мавром Рескатора.

Внезапно он схватил его и с силой швырнул в противоположную переборку.

Глава 4

Прошло уже почти восемь суток с тех пор, как «Голдсборо» покинул Ла-Рошель, взяв курс на запад. Анжелика только что подсчитала дни пути на пальцах. Итак, миновало уже больше недели, а она все еще не дала ответа мэтру Берну.

И ничего не случилось.

Да и что могло случиться? У нее было ощущение, будто она с нетерпением ожидает чего-то необычайно важного.

Как будто недостаточно того, что ей и ее друзьям приходится устраивать свою жизнь заново и притом на пиратском корабле, где их положение так шатко и опасно. Впрочем, усердия и доброй воли у гугенотов было в достатке, и быт понемногу налаживался. «А от ругани госпожи Маниго проку не больше, чем от молитв папистов», — непочтительно говорил мэтр Мерсело. Что же касается детей, то им жизнь на море казалась очень увлекательной, а неудобств они почти не замечали.

Пастор организовал регулярные молитвенные собрания, так что в определенные часы эмигранты собирались все вместе. При этом, если позволяла погода, вечернее, последнее в этот день чтение Библии проходило на верхней палубе, на виду у странной команды «Голдсборо».

— Мы должны, продемонстрировать этим не имеющим ничего святого разбойникам тот высокий идеал, который мы несем в наших сердцах и который должны сохранить в его нынешней чистоте, — говорил пастор Бокер.

Старый пастор, давно научившийся проникать в тайны человеческих душ, чувствовал, хотя и не говорил этого вслух, что его маленькой пастве угрожает какая-то опасность, идущая изнутри, и она, возможно, страшнее, чем тюрьма и казнь, которые грозили этим людям в Ла-Рошели. Слишком уж резко и неожиданно эти буржуа и ремесленники были оторваны от родного города, где они в большинстве своем жили богато и занимали прочное положение. И жестокий разрыв с привычным укладом обнажил то, что раньше было скрыто в их сердцах. Даже взгляды у ларошельцев стали иными.

Во время вечерней молитвы Анжелика села чуть поодаль, держа на коленях Онорину, и сквозь вечерний сумрак до нее долетали слова из Священного писания: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом... Время убивать и время врачевать... Время любить и время ненавидеть...»

Когда же вернется оно — время любить?

Вокруг все так же ничего не происходило, но Анжелика продолжала ждать. С того первого вечера на корабле, когда она так долго размышляла над разноречивыми чувствами, которые внушал ей Рескатор, он больше не попадался ей на глаза. После того, как она решила, что ей следует остерегаться как его, так и своих собственных порывов, его исчезновение, казалось, должно было бы ее обрадовать. Однако вместо радости она чувствовала тревогу. Капитана почти совсем не было видно. Только когда в отведенные для прогулок часы пассажиры выходили на палубу, им порой случалось заметить вдалеке, на юте, его силуэт в темном, развеваемом ветром плаще.

Но он больше не вмешивался в их дела и как бы почти отстранился от управления судном.

Приказы матросам отдавал, стоя на юте и громко крича в медный рупор, помощник Рескатора, капитан Язон. Прекрасный моряк, но человек молчаливый и необщительный, он почти не проявлял интереса к пассажирам и, вероятно, с самого начала был против того, чтобы взять их на борт. Когда он снимал маску, открывалось лицо, до того суровое и холодное, что сразу пропадала всякая охота обращаться к этому человеку. Однако Анжелике приходилось ежедневно выступать посредницей между ним и ее спутниками, выясняя то одно, то другое. Где можно постирать? Какой водой?..

Оказалось, что пресная вода предназначена только для питья, а для стирки придется довольствоваться морской. Первая непредвиденная драма для хозяек... потому что белье не отстирывалось добела, а пятна от смолы не выводились. А в какое время можно выходить на палубу, не мешая при этом матросам?.. Вопросам не было конца.

От Никола Перро, человека в меховой шапке, помощи было куда больше. Казалось, что на судне у него нет определенного круга обязанностей. Чаще всего он беззаботно фланировал по палубе с дымящейся трубкой в зубах; кроме того, нередко он надолго уединялся с Рескатором в капитанских апартаментах. Через Никола Перро Анжелика передавала кому следует претензии своих спутников, и он же сообщал ей ответы, смягчая при этом все неприятное, потому что человек он был любезный и добродушный.

Так, он очень помог, когда на пятый день пути матросы вместе с солониной принесли пассажирам какое-то кислое, довольно-таки противное месиво и заявили, что каждый должен его поест. Все начали шумно возмущаться. Маниго сказал, что пища эта несвежая и есть ее

отказался. До сих пор, сказал он, питание было сносным и достаточным. Но если теперь их будут понуждать есть тухлятину, дети заболеют, и едва начавшееся плавание окончится жестоким горем и стенаниями. Лучше уж и дальше довольствоваться обычной пищей моряков — солониной с небольшим кусочком галеты.

Вскоре после этого отказа к гугенотам явился боцман и закричал, что они должны съесть всю кислую капусту, не то ее затолкают им в глотку насильно, держа их за руки и за ноги.

Приземистый и уродливый, как гном, непонятной национальности, боцман Эриксон, по-видимому, был родом откуда-то с севера Европы: из Шотландии, Голландии или из прибалтийских земель — и получил суровую моряцкую закалку, плавая в северных морях. Говорил он на смеси английского, французского и голландского, однако хотя ларошельские торговцы знали все эти языки, втолковать ему что-либо было почти невозможно.

Анжелика снова пошла к доброму Никола Перро, единственному приветливому человеку на судне, и поведала ему о бедах пассажиров. Канадец успокоил ее и посоветовал выполнить распоряжение боцмана; к тому же, Эриксон только повторяет приказ самого Рескатора.

— На «Голдсборо» сейчас слишком много едоков для того запаса провизии, который мы взяли на борт, поэтому теперь придется установить строгие нормы довольствия. У нас пока еще осталось немного живого скота: две свиньи, коза и корова. Их берегут на тот случай, если на судне появятся больные. И капитан решил открыть бочки с квашеной капустой — он возит ее с собой повсюду. Он утверждает, что квашеная капуста — верное средство для предотвращения цинги, и, ей-Богу, он прав — я уже дважды переплывал с ним океан и за все время в команде не было ни одного тяжелого больного. Надо растолковать вашим друзьям, что они должны есть немного капусты каждый день. Этот приказ обязателен для всех. Тех, кто упирается, сажают в трюм, за решетку, а там уж в них, пожалуй, впихнут их порцию капусты насильно, точно гусям на откорме.

На следующий день боцману был оказан гораздо лучший прием. Он придирчиво следил за тем, как пассажиры едят капусту, и его холодные голубые глазки, глядящие с красной, как ветчина, физиономии бегали и вращались самым диковинным образом.

— Я все больше склонен думать, что меня забросило в реку подземного царства, — заметил Мерсело, смотревший на вещи с юмором, в котором проявлялась его немалая начитанность. — Взгляните хотя бы на

это существо, словно извергнутое из глубин ада... Конечно, в портах каких только субъектов не встретишь, но мне еще ни разу не приходилось видеть, чтобы столько подозрительных личностей собралось на одном корабле. Вы привели нас в, донельзя любопытную компанию, госпожа Анжелика...

Анжелика, сидя на пушечном лафете, уговаривала Онорину и других малышей, которых она собрала вокруг себя, проглотить немного кислой капусты.

— Вы птенчики в своем гнездышке, — говорила она им. — Птенчики, откройте клювики!

Всякий раз, когда ее друзья начинали поносить «Голдсборо», его капитана и команду, Анжелика чувствовала, что они в какой-то мере обвиняют также и ее, да она и сама ощущала себя виноватой. Но, видит Бог, у нее не было выбора.

Она ответила:

— Полноте! Неужели вы полагаете, что Ноев ковчег представлял собой менее любопытное зрелище, чем наш корабль? Однако Господу оно было угодно...

— Это сравнение дает пищу для размышлений, — серьезно сказал пастор Бокер, подперев ладонью подбородок. — Если бы на землю вновь обрушился потоп, были бы мы, плывущие на этом судне, сочтены достойными возродить человечество и снова заключить с Господом завет?

— Вряд ли это было бы возможно с такой шайкой висельников, — проворчал Маниго. — Если как следует к ним присмотреться, сразу заметишь, что у каждого из них на щиколотках рубцы от кандалов.

Анжелика не осмелилась ничего ему возразить, потому что в глубине души думала так же. Можно было с полным основанием предположить, что наиболее верных членов своего экипажа бывший средиземноморский пират набрал именно из беглых галерных рабов. У всех разномастных и разноязыких матросов «Голдсборо», чей смех и странные песни иногда по вечерам слышались из кубрика, в глазах было совершенно особое выражение, которое среди пассажиров могла понять одна только Анжелика. Такое выражение глаз бывает у тех, кому привелось томиться в неволе, в цепях, и для кого земля отныне всегда будет недостаточно велика, а море — недостаточно просторно. Они возвращаются в мир, так долго бывший для них запретным, с опасливым чувством, что не имеют на это права, и со страхом вновь потерять свое отвоеванное сокровище — свободу.

— Скажите, боцман, зачем вы пристааете к нам с этой немецкой капустой? — спросил Ле Галль. — Сейчас мы должны находиться

примерно на широте Азорских островов, где можно купить апельсины и другую свежую пищу.

Боцман искоса взглянул на него и пожал плечами.

— Он не понял, — сказал Маниго.

— Он все отлично понял, — не согласился Ле Галль, провожая взглядом коротышку-боцмана в великаньих сапогах, который поднимался по трапу вслед за матросами, уносившими пустые котлы.

Через день Анжелика, прогуливаясь по баку, заметила, что Ле Галль занимается какими-то таинственными расчетами, используя при этом карманные часы и компас. При появлении Анжелики он вздрогнул и спрятал эти предметы под своей клеенчатой рыбацкой накидкой.

— Вы мне не доверяете? — спросила Анжелика. — Но ведь я совершенно не способна понять, что вы тут замышляете наедине с вашими часами и компасом.

— Нет, госпожа Анжелика, вам я доверяю. Просто я подумал, что это подошел кто-то из команды. Вы ходите так же, как они, — бесшумно. Шагов совсем не слышно, и вдруг глядь — а вы уже рядом. Даже становится немного не по себе. Ну ничего, раз это вы, то не о чем беспокоиться.

Он понизил голос:

— Там, на грот-мачте, на марсе ^[10], сидит матрос и наблюдает за мной с высоты, но это ничего. Ему все равно не понять, что я делаю. А все остальные, кроме рулевого, сейчас ужинают. Море нынче вечером спокойно, хотя это, может статься, и ненадолго, но странное дело — вокруг совсем не видно других судов. И я воспользовался затишьем, чтобы попытаться наконец определить наши координаты.

— Мы очень далеко от Азорских островов?

Ле Галль устремил на нее насмешливый взгляд.

— Вот именно! Не знаю, обратили ли вы внимание, что на днях боцман ничего мне не ответил, когда я спросил его об Азорских островах. А между тем, если мы плывем в Вест-Индию, то Азорские острова должны быть как раз на нашем пути. Я бы не удивился, даже если бы корабль прошел мимо острова Вознесения, что свидетельствовало бы о том, что мы держим курс прямо на юг. Но идти, как идем мы, прямо на запад — это весьма странный путь для тех, кто хочет попасть на Большие Антильские или другие тропические острова!..

Анжелика спросила Ле Галля, как ему удалось установить это без

таблиц долготы и поясного времени, а также без секстанта и хронометра.

— Я просто засек время, когда на борту бьют склянки полуденной смены вахты. Это и есть астрономический полдень — я в этом уверен, потому что, проводя корабль через пролив под Ла-Рошелью, мельком посмотрел на оборудование капитанского мостика. И знаете — приборы там просто великолепные. Есть все, что нужно. Так что я убежден: склянки здесь бьют ровно в полдень. С курса здешние моряки не собьются. Я сверяю корабельные склянки со своими часами, которые все еще показывают ларошельское время. Ну так вот, знания астрономического времени, моих часов, компаса, а также положения солнца при прохождении зенита и при заходе мне вполне хватило, чтобы определить, что мы идем «северным путем», путем ловцов трески и китобоев. Сам я никогда по нему не ходил, но могу его узнать. Да вы только взгляните на море — оно совершенно изменилось!

Однако это объяснение не убедило Анжелику. Методы достойного ларошельца показались ей неточными и небесспорными. А вот море и впрямь отличалось от Средиземного, впрочем, это не море, это океан, а она не раз слышала рассказы матросов о страшных бурях, которые обрушивались на их суда уже в Бискайском заливе. Кроме того, говорят, что в некоторые времена года может быть очень холодно даже у Азорских островов.

— Да посмотрите же, какая тут вода — точно молоко, — настаивал Ле Галль. — А вы заметили утром, каким перламутровым стало небо? Это северное небо — я вам ручаюсь! А какой тут туман! Густой, будто снег. Во время равноденствия этот путь чрезвычайно опасен, и ловцы трески в эти дни никогда им не ходят. А вот мы почему-то выбрали именно его. Спаси и сохрани нас, Боже!..

В голосе Ле Галля зазвучали похоронные нотки. Однако Анжелика напрасно таращила глаза — она не видела никакого тумана, только на северо-западе белое небо почти сливалось с морем, и их разделяла только едва различимая, красноватая линия горизонта.

— Буря и туман будут нынче ночью... или завтра, — угрюмо закончил Ле Галль.

Положительно, он все хочет видеть в черном цвете! Для бывалого моряка он слишком уж легко растерялся перед этими пустынными просторами, на которых за все время пути им не встретился ни один корабль. Изо дня в день одно и то же: ни единого паруса, насколько хватает глаз. Пассажиры находили такое однообразие чрезмерным, а Анжелика радовалась. Собственный горький опыт научил ее, что встреч на море надо

опасаться. Вид океана с его могучими, бесконечно длинными, казалось, вздымающимися из бездонной пучины валами не надоедал ей. К тому же, она не была подвержена морской болезни, от которой страдали в начале пути большинство ее спутниц.

Теперь из-за холода они перестали выходить из твиндека. Уже два дня матросы приносили им туда разрисованные каким-то варварским орнаментом глиняные горшки с отверстиями сверху и сбоку, наполненные раскаленными углями. Благодаря этим необычным жаровням или скорее примитивным маленьким печкам на нижней палубе было довольно тепло и сухо; а по вечерам пассажиры получали для освещения толстые сальные свечи. Даже менее любознательные люди, чем ларошельцы, и те не могли бы не заинтересоваться столь необычной системой обогрева.

Каждый из эмигрантов-мужчин высказал о ней свое мнение.

— Во всяком случае, это куда менее опасно, чем открытые жаровни. Интересно, откуда взялись эти диковинные глиняные горшки?

Анжелика вдруг вспомнила слова Никола Перро: «Когда мы войдем в зону льдов, вам сюда принесут жаровни».

— Но разве вблизи Азорских островов могут быть льды? — воскликнула она.

И тут же услышала насмешливый голос:

— А где вы здесь видите льды, госпожа Анжелика?

К ней приближались Маниго, Берн и владелец бумажной фабрики Мерсело. Они закутались в плащи, а шляпы надвинули до самых глаз, и поскольку все трое были мужчины рослые и широкоплечие, их можно было легко спутать друг с другом.

— Действительно холодновато, тут я с вами согласен, — продолжал Маниго, — однако зима уже не за горами и, к тому же, бури равноденствия всегда охлаждают воздух в окрестностях.

Ле Галль пробурчал:

— И все-таки здешние, как вы, сударь, выразились «окрестности» выглядят как-то чудно.

— Ты опасешься бури?

— Я опасюсь всего!

И он добавил со страхом:

— Посмотрите... Да посмотрите же... Ведь это похоже на конец света!

Сейчас на поверхности океана не было заметно ни малейшего волнения, но она пузырилась, точно кипящая в котле вода. Красное солнце неожиданно вырвалось из-за облаков и разлило по небу, дотоле абсолютно белому, сияние цвета расплавленной меди. Дневное светило вдруг

сделалось огромным, подавляя своим гигантским размером даже океан, потом стремительно скрылось за горизонтом, и почти тотчас все вокруг на мгновение окрасилось в зеленый цвет, после чего погрузилось в черноту.

— Море Тьмы, — вздохнул Ле Галль. — Так в старину его называли викинги.

— Просто красивый закат, — сказал Мерсело. — Что вы в нем увидели странного?

Но Анжелика поняла, что его тоже поразила необычность происходящего. Мрак, бывший поначалу столь густым, что пассажиры перестали видеть друг друга, начал рассеиваться, уступая место вечерним сумеркам. Внезапно опять стало видно все, вплоть до горизонта, но теперь корабль, казалось, очутился в некоем безжизненном мире, где не могли возродиться ни цвета, ни тепло.

— Вот это и называется полярной ночью, — проговорил Ле Галль.

— Полярной? Ну ты и скажешь! — воскликнул Маниго.

Его громовой хохот прозвучал в тишине, как святотатство; он это почувствовал и быстро оборвал его, а затем, чтобы скрыть смущение, посмотрел вверх, на обвисшие паруса.

— На этом корабле-призраке не матросы, а жеребцы стоялые! Только и знают, что лодырничать!

В этот миг, как будто они только и ждали этого высказывания, из всех закоулков на палубу высыпали матросы.

Марсовые вскарабкались вверх по вантам и начали перелезать с них на реи. По своему обыкновению, они работали почти бесшумно, и вид этих беззвучно снующих в вышине неясных теней еще более усугублял ощущение необычности того, что творилось вокруг.

«Сегодня вечером или ночью что-то должно произойти», — подумала Анжелика и прижала руку к груди, словно ей не хватало воздуха. Мэтр Берн стоял рядом с нею, однако она сомневалась, что он будет в силах ей помочь.

С юта послышался голос капитана Язона, отдававшего приказания по-английски.

Маниго облегченно фыркнул.

— Кстати, вы сейчас говорили об Азорских островах. Ты, Ле Галль, плавал больше моего, ну так вот, можешь ли ты мне сказать, когда мы до них дойдем? Мне хочется поскорее узнать, получили ли мои португальские корреспонденты те суммы, что я перевел им с Берега пряностей?

Он похлопал по карманам своей просторной суконной куртки.

— Когда я получу мои денежки, я смогу наконец дать отпор этому

наглому пиратскому главарю. Сейчас он держится с нами, как с какими-нибудь нищими. Мы должны чуть ли не руки ему целовать! Но вот увидите — в Карибском море все будет иначе. Там он уже не будет самым сильным.

— В Карибском море хозяева — пираты, — процедил сквозь зубы Берн.

— А вот и нет, мой дорогой. Хозяева там — работоторговцы. Я уже теперь занимаю среди них весьма недурное положение. А когда возьму дело в свои руки, то рассчитываю заполучить монополию на торговлю рабами. Много ли проку от судна, которое просто перевозит из Вест-Индии в Европу табак и сахар, не заходя на обратном пути в Африку и не набивая там трюмы рабами? А корабль, на котором мы плывем, не невольничье судно. Если бы он перевозил негров, то был бы снаряжен иначе. И потом, недавно я как бы по ошибке забрел в трюмы, и смотрите, что я там нашел.

Он разжал руку: на его ладони лежали две золотые монеты с изображением солнца.

— Это из сокровищ инков! Точно такие же иногда привозят испанцы. И главное, я заметил, что другие трюмы заполнены любопытными приспособлениями для глубоких погружений, какими-то необычными маленькими якорями, лесенками и еще Бог весть чем. А вот место, отведенное под коммерческий груз, наоборот, чересчур мало для порядочного торгового судна.

— И что вы по этому поводу думаете?

— Ничего не думаю. Я могу сказать только одно — что этот пират живет разбоем. Как именно он разбойничает? А это уж не мое дело. По мне, так лучше уж пират, чем потенциальный конкурент. На пиратов мне наплевать — люди они смелые, спору нет, но почти ничего не смыслят в торговле. Они никогда не смогут по-настоящему господствовать на морях. Их место мало-помалу займем мы, торговцы. Вот поэтому мне было бы весьма интересно побеседовать с Рескатором с глазу на глаз. Он мог бы, по крайней мере, пригласить меня на ужин.

— Говорят, что его апартаменты на корме очень роскошны и там множество дорогих вещей, — сказал мэтр Мерсело.

Они ждали, что на это скажет Анжелика, но ею, как и всякий раз, когда речь заходила о Рескаторе, овладело какое-то тягостное, тревожное чувство, и она промолчала. Мэтр Берн пристально смотрел на нее, пытаясь прочесть что-либо в ее глазах.

Отчего темнота вместо того, чтобы сгущаться, наоборот,

рассеивается? Можно подумать, что близится рассвет.

Цвет моря вновь изменился. Чернильно-черное у бортов, оно вдали казалось рассеченным надвое какой-то бледно-зеленой, как полынная водка, полосой. Когда «Голдсборо» вошел в нее, корпус его задрожал, точно бока лошади, почуявшей близкую опасность.

С капитанского мостика неслись команды.

Берн вдруг разобрал, что сверху крикнул по-английски марсовый:

— По правому борту плавучий лед, — перевел он.

Все как один повернулись вправо.

Рядом с кораблем высился ледяной утес, похожий на громадный белый призрак. Матросы с баграми и мотками канатов тут же выстроились вдоль фальшборта, чтобы попытаться предотвратить губительное столкновение с этой дышащей ледяным холодом горой.

К счастью, ведомое искусной рукой капитана судно прошло на безопасном расстоянии от препятствия. Между тем небо за айсбергом еще больше посветлело и в серой полутьме проглянули розовые проблески.

Онемевшие от изумления и страха пассажиры ясно различили на айсберге три темные точки; точки эти медленно поднялись и начали увеличиваться, приближаться к кораблю, превращаясь в три белых крылатых существа.

— Ангелы! — выдохнул Ле Галль — Это смерть!

Габриэль Берн остался невозмутим. Он обнял Анжелику за плечи (она этого даже не заметила) и сухо уточнил:

— Это альбатросы, Ле Галль... просто полярные альбатросы.

Три огромные птицы летели вслед за кораблем, то описывая в небе широкие круги, то опускаясь на темную, плещущую у борта воду.

— Это дурной знак, — сказал Ле Галль. — Он предвещает нам бурю и гибель.

Внезапно Маниго выругался.

— Может быть, я сошел с ума? Или сплю и вижу сон? Что сейчас: день или ночь? И кто тут плетет, будто мы близко от Азорских островов? Проклятие! Да мы же плывем совсем другим путем...

— Именно об этом я и толкую, господин Маниго.

— А ты не мог сказать об этом раньше, болван?

Ле Галль рассердился.

— А что бы это изменило? Ведь хозяин на корабле не вы, господин Маниго.

— Ну, это мы еще посмотрим!

Они замолчали, потому что неожиданно все вокруг опять погрузилось

во тьму. Странная заря померкла.

И тотчас же на корабле зажглись фонари. Один из огоньков приблизился к баку, где стояли Анжелика и четверо мужчин-гугенотов, и в ореоле света стали видны резкие черты старого арабского врача Абд-эль-Мешрата. Его лицо пожелтело от холода, хотя он был закутан почти до самых очков.

Араб отвесил Анжелике несколько поклонов и сказал:

— Хозяин корабля просит вас пожаловать к нему. Он хотел бы, чтобы вы провели ночь у него.

Смысл этой фразы, произнесенной по-французски без малейшей запинки и очень учтиво, был вполне ясен. Анжелика вскипела, от возмущения ее даже бросило в жар. Она уже открыла рот, чтобы отклонить оскорбительное предложение, но ее опередил Габриэль Берн.

— Мерзавец! — вскричал он дрожащим от ярости голосом. — Здесь, при нас, передать женщине такое гнусное предложение! Уж не воображаете ли вы, что находитесь на алжирском невольничьем рынке?

Берн занес кулак для удара, однако это движение разбередило его едва затянувшуюся рану и он, с трудом удержавшись от стона, вынужден был опустить руку. Анжелика встала между ним и Абд-эль-Мешратом.

— Вы сошли с ума! Нельзя так разговаривать с эфенди.

— Эфенди он или нет, он вас оскорбляет. Согласитесь, госпожа Анжелика, — он принимает вас за женщину... за женщину, которая...

— Похоже, эти молодчики считают, что имеют права на наших жен и дочерей! — вмешался бумажный фабрикант Мерсело. — Это верх бесстыдства!

— Успокойтесь, — взмолилась Анжелика. — В конце концов, все это не стоит выеденного яйца и касается только меня. Его превосходительство великий врач Абд-эль-Мешрат всего лишь передал мне... приглашение, которое под иными небесами, скажем, на Средиземном море, можно было бы почитать за честь.

— Какой ужас, — сказал Маниго и беспомощно огляделся вокруг. — Дело ясное, мы попали в лапы к берберийцам, ни больше, ни меньше. Часть команды состоит из этой сволочи, и я готов побиться об заклад, что в жилах их хозяина тоже есть басурманская кровь, хотя он и строит из себя испанца. Он либо андалузский мавр, либо прижит от мавра...

— Нет, нет, — с жаром запротестовала Анжелика. — Я вам ручаюсь, что он не магометанин. Мы находимся на христианском корабле.

— Христианском?! Ха-ха-ха! Вот рассмешили! Госпожа Анжелика, у вас просто мутится рассудок — впрочем, есть из-за чего.

Арабский лекарь продолжал с бесстрастно-пренебрежительным видом ждать, кутаясь в свои шерстяные одежды. Достоинство, с которым он держался, и удивительно умный взгляд его темных глаз напоминали Анжелике Османа Ферраджи, и она чувствовала некоторую жалость, видя, как он дрожит от холода в этой ледяной ночи на краю света.

— Достопочтенный эфенди, я прошу извинить мою нерешительность и благодарю за то, что вы донесли до меня пожелание монсеньора Рескатора. Я отклоняю требование, которое вы мне передали — для женщины моей веры оно неприемлемо, однако я готова последовать за вами, чтобы лично дать ответ вашему господину.

— Хозяин этого корабля не господин мне, — мягко ответил старик. — Он мой друг. Я спас его от смерти, потом он спас меня от смерти, и мы с ним заключили духовный союз.

— Надеюсь, вы не собираетесь принять это наглое предложение? — вмешался Габриэль Берн.

Желая успокоить его, Анжелика коснулась рукой его запястья.

— Позвольте мне пойти и наконец объясниться с этим человеком раз и навсегда. Раз он выбрал такое время, что ж, пусть будет так. Поверьте, я действительно не знаю, ни чего он хочет, ни каковы его намерения.

— Зато я знаю, — буркнул Берн.

— Не уверена. Он такой оригинал...

— Вы говорите о нем с такой снисходительной непринужденностью, словно давно с ним знакомы...

— Я и в самом деле достаточно хорошо его знаю, чтобы не бояться сейчас... того, чего боитесь вы.

И чтобы слегка поддразнить его, она с коротким смешком добавила:

— Уверяю вас, мэтр Берн, я умею за себя постоять. Мне случалось давать отпор и более грозным противникам.

— Я страшусь не насилия с его стороны, — тихо промолвил Берн, — а слабости вашего сердца.

Анжелика не ответила. Этими последними словами они обменялись, оставшись в полной темноте и одиночестве, так как сопровождавший арабского врача матрос с фонарем уже удалялся, а за ним последовали Абд-эль-Мешрат, Маниго и Мерсело. Все четверо пассажиров снова собрались вместе только у люка, ведущего на нижнюю палубу.

Берн решил:

— Если вы отправитесь к нему, я пойду с вами.

— Думаю, что с вашей стороны это было бы большой ошибкой, — нервно сказала Анжелика. — Вы вызовете его гнев — и притом без всякой

пользы.

— Госпожа Анжелика права, — вступил в разговор Мерсело. — Она уже не раз доказала, что в обиду себя не даст. И я тоже считаю, что ей надо объясниться с этим субъектом. Он взял нас на свое судно — что ж, прекрасно. Но затем он вдруг как в воду канул, после чего мы очутились в полярных широтах. И как прикажете все это понимать?

— Судя по тому, как арабский лекарь изложил его просьбу, у нас нет оснований полагать, что монсеньор Рескатор желает побеседовать с госпожой Анжеликой о широтах и долготах, — желчно заметил Берн.

— Ничего, она заставит его придерживаться этой темы, — с уверенностью сказал Маниго. — Вспомни, как в Ла-Рошели она делала, что хотела, с самим Барданем, представителем короля. Какого черта, Берн! Ну чего тебе бояться этого верзилы, у которого всех средств обольщения — одна кожаная маска? По-моему, такие штуки не очень-то привлекают дам, а?

— Я боюсь того, что у него под маской, — проговорил Берн сквозь сжатые зубы.

Ему хотелось попытаться силой помешать Анжелике исполнить приказ Рескатора. Его глубоко возмутило ее согласие принять приглашение, сформулированное столь непристойно. Но, вспомнив, что она опасается, как бы в браке он не стал ее приневоливать и ограничивать ее свободу, мэтр Берн поборол свою подозрительность и заставил себя проявить терпимость.

— Хорошо, идите. Но если через час вы не вернетесь, то в это дело вмешаюсь я.

Когда Анжелика поднималась по ступенькам трапа на ют, в мыслях у нее царил такой же хаос, как и на море. Подобно клокочущим вокруг корабля косматым пенистым валам, в ее душе бушевали самые противоречивые чувства. Она не смогла бы ясно их описать: гнев, тревога, радость, надежда то и дело уступали место страху, и тот вдруг начинал давить ей на плечи, словно свинцовый плащ.

Сейчас что-то произойдет! Что-то ужасное, сокрушительное, от чего ей уже вовек не оправиться...

Она подумала было, что ее привели в салон Рескатора, и только услышав, как сзади закрывается дверь, поняла, что это не так. Она была не в салоне, а в тесной каюте. С низкого потолка свисал фонарь, заключенный в две перекрещенные рамки, которые не давали ему раскачиваться.

В каюте никого не было. Оглядев ее внимательнее, Анжелика решила,

что несмотря на свою тесноту и низкий потолок, она, по-видимому, общается с апартаментами капитана, поскольку в ее противоположном конце виднелось высокое окно, точно такое же, как в кормовой надстройке. За закрывающей стены драпировкой Анжелика обнаружила дверь. Это подтвердило ее догадку, что каюта соединена с салоном, в котором ее принимал Рескатор. Чтобы вполне в этом удостовериться, молодая женщина повернула дверную ручку, однако дверь не открылась. Она была заперта на ключ.

Пожав плечами, со смешанным чувством раздражения и фаталисткой покорности судьбе Анжелика отошла от двери и села на диван, занимавший почти всю каюту. Скорее всего, эта маленькая каюта служит Рескатору спальней. Наверное, именно здесь он и прятался, когда в тот вечер, после отплытия из Ла-Рошели, она пришла в себя на восточном диване в его салоне и почувствовала, что за ней кто-то наблюдает.

Заставить ее прийти сегодня вечером в эту каюту было с его стороны довольно-таки бесцеремонно. Ну ничего, она сумеет поставить его на место. Анжелика ждала, понемногу теряя терпение. Потом, решив, что это наконец становится несносным и что Рескатор над нею просто издевается, встала, чтобы уйти.

Она была неприятно удивлена, обнаружив, что дверь, через которую ее ввели сюда, также заперта. Это всколыхнуло в ней невыносимое воспоминание о том, как в такой же запертой каюте ее бил и насиловал другой пират, маркиз д'Эскренвиль, и она принялась колотить по деревянной створке, громко зовя на помощь. Но ее голос тонул в свисте ветра и грохоте моря. После того, как розовые отблески на небе погасли и снова наступила темнота, волны сделались много выше и яростнее.

Неужели начнется буря, которую предсказал Ле Галь?

Анжелика подумала, что они могут столкнуться с айсбергом, и ей стало страшно. Держась за переборку, она добралась до окна, в которое проникал тусклый свет сигнального фонаря. Толстое стекло то и дело заливали волны, оставляя на нем белоснежную пену, медленно стекающую вниз.

Между тем ветер вдруг ослабел, море чуть успокоилось и выглянув в очередной раз в окно, Анжелика совсем близко от себя увидела покачивающуюся на волне белую птицу, казалось, глядящую на нее с сосредоточенной злобой.

Она в смятении отпрянула назад.

«Может быть, это душа утопленника? Ведь в этих местах, должно быть, потонуло множество кораблей... Но почему меня оставили здесь

взаперти, одну?»

Сильный удар волны в борт отбросил ее от переборки, она попыталась за что-нибудь ухватиться, но не сумела и, не устояв на ногах, снова упала на диван. Он был покрыт огромной шкурой с белым густым мехом. Анжелика машинально погрузила в него заледеневшие руки. Говорят, на севере водятся медведи, белые как снег. Наверное, это покрывало сделано из шкуры такого медведя...

«Куда же нас везут?»

Над ее головой плясала странная конструкция: две рамки и в них фонарь. Их вид вызывал у Анжелики раздражение, потому что находящийся в центре стеклянный сосуд с маслом и фитилем, несмотря на качку, оставался неподвижным, а она совершенно не понимала почему.

Сам фонарь был сделан из золота и выглядел очень необычно. Никогда, ни во Франции, ни в землях ислама, Анжелика не видела ничего подобного: нечто, напоминающее формой то ли шар, то ли чашу с выкованным из золота затейливым ажурным орнаментом, сквозь который просачивался желтый свет горящего фитиля.

К счастью, буря как будто не усиливалась. Временами Анжелика слышала перекликающиеся голоса. Она никак не могла определить, откуда они доносятся. Один голос был глухой, другой — низкий и сильный, и иногда можно было разобрать отдельные слова. Раздавались отрывистые команды:

— Отдать все паруса! Поднять фок и бизань... руль на борт!

Это был голос капитана Язона — должно быть, он повторял своим громким голосом тихие приказы Рескатора.

Решив, что они за переборкой, в салоне, Анжелика снова принялась барабанить в ведущую туда дверь. Но почти тотчас сообразила, что они находятся над ней, на капитанском мостике.

Стало быть, схватка с бурей потребовала усилий обоих капитанов. Наверное, сейчас вся команда поднята по тревоге. Но тогда зачем Рескатор велел ей явиться сюда для свидания — галантного или нет? Ведь посылая за нею, он наверняка предвидел, что будет сам управлять кораблем и не сможет покинуть мостик.

«Надеюсь, Абигель и Северина присмотрят за Онориной!.. А мэтр Габриэль сказал, что придет и устроит скандал, если я не вернусь через час», — успокаивала она себя.

Однако она здесь уже намного больше часа. Время идет, но никто не явился к ней на выручку. Выбившись из сил, она в конце концов легла на диван, завернулась в мех белого медведя и, разомлев в тепле, уснула. Сон

ее был беспокоен, она часто просыпалась, смутно видела заливающую оконные стекла воду, и ей снилось, будто поглощенная пучиной, она находится в каком-то подводном дворце; а неясный говор двух голосов, командующих сражением с бурей, сливался в ее сознании с мыслью о печальных призраках, блуждающих среди льдов в мрачном краю, где начинается преддверие ада.

Когда Анжелика проснулась, свет фонаря показался ей более тусклым, чем прежде. За окном занимался день. Она села на своем ложе и подумала: «Что я здесь делаю? Ведь это недопустимо!..»

Никто к ней так и не пришел.

Голова у нее болела, волосы распустились. Анжелика нашла чепчик, который сняла перед тем как лечь. Ни за что на свете она не хотела бы предстать перед Рескатором в таком виде — растрепанной и расслабленной после сна. Может быть, именно этого он и добивался? Его уловки непредсказуемы, его ловушки и тайные замыслы трудно разгадать — особенно если они направлены против нее.

Анжелика поспешно встала, чтобы привести себя в порядок и, как истая женщина, невольно огляделась в поисках зеркала.

Зеркало в каюте было — оно висело на переборке. Настоящее сокровище в баснословно дорогой массивной золотой оправе, оно сияло каким-то дьявольским блеском, и Анжелика порадовалась, что не заметила его ночью.

В том состоянии духа, в котором она тогда пребывала, необычное зеркальце повергло бы ее в ужас. В этом круглом, бездонном, уставившемся на нее глазу ей наверняка почудилось бы что-то злоторное и колдовское. Оправа зеркала представляла собой золотую гирлянду из солнц, переплетенных с радугами.

Склонившись к своему отражению, Анжелика увидела в зеркале странное, не имеющее определенного возраста существо с зелеными глазами, бледными губами и светлыми волосами — точь-в-точь сирена, которая никогда не стареет, сохраняя вечную молодость.

Она поспешила уничтожить этот образ — заплела свои русалочки, похожие на призрачный лунный свет волосы в косы и, туго закрутив их сзади, тщательно спрятала под чепец. Затем покусала губы, чтобы сделать их хоть немного ярче, и постаралась согнать с лица выражение растерянности. Но, несмотря на все усилия, образ в зеркале по-прежнему не внушал ей доверия. Это зеркальце было какое-то необыкновенное, непохожее на другие... Его красновато-золотой отлив накладывал на отраженное в нем лицо мягкие тени, окружал его таинственным ореолом. И

даже в своем скромном чепчике благонравной ларошельской мещанки Анжелика имела волнуящий, смущающий сердце вид языческого идола.

«Неужели я и впрямь так выгляжу, или же это зеркало волшебное?»

Она все еще держала его в руке, когда одна из дверей отворилась.

Анжелика тотчас спрятала зеркальце в складках юбки, ругая себя за то, что непринужденным жестом не повесила его на место. В конце концов, женщина всегда имеет право посмотреться в зеркало!

Глава 5

Открылась та из дверей, что вела в салон. Придерживая рукой откинутую портьеру, на пороге стоял Рескатор.

Анжелика надменно выпрямилась и окинула его ледяным взглядом.

— Могу ли я спросить вас, сударь, почему вы удерживали меня здесь всю ночь?

Он прервал ее речь, сделав ей знак приблизиться:

— Войдите сюда.

Его голос звучал еще глуше, чем обычно, и он два раза кашлянул. Анжелика нашла, что он выглядит усталым. В его внешности явно произошло какое-то изменение, сделавшее его менее... «менее похожим на андалузского мавра», как сказал бы господин Маниго. Он перестал походить также и на испанца. Теперь Анжелика не сомневалась, что по происхождению он француз. Впрочем, это не делало его менее загадочным. На его маске поблескивали капельки воды, но сам он уже успел переодеться в сухое.

Войдя в салон, Анжелика увидела мокрые, брошенные как попало куртку, короткие штаны и сапоги — доспехи, в которых Рескатор вел схватку с бурей.

Ей тут же вспомнилось, когда она впервые пришла сюда, чтобы попросить его о помощи, он снял с нее мокрый плащ и швырнул его в угол, заметив при этом, что она намочила его ковры.

— Вы испортите свои прекрасные ковры, — сказала она.

— Невелика важность...

Он зевнул, потягиваясь.

— Ох, как должно быть, несносно для мужчины вечно иметь рядом с собой хозяйку. И как это люди женятся?

Он скорее рухнул, чем сел в кресло, стоящее около стола с привинченными к палубе ножками. От сильной качки несколько предметов упало со стола на пол. Анжелика хотела было подобрать их, но вовремя спохватилась. Предыдущая реплика Рескатора ясно давала понять, что сейчас он не расположен к любезному обхождению и любой ее жест превратит в повод для того, чтобы ее унижить.

Он даже не предложил ей сесть. Вытянув свои длинные ноги в высоких сапогах, он, казалось, о чем-то размышлял.

— Какая великолепная битва, — сказал он, наконец. — Море, льды и

посреди — наша маленькая скорлупка. К счастью, буря так и не разразилась — не иначе как по Божьей милости.

— Не разразилась? — повторила за ним Анжелика. — Однако море, по-моему, очень бушевало.

— Волновалось, не более того. Но все равно, надо было постоянно быть начеку.

— Где мы находимся?

Пропустив этот вопрос мимо ушей, он протянул к Анжелике руку.

— Дайте-ка мне зеркальце, которое вы там прячете. Я был уверен, что оно придется вам по вкусу.

Он повертел его в руках.

— Еще одно свидетельство того, что сокровища инков — не вымысел. Порой я задаюсь вопросом: может быть, сказка о городе Новумбага — вовсе не сказка, а быль? Великий индейский город с хрустальными башенками, со стенами, сплошь покрытыми листовым золотом, инкрустированным драгоценными камнями...

Он говорил не с Анжеликой, а сам с собой.

— Инки не знали стекла. Поверхность этого зеркала сделана из амальгамы: золото с ртутью. Вот почему оно придает отражающимся в нем лицам великолепию золота и изменчивость ртути. Женщина видит себя такой, какова она на самом деле — прекрасной и мимолетной мечтой. Это зеркало — редчайшая вещь. Скажите, оно вам нравится? Вам хочется его иметь?

— Нет, благодарю вас, — холодно ответила Анжелика.

— А драгоценности вы любите?

Он пододвинул к себе стоящий на столе железный ларец и откинул его тяжелую крышку.

— Взгляните.

Он достал из ларца ожерелье из восхитительных молочно-белых, отливающих всеми цветами радуги жемчужин, с изящной застежкой из позолоченного серебра. Показав ей ожерелье во всей красе, он положил его на стол и вынул другое, в котором жемчужины были с золотистым отливом: все одинаковой величины и яркости. Казалось чудом, что удалось собрать их вместе так много. Оба ожерелья можно было бы десять раз обернуть вокруг шеи, и они все равно свисали бы до колен.

Анжелика смотрела на эти чудеса с недоумением. Их вид был оскорблением для ее скромного бумазейного платья, корсажа из черного сукна, холщовой сорочки. Внезапно она почувствовала себя неловко в своем простонародном наряде.

«Жемчуга?.. Я носила столь же прекрасные, когда состояла при дворе короля, — подумала она и тотчас же поправила себя:

— Впрочем, нет, те были не так красивы...»

И тут же все ее смущение прошло.

«Конечно, владеть такими красивыми вещами радостно, но это было также и тяжким бременем. А теперь я свободна».

— Хотите, я подарю вам одно из этих ожерелий? — спросил Рескатор. Анжелика взглянула на него едва ли не с испугом.

— Мне? Но что, по-вашему, я буду с ним делать на островах, куда мы плывем?

— Вы могли бы продать его вместо того, чтобы продавать себя.

Анжелика вздрогнула и почувствовала, как у нее запылали щеки. Право же, ни один из мужчин, которых она прежде знала — даже Дегре — не обращался с ней, чередуя такую непереносимую наглость с такой утонченной любезностью.

Его загадочные глаза в прорезях маски напоминали ей глаза кота, играющего с мышью. Внезапно Рескатор вздохнул.

— Нет, — сказал он разочарованно, — я не вижу в вас вождения, не вижу тех алчных огоньков, что вспыхивают в глазах женщин, когда показываешь им драгоценности... Вы меня просто раздражаете.

— Если уж я так вас раздражаю, — мигом отпарировала Анжелика, — то зачем вы удерживаете меня здесь? И вдобавок пренебрегаете элементарной учтивостью — ведь вы даже не предложили мне сесть? Если вы воображаете, будто ваше общество доставляет мне удовольствие, то уверяю вас — это далеко не так. И почему, сударь, вы продержали меня здесь взаперти всю ночь?

— Этой ночью, — сказал Рескатор, — мы были в смертельной опасности. Никогда прежде мне не приходилось видеть, чтобы льды дошли до здешних широт, где бури, спутницы равноденствия, бывают очень свирепы. Я был удивлен, увидев айсберги там, где никак не ожидал их встретить, и мне пришлось противостоять сразу двум опасностям, сочетание которых обычно бывает гибельным: буре и льдам, а кроме них еще и третьей — темноте. К счастью, как я вам уже сказал, ветер внезапно переменялся — это было почти чудом — и море не разбушевалось в полную силу. Мы смогли сосредоточиться на борьбе со льдами, и к утру они остались позади. Но вчера катастрофа казалась неотвратимой. И тогда я позвал вас.

— Но почему? — в недоумении повторила Анжелика.

— Потому что у нас были все шансы пойти ко дну, и я хотел, чтобы в

смертный час вы были рядом со мной.

Анжелика воззрилась на него в несказанном изумлении. Поверить, что он говорит серьезно, было немислимо. Конечно же, это просто одна из его излюбленных мрачных шуток.

Начать хотя бы с того, что всю эту ночь, такую, по его словам, жуткую и грозную, она преспокойно проспала, даже не подозревая, что гибель столь близка. И потом, как может он говорить, что в смертный час хотел быть рядом с ней, когда сам то и дело выказывает ей оскорбительное пренебрежение?

— Вы издеваетесь, монсеньор? — сказала она. — Зачем вы смеетесь надо мной?

— Я не смеюсь над вами и сейчас скажу вам почему.

Анжелика уже овладела собой.

— Как бы то ни было, если опасность и впрямь была так велика, как вы утверждаете, то да будет вам известно, что в такую минуту я желала бы быть рядом с моей дочерью и друзьями.

— И особенно рядом с мэтром Габриэлем Берном?

— Разумеется, — подтвердила она. — Рядом с Габриэлем Берном и его детьми, потому что я люблю их так, словно они моя семья. Так что перестаньте рассматривать меня как свое имущество и оставьте попытки распоряжаться мной.

— Однако за вами числятся кое-какие долги, с которыми надо рассчитаться, и я вас об этом предупреждал.

— Возможно, — сказала Анжелика, все больше и больше разъярясь. — Однако если в будущем вам вздумается пригласить меня к себе, извольте выбирать для этого менее оскорбительные выражения.

— О каких выражениях вы говорите?

Она повторила то, что сказал ей арабский врач: монсеньор Рескатор хочет, чтобы она провела ночь у него.

— Но именно это я и имел в виду. В моих апартаментах вы находились в двух шагах от капитанского мостика и в случае рокового столкновения с айсбергом...

Он сардонически рассмеялся.

— А вы надеялись, что мое приглашение означает нечто иное?

— Надеялась? Нет, — ехидно сказала Анжелика, платя ему его же монетой. — Не надеялась, а боялась! Мне ни за что на свете не захотелось бы терпеть ухаживания человека столь неуучивого, человека, который...

— Не бойтесь. Я ведь не скрыл от вас, что ваше нынешнее обличье вызывает у меня глубокое разочарование.

— Слава Богу!

— Богу? Я думаю, дьявол потрудился здесь куда больше! Какой крах! Я хранил в памяти образ волнующей одалиски с волосами, подобными солнечным лучам, и что же? — вместо нее я нахожу женщину в чепце, этакую помесь матери семейства и настоятельницы монастыря... Согласитесь, тут есть от чего прийти в изумление даже такому закаленному пирату, как я, который всего насмотрелся.

— Сожалею, что с товаром вышло такое досадное недоразумение, монсеньор! Надо было получше хранить его, когда он был в самом лучшем виде...

— Ого! Смотреть не на что, а какое высокомерие! Какие колкие ответы! А ведь в аукционном зале в Кандии вы были такой смирной, такой поникшей...

Эти слова заставили Анжелику вновь пережить тот давний позор, когда она, раздетая донага, стояла на аукционном помосте под горящими похотью взглядами мужчин.

«А между тем это было еще не самое страшное в моей жизни — худшее ждало меня впереди...» — подумала она.

Станный голос ее собеседника вдруг зазвучал по-иному — Рескатор перешел на проникновенный тон:

— Ах, госпожа дю Плесси, вы были так прекрасны, когда единственным вашим одеянием были волосы, глаза смотрели, точно у загнанной пантеры, а спину украшали следы жестокостей моего доброго друга д'Эскренвиля... Все это вместе взятое шло вам куда больше, чем ваша теперешняя мещанская спесь. А если добавить, что тогда вокруг вашего чела сиял еще и ореол любовницы короля Франции, то вы, бесспорно, стоили тех немалых денег, которые я за вас заплатил.

Анжелика злилась. Он выводил ее из себя, бросая ей в лицо ненавистное звание, которым она была обязана лишь клевете придворных и, главное, — сравнивая ее прежний облик с нынешним и давая понять, что раньше она была красивее. Ну и мужлан! Ее охватила ярость.

— Ах, вот оно что! Вам недостает отметин на моей спине? Тогда смотрите сюда! Смотрите, что слуги короля сделали с его так называемой любовницей!

Она принялась остервенело, всеми десятью пальцами рвать шнуровку своего корсажа, распустила ее, стянула книзу рубашку и обнажила плечо.

— Смотрите, — повторила она. — Они заклеили меня королевской лилией!

Рескатор встал и подошел к ней. Он осмотрел след от раскаленного железа с вниманием ученого, исследующего некую интересную редкость. При этом он ничем не выказал чувств, которые вызвало у него ее признание.

— В самом деле, — сказал он наконец. — А гугеноты знают, что приютили у себя висельницу?

Анжелика уже жалела о своем необдуманном поступке. Палец Рескатора как бы между прочим гладил маленький, жесткий шрам, но даже от одного этого легкого прикосновения ее бросало в дрожь. Она попыталась было вновь стянуть на себе рубашку и корсаж, однако он удержал ее, крепко стиснув ее руки выше локтей.

— Они знают об этом?

— Один из них знает.

— Во французском королевстве клеймят только проституток и преступниц.

Она могла бы сказать ему, что клеймят также и гугенотов и что ее приняли за одну из них. Но ею уже начала овладевать паника. Та самая, столь хорошо знакомая ей паника, которая парализовала ее всякий раз, когда ее пытался обнять желающий ее мужчина.

— Ах, да какая вам разница! — сказала она, пытаясь освободиться. — Думайте обо мне все, что вам угодно, только отпустите меня.

Однако он вдруг прижал ее к себе, как в первый вечер после отплытия, прижал так тесно, что она не могла ни поднять голову к его жесткой кожаной маске, ни упереться ладонями ему в грудь, чтобы оттолкнуть его. Он сжимал ее только одной рукой, но рука эта была тверда, как стальной обруч.

Другой рукой он коснулся горла Анжелики и его пальцы медленно скользнули вниз, к ее груди, угадывающейся в раскрытом вороте рубашки.

— Вы надежно прячете свои сокровища, — прошептал он.

Прошло уже несколько лет с тех пор, когда ее в последний раз ласкал мужчина, и притом ласкал столь дерзко. Она вся напряглась под прикосновением его властной руки, которая со спокойной неторопливостью удостоверялась в том, что ее тело нисколько не утратило своей красоты.

Ласки Рескатора сделались еще настойчивее; он знал свою власть над женщинами. Анжелика была не в силах пошевелиться и едва дышала. С нею произошло что-то странное: по ее телу вдруг разлился жар, и в то же время ей показалось, что сейчас она умрет.

Однако внутреннее противодействие оказалось сильнее. Она с трудом

выговорила:

— Оставьте меня! Отпустите!

Ее запрокинутое лицо исказилось, точно от боли.

— Я внушаю вам такой ужас? — спросил Рескатор.

Он больше не прижимал ее к себе.

Она попятилась к стене и бессильно прислонилась к ней спиной. Корсар изучающе смотрел на нее, и она догадалась, что он озадачен чрезмерностью ее реакции.

Опять, опять она повела себя как помешанная, а ведь прежде такого за ней не водилось...

«Ты уже никогда не станешь настоящей женщиной», — разочарованно шепнул ей внутренний голос. Но она тотчас одернула себя: «В объятиях этого пирата? Ну нет, никогда! Он уже столько раз демонстрировал мне свое презрение. Вероятно, подобное сочетание грубости и ласк обеспечивало ему успех у женщин Востока, но мне эта формула не подходит. Если бы я запуталась в его сетях, он превратил бы меня в презренную тварь, в жалкую развратницу... Нет, я и без него уже достаточно натерпелась из-за своих ошибок».

Но как ни странно, чувство разочарования не проходило. «А ведь, пожалуй, он единственный, кто смог бы...»

Что это было, что с нею сейчас произошло? Этот сладкий трепет, который она ощутила при прикосновении нежных умелых мужских пальцев... ведь она его узнала: это было пробуждение чувственности, желание предаться страсти... С ним ей не было бы страшно, она была в этом уверена. Однако, глядя в ее глаза, он наверняка увидел в них ужас — а того, что этот ужас внушен не им, он не знал.

Она и сейчас еще не осмеливалась поднять на него глаза.

Как человек умный, Рескатор, похоже, принял свою неудачу философски.

— Честное слово, вы пугливее девственницы. Кто бы мог подумать?

Он оперся о стол и скрестил руки на груди.

— Впрочем, это не может служить вам извинением. Ваш отказ чреват серьезными последствиями. Итак, как же все-таки насчет нашей сделки?

— Какой сделки?

— Когда вы явились ко мне в Ла-Рошели, из ваших слов я понял, что если возьму на борт ваших друзей, то вы в качестве платы вернете мне рабыню, которой я не смог воспользоваться сообразно своим прихотям и правам.

Анжелика почувствовала себя виноватой, словно она была торговцем,

который пытается обойти условия контракта.

Когда она бежала по ландам под хлестким дождем, одержимая единственной мыслью — вырвать своих гонимых, обреченных друзей из этой проклятой страны, она понимала, что, обращаясь за помощью к Рескатору, тем самым предлагает ему себя. Тогда все казалось ей легким и простым. Главное — бежать, а остальное не имело значения.

Теперь он давал ей понять, что настало время заплатить долг.

— Но... вы же сказали, что я вам не нравлюсь? — сказала она с надеждой.

Услышав эти слова, Рескатор от души рассмеялся.

— Женские плутни и вероломство всегда найдут доводы в свое оправдание, пусть даже самые неожиданные, — проговорил он между двумя взрывами хриплого хохота, от которого Анжелике сделалось не по себе. — Дорогая моя, здесь я хозяин! Я могу позволить себе менять свои мнения обо всем, в том числе о вашей особе. В гневе вы довольно соблазнительны, и в вашей порывистости есть своя прелесть. Признаюсь, я уже несколько минут мечтаю избавить вас от чепца и от этой вашей дерюги, чтобы еще больше обнажить то, что вы сейчас столь любезно мне показали.

— Нет, — сказала Анжелика, запахнув на груди плащ.

— Нет?

Он приблизился к ней с напускным безразличием. Какая тяжелая, какая неумолимая у него поступь! При всей непринужденности манер, отличавшей его от чопорного идадьго, человек он был железный. Порой это забывалось. Он отлично умел забавлять, развлекать. Но затем вновь проявлялась его суровая непреклонность, и тогда Анжелике становилось страшно.

Сейчас она чувствовала, что всей ее силы: и физической, и нравственной — не хватит, чтобы противостоять ему.

— Не надо, — сказала она торопливо. — Это невозможно! Вы чтите законы ислама — вспомните же, что они запрещают обладать женщиной, имеющей мужа. Я уже дала слово одному из моих спутников. Мы собираемся пожениться... через несколько дней... здесь, на корабле.

Она говорила первое, что приходило в голову. Ей нужно было срочно, немедленно воздвигнуть стену между ним и собой. Сверх всякого ожидания ее слова как будто достигли цели.

Рескатор резко остановился.

— Вы сказали: одному из ваших спутников? Тому, который ранен?

— Да... да.

— Тому, который знает?

— Что знает?

— Что вы заклеямены.

— Да, ему.

— Черт побери! Для кальвиниста он человек смелый! Жениться на такой потаскухе!

Эта вспышка поразила Анжелику. Она ожидала, что он встретит ее сообщение какой-нибудь циничной насмешкой. А он, кажется, был глубоко задет.

«Это потому, что я заговорила о законах ислама, которые ему, должно быть, дороги», — подумала она.

Словно прочитав ее мысли, он яростно бросил:

— Законы ислама мне так же безразличны, как и законы христианских стран, откуда вы бежите.

— Вы святотатствуете, — испуганно сказала Анжелика. — вспомните: разве вы только что не признали, что мы спаслись от бури только благодаря Божьей милости?

— Бог, которому я возношу благодарность, имеет лишь отдаленное сходство с богом — соучастником несправедливостей и жестокостей вашего мира... Вашего прогнившего Старого Света... — со злостью добавил он.

Эта резкая обличительная речь несколько не напоминала его обычную манеру разговора. «Я его задела», — опять подумала Анжелика.

Она была ошеломлена этим, чувствуя себя как Давид, неожиданно для себя поразивший Голиафа при помощи жалкой пращи.

Рескатор опять устало опустился в кресло у стола и, взяв из ларца тяжелое ожерелье, начал рассеянно пропускать жемчужины между пальцами.

— Вы давно его знаете?

— Кого?

— Вашего будущего супруга.

В его голосе опять зазвучал сарказм.

— Да... давно.

— Несколько лет?

— Несколько лет, — ответила она, на миг припомнив молодого всадника-протестанта, который любезно подсадил ее к себе в седло на дороге из Парижа в Шарантон, пятнадцать лет назад, когда она, оборванная, босоногая нищенка, пыталась разыскать цыган, похитивших ее маленького Кантора.

— Он отец вашей дочери?

— Нет.

— Даже так!

Рескатор издевательски рассмеялся.

— Вы знаете его несколько лет, но это все же не помешало вам завести ребенка от красивого рыжего любовника!

Анжелика не сразу сообразила, что он имеет в виду. «Какой рыжий любовник?..»

Потом кровь бросилась ей в лицо, и ей лишь с трудом удалось сохранить самообладание. Глаза ее метали молнии.

— Вы не имеете права так со мною разговаривать! Вы ничего не знаете о моей жизни, не знаете, при каких обстоятельствах я познакомилась с мэтром Берном... При каких обстоятельствах у меня появилась дочь... По какому праву вы оскорбляете меня? По какому праву вы допрашиваете меня, как... как полицейский?

— Я имею на вас все права.

Он сказал это бесстрастно, мрачным тоном, который, однако, испугал Анжелику куда больше, чем любые угрозы. «Я имею на вас все права...»

В его словах ей чудилось что-то неотвратимое, они звучали, словно голос рока. Анжелика все яснее осознавала, что этот человек, Рескатор, держит ее в руках, и что отмахиваться от сказанного им, как она это делала прежде, ей уже больше нельзя.

«Но я все равно от него убегу... Мэтр Берн защитит меня!»

И она огляделась вокруг с ощущением, что все это не явь, а сон, и что она очутилась где-то вне времени и вне реального мира.

Глава 6

Бледный свет брезжущего дня с трудом пробивался сквозь толстые стекла в оконном переплете. Комната по-прежнему была погружена в полумрак, и это придавало их беседе оттенок то таинственный, то зловещий. Теперь, когда Рескатор отошел от нее, Анжелике казалось, что он похож на какой-то мрачный, темный призрак. Единственным светлым пятном были его руки, перебиравшие нить жемчуга, неярко поблескивающую в полутьме.

И тут она неожиданно поняла, почему сегодня он показался ей каким-то другим, не таким, как прежде.

Он сбрил бороду. Это был он и в то же время словно бы и не он.

У Анжелики упало сердце, как в тот вечер после отплытия, когда у нее вдруг мелькнула безумная мысль, что Рескатор — это Жоффрей. И ею вновь овладел безотчетный страх оттого, что она находится здесь, с человеком, которого не понимает и которому дана способность так ее околдовать.

Этот человек принесет ей невероятные страдания...

Она с видом затравленного зверька посмотрела на дверь.

— Позвольте мне уйти, — произнесла она чуть слышно. Он как будто не расслышал ее, потом поднял голову.

— Анжелика...

Его приглушенный голос показался ей эхом какого-то другого голоса.

— Как вы далеки! Никогда уже мне до вас не достучаться...

Она замерла, широко раскрыв глаза. Почему он заговорил с ней так тихо и печально? Она вдруг ощутила пустоту в груди. Ноги словно приросли к ковру. Ей хотелось бегом броситься к двери, чтобы спастись от колдовских чар, которыми — она это чувствовала — он сейчас опутает ее, но она не могла шелохнуться.

— Прощу вас, позвольте мне уйти, — взмолилась она снова.

— Нет, нам все-таки надо покончить с этим нелепым положением. Для этого я и хотел поговорить с вами нынче утром, но разговор у нас отклонился в сторону. А теперь все стало еще нелепее, чем прежде.

— Я вас не понимаю... не понимаю, о чем вы говорите.

— А еще толкуют о женской интуиции, о голосе сердца... Что ж, самое меньшее, что тут можно сказать — вы таких качеств начисто лишены. А теперь перейдем к делу. Госпожа дю Плесси, когда вы прибыли в Кандию,

одни утверждали, что вы отправились в путешествие для устройства каких-то дел, другие — что выплыли к любовнику. Были также и третьи — эти говорили, будто вы разыскиваете одного из ваших мужей. Скажите, какая из трех версий верна?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— О, отвечайте, — нетерпеливо сказал он. — Я вижу — вы намерены сражаться со мной до последнего. Вы умираете от страха, но полны решимости не сдаваться. Чего же вы боитесь? Какие страшные тайны могут, по-вашему, открыть мои вопросы?

— Я... сама не знаю.

— Право же, вы с вашим хладнокровием могли бы придумать ответ и получше. Впрочем, с другой стороны, он доказывает, что вы начинаете догадываться, к чему я клоню... Госпожа дю Плесси, ответьте мне: вы нашли мужа, которого искали?

Она отрицательно покачала головой, не в силах выговорить ни слова.

— Нет?... А между тем я, Рескатор, который на Средиземном море знал все про всех, могу вам поклясться, что однажды он был от вас совсем близко.

Внутри у Анжелики все оборвалось, ноги стали как ватные. Почти не отдавая себе отчета в своих словах, она крикнула:

— Нет, нет, это не правда... Этого не может быть! Если бы он оказался рядом, я узнала бы его среди тысячи!

— А вот тут вы ошибаетесь! Смотрите...

Глава 7

Рескатор поднес руки к затылку.

И прежде чем до Анжелики дошло, зачем он это сделал, кожаная маска оказалась у него на коленях и он обратил к ней открытое лицо.

Она вскрикнула от ужаса и закрыла глаза руками. Она помнила, что рассказывали о Рескаторе на Средиземном море: что он носит маску, потому что у него отрезан нос, и ее движение было продиктовано страхом увидеть это безносое лицо.

— Что с вами?

Она услышала, как он встал и подошел к ней.

— Рескатор без маски не очень-то красив? Что ж, согласен. И все же... Неужели правда настолько для вас непереносима, что вы не в состоянии посмотреть ей в лицо?

Пальцы Анжелики медленно скользнули вниз по щекам. Стоявший рядом с нею мужчина был ей незнаком, и тем не менее она его знала.

Она облегченно вздохнула: по крайней мере, нос у него не отрезан.

Его пронзительные блестящие черные глаза под густыми бровями остались такими же, как и в прорезях маски; черты лица были четкие, резкие, на левой щеке — рубцы от старых ран. Эти отметины, слегка деформировавшие лицо, только делали его выразительнее, устрашающего же в нем не было ничего.

Когда он заговорил, его голос был голосом Рескатора.

— Не смотрите на меня так!.. Я не призрак... Подойдите сюда, к свету... Да полно же, не может быть, чтобы вы меня не узнали...

Он нетерпеливо повел ее к окну, и она безропотно подчинилась, все так же не отрывая от него расширенных глаз, в которых застыло непонимание.

— Посмотрите на меня внимательно... Неужели эти шрамы не будят в вас никаких воспоминаний? Или ваша память так же иссохла, как и ваше сердце?

— Почему, — прошептала она, — почему вы сейчас сказали, что в Кандии... он был от меня совсем близко?..

В его устремленных на нее черных глазах отразилось беспокойство. Он резко встряхнул ее.

— Да очнитесь же! Не притворяйтесь, будто вы меня не понимаете. В Кандии я был от вас совсем близко. В маске, это верно. Вы тогда не узнали

меня, а я не успел открыть вам, кто я. Но сегодня?.. Вы ослепли... или сошли с ума?

«Да, сошла с ума...» — подумала Анжелика. Ибо перед нею стоял мужчина, осмелившийся с помощью каких-то дьявольских чар присвоить себе лицо Жоффрея де Пейрака.

Это лицо, такое любимое, жгучую память о котором она долгие годы хранила в своем сердце, в конце концов все же заволокло мглой забвения, ибо у Анжелики никогда не было портрета, который мог бы напомнить ей дорогие черты.

Теперь же произошло обратное: его облик вдруг воссоздался перед ней с ошеломляющей точностью. Тонкий, правильный нос, полные, насмешливые губы, точеные контуры скул и подбородка, четко выступающие под матовой, как у многих уроженцев Аквитании кожей, и знакомые линии шрамов, по которым она давным-давно, в ушедшие времена, иногда ласково проводила пальцем.

— Вы не имеете права делать этого, — сказала она беззвучным голосом. — Вы не имеете права придавать себе сходство с ним, чтобы обмануть меня.

— Перестаньте бредить... Почему вы отказываетесь узнать меня?

— Нет, нет, вы не... он. У него были такие волосы... да, длинные, пышные, черные волосы, обрамлявшие лицо.

— Мои волосы? Я уже давным-давно велел остричь эту гриву — она мне мешала. Моряку длинная прическа не подходит.

— Но он... он был хромым! — вскричала Анжелика. — Можно остричь волосы, скрыть под маской лицо, но нельзя короткую ногу сделать длиннее.

— И тем не менее мне повстречался хирург, которому удалось сотворить со мной это чудо. Хирург в красном... вы тоже имели счастье с ним познакомиться!

И так как она, ничего не понимая, молчала, он бросил ей:

— Палач!

Теперь он шагал взад и вперед по каюте и говорил, будто беседуя с самим собой:

— Мэтр Обен, палач, производитель публичных казней, а также и иных, менее славных и более грязных дел в городе Париже. О, это человек весьма искусный! Вот кто сумеет мастерски разорвать вам нервы и мышцы и вернуть вас на путь истинный, которым повелел следовать наш король. Моя хромота была вызвана стяжением сухожилий на задней

стороне колена. После трех сеансов на дыбе ^[11] это место превратилось в сплошную рваную рану и больная нога наконец-то сравнялась по длине со здоровой. Какой же у нас превосходный палач и какой добрый король! Разумеется, сказать, что преобразование произошло тотчас, значило бы солгать. Завершением этого произведения искусства, столь блестяще начатого палачом, я обязал прежде всего моему другу Абд-эль-Мешрату. Зато теперь я знаю, что с небольшим вкладышем внутри сапога моя походка почти ничем не отличается от походки других людей. Когда после тридцати лет хромоты чувствуешь, что твердо стоишь на ногах, это ощущение весьма приятно.

В жизни не думал, что мне когда-нибудь выпадет счастье его испытать. Нормальная походка, которую огромное большинство людей воспринимают как нечто само собой разумеющееся, для меня — каждодневная радость... мне нравилось прыгать, выделывать акробатические трюки. Я мог свободно предаваться всему тому, чего так хотелось сначала мальчику-калеке, потом — мужчине, вид которого отталкивал. Тем более, что ремесло моряка предоставляет для этого много возможностей.

Он говорил как бы для самого себя, но его пронзительный взгляд ни на миг не отрывался от покрытого восковой бледностью лица Анжелики. Она продолжала смотреть на него так, словно ничего не слышит, не понимает. Он предполагал, что когда он откроет ей, кто он, она будет потрясена и подавлена, но то, что он наблюдал сейчас, далеко превосходило самые мрачные его ожидания.

Наконец губы Анжелики дрогнули.

— А голос?.. Как можете вы утверждать... У него был удивительный, несравненный голос. Что-что, а его я помню очень ясно...

В ее ушах необычайно явственно звучал тот голос из далекого прошлого.

Напротив нее, у другого конца длинного банкетного стола, стоит человек в красном бархатном камзоле; его лицо обрамлено роскошной черной шевелюрой, белые зубы сверкают в улыбке, и под сводами старинного дворца в Тулузе звенит его волшебное бельканто...

Ах, как ясно она сейчас слышит его! Даже голова болит от отдающихся в ней звуков... На миг Анжелика снова ощутила то восторженное исступление, которым некогда наполняло ее душу пение Жоффрея, и ее охватила невыносимая тоска по тому, что было... и по тому, что не сбылось...

— Где его голос? Где Золотой голос королевства?

— МЕРТВ!

Из-за горечи, с которой он произнес это слово, его голос еще мучительнее резанул слух Анжелики. Нет, она никогда не сможет связать это лицо с этим голосом.

Рескатор остановился перед нею и заговорил снова — более мягко, почти с нежностью:

— Помните, в Кандии я сказал вам, что некогда сорвал голос, потому что позвал того, кто был от меня очень далеко — Бога... И в обмен на голос он дал мне то, что я у него просил — жизнь... Это произошло на паперти Собора Парижской Богоматери. Тогда я был уверен, что пришел мой смертный час... и я воззвал к Богу. Воззвал слишком громко, хотя к тому времени у меня уже не осталось сил... И мой голос сорвался — навсегда... Что ж. Бог дал. Бог взял. За все надо платить...

Сомнения вдруг оставили Анжелику. Его слова воскресили перед ней ту страшную и незабываемую картину, которая принадлежала только им двоим: смертник в длинной рубахе, с веревкой на шее, стоит на паперти Собора Парижской Богоматери, куда его привезли для публичного покаяния перед казнью пятнадцать лет назад.

Этот несчастный, доведенный до последней степени изнеможения, так что палачу и священнику приходилось поддерживать его, чтобы он не упал, был одним из звеньев невероятной цепи обстоятельств, соединяющей блестящего тулузского сеньора с тем пиратом, который стоял перед нею сейчас.

— Но в таком случае... — проговорила она, — и в голосе ее послышалось несказанное изумление, — вы... мой муж?

— Я был вашим мужем... Но что от этого осталось сейчас? Мне кажется — немногое.

Его губы тронула чуть заметная усмешка, и Анжелика тут же его узнала.

Вопль, который она так часто издавала в мыслях: «Он жив!» снова переполнил ее сердце, однако теперь в нем звучали тягостные предчувствия, разочарование. А радости, той радости, что ослепительным светом вспыхивала в ней прежде и столько лет питала ее мечты, не было совсем...

«Он жив... Но в то же время он мертв: человек, который любил меня... который пел, а теперь не может больше петь. И эту любовь... и эти песни — ничто уже их не воскресит... Никогда».

У Анжелики стеснилось в груди, словно ее сердце и впрямь готово

было разорваться. Она попыталась глубоко вздохнуть, но не смогла. Черная бездна поглотила ее, но и на пороге беспамятства ее не покинуло ощущение, что с нею произошло нечто страшное и вместе с тем — прекрасное.

Глава 8

Когда она пришла в себя, это ощущение владело ею безраздельно. Ощущение непоправимой катастрофы и в то же время — невыразимого счастья, от которого все ее существо то пронизывал холод, то охватывало чудесное тепло, и душа то наполнялась мраком, то озарялась сияющим светом. Она открыла глаза.

Счастье было здесь, перед нею, в облике человека, стоящего у ее изголовья, в лице, которое она больше не отказывалась узнать.

Лицо мужчины зрелого возраста, суровое, с резкими чертами, кажущееся более правильным из-за того, что шрамы на левой щеке несколько сгладились — да, это был он, Жоффрей де Пейрак!

Тягостнее всего было то, что он не улыбался.

Он смотрел на нее бесстрастно и с выражением такого отчуждения, словно теперь уже он не узнавал ее. Однако затуманенное сознание Анжелики упрямо цеплялось за мысль о том, что чудо, о котором она столько мечтала, свершилось — и она безотчетно потянулась к нему.

Он слегка поднял руку, останавливая ее.

— Прошу вас, сударыня, не считайте себя обязанной изображать страсть, которая, возможно, — я этого не отрицаю — некогда жила в нас, но которая давно уже угасла в наших сердцах.

Анжелика застыла, как будто он ее ударил. Время шло, и в наступившей тишине она вдруг очень явственно расслышала похожий на раздирающее стенание вой ветра в вантах и парусах, и этот тоскливый звук мучительно отдался в ее сердце.

Когда он произносил свои последние слова, на его лице промелькнуло то же высокомерное выражение, что и у могущественного тулузского сеньора былых времен. И Анжелика узнала того знатного сеньора в его нынешнем обличье искателя приключений. Это был он, ОН!

Должно быть, она смертельно побледнела.

Он подошел к шкафчику в глубине салона и открыл дверцу. Со спины это был всего лишь ее знакомец Рескатор, и на мгновение в душе Анжелики забрезжила надежда, что все это только дурной сон. Но он вновь приблизился к ней, и в полусвете полярной зари неумолимый рок опять явил ее взору забытое лицо ее мужа.

Он протянул ей бокал.

— Выпейте коньяку.

Она отрицательно мотнула головой.

— Выпейте, — настойчиво повторил он все тем же суровым, хриплым голосом.

Чтобы не слышать больше этого голоса, она залпом осушила бокал.

— Теперь вам лучше? Но почему вам стало дурно?

От проглоченного коньяка у Анжелики захватило дух, она закашлялась и не сразу смогла отдышаться. Его вопрос помог ей немного собраться с мыслями.

— Вы спрашиваете — почему? Узнать, что человек, которого я оплакивала столько лет, жив, что он стоит передо мною — и вы еще хотите, чтобы я...

На смуглом лице на миг блеснули по-прежнему белые, великолепные зубы. Это в самом деле была улыбка Жоффрея, последнего из трубадуров, но омраченная то ли грустью, то ли разочарованием.

— Пятнадцать лет, сударыня! Вдумайтесь в это! Пытаться обмануть себя было бы с нашей стороны недостойной и глупой комедией. За эти годы оба мы — и вы и я — прожили иную жизнь и познали иные увлечения.

Правда, которой она упорно отказывалась посмотреть в лицо, внезапно пронзила ее, словно холодный, острый кинжал.

Она нашла его, но он ее больше не любит! Много-много лет она представляла его себе в мечтах, и ей всегда виделось одно и то же — как он протягивает к ней руки. Ее мечты — теперь она это ясно понимала — были всего лишь пустыми фантазиями, наивными, как и большинство женских фантазий. Жизнь высекает свои письмена на твердом камне, а не на мягком воске, из которого лепятся бесхитростные мечтания. Ее запечатлевают удары острого, тяжелого резца, безжалостные, причиняющие боль.

«Пятнадцать лет, сударыня! Вдумайтесь в это!»

Он любил других женщин...

Может быть, он женился? На женщине, которую полюбил страстно, гораздо сильнее, чем когда-то любил ее?

На ее висках выступил холодный пот. Ей показалось, что еще немного — и она снова потеряет сознание.

— Почему вы открылись мне сегодня?

Он приглушенно засмеялся.

— В самом деле — почему именно сегодня, а не вчера и не завтра? Я уже сказал вам: чтобы покончить с тем нелепым положением, в котором мы оказались. Я ждал: быть может, вы меня все-таки узнаете, однако

пришлось признать, что вы тихо и окончательно похоронили память обо мне, ибо вашу душу явно не смущали никакие, даже самые легкие сомнения. Вы расточали свои заботы вашему дорогому раненому гугеноту и его детям и, право же, хотя ни один муж, пожалуй, не имел такой блестящей возможности понаблюдать, оставаясь неузнанным, за поведением своей ветреной супруги, эта комедия в конце концов все же показалась мне чересчур сомнительной. Или же я, по-вашему, должен был ждать, пока вы явитесь ко мне, как к капитану корабля и единственному здесь хозяину, а значит — и единственному представителю закона, дабы просить меня сочетать вас браком с этим торговцем? Этак мы завели бы нашу шутку слишком далеко, не правда ли... госпожа де Пейрак?

И он рассмеялся своим хриплым смехом, который Анжелика уже была не в состоянии выносить.

— Замолчите! — крикнула она, затыкая уши. — Все это ужасно...

— Не смею возражать. Вот уж действительно крик души — откровеннее не бывает.

Он продолжал иронизировать. Ему было нипочем то, что, словно ураган, рвало и крушило ее сердце. Еще бы, ведь он успел давно свыкнуться со всем этим — как-никак он уже в Кандии знал, кто она такая. И потом — эта история, конечно, мало его волнует. Ведь тот, кто больше не любит, смотрит на вещи так просто...

К тому же при всей двусмысленности и драматичности их положения он в душе наверняка над ним потешается.

И в этом Анжелика тоже узнавала прежнего графа де Пейрака. Разве не смеялся он в зале суда, зная, что ему грозит костер!..

— Мне кажется, я сойду с ума! — простонала она, ломая руки.

— Не сойдете.

И как бы для того, чтобы ее успокоить, он заговорил с нарочитым безразличием:

— Не тревожьтесь, уж кому-кому, а вам не сойти с ума из-за такой малости. Полноте, ведь вы и не то еще выдвигали, и все же остались в здравом рассудке. Женщина, которая не уступила Мулею Исмаилу... Единственная, христианская пленница, которой когда-либо удалось бежать из гарема и из султаната Марокко... Правда, в этом вам помог ваш храбрый спутник... этот легендарный король рабов... как бишь его звали? Ах да: Колен Патюрель.

Задумчиво глядя на нее, он повторил:

— Колен Патюрель...

Это имя и странный тон, которым оно было произнесено, проникли

сквозь туман, все еще застилавший сознание Анжелики.

— Почему вы вдруг заговорили о Колене Патюреле?

— Чтобы освежить вашу память.

Взгляд его горящих черных глаз притягивал к себе ее взгляд. В нем была неодолимая магнетическая сила, и несколько мгновений Анжелика была не в силах отвести глаза, точно птичка под завораживающим взглядом змеи. В ее мозгу молнией вспыхнула догадка:

«Значит, он знает, что Колен Патюрель любил меня... и что я любила его».

Ей стало страшно и больно. Вся ее жизнь представилась ей вереницей непоправимых ошибок, за которые теперь ей придется дорого платить.

«Да, у меня были другие увлечения... но они же ничего не значат!» — хотелось ей крикнуть с неподражаемой женской непоследовательностью.

Как растолковать ему это? Любые ее объяснения прозвучали бы путанно и неуклюже...

Плечи Анжелики поникли, словно на них каменной тяжестью легла вся ее прежняя, грешная жизнь.

Подавленная, она уронила голову и закрыла лицо руками.

— Вы же видите, моя дорогая, — уверения ничего вам не дадут, — пророкотал его глухой голос, по-прежнему казавшийся ей голосом незнакомца. — Повторяю вам: я не охотник до лживых комедий, которые вы, женщины, умеете так великолепно разыгрывать. Я предпочитаю видеть вас откровенно циничной — такой же, как я сам. А чтобы вполне вас успокоить, я даже скажу, что понимаю ваше потрясение. Какая ужасная неприятность: готовишься вступить в законный брак с новым избранником сердца, и вдруг объявляется давно забытый муж и в довершение всех бед, кажется, требует у тебя отчета. Не тревожьтесь — у меня этого и в мыслях нет. Разве я сказал, что буду препятствовать вашим матримониальным планам, раз уж вы так ими дорожите?

Ничто не могло бы оскорбить Анжелику больше, чем это демонстративное проявление супружеской терпимости. Спокойно допустив, что она станет женой другого, он как нельзя более ясно показал — она теперь ему безразлична и он готов с легким сердцем пойти на то, что ей кажется богомерзкой ересью. Он превратился в закоренелого беспутного грешника. Нет, это немыслимо, невозможно! Он безумен — или это она сходит с ума?

Острое чувство унижения помогло ей овладеть собой. Она выпрямилась и устремила на него полный высокомерия взгляд, машинально сжав при этом руку, на которой когда-то носила обручальное

кольцо.

— Сударь, для меня ваши слова лишены смысла. Пусть прошло пятнадцать лет — но поскольку вы живы, я все равно остаюсь вашей женой, если не перед людьми, то перед Богом.

На миг черты Рескатора исказило волнение. В этой женщине, которую он отказывался признать своей женой, он вдруг снова увидел ту неприступную молодую девушку из знатного рода, которая много лет назад с таким упрямым и напряженным видом вошла в его тулузский дворец.

Более того, на мгновение перед ним предстал ослепительный образ блестящей светской дамы, какой она была в Версале. «Самая прекрасная из придворных дам, — рассказывали ему, — больше королева, чем сама королева».

В один момент он мысленно сорвал с нее тяжелые, грубые одежды и представил ее себе во всем блеске, в ярком свете люстр, с обнаженной, белой как снег спиной и безукоризненными плечами, с драгоценным ожерельем на шее, представил, как она горделиво выпрямляется — так же грациозно и надменно, как сейчас.

И это было невыносимо...

Он встал — вопреки всем его стараниям сохранить невозмутимость он чувствовал, что потрясен до глубины души.

Однако, когда после долгого молчания он снова обернулся к Анжелике, его лицо было все так же сурово и непроницаемо.

— Вы правы, — согласился он. — Вы действительно единственная женщина, которую я когда-либо брал в жены. Однако вы, как я слышал, не последовали моему примеру и очень быстро нашли мне замену.

— Я считала, что вы умерли.

— Плесси-Белльер, — произнес он медленно, будто пытаясь что-то припомнить. — Я до сих пор не жалею на память и вспоминаю, что вы рассказывали мне об этом вашем драгоценном кузене, известном красавце, в которого вы были немножко влюблены. И как превосходно все сложилось! Освободившись от мужа, навязанного вам отцом, и к тому же хромого и неудачливого, вы смогли наконец исполнить мечту, которую давно лелеяли в тайниках сердца.

Анжелика безотчетно поднесла к губам сложенные как для молитвы ладони. Она не верила своим ушам:

— Неужели вы могли так думать о той любви, в которой я вам поклялась? — горестно сказала она.

— Вы были очень молоды... Какое-то время я вас развлекал. И не

стану отрицать — вы были самой очаровательной супругой, какую только можно пожелать. Но я никогда — даже в те времена — не думал, что вы созданы для верности... Но оставим это... На мой взгляд, разбирать прошлое бессмысленно. Пытаться воскресить его — бесполезно. Однако, как вы мне только что заметили, вы все еще моя жена, и на этом основании я хочу задать вам несколько вопросов, которые касаются не только нас, но и других, тех, чьи интересы важнее, чем наши.

Его черные брови сдвинулись, глаза потемнели. Порой, в минуты веселья, пусть даже напускного, они казались почти золотистыми, но гнев или подозрение делали их взгляд мрачным и пронизывающим. Анжелика узнавала эту игру его лица, которое некогда так ее завораживало. «Да, это он, в самом деле он», — говорила она себе, изнемогая от рожденного этим открытием чувства и не понимая, что это — отчаяние или радость.

— Что вы сделали с моими сыновьями? Где мои сыновья?

Она растерянно переспросила:

— Ваши сыновья?

— Мне кажется, я выразился достаточно ясно. Да, мои сыновья. И ваши тоже! Те, чьим отцом, по-видимому, являюсь я. Старший, Флоримон, родившийся в Тулузе, в Отеле Веселой Науки. И второй, которого я не видел, но о существовании которого знаю — Кантор. Где они? Где вы их оставили? Не знаю почему, но мне представлялось, что я найду их среди тех гонимых беглецов, которых вы попросили меня взять на корабль. Мать, спасающая своих сыновей от несправедливой судьбы, — вот роль, за которую я наверняка был бы вам благодарен. Но ни один из плывущих с вами подростков не может быть моим сыном — ни по внешности, ни по возрасту. Кроме того, вы, как я заметил, занимаетесь только вашей дочерью. А где же они? Почему вы не взяли их с собой? С кем оставили? Кто заботится о них?

Глава 9

Ответить было для нее крестной мукой — ведь она должна подтвердить, что ее двух веселых мальчиков с ней больше нет, что они навсегда сгинули. Это ради них она трудилась, ради них страдала. Она хотела избавить их от нужды, восстановить во всех правах. Она мечтала увидеть их высокими, красивыми, уверенными в себе, блестящими молодыми людьми... Но она никогда не увидит их взрослыми. Они тоже покинули ее.

Она с трудом проговорила:

— Флоримон... уехал... давно... Ему тогда было тринадцать. Я не знаю, что с ним случилось. Кантор... умер, когда ему было девять лет.

Это было сказано таким ровным, бесстрастным тоном, что можно было подумать, будто то, о чем она говорит, ей безразлично.

— Я ждал такого ответа. Он подтверждает мои догадки. Вот чего я никогда вам не прощу, — сказал Рескатор, гневно стиснув зубы, — равнодушия к судьбе моих сыновей! Они напоминали вам о том периоде вашей жизни, который вы желали забыть. И вы отдалили их от себя, чтобы они вам не мешали. Вы стремились к наслаждениям, искали любовных утех. И теперь без всякого волнения признаетесь, что о том из них, который, возможно, еще жив, вы ничего не знаете! Я многое мог бы вам простить, но это — нет, никогда!

Сначала Анжелика стояла, словно оглушенная, потом шагнула к нему, прямая, бледная как смерть.

Из всех обвинений, которые он ей бросил, это было самое страшное, самое несправедливое. Он упрекал ее в том, что она его забыла, и это была не правда. В том, что она его предала, и это — увы! — отчасти было правдой. В том, что она никогда его не любила, — это было чудовищно.

Но она не потерпит, чтобы ее называли плохой матерью, ее, которая ради сыновей подвергала себя таким опасностям, мукам и унижениям, что порой у нее возникало чувство, будто она отдает за них самую кровь из своих жил. Наверное, она не была очень нежной матерью, все свое время проводящей с детьми, но Флоримону и Кантору принадлежало самое заветное место в ее сердце. Рядом с ним... И он еще смеет ее упрекать! Столько лет проплавал по морям, не заботясь ни о ней, ни о детях, и только теперь — откуда что взялось — вдруг вздумал о них беспокоиться! Разве он вырвал их из нищеты, в которую ввергла невинных малюток его опала?

Сейчас она его спросит, по чьей вине гордый малыш Флоримон всегда был ребенком без имени, без титула, бесправнее любого незаконнорожденного? Она расскажет, при каких обстоятельствах погиб Кантор. Это случилось по его вине! Да, по его вине. Потому что это его пиратский корабль потопил французскую галеру, на которой находился юный пах герцога де Вивонна.

Анжелика задыхалась от возмущения и боли. Она уже открыла рот, собираясь высказать ему все, — но тут судно резко накренилось, подхваченное особенно высокой волной, и ей пришлось ухватиться за стол, чтобы не упасть. Она держалась на ногах не так твердо, как Рескатор, который, казалось, был припаян к палубе.

И этой короткой паузы ей хватило, чтобы удержать готовые сорваться с губ непоправимые слова. Может ли она открыть отцу, что он виноват в смерти сына?

Разве мало несчастий судьба уже обрушила на Жоффрея де Пейрака? Его приговорили к смерти, лишили состояния, вынудили покинуть родину, превратили в скитальца, не имеющего иных прав, кроме тех, которые он смог завоевать своей шпагой.

И в конце концов, живя по беспощадным законам тех, кто должен убивать, чтобы не быть убитым, он стал совершенно другим человеком. Она не вправе его за это винить. С ее стороны было младенческой наивностью думать, что он остался прежним — жестокая жизнь требовала от него иного... Судьба и так его обездолила — зачем же наносить ему еще один удар: говорить, что он погубил их ребенка?

Нет, она не скажет ему этого. Никогда! Но она сейчас же — пусть путанно, бессвязно — расскажет ему то, чего он, похоже, не желает знать. О своих горьких слезах, об ужасе, который пережила она, юная, неопытная женщина, вдруг оказавшаяся в пучине нищеты, всеми покинутая. Она не расскажет ему, как погиб Кантор, но расскажет, как он родился, — вечером того самого дня, когда вспыхнул костер на Гревской площади, и как она, бездомная, отверженная горемыка, шла по заснеженным улицам Парижа, толкая впереди себя тачку, из которой выглядывали посиневшие от холода круглые маленькие личики ее сыновей.

Возможно, тогда он поймет. Он судит ее так сурово только потому, что ничего не знает о ее жизни.

Но когда он все узнает — неужели останется таким же бесчувственным? Смогут ли ее слова разжечь искру, которая, возможно, еще тлеет под пеплом в сердце, сокрушенном бременем стольких утрат? Сердце таком же израненном, как и ее собственное...

Но она хотя бы сохранила в себе способность любить. Сейчас она

упадет перед ним на колени, будет умолять его. Она скажет ему все-все! Как она всегда любила его... Как пусто было ей без него, как все эти годы она продолжала смутно надеяться и мечтать, что когда-нибудь встретит его вновь. Разве, узнав, что он жив, не бросилась она безрассудно на его поиски, нарушив приказ короля и подвергнув себя бесчисленным опасностям?

Но тут она увидела, что внимание Рескатора обращено не к ней. Он с любопытством наблюдал за дверью салона, которая тихонько-тихонько приоткрывалась... Это было необычно — ведь ее бдительно охранял слуга-мавр. Кто же мог позволить себе войти к грозному хозяину без доклада? Ветер? Туман?

Снаружи дохнуло ледяным холодом, и в дверной проем клубами вплыл туман, тут же рассеявшийся от соприкосновения с теплым воздухом салона. Из-за этой неосязаемой завесы выступило крошечное существо: светло-зеленый атласный чепчик, огненно-рыжие волосы. Эти два ярких пятна с необыкновенной отчетливостью выделялись на фоне начинающейся за дверью серой мглы. За девочкой в зеленом чепчике стоял закутанный в бурнус сторож-мавр. Его черное лицо пожелтело от холода.

— Почему ты, позволил ей войти? — спросил Рескатор по-арабски.

— Ребенок искал мать.

Онорина подбежала к Анжелике.

— Мама, где ты была? Мама, пойдём!

Анжелика плохо видела ее. Она оторопело глядела на обращенное к ней круглое личико, на умные раскосые, черные глазки. И облик дочери вдруг показался ей таким чужим, несходство с нею самой столь разительным, что на какое-то мгновение в ней ожили давным-давно забытые чувства: отвращение к ребенку, которого она родила против воли, нежелание признать его, неприятие своей собственной крови, смешанной в этой девочке с грязной кровью насильника, яростное и бессильное возмущение против того, что с ней, Анжеликой, сделали, жгучий стыд.

— Мама, мама, всю ночь тебя не было! Мама!

Онорина настойчиво повторяла это слово — а ведь прежде она пользовалась им редко. Защитный инстинкт, безотчетная боязнь потерять то, что всегда безраздельно принадлежало ей одной, подсказали ей это необыкновенное слово, единственное слово, способное вернуть ей мать, вырвать ее из-под власти этого Черного человека, который позвал ее и запер в своем замке, полном сокровищ.

— Мама, мама!

Онорина была здесь. Онорина — олицетворение всех тех измен,

которые Жоффрей никогда ей не простит, печать, опечатавшая закрытые врата навек потерянного рая, — так некогда королевские печати на воротах Отеля Веселой Науки ознаменовали конец всего, чем она дотоле жила, всего, что составляло ее мир, ее счастье.

Картины минувшего и мучительные мысли о настоящем сливались в мозгу Анжелики воедино. Она взяла Онорину за руку.

Жоффрей де Пейрак смотрел на девочку. Мысленно он прикидывал ее возраст: три года? четыре?.. Стало быть, она не дочь маршала дю Плесси. Тогда чья? По его иронической, презрительной полуулыбке Анжелика догадалась, о чем он думает. Случайный любовник... «Красивый рыжий любовник!» Молва столько их приписывала ей, прекрасной маркизе дю Плесси, фаворитке короля... О рождении Онорины, как и о смерти Кантора, она тоже никогда не сможет сказать ему правду. Ее стыдливость восставала при одной мысли об этом. Сознаться в таком позоре — все равно что показать ему омерзительную язву, признак постыдной дурной болезни. Нет, она будет нести это в себе, навсегда скрыв, как скрывает глубокие шрамы, оставшиеся на ее теле и сердце... след от ожога, вылеченного Коленом Патюрелем и смерть маленького Шарля-Анри...

Онорина, рожденная от безымянного насильника, — это расплата за все мужские объятия, которым она, Анжелика, не противилась и которых искала сама.

Филипп, поцелуи короля, безыскусная и возвышенная страсть бедного нормандца Колена Патюреля, короля рабов, грубые, но веселые утехи с Дегре, утонченные ласки герцога де Вивонна. Ах да, она совсем забыла Ракоци... а в придачу к нему, наверное, и других...

Сколько лет прошло, сколько лет они оба прожили — вдали друг от друга, каждый по-своему... И того, что было, уже не забыть, не стереть.

Он непроизвольно поглаживал подбородок. Ему явно не доставало недавно сбритой бороды.

— Согласитесь, моя дорогая, — положение создалось весьма затруднительное.

Как может он сохранять этот иронический тон, когда она едва держится на ногах, так щемит у нее сердце...

— Мне хотелось прояснить его, но должен признать, что от моих попыток оно только еще больше запуталось... нас с вами все разделяет.

— Идем, мама! Ну идем же, мама, идем, — повторяла Онорина, дергая мать за юбку.

— Вы, конечно же, вовсе не стремитесь к воссоединению, о котором

несколько часов назад и не помышляли — ведь ваши мысли были целиком заняты другим...

— Мама, идем!

— Да замолчи ты! — крикнула ей Анжелика, чувствуя, что от всего этого кошмара у нее вот-вот расколется голова.

— Что касается меня...

Как бы взвешивая все «за» и «против», он обвел взглядом свою каюту с любовно подобранной дорогой мебелью и великолепными навигационными приборами — убранством, среди которого протекала его бурная, трудная, увлекательная жизнь, в которой не было места Анжелике.

— Я старый морской волк, привыкший к одиночеству. Если не считать нескольких недолгих лет супружества, проведенных в вашем прелестном обществе, женщины всегда играли в моей жизни лишь эпизодические роли. Возможно, узнав это, вы почувствуете себя польщенной. Однако холостяцкое житье породило склонности, которые не очень-то располагают к тому, чтобы опять влезть в шкуру примерного супруга. Корабль мой невелик, в апартаментах места мало. И я предлагаю вам вот что... Давайте на время путешествия соберем все наши карты обратно в колоду и будем считать, что партия закончилась вничью.

— Вничью?

— Останемся каждый на своем месте. Вы — госпожой Анжеликой, в компании своих друзей, а я — здесь у себя.

Итак, Жоффрей от нее отрекается, он ее отвергает... Судя по всему, она ему просто не нужна. И он отправляет ее к тем, кого в эти последние месяцы она привыкла считать своими близкими.

— Может быть, вы еще потребуете от меня забыть все, что вы мне сейчас открыли? — спросила она саркастически.

— Забыть? Нет. Но в любом случае — не разглашать.

— Идем, мама, — твердила Онорина, продолжая тянуть Анжелику к двери.

— Чем больше я над этим думаю, тем больше убеждаюсь, что не в ваших интересах говорить вашим друзьям, что вы, хотя и очень давно, были моей женой. Они могут вообразить, будто вы к тому же — моя сообщница.

— Ваша сообщница? В чем?

Он не ответил. Его лоб прочертила резкая складка — он о чем-то размышлял.

— Возвращайтесь к ним, — бросил он сухо, словно отдавая приказ. — Ничего им не рассказывайте. Это бесполезно. Впрочем, они, скорее всего,

просто решат, что вы не в своем уме. Пропавший и вновь обретенный муж увозит вас на своем корабле, не будучи тотчас же вами признанным, — согласитесь, такая история у любого вызовет сомнения.

Он повернулся к столу и взял кожаную маску, которая защищала его изрезанное шрамами лицо от укусов соленых брызг и взглядов шпионов.

— Не говорите им ничего. Пусть они ни о чем не догадываются. Тем более, что эти люди не внушают мне доверия.

Анжелика уже была у двери.

— Поверьте, это взаимно, — процедила она сквозь зубы.

Уже стоя на пороге, в дверном проеме, держа за руку Онорину, она вновь повернулась и впиалась в него жадным взглядом. Он снова надел маску — и это помогло ей яснее понять смысл его недавних слов.

Это был он и в то же время — другой человек, чужак. Жоффрей де Пейрак и Рескатор. Знатный сеньор-изгнанник и морской разбойник, которому пришлось расстаться с прежними привязанностями и жить только суровым настоящим.

Странно, но сейчас он казался ей более близким, чем минуту назад. Она чувствовала облегчение от того, что теперь может обращаться только к Рескатору.

— Мои друзья обеспокоены, монсеньор Рескатор, — сказала она, — потому что не понимают, куда вы их везете. Ведь это весьма необычно — не правда ли? — встретить льды неподалеку от Африки, где мы должны сейчас находиться.

Он подошел к черному мраморному глобусу, испещренному странными знаками. Положив на него руку — руку патриция, хотя теперь она была смугла, как у араба, — он медленно провел пальцем по инкрустированным золотом линиям. Наконец, после продолжительного молчания он словно вспомнил о ее присутствии и равнодушно ответил:

— Скажите им, что северный путь тоже ведет в Вест-Индию.

Глава 10

Граф Жоффрей де Пейрак, иначе — Рескатор, проскользнул в люк и быстро спустился по крутому трапу в трюм. Следуя за несущим фонарь мавром в белом бурнусе, он углубился в лабиринт узких коридоров.

Мерное покачивание нижней палубы под ногами подтверждало, что он был прав: опасность миновала. Хотя они шли в густом холодном тумане, который одел все реи и палубные надстройки тонким слоем инея, он знал — все будет хорошо. «Голдсборо» плыл по волнам легко, как судно, которому ничто не угрожает.

Он, Рескатор, отлично знал этот язык — знал, что означают различные скрипы и подрагивания корпуса и мачт — всего того, что составляет огромное тело его корабля, задуманного для плаваний в полярных морях и построенного по его собственным чертежам на главной верфи Северной Америки, в Бостоне.

Он шел, касаясь рукой влажного дерева, — не столько в поисках опоры, сколько для того, чтобы постоянно ощущать под ладонью могучий, способный противостоять любым опасностям корпус своего непобедимого корабля.

Он вдыхал его запахи: запах секвойи, привезенной с гор Кламат, из далекого Орегона, запах белой сосны с верховьев Кеннебека и с горы Катанден в Мэне — «его» Мэне — сладостные ароматы, которые не могла перебить проникавшая повсюду морская соль.

«Нигде в Европе нет такого прекрасного леса, как в Новом Свете», — подумал он.

Высота и мощь деревьев, великолепие сочной, глянцевитой листвы — все это стало для него подлинным откровением, когда он впервые увидел леса Америки — а ведь к тому времени его, казалось, уже трудно было чем-либо удивить.

«Открытие мира бесконечно. Каждый день мы убеждаемся, что в сущности еще ничего в нем не знаем... Всегда все можно начать сначала... Природа и ее четыре стихии всегда с нами, чтобы поддерживать наш дух и побуждать идти вперед».

Однако долгая схватка с враждебным морем и льдами, которую он вел прошедшей ночью, не принесла ему знакомого удовлетворения: он не чувствовал ни радости победы, ни воодушевления от того, что его душа обогатилась новым сокровищем, которого у него никто не сможет отнять.

Это потому, что затем ему пришлось выдержать другую бурю и она — хотя он и не желал себе в этом признаться — произвела в его душе немалые опустошения.

Мог ли он себе представить, что станет участником такого фарса, где не знаешь чего больше: гнусности или дурного вкуса! Произнести слово «драма» он все еще отказывался.

Он всегда стремился видеть всякую вещь в ее истинном свете. Истории, в которых замешана женщина, как правило, более похожи на фарс, чем на драму. И даже теперь, когда речь шла о его собственной жене, женщине, которая, к его великому несчастью, оставила в его сердце более глубокий след, чем другие, он не мог подавить в себе желания саркастически рассмеяться, когда начинал мысленно выстраивать в ряд все сцены этой комедии. Объявляется пятнадцать лет как позабытая супруга, не узнав его, требует, чтобы он отвез ее в Америку, и наконец — того хлеще — собирается просить у него благословения на брак со своим новым возлюбленным. Как известно, случай — господин весьма изобретательный по части создания комичных ситуаций, но тут он, пожалуй, перешел все границы. Следует ли ему, Жоффрею де Пейраку, благословлять его за это? Благодарить, быть может? Довериться этому кривляющемуся шутнику, который только что, словно в насмешку, представил их глазам поблекший призрачный призрак прекрасной любви их молодости?

Ни он, ни она не желают возврата к прошлому. Но тогда зачем он открыл ей сегодня утром, кто он такой? Раз уж она так упорно его не узнавала, не проще ли было отпустить ее к столь любезному ей протестанту?

В помещении, куда он через мгновение вошел, было светло, и этот внезапный свет резанул его глаза той же острой слепящей болью, что и пронзившая мозг очевидная мысль.

«Глупец! Ради чего ты прожил сто разных жизней, для чего сотни раз избежал смерти, если до сих пор тщишься скрыть от себя правду о себе самом! Признайся, что ты не мог допустить, чтобы она стала женой другого, потому что ты бы этого не вынес».

Весь во власти гнева он обвел трюм угрюмым взглядом. Несколько усталых матросов спали в гамаках или на грубо сколоченных койках, поставленных возле лафетов пушек. Порты были открыты, потому что на этой батарее, спрятанной в тесном твиндеке, отсутствовала вентиляция. На время плавания Жоффрею де Пейраку пришлось разместить здесь часть экипажа, чтобы более удобное помещение под баком предоставить

пассажирам.

Время от времени через какой-нибудь открытый порт вплескивалась морская вода и спящий под ним матрос недовольно ворчал сквозь сон.

Именно здесь проходила ватерлиния, и явственно слышалось, как в борта ударяются волны. Их можно было тронуть рукой и погладить, словно больших укрощенных зверей.

Он подошел к одному из портов. Проникающий сквозь него свет был окрашен в сине-зеленое из-за близости моря.

Всегда такой заботливый, когда дело касалось его команды, Жоффрей де Пейрак сейчас совсем о ней не думал. Громадные бледно-зеленые волны, более светлые на гребнях, более темные внизу, среди которых, казалось, то и дело коварно поблескивали льдины, неодолимо вызывали в его памяти зеленые глаза, чью власть над собою он так упрямо не хотел признать.

«Нет, я бы этого не вынес! — снова подумал он. — Чтобы отдать ее другому, нужно, чтоб она стала мне совсем безразлична. А она мне не безразлична!..»

Вот он и признался в этом самому себе, но такое признание едва ли облегчит для него ответ на вопрос: что делать дальше? Даже самое ясное осознание истины не всегда помогает найти лучшее решение. Кто-кто, а он мог бы сказать о себе, что ко времени вступления во вторую половину жизни научился подходить к своим душевным конфликтам достаточно беспристрастно и спокойно. Пути ненависти, отчаяния, зависти всегда казались ему бесплодными, и он их избегал. Дорогу ревности ему также удавалось обходить стороной — до того дня, когда его посланец принес ему весть о том, что его «вдова», госпожа де Пейрак, сочеталась счастливым браком с известным красавцем и распутником маркизом дю Плесси-Белльер. Тогда он сумел довольно быстро оправиться от разочарования. По крайней мере так ему казалось.

Но рана, как видно, была более глубокой, из тех скверных ран, что снаружи затягиваются слишком быстро, в то время как ткань внутри гноится или усыхает. Про такие случаи ему рассказал его друг, Абд-эль-Мешрат, когда лечил его ногу. Арабский врач не давал зияющей ране под коленом закрыться до тех пор, пока все: нервы, мышцы, сухожилия — не срастется с той скоростью, которую определила для человеческого тела природа.

Как бы то ни было, он страдал из-за женщины, которая больше не существует и не может возродиться.

Но тут, глядя на море, он опять вспомнил бездонные зеленые глаза и с

грохотом захлопнул деревянную дверцу порта.

Стоявший за его спиной мавр Абдулла готовился потушить фонарь.

— Не надо, мы идем дальше, — бросил ему граф.

И вслед за мавром нырнул в еще один темный колодец — прорезанный в орудийной палубе люк. Такие спуски были ему до того привычны, что нисколько не отвлекали от мыслей.

Никаким напряжением воли он не смог бы сейчас избавиться от этого наваждения — мыслей об Анжелике. Впрочем, отчасти из-за нее ему и приходилось спускаться на самое дно трюма.

Раздражение, злость, растерянность — он и сам не знал, что из этого преобладает в нем сейчас. Но увы! — только не безразличие! Те чувства, которые возбуждала в нем женщина, пятнадцать лет назад переставшая быть его женой и всячески его за эти годы предававшая, и без того были достаточно сложны, а сегодня к ним добавилось еще и желание!

Что толкнуло ее на этот странный, неожиданный жест — рвануть корсаж и показать ему клеймо, выжженное на ее плече?

Его тогда поразил не столько вид этого позорного знака, сколько царственная красота ее обнаженной спины. Он, привередливый эстет, привыкший рассматривать и оценивать женскую красоту по всем статьям, был ею ослеплен. Прежде линии ее спины не были так безупречны — она еще только избавлялась от отроческой худобы и хрупкости. Когда он на ней женился, ей было всего семнадцать лет. Теперь он вспоминал, как лаская ее юное, едва сформировавшееся тело, иногда думал о том, как прекрасна станет Анжелика, когда вполне расцветет под воздействием прожитых лет, материнства и всеобщего почитания.

Но не он, а другие помогли ей расцвести и достичь нынешнего ее совершенства. И сегодня, когда он меньше всего этого ожидал, она вдруг явила ему тот пленительный образ, который он создал в мечтах много лет назад. Освобожденное от темных, плохо сшитых одежд, ее тело неодолимо вызывало в памяти статуи античных богинь плодородия, стоящие кое-где на средиземноморских островах. Сколько раз он любовался ими, говоря себе, что в жизни — увы! — такие фигуры встречаются редко.

Нынче утром, в полумраке салона ее красота потрясла его еще больше, чем тогда, в Кандии. Молочно-белая кожа, нежданно явившаяся его взору в хмуром сумраке туманной, тоже молочно-белой северной зари, движение плеч, полных, крепких и в то же время поражающих нежностью и чистотой линий, сильные, гладкие руки, не прикрытая волосами стройная шея, с едва заметной продольной ложбинкой, придающей ей какую-то невинную прелесть, — все это пленило его с первого взгляда, и он подошел к ней,

пронизанный ошеломляющим чувством, что она стала еще прекраснее, чем раньше, и что она принадлежит ему!

Как она сопротивлялась! Как защищалась! Казалось, она забьется в припадке падучей, если он сейчас же ее не отпустит. Что же все-таки так ее в нем испугало? Его маска? Или догадка, что сейчас он откроет ей что-то такое, что будет ей неприятно?

Что ж, самое меньшее, что здесь можно сказать, — это то, что он ее ничуть не привлекает. Все ее желания явно устремлены к другому.

— Идем, идем, — нетерпеливо бросил он мавру. — Я же сказал тебе: мы спустимся в самый низ, туда, куда я помещаю арестантов.

«Ее заклеямили цветком лилии, — подумал он. — За какое преступление? За какое распутство? Хотел бы я знать — насколько низко она пала? И почему? Как случилось, что она подпала под влияние этих чудаковатых, чопорных гугенотов? Раскаившаяся грешница?.. Да, похоже, так оно и есть. У женщин такой слабый ум...»

Он догадывался, что ему нелегко будет получить ответ на эти вопросы, и оттого возникающие в его воображении картины мучили его еще больше.

— Ей выжгли клеймо... Я знаю, что такое застенок, знаю леденящий ужас тех мест, где фабрикует боль и унижение... Страх, который может внушить жаровня с лежащими в ней странными, докрасна раскаленными инструментами... Для женщины это тяжкое испытание! Как она его перенесла? Почему? Стало быть, король, ее любовник, лишил ее своего покровительства?..»

Они дошли до самого низа. Здесь, в этой темной глубине, не был слышен даже шум моря. Его можно было только чувствовать: тяжелое, могучее, грозно напирющее на тонкий деревянный борт. Эта часть корабля всегда оставалась под водой, и все здесь было покрыто влагой. Жоффрею де Пейраку вспомнились сырые своды камер пыток в Бастилии и Шатле. Жуткие места, но воспоминания о том, что он там претерпел, никогда не преследовали его в сновидениях в годы, прошедшие после его ареста и суда в Париже. Он все же выбрался оттуда, хотя и едва живой, и считал, что для душевного равновесия этого довольно.

Но женщина? И особенно — Анжелика! Он не мог представить себе ее в этих страшных застенках.

«Они поставили ее на колени? Сорвали с нее рубашку? Она громко кричала? Вопила от боли?» Он прислонился к липкой переборке, и мавр, думая, что его хозяин хочет осмотреть трюм, в который они только что

вошли, высоко поднял фонарь.

В тусклом свете стали видны наваленные друг на друга окованные железом сундуки и подле них — какие-то большие блестящие предметы, тщательно закрепленные, чтобы их не швыряло при качке. Поначалу глазу трудно было разобрать их форму, но стоило приглядеться — и начинали вырисовываться затейливо украшенные кресла, столы, вазы и множество других, самых разных вещей: все из золота или — реже — из «малого серебра» — платины. Пляшущие отблески пламени пробудили к жизни теплый блеск этих благородных металлов, которые не могли испортить ни сырость, ни морская соль.

— Ты любишь своими сокровищами, мой господин? — спросил мавр гортанным голосом.

— Да, — сказал Жоффрей де Пейрак, хотя на самом деле не видел ничего.

Он зашагал дальше и, когда в конце коридора натолкнулся на массивную, обитую медью дверь, его охватило раздражение.

— Протаскать с собой столько золота — и все зря!

Его торговые партнеры в Испании напрасно будут ждать прибытия «Голдсборо». Из-за ларошельцев он вынужден был пуститься в обратный путь, прервав рейс, которым намеревался завершить поставку золота, и, не заключив соглашений о будущих сделках. И все это ради женщины, которая, как он пытался себя уверить, совсем ему не дорога! А ведь прежде ни разу не случалось, чтобы он из-за женщины провалил торговую сделку... Но гугеноты ему заплатят! И немало! И, в конце концов, все устроится к лучшему.

Глава 11

Он бесшумно, одним пальцем отодвинул заслонку, прикрывавшую зарешеченное отверстие в двери, и склонился к нему, чтобы посмотреть на арестованного.

Тот сидел прямо на полу возле большого фонаря, который давал ему разом свет и тепло, правда и то, и другое — довольно скупо. Его скованные цепью руки лежали на коленях, и вся поза выражала терпеливое смирение. Но Жоффрей де Пейрак не верил этой показной покорности. За свою бурную жизнь он повидал слишком много разных людей, чтобы не суметь оценить человека с первого взгляда. То, что Анжелика, прежде такая утонченная, смогла полюбить этого тупого, холодного гугенота, повергало его в бешенство. Ему доводилось наблюдать гугенотов за работой едва ли не всюду, где он побывал. Иметь с ними дело было трудно и не всегда приятно, но все они — и мужчины и женщины — были людьми твердого закала. Жоффрей де Пейрак восхищался их честностью в делах (она гарантировалась всей общиной), их широкой образованностью, их знанием языков. А между тем сколь многие его единоверцы, равные ему по знатности французские дворяне, отличались прискорбным невежеством, и при этом им даже не приходило в голову, что мыслящие существа могут обитать вне их узкого круга.

Особенно он ценил удивительную сплоченность гугенотов, порожденную их религией, суровой и к тому же гонимой. Преследуемые меньшинства — это, конечно, соль земли, но за каким чертом понадобилось прирожденной дворянке, католичке, какой была Анжелика, связываться с этими нетерпимыми, угрюмыми торговцами? Значит, чудом спасшись от опасностей, грозящих ей в землях ислама, — куда ее понесло Бог знает зачем — она так и не продолжила свои подвиги при дворе? Думая о ней, он всегда видел ее только так — блистательной придворной дамой в сверкании огней Версаля и нередко говорил себе, что именно для этого она и создана. Может быть, маленькая честолюбка, начинавшая осознавать свою власть над мужчинами, задумала возвыситься до трона короля Франции еще тогда, когда он привез ее на свадьбу Людовика XIV в Сен-Жан-де-Люз? Уже в то время она была самой красивой и одевалась лучше всех, но мог ли он похвалиться, что навсегда покорило это юное сердце? У разных женщин представления о счастье так различны... Для одной вершиной счастья будет жемчужное ожерелье, для другой — взгляд

короля, для третьей — любовь одного единственного человека, а для кого-то еще — маленькие радости домашней хозяйки, скажем, такие, как удавшееся варенье...

Но Анжелика? Он никогда не знал наверно, что таится за гладким лбом его девочки-жены, когда, бывало, глядел на нее, спящую рядом, усталую и счастливую после таких, еще новых для нее, любовных утех.

Потом, много позже, узнав, что она достигла своей цели — воцариться в Версале, он подумал: «Это справедливо. В сущности, для этого она и создана». И разве не назвали ее — и притом сразу же — самой красивой пленницей в Средиземноморье?

Даже нагая она была великолепна. Но когда он неожиданно увидел ее в убогом платье служанки и выяснил, что у нее есть хозяин — торговец спиртным и соленьями, большой знаток Библии — тут было отчего потерять рассудок! Ему никогда не забыть, как она явилась перед ним — мокрая, растерянная... Ее вид так разочаровал его, что он даже не почувствовал к ней жалости.

Мальтиец, охранявший трюмы, подошел к нему со связкой ключей в руке. По знаку своего капитана он открыл обитую медью дверь. Рескатор вошел в карцер. Габриэль Берн поднял голову и взглянул на него. Лицо узника было бледно, но взгляд оставался ясным.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Ларощелец не торопился требовать объяснений по поводу бесчеловечного обращения, которому его подвергли. Дело было не в том. Если уже этот щеголяющий во всем черном молодчик в маске спустился в трюм, чтобы нанести ему визит, то, разумеется, не для того, чтобы угрожать или делать выговоры. У них обоих сейчас на уме другое — женщина.

Габриэль Берн с обостренным вниманием разглядывал одежду своего тюремщика. Он мог бы оценить ее стоимость с точностью до луидора. Все в этом наряде было самого лучшего качества: кожа, бархат, дорогое сукно. Сапоги и пояс из Кордовы и наверняка изготовлены по заказу. А бархат, из которого сшит камзол, — итальянский, из Мессины, тут он готов держать пари. Французам, несмотря на все старания господина Кольбера, пока не удастся ткать бархат такого качества. Все на этом Рескаторе — лучше не сыщешь: маска, и та в своем роде — произведение кожевенного искусства, одновременно жесткая и тонкая. Каково бы ни было лицо, скрываемое под маской, уже самой этой роскошной, но строгой одежды и гордой осанки того, кто ее носит, довольно, чтобы вскружить женщине голову. «Все женщины легкомысленны, — с горечью подумал Берн, — даже те, что кажутся умнее прочих».

Что произошло ночью между этим пиратом-краснобаем, привыкшим легко брать понравившихся ему женщин, точно так же, как драгоценности или перья для шляпы, и госпожой Анжеликой — бедной, неимущей изгнанницей?

При одной мысли об этом Берн сжал руки в кулаки, и его бескровное лицо слегка покраснело.

Рескатор склонился к нему, коснулся рукой его задубевшей от крови куртки и сказал:

— Ваши раны опять открылись, мэтр Берн, а сами вы оказались в карцере, на дне трюма. Между тем элементарное благоразумие должно было бы подсказать вам хотя бы этой ночью соблюдать судовую дисциплину. Ведь любому ясно: когда судно в опасности, неукоснительная обязанность пассажиров — не устраивать никаких инцидентов и ни в коем случае не мешать капитану и команде, подвергая риску всех.

Ларошелец нисколько не смутился.

— Вы знаете, почему я так поступил. Вы незаконно задержали одну из наших женщин, которую до того имели наглость позвать к себе как... как какую-нибудь рабыню. По какому праву?

— Я мог бы ответить: по праву господина. — И Рескатор продемонстрировал самую сардоническую из своих улыбок. — По праву хозяина добычи!

— Но мы же доверились вам, — сказал Берн, — и...

— Нет!

Человек в черном пододвинул табурет и сел в нескольких шагах от заключенного. В красноватом свете фонаря стало отчетливо видно, насколько они различны: один — тяжеловесный, неповоротливый; другой — непроницаемый, защищенный броней своей иронии. Когда Рескатор садился, Берн заметил, с каким непринужденным, уверенным изяществом он откинул назад полу плаща и как бы невзначай положил руку на серебряную рукоять длинного пистолета.

«Он — дворянин, — сказал себе ларошелец. — Разбойник, но, без сомнения, человек знатный. Что я против него?..»

— Нет! — повторил Рескатор. — Вы мне не доверялись. Вы меня не знали и не заключали со мной никакого договора. Вы прибежали ко мне, чтобы спасти свои жизни, и я взял вас на борт — вот и все. Однако не думайте, что я отказываюсь исполнять долг гостеприимства. Я отвел вам куда лучшее помещение, чем своей собственной команде, вас лучше кормят, и ни одна из ваших жен или дочерей не может пожаловаться, что кто-либо нанес ей оскорбление, или хотя бы просто ей докучал.

— Но госпожа Анжелика...

— Госпожа Анжелика даже не гугенотка. Я знал ее задолго до того, как она вздумала цитировать Библию. Я не считаю ее одной из ваших женщин...

— Но она скоро станет моей женой! — выкрикнул Берн. — И поэтому я обязан ее защищать. Вчера вечером я обещал вырвать ее из ваших лап, если она не вернется к нам через час.

Он всем телом подался в сторону Рескатора, и цепи, сковывающие его руки и ноги, звякнули.

— Почему дверь нашей палубы была заперта на засов?

— Чтобы доставить вам удовольствие высадить ее плечом, как вы и сделали, мэтр Берн.

Ларошелец чувствовал, что не может больше этого терпеть. Он очень страдал от своих ран, но еще ужаснее были для него душевные муки. Последние часы он провел в полубреду: временами ему чудилось, будто он снова в Ла-Рошели, на своем товарном складе, сидит с гусиным пером в руке над книгой доходов и расходов. Ему уже не верилось, что прежде у него была совсем иная жизнь, правильная и размеренная. Все началось на этом проклятом судне, началось со жгучей ревности, которая разъедала его душу, искажала все мысли. Он не знал, как назвать это чувство, потому что никогда раньше его не испытывал. Он жаждал освободиться от него, словно от одежды, пропитанной отравленной кровью Несса^[12]. А когда Рескатор сказал, что Анжелика — не из их круга, ему вдруг сделалось больно, точно его кольнули кинжалом. Ибо это была правда. Она пришла к ним, она приняла самое деятельное участие в их тайном бунте, в их борьбе, наконец, она спасла их, рискуя собственной жизнью, — но одной из них она так и не стала, потому что была другой породы.

Ее тайна, такая близкая и вместе с тем непостижимая, делала ее еще притягательнее.

— Я женюсь на ней, — сказал он упрямо, — и мне неважно, что она не приняла нашей веры. Мы не так нетерпимы, как вы, католики. Я знаю — она женщина преданная, мужественная, достойная всяческого уважения... Мне неизвестно, монсеньор, кем она была для вас, и при каких обстоятельствах вы с ней познакомились, зато я хорошо знаю, кем была она в моем доме, для моей семьи — и этого мне достаточно!

Его охватила тоска по тем навсегда ушедшим дням, когда у него и у его детей был дом и в нем — скромная, хлопотливая служанка, которая исподволь, так, что они это не сразу осознали, наполнила светом их

унылую жизнь.

Берн был бы немало удивлен, узнай он, что его собеседника мучают те же чувства, что и его: ревность, сожаление.

«Значит, торговец знал ее с такой стороны, которая мне неизвестна, — говорил себе Жоффрей де Пейрак. — Еще одно напоминание о том, что она жила и для других и что я потерял ее много лет назад».

— Вы давно с ней знакомы? — спросил он вслух.

— Нет, по правде сказать, — не больше года.

Жоффрей де Пейрак подумал, что Анжелика ему солгала. С какой целью?

— Откуда вы ее знаете? Почему ей пришлось наняться к вам в служанки?

— Это мое дело, — раздраженно буркнул Берн, и, почувствовав, что такой ответ задел Рескатора, добавил, — вас оно не касается.

— Вы ее любите?

Гугенот молчал. Этот вопрос понуждал его вторгнуться в область, для него запретную. Он был им оскорблен, как если бы ему сказали непристойность. Насмешливая улыбка противника еще больше усиливала его неловкость.

— О, как тяжело для кальвиниста произнести слово «любовь». Можно подумать, что оно обдерет вам губы.

— Сударь, любить мы должны только Бога. Вот почему я не стану произносить этого слова. Наши земные привязанности недостойны его. В сердцах наших властвует один лишь Бог.

— Зато женщина властвует над тем, что ниже, — грубо сказал Жоффрей де Пейрак. — Мы все носим ее в наших чреслах. И с этим мы ничего не можем поделать: ни вы, ни я, мэтр Берн... ни кальвинист, ни католик.

Он встал, нетерпеливо оттолкнул табурет и, склонившись к гугеноту, гневно сказал:

— Нет, вы ее не любите. Такие, как вы, не умеют любить женщин. Они их терпят. Они пользуются женщинами, желают их, но это не одно и то же. Вы желаете эту женщину и потому хотите на ней жениться, чтобы быть в ладу со своей совестью.

Габриэль Берн побагровел. Он попытался привстать, и это ему кое-как удалось.

— Такие, как я, не нуждаются в наставлениях таких, как вы: пиратов, разбойников и грабителей!

— Откуда вам это знать? Пусть я пират, но мои советы могли бы

оказаться бесполезными для человека, собирающегося взять в жены женщину, из-за которой ему позавидовали бы короли. Да вы хоть разглядели ее как следует, мэтр Берн?

Берну удалось наконец встать на колени. Он прислонился к переборке и устремил на Жоффрея де Пейрака взгляд, в котором лихорадка зажгла огоньки безумия... Было похоже, что у него помутился рассудок.

— Я старался забыть, — проговорил он, — забыть тот вечер, когда я впервые увидел ее с распущенными волосами... на лестнице... Я не хотел чинить ей обиды у себя в доме, я постился, молился... Но часто я вставал по ночам, терзаемый искушением. Зная, что она здесь, под моей крышей, я не мог спокойно спать.

Он стоял, тяжело дыша, согнувшись — но виной тому была не столько физическая боль, сколько унижение от сделанных признаний.

Пейрак смотрел на него с удивлением.

«Ах, торговец, торговец, выходит, ты не так уж отличаешься от меня, — думал он. — Я тоже нередко вставал по ночам, когда эта дикая козочка не подпускала меня к себе, мучая своей холодностью. Я, конечно, не молился и не постился — вместо этого я смотрел в зеркало на свое неприглядное лицо и обзывал себя дураком».

— Да, с этим нелегко смириться, — тихо сказал Рескатор, как бы разговаривая сам с собой. — Осознать, что ты слаб и беспомощен перед лицом природных стихий: перед Морем, перед Одиночеством, перед Женщиной. Когда приходит час единоборства, мы теряемся, не зная, что делать... Но отказаться от битвы? Ни за что!

Берн снова повалился на свой соломенный тюфяк. Он задышался, по его вискам струился пот. То, что он слышал, звучало столь непривычно, что он даже усомнился в реальности происходящего. Освещенный колеблющимся огоньком фонаря, шагающий взад и вперед по грязному, зловонному трюму, Рескатор более чем когда-либо походил сейчас на злого гения-искусителя. А он, Берн, боролся с ним, как некогда Иаков боролся с Богом.

— Вы кощунствуете, — выговорил он, отдышавшись. — Вы говорите о женщине так, будто это стихия, некая самодовлеющая сила природы.

— Но так оно и есть. Недооценивать могущество женщины столь же опасно, как и преувеличивать. Море тоже прекрасно. Однако вы погибнете, если пренебрежете его силой или не сумеете его покорить... Знаете, мэтр Берн, при встрече с женщиной я всегда начинаю с того, что кланяюсь ей, какова бы она ни была: молодая или старая, красавица или дурнушка.

— Вы надо мной насмехаетесь.

— Я открываю вам свои секреты обольщения. Вот только что вы с ними будете делать, господин гугенот?

— Вы пользуетесь своим дворянством, чтобы унижить и оскорбить меня, — взорвался Берн, задыхаясь от обиды. — Вы меня презираете, потому что вы знатный сеньор, или по крайней мере были им раньше, тогда как я — всего-навсего простой буржуа.

— Напрасно вы так думаете. Если бы, прежде чем возненавидеть меня, вы дали себе труд подумать, вы бы поняли, что я говорю с вами как мужчина с мужчиной, то есть на равных. Я уже давно научился оценивать людей по единой мерке — чего они стоят как личности. Так что у меня перед вами есть преимущество только в одном: я знаю, каково это — не иметь куска хлеба, не иметь ничего, кроме еще оставшейся в твоём теле жизни, которая быстро угасает. Вы всего этого еще не испытали — но наверняка испытаете. Что же касается оскорблений, то именно вы были на них куда как щедры: разбойник, грабитель...

— Пусть так, — проговорил Берн, тяжело дыша. — Но сейчас сила на вашей стороне, а я целиком в вашей власти. Что вы намерены со мной сделать?

— Вы — серьезный противник, мэтр Берн, и если бы я прислушался к доводам рассудка, то попросту убрал бы вас со своей дороги. Я бы оставил вас гнить здесь или... вам известно, как поступают в таких случаях пираты, к которым вы меня приравняли? Они перекидывают через фальшборт доску и заставляют прогуляться по ней с завязанными глазами того человека, от которого хотят избавиться. Но не в моих правилах сдавать все козыри одному себе. Мне нравится рисковать. Я по натуре игрок. Не скрою — подчас это обходилось мне очень дорого. Тем не менее я намерен и на этот раз сыграть с судьбой и посмотреть, что получится. Наше плавание продлится еще несколько недель. Я верну вам свободу. А когда путешествие подойдет к концу, мы попросим госпожу Анжелику сделать выбор между вами и мной. Если она выберет вас, я вам ее уступлю... Но отчего этот кислый вид, откуда вдруг столько сомнений? По-моему, вы не очень-то уверены в победе.

— Со времен Евы женщин всегда влечет ко злу.

— Похоже, вы весьма низкого мнения даже о той из них, кого хотите взять в жены. Или вы совсем не верите в силу того оружия, которым собираетесь ее завоевать... такого, к примеру, как молитвы, посты, что там еще... привлекательность добропорядочной жизни в союзе с вами... Даже в тех чужих землях, куда мы сейчас направляемся, респектабельность в цене. Быть может, госпожа Анжелика ею прельстится.

В голосе капитана «Голдсборо» звучала насмешка, а протестанту эта речь причиняла невыносимые мучения. Сарказм Рескатора заставлял его заглянуть в собственную душу, и он заранее пугался, что обнаружит там сомнение. Ибо теперь он сомневался во всем: и в себе самом, и в Анжелике, и в том, что его достоинства могут соперничать с дьявольскими чарами человека, который бросает ему перчатку.

— Вы-то, конечно, считаете, что для завоевания женщины этого мало? — спросил он с горечью.

— Вероятно... Но ваши дела не так плохи, как вы думаете, мэтр Берн, — ведь у вас есть и другое оружие.

— Какое? — тотчас спросил узник, и в этом вопросе прозвучало такое мучительное беспокойство, что Рескатор даже почувствовал к нему некоторую симпатию.

Он глядел на торговца и думал о том, что опять, в который раз, поступает безрассудно, без нужды усложняя начатую игру, исход которой так для него важен. Но разве сможет он когда-нибудь узнать, какова Анжелика на самом деле, что она думает, чего хочет, если его противник будет лишен свободы действий?

Он с улыбкой склонился к ларошелецу.

— Знайте же, мэтр Берн, — если раненый мужчина сумел высадить дверь, дабы вырвать любимую из лап гнусного оболстителя, если, брошенный в темницу, он все же сохранил достаточно... ну, скажем, темперамента, чтобы брыкаться как бык при одном упоминании ее имени, то такой мужчина, на мой взгляд, имеет в руках все козыри, чтобы крепко привязать к себе непостоянную женщину. Печать плоти — вот главный козырь, дающий нам власть над женщиной... любой женщиной. Вы — мужчина, Берн, настоящий, отменный самец, и поэтому, не скрою, я отнюдь не с легким сердцем предоставляю вам право сыграть вашу партию.

— Замолчите! — крикнул ларошелец. Он был вне себя, негодование придало ему силы встать, и теперь он дергал свои цепи так, что, казалось, вот-вот их разорвет. — Разве вы не знаете, что сказано в Писании: «...Всякая плоть — трава, и вся красота ее, как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа».

— Возможно... Но признайтесь — пока Господь не подул, цветок донельзя желанен.

— Если бы я был папистом, — сказал Берн, изнемогая, — я бы сейчас перекрестился, потому что вы одержимы дьяволом.

Тяжелая дверь уже закрывалась. Вскоре шум шагов его мучителя

затих, звуки голосов, переговаривающихся по-арабски, смолкли. Берн еще мгновение постоял, держась за переборку и снова рухнул на тюфяк. Ему казалось, что за эти несколько дней он прошел через что-то очень похожее на смерть. Он вступал в иную жизнь, в которой прежние ценности утратили свое значение. Так что же у него осталось?

Глава 12

До нижней палубы, где жили протестанты, Анжелика добралась, будто в сомнамбулическом сне. Она вдруг обнаружила, что сидит в знакомом закутке возле зачехленной пушки, рядом со своими скудными пожитками и при этом совершенно не помнит, как шла по верхней палубе, держа за руку Онорину, как спускалась по крутым трапам, обходила в тумане многочисленные препятствия: бухты^[13] каната, ушаты с водой, горшки с паклей, матросов, прибирающих судно после бури. Из всего этого она не увидела ничего...

И вот теперь она сидела в своем закутке, не понимая, зачем она тут очутилась.

— Госпожа Анжелика! Госпожа Анжелика! Где вы были?

Над ней склонилось хитрое личико маленького Лорье, Северина своей худенькой ручкой обняла ее за плечи.

— Да ответьте же.

Дети окружили ее. Все они были закутаны в жалкие обноски, в куски юбок, которые матери разорвали, чтобы укрыть их от холода, из-под лохмотьев торчали пучки соломы, напиханные туда для тепла. Лица детей были бледны, носы покраснели от холода.

По привычке Анжелика протянула к ним руки и приласкала.

— Вам холодно?

— Нет, нет! — весело загалдели они.

Малыш Гедеон Каррер пояснил:

— Боцман, этот морской карлик, сказал, что сегодня теплее уже не сделаешь, разве что подпалить корабль, потому что мы сейчас недалеко от полюса, но скоро опять поплывем к югу.

Она слушала, не понимая ни слова.

Взрослые, те держались в стороне и по временам бросали на нее пристальные взгляды: одни с ужасом, другие — с жалостью. Что означало ее долгое отсутствие ночью? Ее растерянный вид — увы! — подтверждал самые ужасные толки и те обвинения, которые Габриэль Берн высказал вчера вечером в адрес хозяина корабля:

«Этот бандит воображает, что имеет на нас все права... и на нас, и на наших женщин... Братья мои, теперь мы знаем — он везет нас не к Островам...»

И поскольку Анжелика все не возвращалась, Берн решил отправиться

на ее поиски. К его величайшей ярости оказалось, что дверь закрыта снаружи на засов. Тогда, несмотря на свои раны, он принялся вышибать плечом толстую створку и с помощью деревянного молотка ухитрился в одиночку выломать один из запоров. Видя, что он не уймется, Маниго в конце концов ему подсобил. Дверь распахнулась, внутрь ворвался ледяной ветер, и матери запротестовали, не зная, как защитить от холода детей.

Тут же, изрыгая замысловатые проклятия, появился боцман — то ли шотландец, то ли германец Эриксон, и вместе с ним — трое бравых матросов. Они окружили Берна, схватили его и уволокли наверх, в темноту. С тех пор он так и не вернулся.

Затем пришли два плотника, с невозмутимым видом починили дверь и заперли ее опять. Корабль швыряло из стороны в сторону. Женщинам и детям инстинкт подсказывал, что ночь будет опасной. Они прижались друг к другу и сидели молча, а мужчины долго обсуждали, как себя вести, если с мэтром Берном или его служанкой что-нибудь случится.

Увидев, что Анжелика, как всегда, ласково разговаривает с детьми, Абигель и молодая жена булочника, очень ее любившие, решились подойти к ней.

— Что он с вами сделал? — шепотом спросила Абигель.

— Что он со мной сделал? — переспросила Анжелика. — Кто это — он?

— Он... Рескатор.

Едва Анжелика услышала это имя, в голове ее будто что-то щелкнуло, и она прижала руки к вискам, морщась от боли.

— Он? — повторила она. — Но он ничего мне не сделал. Почему вы задаете такой вопрос?

Бедные женщины молчали, чувствуя себя очень неловко.

Анжелика даже не пыталась понять, что их так смутило.

Ее сверлила одна-единственная мысль: «Я его нашла, но он меня не признал. Не признал меня своей женой, — поправила она себя. — Столько лет мечтать, горевать, надеяться — и все напрасно... Вот когда я действительно стала вдовой...»

Ее пробрала дрожь.

«Это безумие... Этого не может быть... Мне снится страшный сон, и я вот-вот проснусь...»

Вняв уговорам жены, к Анжелике приблизился господин Маниго.

— Госпожа Анжелика, мне надо с вами поговорить... Где Габриэль Берн?

Анжелика посмотрела на него в полном недоумении:

— Я ничего не знаю!

Тогда он рассказал ей, что произошло ночью из-за ее долгого отсутствия.

— Наверное, этот пират велел бросить Берна за борт, — предположил адвокат Каррер.

— Вы сошли с ума!

Постепенно к Анжелике возвращалась способность воспринимать происходящее. Значит, пока она спала в каюте Рескатора, Берн, пытаясь помочь ей, учинил нешуточный скандал. Рескатор наверняка знал об этом. Почему же он ни слова ей не сказал? Правда, им надо было о столь многом поговорить...

— Послушайте, — сказала она. — Нечего попусту себя взвинчивать и пугать детей нелепыми предположениями. Если этой ночью, когда капитана ничто не должно было отвлекать от управления судном, мэтр Берн своим неистовством действительно вынудил его и матросов на применение силы, то я полагаю, что они просто посадили его под замок. Но в любом случае никто здесь не покушался на его жизнь. За это я вам ручаюсь.

— Увы! У этих темных личностей короткая расправа, — мрачно сказал Каррер. — И мы тут бессильны...

— Вы глупы! — крикнула Анжелика, всем сердцем желая вlepить оплеуху в его желтую, как старое сало, физиономию.

Ей вдруг стало легче — от крика, а также от того, что, оглядев протестантов одного за другим, она подумала, что жизнь все-таки продолжается. В полутьме трюма, где из-за холода закрыли все порты, обращенные к ней лица ее спутников выглядели так обыденно. Они были здесь, погруженные в свои заботы. И с ними у нее наверняка не останется времени, чтобы предаваться раздумьям о своих горестях и рисовать их себе в слишком уж мрачном свете.

— Ну, что ж, госпожа Анжелика, — снова заговорил Маниго, — если вы находите, что у вас нет причин жаловаться на возмутительные действия этих пиратов, то тем лучше для вас. Однако мы весьма обеспокоены участью Берна. Мы надеялись, что вам о ней что-то известно.

— Я пойду и спрошу, что с ним, — сказала она, вставая.

— Не уходи, мама, не уходи! — во все горло заревела Онорина, испугавшись, что сейчас она снова надолго останется одна. Анжелика вышла, держа дочь за руку.

На палубе она почти сразу увидела Никола Перро. Он сидел на куче снастей, покуривая трубку, а его индеец, скрестив ноги и склонив набок

голову, точь-в-точь как прихорашивающаяся девочка, заплетал в косички свои длинные волосы.

— Трудная выдалась ночь, — сказал канадец с понимающим видом.

Анжелика с удивлением спросила себя, что же именно ему известно. Затем она сообразила, что он имеет в виду всего лишь те опасные часы, когда судну угрожали одновременно буря и льды. Видно, всей команде пришлось тогда натерпеться страху.

— Это правда, что мы едва не погибли?

— Благодарите Бога, что вы ни о чем не подозревали и что остались живы, — сказал он, крестясь. — Здесь самые что ни на есть окайнные места. Поскорее бы вернуться домой, на мой родной Гудзон.

Анжелика спросила, не знает ли он, что случилось с одним из пассажиров, мэтром Берном, пропавшим этой бурной ночью.

— Я слышал, что за неповиновение его заковали в кандалы. Монсеньор Рескатор недавно спустился в трюм, чтобы его допросить.

Анжелика вернулась к своим спутникам и сообщила им, что их друга не выбросили за борт.

Пришли матросы, дежурящие на раздаче пищи и принесли неизменный чан кислой капусты, солонину, а для детей — засахаренные кусочки апельсинов и лимонов. Пассажиры с шумом расселись по местам. Эти трапезы и послеобеденная прогулка составляли их главное развлечение. Анжелика тоже получила порцию, которую вскоре начала с аппетитом уминать Онорина, после того, как разделалась со своей.

— Мама, а ты не ешь?

— Да будет тебе без конца твердить: мама, мама, — раздраженно сказала Анжелика. — Раньше этого слова от тебя, бывало, и вовсе не услышишь.

До ее слуха доносились обрывки разговоров.

— Вы вполне уверены, Ле Галль, что мы не будем проходить Острова Зеленого мыса?

— Патрон, я за это ручаюсь. Мы на севере, далеко на севере.

— А куда мы попадем при этом курсе?

— Туда, где ловят треску и бьют китов.

— Ура! Мы увидим китов, — крикнул один из мальчиков, хлопая в ладоши.

— А где причалим?

— Почему знать? Думаю, что в Ньюфаундленде или в Новой Франции.

— В Новой Франции? — вскричала жена булочника. — Но ведь там мы опять попадем в руки папистов! — И она запричитала:

— Теперь ясно, что этот разбойник решил нас продать!

— Замолчите, дура вы этакая! — решительно вмешалась госпожа Маниго. — Будь в вашей голове хоть крупица здравого смысла, вы бы поняли, что даже такой разбойник, как он, не стал бы лезть из кожи вон под стенами Ла-Рошели, не стал бы рисковать там своим судном и рубить якорный канат только затем, чтобы потом продать нас на другом берегу океана.

Анжелика посмотрела на госпожу Маниго с удивлением. Супруга судовладельца, как всегда величественная, восседала на перевернутом деревянном ушате. Это сиденье, вероятно, было не очень-то удобно для ее пышных телес, однако ела она серебряной ложкой из великолепной суповой тарелки дельфтского фарфора.

«Надо же, значит, она все-таки ухитрилась пронести их под юбками, когда мы садились на корабль», — невольно отметила про себя Анжелика.

Однако Маниго тут же вывел ее из этого заблуждения, досадливо сказав:

— Право же, Сара, вы меня удивляете. Стоило капитану потрафить вашим... хм, причудам, подарив вам эту тарелку, — и от такого-то пустяка вам вмиг изменяет здравый смысл. Я привык слышать от вас более логичные суждения.

— Мои суждения ничуть не глупее ваших. Когда человек умеет верно определить общественное положение тех, с кем он имеет дело, может сразу же распознать людей благородных, почтенных и понять, кому следует оказать внимание в первую очередь, то я не берусь утверждать, что этот человек непременно достоин доверия, но готова поспорить, что он не дурак!

Затем, уже без прежней твердости в голосе, госпожа Маниго осведомилась:

— А что о нем думаете вы, госпожа Анжелика?

— О ком? — спросила Анжелика, не вполне уловившая суть разговора.

— Да о НЕМ же! — закричали все женщины разом. — О хозяине «Голдсборо»... об этом пирате в маске... о Рескаторе. Госпожа Анжелика, вы ведь его знаете, скажите же нам, кто он?

Анжелика смотрела на них в замешательстве, едва веря своим ушам. Это ей задают такой вопрос? Ей!.. В тишине послышался тонкий голосок Онорины:

— Я хочу палку! Хочу убить Черного человека!

Маниго пожал плечами и возвел глаза к потолочным балкам, призывая

их в свидетели вопиющей глупости женщин.

— Речь не о том, кто он, а о том, куда он нас везет. Вы можете сказать нам это, госпожа Анжелика?

— Сегодня утром он еще раз подтвердил мне, что везет нас к островам Вест-Индии. Северным путем можно доплыть туда так же, как и южным.

— Вот те на! — со вздохом сказал судовладелец. — А что думаешь об этом ты, Ле Галль?

— Что ж, это вполне возможно... Северным путем пользуются редко, но если у побережья Америки повернуть и пойти вдоль берега к югу, то в конце концов мы должны оказаться в Карибском море. Возможно, наш капитан предпочитает этот путь другому, где, по его мнению, чересчур много судов.

Немного погодя к пассажирам явился коротышка боцман и жестами показал, что все могут выйти на прогулку. Несколько женщин остались, чтобы немного прибраться. Анжелика вновь погрузилась в свои мысли.

— Почему ты спишь, мама? — спросила Онорина, увидев, что она закрыла ладонями лицо.

— Ах, оставь меня в покое!

Анжелика уже начала понемногу выходить из оцепенения, хотя у нее по-прежнему было такое ощущение, будто ее ударили сзади по шее чем-то тяжелым. И тем не менее она все яснее, все отчетливее осознавала истину. Все произошло совсем не так, как ей представлялось в мечтах, но ведь произошло! Ее муж, которого она столько лет оплакивала, — теперь уже не далекая, недосыгаемая тень, не призрак, скитающийся где-то в неведомом и недостижимом уголке земли, нет, он здесь, он рядом, всего в нескольких шагах от нее! Когда она о нем думала, то мысленно говорила: «Он». Она не могла решиться назвать его Жоффреем, настолько он казался ей непохожим на того, кого она некогда звала этим именем. Но он уже не был для нее и Рескатором, таинственным незнакомцем, который отчего-то так ее притягивал.

Она знала одно — он ее больше не любит. Не любит, не любит!

«Но почему? Что я такого сделала, что он меня разлюбил? Из-за чего он так во мне сомневается? Разве я стану попрекать его теми годами, когда в его жизни не было для меня места? Ведь никто из нас: ни он, ни я, не хотел этой разлуки. Так почему же не попытаться изгладить ее из памяти, навсегда забыть? Но, наверное, мужчины рассуждают совсем иначе... Как бы то ни было, из-за того или из-за другого, из-за Филиппа или из-за короля — он меня больше не любит!.. Хуже того — я ему безразлична...»

Ее обуял страх: «Может быть, я постарела? Да, наверное, причина

именно в этом — должно быть, последние недели как-то сразу меня состарили, ведь перед нашим бегством из Ла-Рошели я так измоталась от всех этих забот и тревог».

Она оглядела свои загрубевшие, потрескавшиеся руки, руки служанки, на которой лежит вся домашняя работа. Есть отчего прийти в ужас высокородному сеньору-эпикурейцу...

Анжелика никогда не придавала чрезмерного значения своей красоте. Разумеется, как всякая женщина со вкусом, она о ней заботилась и старалась ее сберечь, но у нее никогда не было и тени страха, что ее красота может увянуть. Ей казалось, что этот дар богов, хвалы которому она привыкла слышать с детства, будет с нею всегда и не иссякнет всю ее жизнь. И только сейчас она впервые почувствовала, что ее красота не вечна. И ощутила потребность немедленно убедиться в том, что по-прежнему хороша.

Вне себя от волнения она быстро подошла к своей подруге и спросила: — Абигель, у вас есть зеркальце?

Зеркальце у Абигель имелось. Только она, эта мудрая дева, числившая опрятный вид и аккуратно надетый чепчик в ряду добродетелей, догадалась взять с собой эту необходимейшую вещицу, о которой кокетки в суматохе забыли.

Абигель протянула зеркальце Анжелике, и та жадно взгляделась в свое отражение.

«У меня есть несколько седых волос, это я знаю, но под чепцом он не мог их увидеть... разве что в тот вечер, когда я впервые явилась на «Голдсборо»... но тогда вся голова у меня была мокрая и ничего нельзя было рассмотреть».

Как далеко было ей сейчас до той непринужденности, с какой она гляделась в металлическое зеркальце на рассвете, когда еще и не помышляла о том, чтобы пленить Рескатора.

Она провела пальцем по скулам. Разве ее черты оплыли или огрубели? Нет. Правда, щеки немного впали, зато свежий воздух, как всегда, разругнул их. Разве этим жарким, здоровым румянцем, так выделявшим ее среди других дам, не восхищались в Версале, разве не завидовала ему госпожа де Монтеспан?

Но как знать, что думает о ней мужчина, который сравнивает ее нынешний облик с хранящимся в его памяти образом юной девушки?

«Ведь за эти годы я столько всего пережила... Что ни говори, а жизнь не могла не наложить на меня своего отпечатка».

— Мама, найди мне палку, — требовала Онорина. — Человек в

черной маске — это большой оборотень... Я его убью!

— Замолчи... Абигель, скажите мне откровенно — можно ли еще назвать меня красивой?

Абигель продолжала спокойно складывать одежду. Своего недоумения она не выразила ничем, хотя поведение подруги очень ее озадачило. В самом деле — пропав на целую ночь, так что все могли заподозрить самое худшее, Анжелика заявила, что с ней ничего не случилось, и к тому же попросила зеркало.

— Вы самая красивая женщина, какую я когда-либо встречала, — ответила Абигель безразличным тоном, — и вы это отлично знаете.

— Увы, теперь уже не знаю, — вздохнула Анжелика и с унылым видом опустила зеркальце.

— Достаточно посмотреть, как к вам влечет мужчин — всех, даже тех, кто не отдает себе в том отчета, — продолжила Абигель. — За что бы они ни брались, они хотят услышать ваше мнение, ваше согласие... или хотя бы увидеть на вашем лице улыбку. Есть среди них и такие, кто желал бы, чтобы вы принадлежали только им. Взгляд, который вы дарите другим, причиняет им боль. Перед нашим отплытием из Ла-Рошели мой отец часто говорил, что, взяв вас с собой, мы подвергнем наши души ужасной опасности... Он уговаривал мэтра Берна жениться на вас до того, как мы пустимся в плавание, чтобы из-за вас не возникали споры...

Анжелика слушала эти откровения вполуха, хотя в другое время они бы ее взволновали. Она снова взяла маленькое, скромное зеркальце и сосредоточенно в него смотрелась.

— Надо бы сделать припарки из лепестков амариллиса, чтобы улучшить цвет лица... — сказала она. — Но, к несчастью, я оставила все мои травы в Ла-Рошели...

— Я его убью, — упрямо бубнила Онорина.

Когда пассажиры вернулись с прогулки, с ними был и мэтр Берн. Двое матросов, поддерживавших его, довели раненого до его ложа. Он выглядел слабым, но дух его не был сломлен — скорее наоборот. Глаза Габриэля Берна метали молнии.

— Этот человек — сам дьявол, — объявил он окружившим его спутникам, когда матросы ушли. — Он обращался со мною самым бессовестным образом. Он меня пытал...

— Пытал?.. Раненого?! Вот подлец! — раздавались отовсюду возмущенные возгласы.

— Вы говорите о Рескаторе? — спросила госпожа Маниго.

— А о ком же еще? — Берн был вне себя. — В жизни не встречал

другого такого мерзавца. Я был закован по рукам и ногам, а он пришел и начал терзать меня, поджаривать на медленном огне...

— Неужели он действительно вас пытал? — спросила Анжелика, подойдя к нему с расширенными от ужаса глазами.

Мысль о том, что Жоффрей стал способен на такую немыслимую жестокость, повергла ее в отчаяние.

— Неужели он действительно вас пытал?

— Морально, хочу я сказать! Ах, да отойдите же вы все, не смотрите на меня так!

— У него опять лихорадка, — прошептала Абигель. — Надо сделать ему перевязку.

— Меня уже перевязали. Этот старый берберийский врач опять приходил ко мне со всеми своими снадобьями. Потом с меня сняли цепи и вывели на палубу... Никто не сумел бы лучше позаботиться о теле и хуже растоптать душу... Ох, да не трогайте вы меня! — Он закрыл глаза, чтобы больше не видеть Анжелику. — И оставьте меня все в покое. Я хочу спать.

Его друзья отошли. Одна Анжелика осталась сидеть у его изголовья. Она чувствовала себя виноватой в том, что ему сделалось хуже. Во-первых, ее невольное отсутствие толкнуло его на действия, которые могли дорого ему стоить. Еще не оправившись от ран, которые теперь снова начали кровоточить, он вынужден был провести многие часы в таком сыром, нездоровом месте, как нижний трюм, и наконец Рескатор — ее муж — кажется, совсем его доконал. О чем могли они говорить, эти двое столь непохожих друг на друга мужчин? Берн не заслужил, чтобы его мучили, подумала с внезапной нежностью Анжелика. Он приютил ее, стал ей другом и советчиком, он очень тактично и ненавязчиво ее оберегал, и в его доме она наконец смогла отдохнуть, обрела покой. Он — человек справедливый и прямой, человек большой моральной силы. Это из-за нее, Анжелики, суровое достоинство, за которым он скрывал свою природную горячность, вдруг рухнуло, словно подмытая морем дамба. Из-за нее он пошел на убийство...

Отдавшись воспоминаниям, она не заметила, что Габриэль Берн открыл глаза. Он смотрел на нее, как на некое сказочное видение, недоумевая, как случилось, что за столь короткий срок эта женщина смогла безраздельно завладеть всеми его помыслами. До такой степени, что ему стали безразличны и собственная его судьба, и куда они плывут, и доплывут ли туда когда-нибудь. Теперь он желал только одного — вырвать Анжелику из-под дьявольского влияния другого.

Она захватила все его существо. Осознавая, что отныне в нем уже нет

места ничему из того, что наполняло душу до сих пор: его торговле, любви к родному городу, преданности своей вере — он со страхом открывал для себя дотоле неизведанные пути страсти.

Внутренний голос твердил ему: «С этим нелегко смириться... Склониться перед женщиной... Отметить ее печатью плоти...»

В висках у него стучало... «Наверное, только это и остается, — говорил он себе, — чтобы освободиться от наваждения и привязать ее к себе».

Его жгли низменные страсти, разбуженные речами Рескатора. Ему хотелось затащить Анжелику в какой-нибудь темный угол и силой овладеть ею — не столько из любви, сколько из мести — за ту власть, которую она приобрела над ним.

Ибо сейчас уже слишком поздно мечтать о том, чтобы ступить на берега сладострастия. В том, что касается плотских утех, ему, Берну, уже никогда не достичь веселой и беспечной непринужденности его соперника...

«Мы все время помним о бремени греха, — подумал он, чувствуя, что над ним тяготеет какое-то проклятие. — Вот почему я никогда не смогу освободиться. А он свободен... И она тоже...»

— Вы сейчас смотрите на меня как на врага, — прошептала Анжелика. — Что случилось? Что он вам сказал, что вы вдруг так изменились, мэтр Берн?

Ларошельский торговец глубоко вздохнул.

— Действительно, я сам не свой, госпожа Анжелика... Нам нужно пожениться... и скорее... как можно скорее!

И, прежде чем она успела ответить, он окликнул пастора Бокера:

— Пастор! Подойдите к нам. Послушайте... Необходимо освятить наш брак — немедленно!

— А ты не мог бы потерпеть, мой мальчик, по крайней мере до тех пор, когда ты поправишься? — спросил старый пастор, стараясь умирить его пыл.

— Нет, я не успокоюсь, пока дело не будет сделано.

— Куда бы мы ни плыли, церемония должна быть законной. Я могу благословить вас именем Господа, но власть мирскую здесь может представлять только один человек — капитан. Нужно испросить у него разрешения сделать запись о вашем браке в судовом журнале и получить соответствующее свидетельство.

— Он даст разрешение! — свирепо бросил Берн. — Он дал мне понять, что не станет мешать нашему союзу.

— Это невозможно! — крикнула Анжелика. — Как он мог хоть на секунду допустить этот лицемерный фарс? Да тут можно просто лишиться рассудка! Он же прекрасно знает, что я не могу выйти за вас замуж... Не могу и не хочу!

Она быстро отошла, боясь, как бы у нее прямо перед ними не началась истерика.

— Лицемерный фарс, — с горечью произнес Берн. — Вот видите, пастор, до чего она дошла. Подумать только — мы стали добычей этого гнусного колдуна и пирата. На этой посудине мы все в его власти... И нет никакого выхода — крутом только море... и ни единого корабля. Как бы вам это объяснить, пастор? Этот человек стал одновременно и моим искусителем, и моей совестью. Казалось, он подталкивал меня к дурному и в то же время открыл мне все то дурное, что таилось во мне самом, и о чем я совсем не подозревал. Он сказал мне: «Если бы, прежде чем возненавидеть меня, вы дали себе труд подумать...» А я и сам не знал, что ненавижу его. Ведь прежде я никогда не испытывал ненависти ни к кому — даже к нашим гонителям. Разве не был я до сего дня праведным человеком, пастор? А теперь я уже не знаю, праведен я или нет...

Глава 13

Анжелика проснулась, чувствуя себя так, словно начала оправляться от тяжелой болезни. Ей все еще было немного нехорошо, однако уже гораздо легче. Ей приснилось, как в утро их отплытия из Ла-Рошели он на берегу сжимает ее в объятиях, смеясь и крича: «Наконец-то вы! И, конечно же, самая последняя! Сумасшедшая женщина!» Она какое-то время лежала неподвижно, прислушиваясь к затихающим отзвукам этого прекрасного сна. Но ведь все это, кажется, произошло с нею взаправду?

Она напрягла память, чтобы вновь пережить тот мимолетный миг. Ведь обнимая ее там, под Ла-Рошелью, он обращался к ней не как к чужой, а как к своей жене. И в Кандии тоже, когда его пристальные глаза в прорезях маски смотрели на нее, будто стараясь ободрить, он защищал именно ее, свою жену. Именно ее пришел он тогда спасти, ее хотел вырвать из цепких когтей торговцев женщинами, потому что знал, кто она.

Стало быть, тогда он не презирал ее, как сейчас, несмотря на всю свою злость из-за ее действительных или воображаемых измен.

«Но тогда я была красива!» — подумала она.

Да, но ведь он обнял ее и на берегу под Ла-Рошелью! С тех пор прошла всего неделя, а кажется, что прежний мир рассыпался в прах, причем особенно стремительно — между сегодняшним утром, когда он снял маску, и наступающим вечером.

Ибо солнце уже садилось. Анжелика проспала всего несколько часов. Открытая дверь в дальнем конце батареи походила на четырехугольник из раскаленной меди. Пассажиры собрались на палубе для вечерней молитвы.

Анжелика встала, чувствуя ломоту во всем теле, точно ее избили.

«Нет, я с этим не смирюсь! Нам нужно поговорить».

Она разгладила свое убогое платье и долго рассматривала темную грубую ткань. Хотя чудесный сон и воспоминания о его пылких объятиях на берегу несколько успокоили ее, страх не отступал. Слишком много загадочного оставалось в человеке, к которому она хотела приблизиться, слишком много такого, чего она не знала и не могла понять.

Она боялась его...

«Он очень изменился! Нехорошо так думать, но... я бы предпочла, чтобы он остался хромым. Во-первых, тогда я бы сразу узнала его еще в Кандии, и он не смог бы поставить мне в укор, что я, дескать, лишена женского чутья и даже бессердечна, не смог бы меня этим попрекать. Как

будто было так легко узнать его под этой маской... Я женщина, а не полицейская ищайка... вроде Сорбонны».

Она нервно рассмеялась над этим нелепым сравнением. Потом ее снова охватила печаль. Из его упреков больше всего ранили ее те, которые касались ее сыновей.

«Мое сердце каждый день обливается кровью из-за их утраты, а он смеет обвинять меня в равнодушии! Выходит, он совсем плохо меня знал. И в сущности никогда не любил...»

У нее усилилась мигрень, казалось, что ноет каждый нерв. Она цеплялась за воспоминания об их встрече на берегу и о том первом вечере на «Голдсборо», когда он приподнял рукой ее подбородок и сказал, как мог сказать один только он: «Вот что бывает, когда гоняешься по ландам за пиратами». Тогда она тоже должна была бы его узнать. Ведь в этом был весь он, несмотря на маску и изменившийся голос.

«Почему я была такой слепой, такой дурой? Правда, тогда я не могла думать ни о чем, кроме одного: что завтра нас всех арестуют и нам во что бы то ни стало надо бежать».

И тут же ей пришла в голову другая мысль, до того неожиданная, что она даже вздрогнула:

«А что он, собственно, делал в окрестностях Ла-Рошели? Может быть, он знал, что я там? Только ли случай привел его в ту укромную бухту?»

И она снова решительно сказала себе: «Мне совершенно необходимо увидеть его и поговорить. Даже если я покажусь ему навязчивой. Нельзя оставить все как есть, не то я сойду с ума».

Она прошла между пушками и остановилась перед мэтром Берном. Он спал. Его вид вызывал у нее двойственное чувство. Ей хотелось, чтобы он не существовал вовсе, и в то же время она злилась на Жоффрея де Пейрака за дурное обращение с человеком, вся вина которого состояла в том, что он был ее, Анжелики, другом и хотел на ней жениться.

«Может быть, господин де Пейрак воображает, что все эти годы, когда его и след простыл, я должна была полагаться только на него?»

Надо чтобы он узнал, сколько она всего вытерпела за годы их разлуки, и что она вышла замуж за Филиппа и добилась места при дворе по большей части ради того, чтобы спасти своих сыновей от уготованной им жалкой участи. Да, она пойдет к нему и скажет все, что накопилось у нее на сердце.

На верхней палубе, этой «главной улице» корабля, зажатой между ютом, баком, фальшбортом и различными мостками, уже сгущались

сумерки. Сбившиеся в кучу, словно стадо овец, протестанты в своих темных одеждах почти сливались с окружающим мраком. Слышалось только, как они бормочут молитвы. Но, посмотрев вверх, на балкон апартаментов капитана, где все оконные стекла, словно рубины, сияли алым, Анжелика увидела его, и сердце ее учащенно забилось. Он стоял, освещенный последними лучами заходящего солнца, в черной маске, непроницаемый, загадочный, но это был он, и безумная радость, которую она должна была испытать еще утром, нахлынула на Анжелику, разом сметая на своем пути все ожесточение и обиды.

Она взлетела по первому попавшемуся трапу и побежала по узкому мостику на ют, не обращая внимания на окатывающие ее водяные брызги. На этот раз ее не остановит ни насмешливый взгляд, ни произнесенная ледяным тоном фраза. Он должен ее выслушать!..

Однако, когда она поднялась на балкон, все ее замыслы рухнули при виде открывшейся ее взору сцены. Радость исчезла — остался только страх.

Ибо между нею и ее мужем, как и нынче утром, стояла Онорина, словно нарочно пакостящий зловерный гном.

Кажущаяся еще более крохотной у ног высокого Рескатора, девочка с вызовом подняла к нему сердито сморщенное, круглое личико, упрямо засунув сжатые кулачки в карманы своего фартучка. Анжелике пришлось схватиться за перила, чтобы не упасть.

— Что ты здесь делаешь? — почти беззвучно спросила она.

Услышав ее голос, Рескатор обернулся. Все-таки, когда его лицо скрывала маска, ей было трудно назвать его иначе и до конца поверить, что перед нею и впрямь Жоффрей...

— Вы явились очень кстати, — сказал он. — Я как раз размышлял над весьма тревожащей наследственностью этой юной особы. Представьте себе — она только что украла у меня драгоценных камней на две тысячи ливров.

— Украла? — повторила потрясенная Анжелика.

— Войдя к себе, я увидел, как она с увлечением роется в ларце, который я открыл для вас сегодня утром и который она, по-видимому, заметила во время своего первого визита. Застигнутая на месте преступления, очаровательная барышня не выказала ни малейшего раскаяния и без обиняков дала мне понять, что не вернет мне моего имущества.

К несчастью, доведенная до крайности волнениями этого дня, Анжелика не смогла отнестись к случившемуся как к пустяку.

Оскорбленная за себя и за Онорину, она бросилась к девочке, чтобы отобрать у нее украденное. Пытаясь разжать ручки дочери, она мысленно проклинала жизнь с ее тупой прозой. Ведь она пришла к своему возлюбленному, а вынуждена бороться с этой несносной девчонкой, нежеланной, произведенной на свет против ее воли, — и эта девчонка живет, в то время как ее сыновья умерли. Онорина — ее видимый изъян в глазах человека, чью любовь она хотела бы вновь завоевать. И ко всему прочему — ведь надо же так случиться — ее дочь с немыслимой наглостью явилась к нему, чтобы его обокрасть. Это Онорина-то, Онорина, которая ни разу в жизни ничего не стащила, даже из буфета!

Ей наконец удалось разжать маленькие пальники и вытащить два алмаза, изумруд и сапфир.

— Ты злая! — крикнула Онорина.

Взбешенная тем, что потерпела поражение, она пятилась, глядя на них с яростью, весьма забавной для такой крошки.

— Ты злюка. Вот как дам тебе сейчас... Она пыталась придумать какую-нибудь ужасную месть, которая была бы под стать ее возмущению.

— Вот как дам тебе сейчас — отлетишь до самой Ла-Рошели. А потом будешь возвращаться сюда — и все пешком!

Рескатор хрипло рассмеялся.

Нервы Анжелики не выдержали, и она с размаху ударила дочь по щеке.

Онорина посмотрела на нее, разинув рот и тут же разразилась пронзительным ревом. Завертевшись волчком, как будто ее покинул рассудок, она вдруг бросилась к трапу, который вел на узкий мостик, и очертя голову понеслась по нему, ни на миг не переставая кричать. Корабль накренился на левый борт, и ее окатило водой.

— Задержите ее! — завопила Анжелика, не в силах сдвинуться с места, точно в кошмарном сне.

Онорина продолжала бежать, и в ее головке билась только одна мысль — убежать из этого тесного мирка досок и парусов, с этого корабля, где она уже столько дней несправедливо страдает.

Вверху, над толстым деревянным фальшбортом, голубело небо. Добежав до конца прохода, Онорина начала карабкаться на высокую бухту троса. Она взобралась на самый верх, и теперь уже ничто не отделяло ее от голубой пустоты. Корабль опять накренился, и зрители, парализованные стремительностью этой сцены, с ужасом увидели, как девочка полетела за борт.

Вслед за истошным криком Анжелики раздались возгласы

протестантов и матросов. Один из матросов, сидевший на рее бизань-мачты, стрелой кинулся в море. Двое других бросились к укрепленной на палубе большой шлюпке, чтобы извлечь из нее и спустить на воду меньшую по размерам спасательную лодку. Стоявшие рядом Ле Галль и рыбак Жори пришли им на подмогу. Со всех сторон бежали люди. Корабль сделал поворот. В одно мгновение поручни левого борта облепили взволнованные люди. Северина и Лорье, плача, звали Онорину.

Капитан Язон крикнул в рупор, чтобы все отошли и дали матросам спустить на воду лодку.

Анжелика ничего не видела и не слышала. Не помня себя, она кинулась в фальшборту и понадобилась сильная мужская рука, чтобы помешать ей броситься в воду вслед за дочерью. Перед ее глазами, словно в тумане, плясало фиолетовое пространство, испещренное зелеными и белыми пятнами. Наконец она увидела всплывший на поверхность черный взъерошенный шар, рядом с которым колыхался маленький зеленый шарик. Черный шар — это голова матроса, который нырнул с бизань-мачты, а зеленый — чепчик Онорины.

— Он ее держит, — послышался голос Рескатора. — Теперь нужно только подождать пока к ним подойдет лодка.

Анжелика все еще продолжала отчаянно вырываться, но он железной рукой удерживал ее. Под скрип блока лодка, покачиваясь, поднялась над палубой и начала опускаться.

В эту минуту опять раздался крик:

— Альбатросы!

Словно возникшие из пены волн, две огромные птицы подлетели к матросу и девочке и опустились рядом, заслонив их своими развернутыми белыми крыльями.

Анжелика закричала как безумная. Сейчас острые клювы растерзают ее ребенка!

Прогремел мушкетный выстрел — это стрелял Рескатор, схвативший оружие стоящего рядом мавра Абдуллы. С меткостью, на которую нисколько не повлияла бортовая качка, он поразил одну из птиц, и она, окровавленная, распласталась на волнах. Затем ударил второй выстрел — на сей раз выстрелил Никола Перро, которому без промедления подал заряженный мушкет его приятель-индеец.

Этот выстрел также достиг цели. Второй альбатрос забил крыльями, силясь взлететь, но и он был поражен насмерть.

Матрос, державший Онорину, оттолкнул его от себя и поплыл

навстречу приближавшейся лодке. Еще немного — и Анжелике в руки передали маленький плюющийся, задыхающийся комок, с которого ручьями стекала вода.

Она страстно прижала его к себе. В эти страшные, минуты, которые показались ей вечностью, она проклинала себя за то, что привела свою малютку в такую ярость.

Девочка ни в чем не виновата. Это взрослые, занятые своими глупыми конфликтами, покинули ее, забросили — и она отомстила, как смогла.

Весь пережитый Анжеликой страх, все угрызения совести вылились в порыв злости против того, чья холодная безжалостность заставила ее, мать, так сильно обидеть своего ребенка, довести ее до отчаяния.

— Это все ваша вина! — крикнула она, повернувшись к нему с искаженным от гнева лицом. — Из-за того, что вы своей злобностью почти свели меня с ума, я едва не потеряла дочь! Я вас ненавижу, кем бы вы ни были под этой вашей маской! Если вы выжили, чтобы стать таким, то лучше бы вы и вправду умерли!

Она убежала на другой конец судна, словно раненый зверь в свое логово, забила в закуток на нижней палубе и начала раздевать Онорину. Девочка брыкалась, так что за жизнь ее можно было не опасаться, но ведь она могла простудиться в ледяной воде.

Эмигранты окружили их, и каждый предлагал какой-нибудь рецепт, но применить их на практике было невозможно из-за отсутствия средств: не было ни пиявок, чтобы приложить к ступням, ни горчичников на спину...

Врач Альбер Парри вызвался пустить девочке кровь. Для этого было достаточно только слегка надрезать мочку ее уха, но, увидев рядом с собой лезвие перочинного ножа, Онорина истошно завопила.

— Оставьте ее. Хватит с нее волнений, — сказала Анжелика.

Она довольствовалась тем, что взяла немного рому, который раз в день выдавали пассажирам-мужчинам, и растерла им маленькое, холодное тельце. Потом завернула дочь в теплое одеяло. Онорина, наконец-то сухая, с раскрасневшимися щечками, воспользовалась моментом и с бесстрашным видом извергла из себя изрядную порцию соленой морской воды.

— Какая ты противная, — в сердцах выругала ее Анжелика.

Она поглядела на упрямое, смешное личико своей неукротимой дочурки, и внезапно все ее ожесточение исчезло. Нет, она не позволит им свести ее с ума. Ни Жоффрею де Пейраку, ни Берну, ни этой маленькой чертовке не удастся заставить ее потерять рассудок. Она чуть было не

заплатила слишком дорогую цену за то, что с утра позволила себе пребывать в расстроенных чувствах. Ее муж воскрес из мертвых, но он ее больше не любит. Ну и что с того? Как бы ни был жесток удар, она должна держать себя в руках и все перенести ради дочери.

И она очень спокойно принялась снова вытирать Онорину. Одеядло промокло и больше не грело. Старая Ребекка как нельзя более кстати предложила вместо него очень теплую и удобную меховую шубу.

— Хозяин корабля подарил мне ее, чтобы греть мои старые кости, но все это вздор, и сегодня ночью я отлично обойдусь без нее!

Анжелика осталась одна, стоя на коленях около дочери. Розовое личико Онорины выглядывало из темного меха, длинные рыжие волосы высыхали, и в свете фонарей, которые уже развешивали вокруг, начали отливать медью. Анжелика поймала себя на том, что ее губы растягиваются в улыбке.

Поступок дочери, способной в порыве ярости броситься в воду, вызывал у нее одновременно и страх, и восхищение.

— Зачем ты это сделала, любовь моя, ну скажи — зачем?

— Я хотела убежать с этого гадкого корабля, — ответила Онорина охрипшим голосом. — Я не хочу здесь оставаться. Я хочу отсюда уйти. Здесь ты очень злая...

Анжелика понимала, что девочка права. Она вспомнила, как Онорина появилась сегодня утром в салоне, где они с мужем спорили, словно два врага.

Тогда малышка одна пошла на ее поиски, и никому не пришло в голову ее остановить. На судне, которое всю ночь трепала буря, она могла двадцать раз переломать себе кости, упав в какой-нибудь открытый люк, или даже свалиться в море. И никто бы никогда не узнал, что случилось с маленькой девочкой, с проклятым незаконнорожденным ребенком! Только этому темнолицему мавру присущее его расе чутье подсказало, кого ищет девочка, семенящая в тумане среди бесчисленных опасных препятствий, и он отвел ее к матери.

А вечером она, Анжелика, поглощенная водоворотом своих тягостных, сводящих с ума мыслей, вовсе перестала обращать внимание на дочь. Она смутно надеялась, что за ней кто-нибудь да присмотрит: Абигель, Северина, жены протестантов... Но у тех тоже голова шла кругом. Сам воздух «Голдсборо» разлагающе действовал на рассудок. Прошло только несколько дней плавания, но ни один из пассажиров уже не смог бы узнать в зеркале собственную душу.

Глубоко запрятанные чувства вышли наружу, я выявилось то, что, казалось, было давно забыто. Осознанно или нет но своим бездействием протестанты давали понять, что и Онорина, и Анжелика для них чужие.

«У тебя есть только я!»

Анжелика кляла себя за то, что позволила себе настолько забытья. Она должна была сразу вспомнить, что после Ниельского аббатства худшее осталось для нее позади. Что бы ни случилось, горе или радость, разве не знает она, что безвыходных положений не бывает? Тогда откуда же это нелепое смятение обезумевшего животного, бессмысленно бьющегося головой о стены? «Нет, я не дам им свести себя с ума!» Она склонилась к дочери и погладила ее выпуклый лобик.

— Я больше не буду злой, но и ты, Онорина, больше не кради! Ты ведь прекрасно знаешь, что поступила очень плохо, взяв эти алмазы.

— Я хотела положить их в мою шкатулку с сокровищами, — сказала девочка, как будто это могло объяснить все.

Тем временем пришел славный Никола Перро и опустился около них на колени. Его сопровождал неизменный его спутник — индеец, с чашкой горячего молока для спасенной девочки.

— Мне поручено справиться, как чувствует себя Горячая головка, — объявил канадец, — именно такое имя ей не преминули бы дать в вигвамах ирокезов. Я должен также дать ей выпить это молоко, в которое добавили несколько капель микстуры, чтобы ее успокоить, если она еще не успокоилась сама. Вообще-то для дурного характера нет лучшего средства, чем холодная вода. А что об этом думаете вы, барышня? Собираетесь еще нырять?

— Ой, нет, вода очень холодная и соленая...

Внимание этого бородача в меховой шапке наполняло Онорину блаженством. Ей захотелось показать себя в самом выгодном свете и обиженное выражение, которое она нарочно придавала своей физиономии, чтобы проучить мать, вмиг уступило место улыбке. Она послушно выпила принесенное молоко.

— Я хочу, чтоб ко мне пришел Колючий Каштан, — потребовала она затем.

— Колючий Каштан?

— Это потому, что у него щеки колются, и мне нравится о них тереться, — с восхищением сказала Онорина. — Он держал меня на руках на лесенке... и еще в воде.

— Она говорит о сицилийце Тормини, — пояснил Никола Перро, — о

матросе, который вытащил ее из воды.

Он добавил, что Тормини пришлось перевязать голову, потому что один из альбатросов клюнул его в висок. Еще немного — и птица выклевала бы ему глаза.

— Вы, мадемуазель Онорина, можете гордиться, что в вашем распоряжении оказались два самых что ни на есть превосходных стрелка. Ваш покорный слуга, которого канадские трапперы считают одним из самых метких, и монсеньор Рескатор.

Анжелика постаралась унять дрожь, пробравшую ее при одном упоминании этого имени. Ведь она поклялась себе сдерживать свои чувства.

Онорина больше не требовала позвать Колючего Каштана. Глаза у нее начали слипаться, и она погрузилась в глубокий сон. Канадец и индеец удалились так же неслышно, как пришли. Анжелика еще долго сидела, глядя на спящую дочь.

Три года!

«Как мы смеем требовать чего-то для себя, когда наши дети только начинают жить?» — думала она.

Ее сердце все еще не отпускала боль. Потребуется немало дней, прежде чем она сможет до конца осмыслить то, что стало для нее одновременно и счастьем, и горем. Чудесное открытие — и тотчас же — такое страшное крушение.

Однако, когда она, слегка озябнув, прилегла около ребенка и начала понемногу опускаться в туманные глубины сна, от всего этого дня, волшебного и ужасного, в душе оставалось только одно смутное чувство — надежда.

«Мы в то же время и далеки, и близки. И не можем убежать друг от друга. Мы плывем на одном корабле, несущем нас по океану, и это заставляет нас оставаться вместе. А дальше — кто знает?..»

Перед тем, как уснуть, она успела подумать: «Он хотел умереть рядом со мной. Почему?»

Глава 14

— Я думаю, мы договорились, — сказал Жофfrey де Пейрак, собирая лежащие на столе пергаментные карты. Он сложил их в стопку и, чтобы они не сворачивались трубкой, положил на углы четыре тяжелых камня, отливающих тусклым блеском смолы. — Плавание, в которое вы попросили меня взять вас, принесет свои плоды, дорогой Перро, поскольку, даже не сходя на берег, вы нашли для себя компаньона, которого собирались искать в Европе. Мне кажется, серебряносная свинцовая руда, найденная вами в верховьях Миссисипи, дает достаточные гарантии обогащения при простом измельчении и промывке, так что предприятие стоит того, чтобы я финансировал экспедицию и участвовал в ней вместе с вами... У вас самих нет ни средств, ни знаний, чтобы эксплуатировать месторождение. Как вы сказали, вы вкладываете в дело свои открытия, а я предоставляю деньги, чтобы извлечь из них доход. О распределении прибылей договоримся позже, когда изучим все на месте.

Лицо Никола Перро, обычно такое невозмутимое, сияло удовлетворением.

— По правде сказать, господин граф, когда я попросил вас взять меня на борт, зная, что вы идете в Европу, у меня была на этот счет кое-какая мыслишка, ведь в наших краях вы слывете человеком очень ученым, особенно в том, что касается рудничного дела. А сегодня, когда вы говорите, что предоставите мне не только необходимые средства, но и ваши неоценимые знания, то для меня, довольно-таки невежественного траппера, жителя лесов, это меняет вообще все. Ведь я, как вы знаете, родился на берегах реки Святого Лаврентия, а тамошнему образованию далеко до того, что получают в Европе.

Жофfrey де Пейрак бросил на канадца дружелюбный взгляд.

— Не питайте слишком больших иллюзий насчет интеллектуальных возможностей Старого Света, мой мальчик. Я знаю им цену — они не стоят и половины хвоста вашего американского койота. В гуронских и ирокезских лесах у меня множество друзей. И дикарями я считаю не их, а европейских деспотов и их раболепствующих придворных.

На лице канадца отразилось недоверие. По правде сказать, он с радостью предвкушал знакомство с Парижем и уже видел себя прогуливающимся среди золоченых карет в своей меховой шапке и сапогах из тюленьей кожи. Но судьба распорядилась иначе, и, будучи реалистом,

он сказал себе, что все делается к лучшему.

— Итак, вы не слишком на меня сердитесь, — снова заговорил граф, как всегда быстро уловивший мысль собеседника, — за ту дурную шутку, которую я сыграл с вами, разумеется, невольно... ведь меня самого толкнули на это... непредвиденные обстоятельства. Наша стоянка в испанском порту оказалась короче, чем я предполагал: я и понятия не имел, что нам придется спешно отплыть и пойти в Ла-Рошель. Кстати, на худой конец вы могли сойти на берег и там.

— Берег показался мне не очень-то гостеприимным. Да и вас не годилось бросать в таком трудном положении. Ну а раз уж вы заинтересовались моими проектами, я и вовсе не жалею, что пришлось плыть обратно, так и не ступив на землю метрополии, откуда прибыли на реку Святого Лаврентия наши предки.... И потом, может стать, что там я никого бы не заинтересовал своими далекими землями, и меня бы обобрали до последнего эю. Говорят, люди в Европе не очень-то порядочные. Взять хотя бы этих гугенотов, которые сейчас опять терзают наш слух своими псалмами, — канадец в раздражении повысил голос. — Поначалу им разрешили распевать их только вечером, а теперь они поют уже по три раза на дню! Как будто задумали этими своими заклинаниями изгнать с «Голдсборо» злых духов.

— Возможно, именно этого они и хотят. Насколько я мог понять, они отнюдь не почитают нас святыми.

— Хмурый и сварливый народец эти гугеноты, — пробурчал Никола Перро. — Надеюсь, вы не собираетесь брать их в нашу экспедицию, чтобы добывать руду в тысяче лье от берега, в дебрях ирокезских лесов?

Видя, что собеседник долго не отвечает, канадец забеспокоился. Но граф покачал головой.

— Нет! — сказал он. — Конечно, нет.

Никола Перро еле удержался от другого вопроса: «А что вы будете с ними делать?»

Он почувствовал, что граф что-то напряженно обдумывает, и его мысли далеко отсюда.

В самом деле, в разносимо морским ветром пении псалмов, которое, казалось, повторяло ритм безустанного биения волн, было что-то растрavляющее душу, навевающее грусть и какую-то непонятную тревогу... «Когда такие вот песнопения слышишь с раннего детства, неудивительно, что становишься не таким как все» — подумал Никола Перро, хотя сам он отнюдь не был ревностным католиком.

Он порылся в карманах в поисках трубки, не нашел ее и оставил

тщетные попытки.

— Странных переселенцев вы везете в Америку, монсеньор. Никак не могу к ним привыкнуть. Не говоря уже о том, что присутствие на корабле всех этих женщин и девушек действует на нервы экипажу. Они уже и без того были недовольны, что мы не зашли, как было намечено, в испанские порты и возвращаемся, не продав добычу.

Канадец снова вздохнул — ему казалось, что граф его не слушает, но тот вдруг устремил на него пронизывающий взгляд.

— Итак, Перро, вы предупреждаете меня об опасности?

— Не совсем так, господин граф. Определенно я ничего не могу сказать. Но вы же знаете — когда проводишь всю жизнь, бродя в одиночку по лесам, начинаешь заранее чують неладное.

— Да, я это знаю.

— Откровенно говоря, господин граф, я никогда не понимал, как вы могли ладить с квакерами из Бостона и в то же время водить дружбу с людьми, совершенно на них не похожими, вроде меня. На мой взгляд, на земле есть две породы людей: такие как квакеры и не такие, как они. И если ладишь с одними, то не ладишь с другими... Но вы — исключение. Почему?

— Бостонские квакеры отлично умеют делать свое дело — они, например, очень искусны в торговле и кораблестроении. Я заказал им корабль и уплатил запрошенную Цену. Если что и может удивлять в этой истории, так только то, что они оказали доверие мне, незнакомцу, явившемуся с мусульманского Востока на старой шебеке, потрепанной бурями и стычками с пиратами. И еще — я никогда не забуду, что именно скромный квакер, бакалейщик из Плимута, привез ко мне моего сына, без колебаний пустившись ради этого в многонедельный путь. А ведь он ничем не был мне обязан.

Граф встал и дружески потрепал канадца за бороду.

— Поверьте, Перро, чтобы создать Новый Свет, нужны всякие. И такие бородатые, неуживчивые греховодники, как вы, и такие праведники, как они, порой суровые до бесчеловечности, но сильные своей сплоченностью. Хотя эти... — наши — еще не показали себя.

Он повел подбородком в сторону двери, из-за которой доносился очередной псалом.

— Это вам не англичане. С англичанами все проще: если на родине дела у них начинают идти плохо, они снимаются с места и уезжают. Пускают корни где-нибудь в другом месте. С нами, французами, все иначе. Мы одержимы страстью к бесконечным рассуждениям — очень хотим

уехать, но в то же время не прочь и остаться. Отказываемся повиноваться королю, однако считаем себя его самыми верными слугами. Я согласен — из этих гугенотов будет нелегко сделать надежных союзников. Они откажутся от дела, если сочтут, что оно не угодно Богу. Однако работать ради одной славы Господней — как бы не так! Деньги для них весьма и весьма важны — но они не желают говорить об этом вслух.

Жоффрей де Пейрак нетерпеливо шагал по салону. Спокойствие, с которым он недавно склонялся над картами, покинуло его, едва с палубы послышалось тоскливое пение протестантов.

Славный канадец почувствовал, что сейчас капитан думает не о нем, а об этом сообществе малоприятных личностей, которых он, тем не менее, почему-то взял на свой корабль. Граф размышлял о них с такой же сосредоточенностью, с какой перед тем раздумывал над перспективами добычи серебра, найденного канадским траппером в верховьях Миссисипи.

Несколько уязвленный тем, что ему больше не уделяют должного внимания, Перро встал и откланялся.

Глава 15

Жоффрей де Пейрак не удерживал его. Он досадовал на себя за то, что нервничает и теряет самообладание всякий раз, когда до его слуха доносятся протяжные псалмы, удивительно созвучные дыханию волн и торжественному величию океана. «Перро прав. Эти протестанты переходят все границы. Но запретить им петь? Нет, не могу...»

Он сознался себе, что его чем-то притягивают эти песнопения, в которых слышатся отзвуки иной жизни, иного мира, отличного от его собственного, мира замкнутого, труднодостижимого, и потому, как и все загадочное в природе, вызывающего его любопытство. К тому же звуки псалмов властно вызывали в его воображении образ Анжелики, женщины, которая некогда была его женой, но превратилась в незнакомку, ибо теперь он не мог читать ни в ее сердце, ни в ее мыслях. Неужели жизнь среди гугенотов в самом деле так ее изменила — ведь прежде она была сильной натурой? Или все это только видимость, хорошо разыгранная комедия? Что же тогда скрыто под ее новой личиной? Женщина кокетливая, корыстная или... влюбленная? Влюбленная в Берна? Он возвращался к этой мысли снова и снова, каждый раз удивляясь той дикой ярости, в которую она его приводила. Тогда он старался овладеть собой и бесстрастно сравнить ту, которую когда-то любил, с той, которую встретил сейчас.

Стоит ли удивляться, что женщина, с которой он расстался и которую не любил много лет, стала другой? В конце концов он может рассматривать ее как одну из своих бывших любовниц.

Но тогда откуда это нетерпение, это желание вникнуть во все, что касается ее?

Когда в белесом утреннем тумане или в ясных морозных вечерних сумерках раздавались песнопения гугенотов, он едва мог сдержать себя — так хотелось ему тотчас выбежать на балкон и окинуть взглядом палубу, чтобы увидеть, там ли она.

И на этот раз он надел было маску, решившись выйти, но затем передумал.

Ради чего так себя терзать? Да, он увидит ее. А дальше? Она будет сидеть немного поодаль от остальных, с дочерью на коленях, одетая в черный плащ и белый чепец, так же, как и все эти чопорно застывшие женщины, похожие на вдов. Ее повернутое в профиль тонкое патрицианское лицо будет как всегда склонено. И время от времени она

будет быстрым движением обращать его в сторону юта, надеясь — или страшась — увидеть там его.

Он снова подошел к столу и взял один из кусков сереброносного свинца.

Он держал камень в руке, машинально прикидывая его вес, и мало-помалу тягостные мысли отступили.

У него снова есть дело — а это уже много! Перспектива многолетнего труда на девственной земле, где его целью будет изучение тайн природы, поиск ее скрытых сокровищ и возможностей их использования с наибольшей отдачей.

Пятнадцать лет назад, стоя перед трибуналом, собранным, чтобы судить его, видя, как с судейских кресел на него глядят глупость, невежество, зависть, скудоумный фанатизм, раболепие, лицемерие, продажность, слушая смертный приговор, обрекавший его на сожжение на костре за колдовство, он был прежде всего поражен тем, как логично завершилась драма, над которой он уже немало размышлял.

За долгие часы, проведенные в тюрьме, он во всех подробностях обдумал то, что с ним случилось. И хотя его тело было искалечено пытками, ему безумно захотелось жить — не столько из-за страха перед смертью, сколько оттого, что все его существо восставало против мысли, что он окончит жизнь, так и не реализовав свои силы, которые дотоле напрасно растрчивал на пути, ведущем в тупик.

На паперти собора Парижской Богоматери он просил не милосердия, а справедливости. И обращался не к тому Богу, чьи заповеди нередко нарушал, но к Тому, кто олицетворял собой Разум и Знание: «Ты не вправе оставить меня — ведь я никогда Тебя не предавал».

Однако в те минуты он был уверен, что умрет.

Только придя в себя на берегу Сены, вдали от орущей черни, и с удивлением обнаружив, что жив, он понял — произошло чудо.

То, что последовало затем, было нелегко, но не оставило у него слишком тяжелых воспоминаний. Нырнуть в холодную воду реки, в то время как охранявшие его мушкетеры безмятежно храпели, подплыть к спрятанной в камышах лодке, отвязать ее и отдаться на волю течения. Должно быть, он ненадолго потерял сознание, затем, очнувшись, снял с себя рубаху смертника и оделся в поношенное крестьянское платье, которое нашел в лодке.

Потом он много дней брел к Парижу по бесконечным обледенелым дорогам, отверженный, голодный, потому что не осмеливался заходить на фермы, и только одна мысль поддерживала его: «Я жив и я от них убегу».

После дыбы его хромая нога представляла собой странное зрелище. Иногда она выворачивалась в колене, и он вдруг видел, что она становится на землю наоборот — пяткой вперед, словно у марионетки. Он выдернул из изгороди два колышка и смастерил из них подобие грубых костылей. Всякий раз, когда после передышки ему приходилось снова пускаться в путь, он на протяжении всего первого лье испытывал невыносимую боль и едва сдерживался, чтобы не издавать при каждом шаге безумного крика. Сидящие на оголенных яблонях вороны со зловещим интересом смотрели на это истерзанное существо с растянутыми суставами, готовое вот-вот рухнуть в беспамятстве. Затем боль понемногу притуплялась, и ему удавалось идти сравнительно быстро. Вся его пищу составляли подобранные в канавах мерзлые яблоки, иногда — упавшая с крестьянской повозки репа. Монахи, у которых он попросил приюта, были к нему добры, однако задумали отправить его в ближайший лепрозорий, и ему стоило немалого труда украдкой сбежать по пути туда. Он снова заковылял по дороге, отпугивая редких встречных крестьян своими окровавленными лохмотьями и платком, скрывающим лицо.

Однажды, почувствовав, что не в силах более сделать ни шагу, он собрал все свое мужество, чтобы осмотреть, наконец проклятую ногу. Сделав над собой невероятное усилие, он отодрал от тела задубевшую от крови ткань коротких штанов и увидел на задней стороне колена два торчащих из зияющей раны жестких белесых обрывка, похожих на китовый ус. Именно их беспрестанное трение о поверхность раны причиняло ему ту адскую боль, от которой он не раз терял сознание. В отчаянии он лезвием ножа, найденного на дороге, отрезал эти мешающие ему отростки, которые были не чем иным, как его собственными разорванными сухожилиями. После этого нога сразу утратила всякую чувствительность. Теперь она еще больше крутилась во все стороны, как у тряпичной куклы, и совсем не слушалась, но идти все же стало намного легче.

Наконец на горизонте показались колокольни Парижа. Следуя заранее продуманному плану, Жоффрей де Пейрак обошел город кругом. Когда он приблизился к часовне в Венсенском лесу, то почувствовал, что победил.

Скромный храм, укрытый в лесу, избежал наложения королевских печатей — единственное исключение из всех некогда богатых владений тулузского графа. Он погладил каменную стену и подумал: «Ты еще мне принадлежишь и ты мне послужишь».

Да, она хорошо послужила ему, эта маленькая, затерянная в лесу часовня. Все, что он велел соорудить, щедро заплатив рабочим,

действовало отлично: подземный ход, по которому он смог пробраться в Париж, колодец, через который поднялся в сад своего дома. Отеля Ботрей, тайник в молельне, где в свое время, повинувшись смутному предчувствию беды, он на всякий случай спрятал целое состояние в золоте и драгоценностях. Прижав к груди тяжелую шкатулку, он подумал, что одолел еще один этап на пути из ада. Владея этим богатством, он уже не был безоружен. За один алмаз он легко приобретет повозку, за два золотых — лошадь... За полный кошелек люди, которые еще вчера его отвергали, с готовностью придут ему на помощь, и он сможет бежать, покинуть королевство.

Но одновременно он почувствовал, что его сжимает в своих объятиях смерть. Никогда — ни прежде, ни потом — он не ощущал ее так близко, как в эту минуту, когда вдруг рухнул на каменные плиты пола, с ужасом прислушиваясь, как все реже и слабее бьется его сердце. Он понял — никакая сила воли уже не поможет ему спуститься по железным скобам в стенке колодца. Может быть, позвать на помощь старого Паскалу? Но старик, немного выживший из ума, явно принял его за привидение и, наверное, убежал. Возможно, он уже поднимает на ноги соседей.

Где же найти руку помощи? И тут он вдруг вспомнил худую руку, поддерживавшую его на пути к месту казни, руку отца Антуана, священника-лазариста, которого к нему прислали для предсмертной исповеди.

Есть на свете люди, которых нельзя купить ни за золото, ни за рубины. Знатный тулузский сеньор, хорошо изучивший человеческую природу, знал эту истину, как знал и то, что большинство двуногих существ продажны. Но все же есть среди них такие, в чьих душах Господь возжег негаснущее пламя ангельской доброты. Маленький священник-лазарист был из их числа. Ведь должно же быть на земле прибежище для несчастных.

Собрав последние силы, Жоффрей де Пейрак вышел из Отеля Ботрей через дверь оранжереи. Она открывалась изнутри и не была опечатана, чтобы через нее мог входить и выходить сторож. Несколько минут спустя беглец уже звонил в колокольчик у ворот монастыря лазаристов, находившегося — он это помнил — неподалеку от его жилища.

Он даже придумал фразу, которую скажет отцу Антуану, своего рода богословскую шутку: «Вы должны помочь мне, аббат. Ибо Господь явно не желает, чтобы я умер... а я весьма близок к этому». Но из его изодранного во время пытки водой горла не вышел ни единый звук.

Уже несколько дней назад он заметил, что стал нем.

Жоффрей де Пейрак покачал головой и, почувствовав под ногами колышущуюся палубу своего верного «Голдсборо», улыбнулся. «О, отец Антуан! Пожалуй, мой лучший друг... Во всяком случае — самый преданный, самый бескорыстный...»

Он, граф де Пейрак, еще недавно могущественнейший сеньор Аквитании, владелец одного из самых крупных состояний королевства, на многие дни и недели вверил себя этим слабым рукам, выглядывавшим из рукавов потертой сутаны. Священник не только укрыл и выходил его — он еще подал ему гениальную мысль: воспользоваться именем и местом одного из каторжников, которых должны были в цепях отправить в Марсель, на галеры, и которых отцу Антуану надлежало сопровождать. Этот каторжник был убит своими же товарищами, так как выяснилось, что он — полицейский доносчик. Отец Антуан, недавно назначенный духовником несчастных галерников, ловко устроил подмену. Жоффрей де Пейрак, брошенный на солому в повозку, мог не бояться, что его выдадут другие каторжники — напротив, они были счастливы, что, совершив убийство, так легко отделались. Стражи, тупые и грубые, не задавали вопросов висельникам, которых им приказали охранять. Между тем отец Антуан в своем скромном багаже, среди утвари, потребной для служения мессы, тайно вез шкатулку с принадлежащими графу золотом и драгоценностями.

«Какой замечательный человек!»

В Марселе они нашли Куасси-Ба, черного слугу графа, также приговоренного к галерам. Его разыскал и привел к изувеченному хозяину все тот же священник. Их побег был облегчен тем, что галерные приставы, набравшие команды гребцов, признали полупарализованного Жоффрея де Пейрака «непригодным», и он не попал в первую партию каторжников, отправленную в море.

Укрывшись со своим слугой в восточном квартале большого, основанного еще финикийцами города, свободный, но все еще в опасности, куда он находился на земле Франции, граф долгое время искал возможность уплыть на каком-нибудь судне на арабский Восток. Однако он не хотел делать этого, не удостоверившись наперед, что сможет начать жизнь заново под другим именем и под защитой покровителей, которые позволят ему без риска находиться среди берберийцев.

Поэтому он послал письма святейшему муфтию Абд-эль-Мешрату, арабскому ученому, с которым до ареста долгое время переписывался, обсуждая новейшие открытия в области химии. Сверх всяких ожиданий

гонiec смог встретиться со святым мусульманином в самом Фесе, закрытом для христиан, легендарном городе Магриба^[14].

Ответ Абд-эль-Мешрата был исполнен спокойной ясности, свойственной возвышенным умам, для которых единственными границами между людьми являются границы между глупостью и умом, между невежеством и знанием.

В безлунную ночь великан-негр Куасси-Ба, неся на плечах своего немощного хозяина, проскользнул между голых скал небольшой бухты в окрестностях Сен-Тропеа. Там, спустив на своем судне все паруса, их ожидали берберийцы в белых бурнусах. Они были в некотором роде завсегдатаями этого укромного местечка, куда часто и охотно наведывались в поисках красивых провансалонок с белой кожей и черными глазами. Путешествие прошло благополучно, и перед человеком, в последнюю минуту избежавшим костра, открылась новая страница жизни. Его дружба с Абд-эль-Мешратом, выздоровление, пришедшее благодаря необычайному врачебному искусству арабского ученого, отношения с Мулеем Исмаилом, который сначала послал его разрабатывать месторождения золота в Судане, а затем отправил с посольской миссией к турецкому султану. Наконец организация торговли серебром, сделавшая его одним из самых знаменитых корсаров Средиземного моря... Он пережил немало захватывающих, вдохновляющих приключений, и каждый день приносил его жадному уму множество новых знаний. Он не сожалел о прожитой им жизни! Ни о чем — даже о своих поражениях и неудачах. Все, что он вытерпел или предпринял, казалось ему интересным, все это, по его мнению, стоило познать и даже пережить заново — он не отказался бы ни от чего, в том числе и от неизвестности, которая маячила впереди. Мужчина — если он действительно мужчина — чувствует себя уверенно в гуще любых приключений и даже катастроф. У мужского сердца жесткая оболочка. Мало есть на свете такого, от чего оно не могло бы оправиться.

У женщин сердца более ранимы — даже у тех из них, которые умеют мужественно переносить невзгоды и страхи. Смерть любви или смерть ребенка может навсегда погасить в них радость жизни.

Странные существа женщины — одновременно уязвимые и жестокие. Жестокие, когда лгут и еще более жестокие, когда говорят искренне. Как Анжелика вчера, когда бросила ему в лицо: «Я вас ненавижу... Лучше бы вы умерли».

Глава 16

Всему виной эта рыжая девочка. По правде сказать, необыкновенная маленькая особа и очень напоминает мать лицом и улыбкой. Правда, рот у нее больше и не так безупречно очерчен, но в изгибе и выразительности губ столько сходства, что несмотря на ее рыжую шевелюру и маленькие раскосые черные глаза (а у матери они огромные и ясные, словно вода источника) — сомнений быть не может: это дочь Анжелики.

Плоть от ее плоти — и от плоти другого мужчины. Мужчины, которого Анжелика, вздыхая от страсти, приняла в свои объятия с таким же восторженным и томным лицом, какое она, сама того не подозревая, явила ему в тот первый вечер на «Голдсборо».

Стоя за портьерой, он видел, как она проснулась и тут же склонилась к ребенку. Его тогда обожгла ревность, потому что в свете заходящего солнца он увидел, что она куда красивее, чем он думал, и еще потому, что спросил себя, черты какого любовника старается она отыскать в лице спящей девочки? И хотя до этого он собирался подойти к ней и снять маску, сейчас он не мог сдвинуться с места, ибо между ними встала стена.

Он слышал, как она шепчет нежные слова, как тихо и страстно разговаривает с ребенком. Никогда она не вела себя так с Флоримоном, его сыном... И он дал ей уйти, так и не показавшись.

Когда, вновь надев маску и взяв секстант, Жоффрей де Пейрак вышел на трап, он сразу же увидел, что протестанты уже закончили свое молитвенное собрание и покинули верхнюю палубу. Он ощутил облегчение и в то же время — разочарование. Затем, запахнув плащ, собрался подняться на капитанский мостик, чтобы с помощью секстанта определить координаты судна, но тут его заинтриговало поведение мавра Абдуллы.

Слуга-марокканец, который последние десять лет следовал за ним, как тень, соотнося все свои действия с его желаниями, сейчас, казалось, вовсе не замечал его присутствия.

Он опирался на позолоченные деревянные перила у застекленных дверей личных апартаментов капитана и смотрел прямо перед собой своими огромными черными глазами. Несмотря на его небрежную позу, Жоффрей де Пейрак, привыкший распознавать душевные движения людей его расы, одновременно пассивных и страстных, догадался, что Абдулла

чрезвычайно взволнован. Он чем-то походил на изготовившегося к прыжку зверя; его толстые лиловые губы дрожали на темно-бронзовом лице.

Заметив, что хозяин наблюдает за ним, он, не подавая вида, опустил глаза, расслабился и принял тот бесстрастный вид, который его, сурово муштруя, учили сохранять, когда он состоял в личной охране султана Мулея Исмаила. Один из самых красивых и метких стрелков стражи султана Марокко, он был подарен великому магу Джеффа-эль-Халдуну (так звали графа де Пейрака в Берберии), которого султан Марокко почтил своей дружбой.

Потом он плавал с графом де Пейраком по многим морям. Несколько раз в день он варил своему господину кофе, без которого тот, привыкнув к этому напитку за годы, проведенные в Леванте^[15], уже не мог обходиться. Абдулла спал у его дверей или на полу, возле его кровати, везде следовал за ним по пятам с заряженным мушкетом и бесчисленное множество раз спас жизнь великого мага во время сражений, бурь и заговоров.

— Я провожу тебя, хозяин, — сказал он.

Но ему было не по себе, так как он по опыту знал, что Джеффа-эль-Халдун способен взглядом проникать в его мысли.

И действительно, взгляд хозяина был устремлен туда, куда только что смотрел он сам. Поймет ли Джеффа-эль-Халдун, что он, Абдулла, там видел и что, несмотря на окружающий их холод, зажгло в его крови львиный жар?

— Неужели тебе так не терпится прибыть в Америку, Абдулла? — спросил граф.

— Здесь или там — какая разница, — мрачно пробормотал мавр. — Ля-илляхи-илла-Алла-ва-Мухаммед-расулу-Алла^[16] ...

Вытащив из своей джеллабы^[17] маленький мешочек, он взял оттуда щепотку какого-то белого вещества и помазал им себе лоб и щеки. Рескатор наблюдал за ним.

— Откуда такая меланхолия, старина, и к чему этот карнавал?

Белые зубы мавра сверкнули в улыбке.

— О, господин, ты очень добр — ты обращаешься со мной, как с равным. Да сохранит меня Аллах от твоей немилости, и если мне суждено погибнуть, я молю его даровать мне смерть от твоей руки. Ибо в Коране сказано: «Если хозяин отрубит голову своему рабу, тот попадет в рай...»

И, просветлев лицом, Абдулла последовал за своим высокочтимым хозяином. Но вместо того, чтобы подняться на мостик, Рескатор спустился на несколько ступенек и по узкому настилу пошел на бак.

Абдулла вздрогнул всем телом. Стало быть, хозяин опять разгадал его мысли. Он следовал за своим господином со смешанным чувством нетерпения и страха перед неизбежным. Ибо теперь он знал — его смерть близка.

Глава 17

На баке протестантские женщины стирали белье. Их белые чепчики походили на стаю чаек, сгрудившихся на узкой полоске берега. Подойдя к ним ближе, Рескатор принялся отвешивать учтивые поклоны госпоже Маниго, госпоже Мерсело, старой деве тетушке Анне, чью эрудицию в области математики он уже успел оценить, кроткой Абигель — она при этом тотчас же залилась краской — и наконец молодым девушкам, которые не осмеливались поднять на него глаза, и выглядели точь-в-точь как смущенные воспитанницы монастырского пансиона.

Затем он прошел к грот-мачте и, встав к ней лицом, начал делать числение по солнцу и своему секстанту.

Вскоре он почувствовал: за его спиной стоит ОНА.

Он обернулся.

Побледнев от сделанного над собой усилия, Анжелика выпалила:

— Вчера я сказала вам страшные слова. Я так испугалась за моего ребенка, что была сама не своя. Я хочу извиниться перед вами.

Поклонившись ей, он ответил:

— Благодарю вас за любезный поступок, хотя в нем нет ни малейшей нужды. Вам подсказало его чувство долга, однако он не может стереть ваши вчерашние слова, которые, впрочем, имели одно несомненное достоинство — они, по крайней мере, были искренни. Поверьте, я прекрасно вас понял.

Она бросила на него странный взгляд: в нем были одновременно и боль, и гнев.

— Вы совсем ничего не поняли, — вздохнула она.

И опустила веки, словно бесконечно устала.

«Раньше она никогда так не осторожничала, — подумал он. — Раньше она дерзко смотрела вокруг, даже когда ей бывало страшно. Признаться, этот взмах ресниц весьма впечатляет, но что за ним стоит: светское лицемерие или гугенотская скромность? Как бы то ни было, одно в ней осталось неизменным: она по-прежнему излучает здоровье и силу, как солнце пышет жаром в летний день. И, черт побери, у нее очень красивые руки».

Под его пронизывающим взглядом Анжелика терпела адские муки.

Ей хотелось возразить ему, но ни время, ни место не подходили для серьезного разговора. Стирающие женщины глазели на них, матросы тоже

— впрочем, эти всегда не спускали глаз с капитана, когда он появлялся на палубе.

Несколько раз, с самого утра, Анжелика хотела пойти к нему и поговорить. Но ее удерживали смешанные чувства гордости и страха. И сейчас ее опять парализовал страх, и она в смущении потирала свои оголенные для стирки руки, которые ласково пригревало солнце.

— Девочка оправилась? — спросил он.

Она ответила утвердительно и решила, что ей лучше уйти и вернуться к своей лохани.

Вот так! Такова жизнь. Надо стирать белье. Ничего не поделаешь, если это ужаснет утонченного господина де Пейрака, злясь, говорила себе Анжелика. Может быть, видя ее сейчас, он поймет, что ей гораздо чаще приходилось заниматься тяжелой работой, чем танцевать на балах при дворе, и что если мужчина хочет сохранить женщину во всей ее красе и обольстительности и притом для себя одного, то ему следует хоть немного постараться, чтобы ее защитить.

Он дал ей понять, что они стали чужими друг другу. Возможно, придет день, когда они станут врагами. Ее все больше бесила его равнодушная снисходительность, его стремление унижить ее. Если бы их встреча произошла на берегу, она наверняка постаралась бы уехать от него подальше, чтобы доказать, что она не из тех женщин, которые цепляются за мужчину, если он их отвергает.

«К счастью, — говорила она себе, изо всех сил растирая щеткой белье, — мы плывем на корабле и не можем убежать друг от друга».

Она страдала и в то же время была счастлива — ведь он был здесь, во плоти и крови. Видеть его, говорить с ним — это уже чудо. Значит, будут и другие чудеса...

Поднимая глаза, она видела его спину, его плечи, обтянутые бархатным камзолом, перехваченную кожаным поясом талию, серебряную рукоять пистолета, выглядывавшую из кобуры на боку.

Это был он! Ах, какая мука знать, что он так близок и чувствовать, что он так далек! «И все-таки у его груди я когда-то спала, в его объятиях стала женщиной. В Кандии, зная, кто я, он держал меня за плечи и говорил со мной с чарующей нежностью. Но в Кандии я была другой, не такой, как сейчас. Как могла я противиться злу, которое причинила мне жизнь... которое причинил мне король? Он обвиняет меня в том, что я будто бы стала королевской любовницей и под этим предлогом презирает и отвергает меня. А между тем, когда я боролась против короля, он обнимал других женщин! Я помню, какая слава шла о нем в Средиземноморье. Он

не очень-то тосковал обо мне. А теперь я ему мешаю. Он тоже предпочел бы, чтоб я умерла на самом деле, когда в пустыне меня укусила змея. Но я не хотела умирать! Не больше чем он! Так что в этом мы похожи. И мы были мужем и женой. Соединенными навсегда «в счастье и в горестях», хотя нам и пришлось расстаться. Нет, невозможно, чтобы все это ушло без следа, чтобы наша любовь не возродилась, раз мы оба живы».

У нее начали болеть глаза — так пристально она на него смотрела.

Каждое его движение настолько волновало ее, что она вся дрожала.

— Вы так трете белье, что даже взбили пену, — пробурчала госпожа Каррер, делившая с ней лохань. — Можно подумать, что у нас есть мыло!

Анжелика ее не слышала.

Она смотрела, как он поднимает секстант, поворачивает закрытое маской лицо к горизонту и что-то говорит боцману. Вот он повернулся, опять подошел к женщинам и, метя палубу пером шляпы, поклонился им с таким изяществом, словно перед ним были придворные дамы. Он обратился к Абигель, но они стояли слишком далеко, чтобы Анжелика могла разобрать, о чем они говорят. К тому же их слова относил ветер.

Он неотрывно смотрел в глаза Абигель, и та покраснела от непривычного для нее мужского внимания.

«Если он ее коснется, я закричу», — подумала Анжелика.

Рескатор взял Абигель за руку, и Анжелика вздрогнула, будто это она ощутила его прикосновение.

Он повел Абигель на нос корабля и начал что-то показывать ей вдали, какую-то далекую белую полосу, сияющую в лучах солнца. Это были льды, о которых все уже успели забыть из-за неожиданно пришедшего тепла.

Потом, непринужденно облокотившись на перила, он с улыбкой на губах (они нисколько не изменились, остались такими же красивыми) стал внимательно слушать свою собеседницу.

Анжелика представила себе, как сейчас должна себя чувствовать Абигель. Поначалу напуганная знаками внимания со стороны столь грозной особы, она понемногу успокоится и поддастся обаянию его ума. Ободренная тем, что ее понимают, увлеченная разговором, побуждаемая обнаружить все лучшее, что в ней есть, она оживится, и сразу станет заметно, какой ясной, умной красотой отмечено ее нежное лицо, что в другое время не всегда разглядишь из-за ее чересчур строгого воспитания. Она будет говорить замечательно, будет высказывать тонкие суждения и в устремленном на нее взгляде прочтет полное одобрение.

Простая беседа с ним запечатлется в ее памяти так, будто эти несколько минут она прожила в ином мире, совершенно непохожем на мир ее единоверцев.

Вот так этот обольститель безошибочно находит путь к женским сердцам.

«Но только не к моему! — злилась Анжелика. — Он нисколько не утруждает себя старанием понравиться мне — скорее, наоборот».

Так же безошибочно, как он умел очаровывать, он сумел уязвить ее в самое сердце.

«Чего он добивается, у меня на глазах околдовывая Абигель? Хочет вызвать у меня ревность? Продемонстрировать мне свое безразличие? Дать понять, что, по его мнению, мы оба свободны? И почему именно Абигель?.. Должно быть, он считает себя выше всех законов, и человеческих и божеских. Выходит, узы брака для него ничто. Ну ничего, я заставлю его понять, что законы все-таки существуют и что для него они писаны тоже. Я его жена и ею останусь. Я его не отдам...»

— Не колотите так сильно вальком, — снова заговорила госпожа Каррер, стиравшая в той же лохани и в той же скупой налитой воде. — Вы истреплете белье. А мы не скоро сможем купить другое.

Неужели он думает, что она попадется на эти его грубые уловки и предоставит ему удобный случай отыгаться, свести с нею счеты? Она жила при дворе, в этом змеином гнезде, но и там не дала втянуть себя в гнусные интриги придворных. Не поддастся она и теперь, хотя он сумел сделать ей очень больно — ведь он, Жоффрей, всегда был ее вечной любовью.

Нет, она не станет цепляться за него, если он ее не желает и тем более не станет расписывать, как трудно ей жилось, о чем он, кажется, и не подозревает. Насильно мила не будешь, а пытаться вызвать в мужчине угрызения совести, чтобы тем самым вернуть любовь — это и мелко, и глупо. К чему напоминать ему, что на дно жизни она скатилась из-за него? Ведь он в то время тоже был вынужден защищать свою жизнь. И ей неведомо, какие ужасы он при этом испытал. О них знает он один. Если она его по-настоящему любит, она не станет добавлять к его прежним страданиям новые.

Твердо решив, что не даст свести себя с ума, Анжелика старалась обуздать самые бурные из охвативших ее чувств. Она не позволит себе предаваться ни надеждам, ни унынию, ни возмущению. В ней не должно

быть места ничему, кроме спокойствия и терпения.

Она словно друга полюбила старину «Голдсборо» за то, что он помогал им не удаляться друг от друга. Поскрипывающее суденышко, такое одинокое в свинцовых водах океана, соединяло их и удерживало от непоправимых поступков.

Ей хотелось, чтобы их плавание никогда не кончалось.

Рескатор простился с Абибель и ушел с бака, спустившись по трапу у правого борта.

Госпожа Каррер подтолкнула Анжелику локтем и, нагнувшись к ней поближе, прошептала:

— Я с шестнадцати лет мечтала, чтобы какой-нибудь пират вроде этого похитил меня и увез по морю куда-нибудь на чудесный остров.

— Вы? — проговорила ошеломленная Анжелика.

Жена адвоката весело подмигнула. Это была похожая, на черную муравью женщина, очень деятельная и абсолютно непривлекательная. Ее сшитый по моде провинции Ангумау чепец, всегда туго накрахмаленный, был до того высок, что казалось, вот-вот раздавит ее хрупкое тело. Однако на самом деле Марселла Каррер была женщина крепкая и произвела на свет одиннадцать детей. Блеснув глазами за стеклами очков, она подтвердила:

— Да, я. Что поделаешь, у меня всегда было живое воображение! Я и сейчас иногда вспоминаю об этом пирате из моих грез. Представляете, что со мной было, когда я увидела точно такого же живьем, да еще в нескольких шагах от себя! И посмотрите, как богато он одет! И потом эта маска — меня от нее прямо в дрожь бросает.

— А я, красавицы мои, скажу вам, откуда он, — провещала госпожа Маниго таким тоном, каким объявляют важные известия. — Не в обиду госпоже Анжелике будь сказано, но я думаю, уж не знаю ли я о нем больше, чем она.

— Это бы меня весьма удивило, — сквозь зубы бросила Анжелика.

— Так говорите же, что вы знаете, — защебетали дамы, тут же подойдя поближе. — Он испанец? Итальянец? Турок?

— Ничего подобного. Он из наших краев, — изрекла кумушка с торжествующим видом.

— Из наших краев? Из Ла-Рошели?

— Разве я сказала — из Ла-Рошели? — Госпожа Маниго пожала своими широкими мясистыми плечами. — Я сказала, что он из наших краев — это значит, оттуда же, откуда и я.

— Из Ангулема? — хором воскликнули ларошельские дамы в порыве возмущения и недоверия.

— Не совсем, немного южнее. Из Тарба... или из Тулузы, да, скорее всего из Тулузы, — добавила она нехотя. — Но все равно он дворянин из Аквитании, гасконец, — пробормотала она с гордостью, и ее заплывшие жиром глазки победоносно сверкнули.

У Анжелики перехватило горло. Она готова была расцеловать толстуху, но сдержалась, сказав себе, что с ее стороны глупо так расчувствоваться из-за вещей, которые того не стоят. Какой прок от воспоминаний здесь, на краю Моря Тьмы, где холодными вечерами по небу разливается играющее всеми цветами радуги сияние... Воспоминания — как засушенные цветы с частицами родимой земли на корнях, которые каждый носит у сердца.

— Как я это узнала? — продолжала между тем супруга судовладельца. — Для человека умного, мои милочки, это пара пустяков. Как-то раз, встретив меня на палубе, он сказал: «Госпожа Маниго, у вас ангулемский акцент!» Слово за слово — и мы начали говорить о наших краях...

Госпожа Мерсело, жена бумажного фабриканта, удовлетворив свое любопытство, сочла за лучшее воздержаться от восторгов.

— Чего он вам не сказал, моя милая, так это того, почему он носит маску, почему избегает встреч с другими судами и почему уже много лет, покинув родные края, путешествует по морям.

— Не всем же оставаться дома. Дух приключений дышит, где хочет.

— Дух приключений? Уж лучше скажите — любовь к грабежам.

Обе женщины искоса посмотрели на Анжелику. Упорство, с которым она отказывалась рассказать им подробнее о «Голдсборо» и его капитане, с каждым днем казалось им все более подозрительным. Вынужденные сесть на судно без флага, плывущее неизвестно куда, они считали, что имеют право на разъяснения.

Но Анжелика с непроницаемым видом молчала, прикидываясь, что ничего не слышит.

Дамы в конце концов удалились, дабы развесить на снастях плоды своего труда. Нужно было воспользоваться последними лучами этого чудесного солнца, ведь скоро его сменит холод северной ночи, который каждую выстиранную рубашку может превратить в стальные доспехи. Но днем, когда небо бывало безоблачно, а воздух — на удивление сух, на палубе становилось очень тепло и приятно.

— Как жарко! — воскликнула юная Бертиль Мерсело, снимая корсаж.

И так как ее чепчик съехал набок, она сдернула и его и трянула

своими белокурыми волосами.

— Мы на краю земли, поэтому солнце совсем близко и так сильно греет! Сейчас оно нас поджарит!

Она пронзительно рассмеялась. Под ее сорочкой с короткими рукавами ясно обрисовывались красивая высокая грудь с острыми сосками и плечи, еще по-отрочески хрупкие, но сильные и округлые.

Поглощенная своими раздумьями Анжелика подняла глаза и посмотрела на девушку.

«Наверное, в семнадцать лет я была на нее похожа», — подумала она.

Одна из подружек Бертиль, тут же последовав ее примеру, сорвала с себя и корсаж, и шерстяную кофточку, что была под ним. Она была не так красива, как дочь Мерсело, но фигурка у нее была пухленькая и вполне сформировавшаяся, как у взрослой женщины. Открытая сорочка девушки соскальзывала с плеч.

— Мне холодно! — воскликнула она. — Ой, холод меня кусает, а солнце ласкает. Как хорошо!

Другие девушки смеялись, но несколько принужденно, стараясь скрыть смущение и зависть.

Анжелика перехватила взгляд Северины, и прочла в нем мольбу о помощи. Северина была младше других девушек, и неуместно вольное поведение старших подруг глубоко ее шокировало. Как бы в знак протеста она плотнее запахнула на груди концы своей черной косынки.

Анжелика сообразила, что происходит что-то необычное. Обернувшись, она увидела мавра.

Опираясь на свой украшенный серебром мушкет, Абдулла смотрел на девушек с выражением столь красноречивым, что всякому искушенному человеку было ясно, что у него на уме. Впрочем, эта очаровательная картина привлекла не одного его.

Темнокожие матросы с физиономиями висельников уже скользили вниз по вантам и с притворно безразличным видом подходили поближе.

Свисток боцмана заставил их вернуться на свои места. Карлик бросил на женщин взгляд, полный ненависти, и, плюнув в их сторону, удалился.

Абдулла торжествовал — теперь он был здесь единственный мужчина. Его лицо африканского идола было неизменно обращено к предмету его вождения — белокурой девственнице, которая уже несколько дней как разбудила в нем желание, тем более жгучее, что он давно не имел женщины, ибо много дней находился в море.

Анжелика поняла, что она единственный взрослый человек среди этих взбалмошных дурочек и решительно взяла дело в свои руки.

— Вам следовало бы одеться, Бертиль, — сухо сказала она. — И вам тоже, Рашель. Вы с ума сошли — посметь вот так раздеться на палубе.

— Но ведь очень жарко! — воскликнула Бертиль, наивно тараща свои голубые глаза. — Мы так намерзлись, как же теперь не погреться?

— Речь не о том. Вы привлекаете внимание мужчин, а это неблагоприятно.

— Мужчин? Каких мужчин? — голос Бертиль вдруг сделался пронзительным. — Ах, этого, — протянула она, будто только сейчас заметила Абдулла. — Ну, этот не в счет. А я-то думала...

И она рассмеялась серебристым смехом, который прозвенел словно колокольчик.

— Я знаю, что он мною любит. Он приходит каждый вечер, когда мы собираемся на палубе и при удобном случае подходит ко мне. Он подарил мне несколько безделиц: стеклянные бусы, серебряную монетку. По-моему, он принимает меня за богиню. Мне это нравится.

— Вы заблуждаетесь. Он принимает вас за то, что вы есть, иными словами...

Она решила не продолжать, чтобы не смущать Северину и других девочек. Ведь воспитанные на Библии, за толстыми стенами протестантских домов, они были так наивны.

— Оденьтесь, Бертиль, — мягко повторила она. — Поверьте мне, когда у вас будет побольше опыта, вы поймете истинный смысл этого восхищения, которое так вам льстит, и покраснеете за свое нынешнее поведение.

Бертиль не стала дожидаться, когда у нее будет побольше опыта, и сразу же покраснела до корней волос. Ее миловидное лицо исказила злобная гримаса.

— Вы говорите так из ревности... Потому что он смотрит на меня, а не на вас... Теперь вы уже не самая красивая, госпожа Анжелика... скоро самой красивой стану я — даже в глазах тех мужчин, которые сегодня все еще восхищаются вами... Вот вам — смотрите, как я следую вашим советам.

Она быстрым движением повернулась к Абдулле, и одарила его ослепительной улыбкой, открыв прелестные жемчужные зубки.

Мавр задрожал всем телом. Глаза его вспыхнули, а губы, отвечая на улыбку Бертиль, как-то странно растянулись.

— Ох, какая же вы дурочка! — вскипела Анжелика. — Бертиль, сейчас же прекратите эти проделки, не то, обещаю вам, что все расскажу вашему отцу.

Угроза подействовала. В том, что касалось соблюдения благопристойности, мэтр Мерсело шуток не любил, а когда речь шла о его единственной обожаемой дочери, и вовсе был до крайности щепетилен. Бертиль неохотно подняла свой корсаж. Рашель оделась еще раньше — после первых же слов Анжелики, потому что как и вся молодежь их маленькой общины, питала глубокое доверие к советам служанки мэтра Берна. И неожиданная дерзость Бертиль по отношению к ней потрясла девушек, словно святотатство.

Но Бертиль, которой уже давно не давала покоя зависть, не желала признать себя побежденной.

— О, я знаю, откуда произошла ваша досада, — снова заговорила она. — Хозяин корабля не удостоил вас взглядом. А между тем всем известно, что вы проводите ночи в его каюте. Но сегодня он предпочел приволокнуться за Абигель.

Она нервно рассмеялась.

— У него не очень-то хороший вкус! Что он нашел в этой высохшей старой деве?

Желая угодить Бертиль, две или три ее подружки хихикнули.

Анжелика устало вздохнула.

— Бедные мои дети, ваша глупость превосходит всякое воображение. Вы еще ничего не понимаете в жизни, однако беретесь о ней рассуждать. Придется мне вам сказать, раз уж вам самим это невдомек, что Абигель — женщина красивая и привлекательная. Да знаете ли вы, что когда она распускает волосы, они доходят ей до поясницы? Ни у одной из вас никогда не будет таких красивых волос, даже у вас, Бертиль. К тому же, у нее есть ум и сердце, вы же своей глупостью можете наскучить даже тем поклонникам, которых к вам привлечет ваша юность.

Уязвленные ее словами, юные дурочки замолчали — не потому, что Анжелика убедила их, а потому, что они не нашли, что ответить, Бертиль одевалась медленно, поглядывая на мавра, который продолжал неподвижно стоять на том же месте, будто темное изваяние, одетое в развеваемый ветром белоснежный бурнус.

Анжелика повелительно бросила ему по-арабски:

— Что ты тут делаешь? Поди прочь, твое место подле твоего господина.

Абдулла вздрогнул, словно вдруг пробудился ото сна, и с удивлением посмотрел на женщину, которая заговорила с ним на его языке. Потом под взглядом зеленых глаз Анжелики на его лице отразился страх и он ответил, точно ребенок, пойманный на запрещенной шалости:

— Мой господин еще здесь. Я жду, чтобы последовать за ним.

Анжелика только теперь заметила, что Рескатор стоит у подножия трапа, ведущего на капитанский мостик и беседует с Ле Галлем и тремя его друзьями.

— Ну что ж, тогда уйдем мы, — решила она. — Дети, идите за мной!

Она ушла, уводя с собой девушек.

— Этот негр... — прошептала испуганная Северина, — Госпожа Анжелика, вы заметили? Он смотрел на Бертиль так, словно хотел съесть ее живьем.

Глава 18

Четверо протестантов обратились к Рескатору, когда он спускался по трапу с бака. Случай был редкий: с тех пор, как они отплыли из Ла-Рошели, ни один из гугенотов не пытался подойти к нему, чтобы поговорить. Слишком уж глубокой представлялась им пропасть между ними и тем, чем, по их мнению, был капитан «Голдсборо».

Морской бродяга, человек без корней, без родины, без веры и закона, которому они к тому же были обязаны жизнью, мог внушить этим праведникам только неприязнь.

Если не считать разговора с Габриэлем Берном, Рескатор и мужчины-гугеноты за все плаванье не сказали друг другу ни слова. И с каждым днем возрастало глухое напряжение между чужими, подозрительно наблюдающими друг за другом людьми. Постепенно они становились врагами.

Поэтому когда Ле Галль и три его товарища остановили Рескатора, он насторожился.

Как он признавался в разговоре с Никола Перро, при всем уважении к достоинствам протестантов, он отнюдь не питал иллюзий, что их легко будет превратить в союзников. Из всех людей, которых ему доводилось изучать, реформаты были, пожалуй, самыми неприступными. Даже взгляд индейца или чернокожего семита не так непроницаем, как взгляд квакера, который раз и навсегда решил для себя, что ты являешься воплощением зла.

Сейчас гугеноты стояли перед Рескатором, почтительно прижав к животам свои круглые шляпы. Их волосы были подстрижены коротко и очень аккуратно. Никакие невзгоды морского плавания, в которое они пустились в чем были, не заставили их принять растрепанный вид, столь любезный сердцу матросов «Голдсборо». Вот эти молодцы, даже раздай он им по паре ножниц и по бритве из самой лучшей стали, все равно ходили бы с щетинистыми подбородками и неопрятными лохмами. Потому что большинство из них родились в Средиземноморье и были католиками.

Эта мысль заставила графа де Пейрака улыбнуться. Однако четверо гугенотов не ответили на его улыбку и продолжали все так же стоять с каменными лицами. Требовалась редкостная проницательность, чтобы определить, что выражают их взгляды: дружеские чувства, равнодушие или ненависть.

— Монсеньор, — начал Ле Галль, — время идет, а мы пребываем в бездействии. Мы пришли к вам сегодня, чтобы попросить вас сделать нам одолжение и включить нас в свой экипаж. Вы видели, чего я стою как лоцман, когда я провел судно через пролив под Ла-Рошелю. Я плавал десять лет и был хорошим марсовым. И я, и эти трое моих товарищей можем быть вам полезны, ведь не секрет, что некоторые из ваших людей были ранены в схватке под Ла-Рошелю и еще не поправились. Мы их заменим.

Он представил своих спутников: Бреаж, корабельный плотник, Шарон, его компаньон по ловле рыбы, в прошлом тоже марсовой. Марангуэн, его зять, немой, как рыба, но не глухой — он, как и многие, поплавал юнгой на торговом судне, прежде чем заняться ловлей рыбы и лангустов.

— Мы хорошо знаем море, и у нас прямо руки чешутся — хочется залезть на реи, чтобы сплескивать снасти и чинить паруса.

У Ле Галля был прямой, честный взгляд. Жоффрей де Пейрак не забыл, что именно он провел «Голдсборо» через опасный пролив, и понимал, что если кто и может установить связь между экипажем и протестантами, то только Ле Галль.

Однако он долго колебался, прежде чем послать за боцманом и рассказать ему о предложении гугенотов.

Уродец-боцман не разделял опасений своего хозяина, напротив, он был очень доволен. Его узкий, похожий на Рубец от удара сабли рот растянулся в некоем подобии улыбки, приоткрыв гнилые зубы. Он подтвердил, что людей не хватает. После того, как часть команды уволилась и сошла на берег в Испании, в экипаже каждый человек был на счету, сказал он, а пятеро раненных в сражении под Ла-Рошелю и вовсе зарезали его без ножа. Можно сказать, что приходится работать с половинной численностью команды. Отсюда и его, боцмана, плохое настроение, которое ему с большим трудом удастся скрывать. В ответ на это признание матросы, прислушивавшиеся к разговору, разразились гомерическим хохотом. Потому что плохое настроение, а лучше сказать, злость, являлось у боцмана Эриксона состоянием всегдашним и неизменным и было даже страшно подумать, что будет, если он вдобавок перестанет его «скрывать».

— Хорошо, вы наняты, — сказал Рескатор четверым ларошельцам. — Вы знаете английский?

Они знали его достаточно, чтобы понимать команды боцмана. Рескатор оставил их в распоряжении Эриксона и вернулся на капитанский мостик.

Опершись на позолоченные перила мостика, он смотрел вперед и не мог оторвать взгляда от полоски света, которая прорезала вдруг наступившую темноту. Свет шел из щели над дверью, за которой размещались протестанты. Там, среди этих людей, чью враждебность он ощущает, живет Анжелика. С кем она — заодно с ними и против него? Или, как и он сам, одинока меж двух миров? И не принадлежит ни к одному, ни к другому?.. Сумерки, окутавшие корабль, быстро сгущались. Матросы зажгли фонари и сигнальные огни. Абдулла стоял на коленях и с осторожностью первобытного дикаря, стерегущего драгоценный огонь, раздувал рдеющие в глиняном горшке угли.

От невидимого во мраке моря исходила тяжкая, гнетущая тоска, порождение сумрачного Севера, и та томительная тревога, что поражала сердца древних викингов и всех моряков мира, у которых хватало отваги доплывать до края света, держа курс на неподвижную Полярную звезду.

Льдов уже можно было не бояться, ничто не предвещало бури. Но на душе у Жоффрея де Пейрака было беспокойно. Впервые за все время, что он плывал по морям, что-то на корабле ускользало из-под его власти. Какая-то незримая граница разделила «Голдсборо» надвое. Матросы тоже были встревожены, потому что понимали — капитан чем-то озабочен. И уже не в его силах было их успокоить.

Груз всех этих десятков человеческих жизней, за которые он был в ответе, вдруг навалился на него всей тяжестью, и он почувствовал, что устал.

Ему уже не раз доводилось подходить к перекресткам жизни, когда кончался один этап пути и надо было искать другое направление и все начинать заново. Правда, в глубине души он всегда знал, что на самом деле вовсе не начинает заново, а только продолжает давно намеченный путь, мало-помалу открывая таящиеся на нем неведомые горизонты. И все же каждый раз он должен был отказываться от привычного образа жизни, как змея сбрасывает старую кожу, и оставлять позади прежние привязанности и дружеские связи.

После этого рейса надо будет вернуть Абдулла в его пустыню, он не перенесет жизни в северных лесах. Язон отвезет его к золотистым берегам Средиземного моря, его и старого марабута Абд-эль-Мешрата. Абдулла, бдительный страж, много раз спасал жизнь своего господина, а его привычки уважал, точно некие священные ритуалы. «Найду ли я хоть одного могиканина, который сумел бы приготовить мне кофе? Наверняка нет! Придется тебе обходиться без кофе, старый ты бербериец...» Подумав об Абд-эль-Мешрате, он представил себе, как тот сидит сейчас в своей

каюте, которую специально для него оборудовали под ютом, постаравшись сделать ее как можно более удобной.

Его худое, истощенное аскетичной жизнью тело закутано в теплые меха и он наверняка неутомимо пишет. Ему шестьдесят два года, но его жажда знаний так остра, что когда его друг, граф де Пейрак, покидал Средиземное море, старик чуть ли не умолял взять его с собой, чтобы исследовать Новый Свет. Мудрый марабут с радостью пустился бы даже в кругосветное путешествие, чтобы доставить себе новые темы для размышлений. Такая открытость ума довольно редко встречается у мусульман... Абд-эль-Мешрат был слишком широко образован, чтобы нравиться такому фанатику, как его государь, султан Мулей Исмаил.

Жоффрей де Пейрак знал это и потому выполнил просьбу старика, которого любил. Он понимал, что увозя Абд-эль-Мешрата из Марокко, он, скорее всего, спасает ему жизнь.

Пятнадцать лет назад Абд-эль-Мешрат принял его в роскошном медресе, которое тогда принадлежало ему, человеку знатному, святому и высокомуудрому, глубоко почитаемому всеми жителями Феса. Жоффрей де Пейрак прибыл туда из Сале на носилках. Сейчас ему живо вспомнилась та давняя встреча. Лежа у ног своего арабского друга, он с трудом верил, что завершил эту полную опасностей одиссею живым и что он, христианин, презренный неверный, находится в самом сердце таинственного Магриба. Прикованный к постели, чувствуя, что разум его изнемогает от непрестанной боли и тягот изнурительного пути по морю и пустыне, когда единственной его опорой и источником сведений о том, что творится вокруг, был верный мавр Куасси-Ба (а тот сам был напуган, очутившись среди себе подобных и, вращая глазами, повторял: «Все они тут дикари»), граф не раз мысленно спрашивал себя, что ждет его в конце этого бесконечного путешествия.

И наконец — встреча с Абд-эль-Мешратом, его другом, с которым он некогда познакомился в Испании, в Гранаде. Он сразу узнал хрупкую фигуру арабского доктора, теряющуюся в просторной белоснежной джеллабе, его лысеющий лоб над огромными круглыми очками в стальной оправе, которые придавали ему забавное сходство с совой.

— Мне не верится, что я наконец встретился с вами и притом — в самом Фесе, — почти беззвучно прошептал Жоффрей де Пейрак. Несмотря на все усилия, он не мог говорить громче. — Я думал, мы встретимся на берегу, тайно. Неужели лгут те, кто уверяет, что королевство Марокко и особенно Фес закрыты для христиан? Или ваша власть сильнее, чем власть султана, по мнению которого христианин, попавший в его владения,

должен стать либо рабом, либо мертвецом? Почести, которые мне здесь оказывают, вполне убедили меня, что я пока ни тот, ни другой. Долго ли продлится эта иллюзия?

— Будем надеяться, что долго, мой дорогой друг. Ваше положение действительно исключительно, ибо вы находитесь под тайным покровительством. Мне удалось добиться его для вас главным образом благодаря вашей учености. Но чтобы оправдать надежды, которые на вас возлагают, вам необходимо как можно скорее выздороветь и приступить к работе. Мне поручили вас вылечить. Скажу вам также, что и для вас, и для меня это вопрос жизни и смерти, ибо в случае неудачи я могу поплатиться головой.

Графу хотелось узнать побольше об этих покровителях, которых, несмотря на свою репутацию человека набожного и высокоученого, побаивался его арабский друг, однако дальнейшие разъяснения он смог получить лишь тогда, когда лечение было почти завершено.

А пока его задачей было встать на ноги, и он посвятил себя этому с упорством, которое всегда составляло основу его характера.

Он мужественно переносил лечение, выполняя все назначения и физические упражнения, которые без устали прописывал его друг. Ему было интересно самому оказаться объектом научного эксперимента, и это помогало ему не сдаваться, когда боль и уныние побуждали его отступить.

Когда Абд-эль-Мешрат впервые склонился над его ранами, лицо его сначала помрачнело, но затем мало-помалу прояснилось, хотя вид этих язв мог вызвать только отвращение.

— Хвала Аллаху! — воскликнул он. — Рана на левой ноге, самая серьезная, еще не закрылась.

— Она не заживает уже много месяцев.

— Хвала Аллаху! — повторил Абд-эль-Мешрат. — Теперь я могу не только поручиться за ваше полное выздоровление, но более того, уверен, что сумею избавить вас от увечья, которое омрачило всю вашу молодость... Помните, как в Гранаде, осмотрев вашу ногу, я сказал, что если бы, когда вы были ребенком, вас лечил я, вы бы никогда не стали хромым?

И он объяснил, что европейские врачи борются только с видимостью болезни, что при виде раны они думают лишь об одном — как добиться, чтобы ее поверхность побыстрее зарубцевалась. Им неважно, что под этой тонкой пленкой, которую природа стремится как можно быстрее соткать сама, остаются полости, больные, несросшиеся ткани, что приводит к атрофии и непоправимым уродствам. А вот каноны арабской медицины, черпая из мудрости древних, из искусства африканских знахарей и

египетских бальзамиривщиков, напротив, предписывают для каждого вида ткани свой срок рубцевания. Чем глубже рана, тем важнее сдерживать процесс ее заживления, и ни в коем случае нельзя его ускорять.

Вполне удовлетворенный тем, как протекало начало лечения, Абд-эль-Мешрат объяснил также, что так как к ране, по счастью, не прикасался ни один хирург, все разорванные и надорванные мышечные волокна уже срослись как следует. И поскольку, благодарение небу, раненый избежал такого страшного осложнения, как гангрена — единственной подлинной опасности при такого рода длительном лечении — он, Мешрат, лишь завершит дело, так хорошо начатое мэтром Обеном, палачом короля Франции и так счастливо продолженное долгими скитаниями, в которые его подопечный пустился после перенесенных пыток, чтобы избавиться от своих мучителей.

Подобно арабским ювелирам, Абд-эль-Мешрат отделявал свое творение с величайшей тщательностью. «Скоро вы будете ходить так красиво, что ваша походка произведет впечатление даже на самых высокомерных испанских грандов!» — говорил он.

Измученный Жоффрей де Пейрак вовсе не требовал столь многого. В прошлом он сумел настолько приноровиться к своей хромоте, что вполне смирился с мыслью, что встав на ноги, будет хромать еще сильнее. Лишь бы скорее начать ходить, скорее вновь обрести привычную силу и возможность владеть не только руками, но и ногами. Хватит валяться, он и так уже стал развалиной, и его силы убывают с каждым днем! Чтобы убедить его соблюдать необходимые ограничения вплоть до достижения окончательного результата, Абд-эль-Мешрат растолковал ему, что изменить походку для него очень выгодно, ибо так ему будет легче сбить со следа своих врагов. Если однажды он решится вновь ступить на землю французского королевства, кто сможет узнать в человеке, чья походка ничем не отличается от походки других людей, того, кого когда-то называли Великим лангедокским хромым? Мысль о столь неожиданной уловке весьма позабавила Жоффрея де Пейрака и убедила его во всем следовать предписаниям врача; с тех пор он принялся так же настойчиво, как и Абд-эль-Мешрат, добиваться результата, близкого к совершенству. Несмотря на болеутоляющие бальзамы и настойки, ему пришлось выдержать долгие муки. Рана под коленом оставалась открытой и болела, а он должен был сгибать и разгибать ногу, приучая ее действовать. Абд-эль-Мешрат заставлял его часами плавать в бассейне, чтобы нога не утратила гибкости и, главное, чтобы рана не закрылась. Порой ему хотелось только одного — спать, а от него требовали подвигів, не меньших, чем во время

его бегства и возвращения в Париж. Врач и его помощники были неумолимы. К счастью, арабский ученый, человек тонкого ума, умел понять своего пациента, хотя их принадлежность к различным цивилизациям, казалось, могла бы воздвигнуть между ними непреодолимую преграду. Но они оба уже сделали немало шагов навстречу друг к другу. Абд-эль-Мешрат безукоризненно владел французским и испанским. А граф немного знал арабский и быстро совершенствовался.

Сколько дней протекли так, в белом спокойствии магрибского дома? Даже сегодня он этого не знал. Недели? Месяцы? Год?.. Он не считал. Время тогда приостановило свой бег.

Никакие шумы не проникали за высокие стены дворца; туда не входил никто, кроме вышколенных, молчаливых слуг. Казалось, что окружающий мир исчез. Недавнее прошлое с мраком и холодом тюремных камер, зловонием Парижа и каторжной тюрьмы в Марселе постепенно застилалось дымкой и начинало казаться Жоффрею де Пейраку каким-то причудливым, страшным видением, порождением его болезненных кошмаров. А реальность — яркая, пронзительная — это темно-синее небо над зубчатыми стенами патио, аромат роз, усиливающийся в послеполуденный зной, возбуждающий в сумерках, аромат, к которому примешивается запах олеандров и иногда — жасмина.

Он был жив!

Глава 19

Настал день, когда Абд-эль-Мешрат рассказал ему наконец о покровителях, чье могущество позволяло ему, христианину, жить в самом сердце владений ислама, точно в магическом круге, где с ним не могло случиться ничего дурного. Из этих откровений он понял, что его врач считает партию выигранной, и его выздоровление теперь просто вопрос дней.

Арабский лекарь рассказал ему о войнах и мятежах, которые залили кровью королевство Марокко. Граф с немалым удивлением узнал, что даже в Фесе время от времени совершаются массовые казни. Достаточно было подняться по лестнице и заглянуть за стены дворца, чтобы увидеть виселицы и кресты, которые почти никогда не пустовали — на них только менялись жертвы. Это были предсмертные конвульсии царствования Мулея Арши, у которого его брат Мулей Исмаил вырвал власть с жадным нетерпением молодого грифа.

Теперь править будет Мулей Исмаил. И он желает привлечь к себе на службу его, Жоффрея де Пейрака, крупного христианского ученого.

«Он или скорее тот, кто его представляет и руководит его действиями с детских лет, — его министр, евнух Осман Ферраджи».

Тайный советчик нового властителя, еще нетвердо сидевшего на троне. Осман Ферраджи был по происхождению черный семит; в детстве он был рабом марокканских арабов. Умный и хитрый, он знал, что его всегда будут попрекать его расовой принадлежностью, если он не сумеет стать незаменимым.

И он вынашивал множество хитроумных замыслов, с проворством и точностью паука ткал свою паутину, то встряхивая одну нить, то вдруг забрасывая и закрепляя другую, чтобы в конце концов задушить жертву, которую перед тем ловко лишил всякой способности к сопротивлению.

Чернокожий министр внимательно следил за всеми интригами, которые плелись среди знати и в народе, состоявшем из арабов, берберов и черных мавров. И знати, и простонародью были чужды бережливость и благоразумие, они презирали торговлю, разоряли себя войнами и расточительством, тогда как ум евнуха был весьма тонок и он отлично разбирался в коммерции и самых сложных экономических комбинациях.

Новый султан Мулей Исмаил недавно завоевал известные еще из Библии земли на берегах Нигера, где некогда добывали золото рабы

царицы Савской. Власть нового государя отныне простиралась до лесов Берега пряностей, где в тени гигантских деревьев обнаженные негры мыли золото в реках, добывали его из дробленого камня и даже работали в золотоносных шахтах глубиной в триста футов.

Осман Ферраджи рассматривал это золото как основное средство укрепления власти своего воспитанника, ибо власть предыдущего султана расшаталась прежде всего из-за его неумения управлять финансами. Новый султан был в этих делах так же несведущ, как и его предшественник, однако Осман Ферраджи ручался, что если завоеванные мечом Мулея Исмаила золотые рудники будут процветать, как во времена Соломона и царицы Савской, царствование его будет долгим.

Первое разочарование постигло министра, когда эмиссары, посланные им на юг, доложили о необыкновенной лени и злонамеренности черных племен. Золото было им нужно лишь для того, чтобы приносить его в жертву своим богам или делать из него побрякушки — единственное, чем прикрывали наготу их женщины. Что же касается тех, кто пытался заставить их изменить свое мнение на сей счет, то таких они быстро отправляли на тот свет с помощью яда.

Однако только они, эти черные язычники, поклонявшиеся идолам, знали секреты золота. Если принуждать их силой, они просто покинут шахты и прекратят добычу. Таков был ультиматум, который побежденные предъявили победителям.

Великий евнух как раз был озабочен этими известиями, когда его шпионы перехватили письмо, посланное Жоффреем де Пейраком ученому марабуту из Феса.

— Будь вы просто одним из моих христианских друзей, мне было бы довольно трудно вас защитить, — пояснил Абд-эль-Мешрат, — ибо в скором времени Марокко захлестнет волна религиозной нетерпимости. Мулей Исмаил провозгласил себя мечом Мухаммеда! По счастью, в своем письме вы упомянули о наших давних работах с благородными металлами. Это пришлось как нельзя более кстати.

Звезды, с которыми посоветовался Осман Ферраджи, поведали ему, что Пейрак послан ему Судьбой. Он уже прочел по ним, что правление узурпатора, которого он посадил на трон, будет долгим и что при нем страна будет процветать. Теперь же небесные светила открыли великому евнуху султана, что в этом процветании огромную роль сыграет один чародей, чужестранец и изгнанник, ибо подобно Соломону он владеет тайнами Земли. Будучи вызван и допрошен, Абд-эль-Мешрат подтвердил предсказание звезд. О золоте и его добыче христианский ученый, его друг,

знает больше, чем кто-либо из ныне живущих, сказал он. С помощью химии он может извлекать золото из породы даже тогда, когда при самом мелком дроблении не удастся обнаружить ни единой блестящей частицы.

Тотчас же были даны распоряжения доставить в Марокко этого полезного человека, которого счастливая — для Мулея Исмаила — судьба вынудила бежать из французского королевства.

— Отныне ваша особа священна и неприкосновенна в землях ислама, — продолжал свой рассказ арабский врач. — Как только я объявлю, что вы поправились, вы поедете в Судан с вооруженной охраной и даже, если сочтете это необходимым, с целой армией. Вам будет предоставлено все. Но взамен вы должны будете как можно скорее прислать его превосходительству великому евнуху несколько слитков золота.

Жоффрей де Пейрак задумался. У него явно не было другого выбора кроме как согласиться пойти на службу к мусульманскому государю и его визирю. Приняв их предложения, он осуществит свои желания — желания ученого и путешественника. Он уже много лет мечтал увидеть те земли, в которые его сейчас посылали и о которых ему часто рассказывал родившийся там Куасси-Ба.

— Я соглашусь с радостью и даже с восторгом, — сказал он, — если буду уверен, что от меня не потребуют перейти в ислам. Я знаю, что ваша религия столь же непримирима, как и моя. Крест и Полумесяц ведут между собой войну уже более десяти веков. Что же касается меня, то я всегда с уважением относился к форме обрядов, посредством которых люди считают нужным поклоняться своему Создателю. Я хотел бы, чтобы этот принцип применялся также и ко мне. Какое бы пятно ни легло из-за меня на имя моих предков, я не стану прибавлять к нему еще и звание ренегата.

— Я предвидел ваши возражения. Если бы речь шла о самом Мулее Исмаиле, ваше желание вряд ли бы исполнилось. Султан наверняка предпочел бы нового слугу Аллаха на земле золоту в своих сундуках. Однако у Османа Ферраджи, хотя он и добрый мусульманин, иные устремления. Служить вы должны прежде всего ему, а он не потребует от вас ничего такого, чего вы не смогли бы принять.

И старик весело заключил:

— Естественно, я поеду с вами. Я должен заботиться о вашем драгоценном здоровье, содействовать вам в ваших трудах и — кто знает — может быть, мне удастся помочь вам избежать кое-каких ловушек. Наша страна очень отличается от вашей, так что я даже помыслить не могу оставить вас на милость случая и наших скверных дорог.

За несколько последующих лет Жоффрей де Пейрак объездил раскаленные земли Судана и тенистые, но не менее опасные леса Гвинеи и Берега Слоновой Кости. К поиску и добыче золота он добавил работу исследователя. Он проникал в земли неведомых племен, которых вид мушкетов его марокканской стражи побуждал скорее к бунту, чем к доверию. Он сумел склонить их на свою сторону одно за другим, ибо у него и этих голых дикарей все же было нечто общее — глубокий интерес и любовь к земле и ее тайнам. Когда он до конца понял ту страсть, что испокон веков побуждала чернокожих жителей этих земель с риском для жизни спускаться в недра земли, чтобы добыть несколько крупиц золота для приношения своему деревянному идолу, он воистину почувствовал себя их братом.

Иногда ему случалось месяцами одному жить в лесу, который внушал страх его спутникам, жителям пустыни и побережья. Даже Куасси-Ба, и тот не смел проникнуть в него дальше опушки. Тогда с графом оставался только Абдулла, совсем еще юный фанатик, который раз и навсегда уверовал, что белому колдуну покровительствует сам Аллах и что у него есть волшебный талисман. И правда, с ним ни разу ничего не случилось. Стража, данная ему султаном, в основном была занята тем, что сопровождала караваны, везущие слитки золота на север.

Наконец Абд-эль-Мешрат сказал, что пора возвращаться в Марокко: великий евнух Осман Ферраджи, чрезвычайно удовлетворенный результатами работы белого мага, передал им, что Мулей Исмаил желает встретиться с этим магом в своей столице Мекнесе. К тому времени султан уже прочно утвердил свою власть. Даже в самых отдаленных провинциях уже чувствовались благотворные последствия его правления. Сам рожденный негритянкой, сделавший своей первой женой суданку, он, кроме того, набрал себе личную охрану из лучших воинов Судана и сахелов с Нигера и с верховьев Нила. Это был зародыш армии, которая была ему безраздельно предана.

Когда Жоффрей де Пейрак уезжал обратно на север, в золотых рудниках кипела работа. Земли, где прежде царил разброд и вспыхивали бесчинства, были умиротворены. Мелкие местные царьки одумались и теперь побуждали своих подданных продолжать работы, чтобы удовлетворить северных властителей, от которых в обмен на золото получали всякие дешевые товары, ткани и мушкеты. Последние, как величайшее сокровище, скупно распределялись среди самых верных.

После красных варварских дворцов на берегах Нигера Мекнес, город оживленный, богатый, красивый, утопающий в прекрасных садах,

выглядел как воплощение цивилизации.

Любовь арабов к пышности нравилась Жоффрею де Пейраку. Да и сам он, приехав в город в сопровождении эскорта в роскошных одеждах, с великолепным оружием, приобретенным на побережье у торговцев-португальцев или в глубине страны у египтян, произвел на Мулея Исмаила сильное впечатление.

Иной завистливый государь мог бы заставить его жестоко поплатиться за столь откровенное афиширование своего богатства. Граф де Пейрак уже имел подобный опыт под иными небесами, с Людовиком XIV. Однако он не счел это достаточным основанием для того, чтобы изменить своим привычкам. Проезжая через город на своем черном коне, в шитом серебром белом шерстяном плаще, он поймал себя на мысли, что с безразличием глядит на несчастных рабов-христиан, перетаскивающих грузы под бичами надсмотрщиков — солдат армии повелителя правоверных.

Мулей Исмаил встретил его с помпой. У султана и в мыслях не было завидовать славе христианского ученого — напротив, он чувствовал себя польщенным тем, что сумел добиться от него столь значительных услуг, не унизив ни принуждением, ни пыткой. По совету Османа Ферраджи, который сам не присутствовал на аудиенции, Мулей Исмаил не заговаривал со своим гостем о предмете, наиболее ему близком, а именно о переходе в ислам этого великого таланта, которому судьба назначила родиться в стране ложной веры.

Три дня празднеств скрепили их дружбу. Когда торжества подходили к концу, Мулей Исмаил объявил Жоффрею де Пейраку, что направляет его послом в Стамбул, к великому султану Оттоманской империи.

Когда французский дворянин стал уверять, что не способен выполнить такую миссию, Исмаил помрачнел. Ему пришлось признаться, что он, увы, все еще вассал турецкого султана и, сказать по чести, это турок потребовал у него прислать в Стамбул белого колдуна. Великий султан желал, чтобы тот повторил — на этот раз с серебром — чудо с добычей золота, совершенное для его прославленного верноподданного, государя Марокко.

— Эти выродившиеся, изнеженные турки, забывшие о вере, воображают, что я держу тебя в башне и что ты делаешь мне золото из верблюжьего помета! — вскричал Мулей Исмаил, раздирая на себе плащ в знак величайшего презрения.

Жоффрей де Пейрак заверил султана, что останется ему верен и не примет никаких предложений повелителя Блистательной Порты, если они будут во вред государю Марокко.

Вскоре он был уже в Алжире. После трех лет невероятных приключений в самом сердце Африки, он, бывший смертник, чудом вырвавшийся из пыточных застенков короля Франции, вновь оказался на берегах Средиземного моря с обновленным, исцеленным телом и глубокими шрамами в душе.

Часто ли за эти долгие годы думал он об Анжелике? Терзался ли тревогой за судьбу своей семьи? По правде сказать, зная психологию прекрасного пола, он понимал, что любая женщина сочла бы себя вправе упрекнуть его за то, что он не посвятил все свое время горьким сожалениям и безутешным слезам. Но он был мужчина и по характеру был склонен всегда жить настоящим. К тому же единственная задача, которую он тогда себе поставил — выжить — оказалась невероятно трудной. Он помнил времена, когда физическая боль становилась столь мучительной, что огонек его мыслей потухал и он полностью утрачивал способность думать. Тогда он осознавал только одно — что он голоден, немощен, гоним, что это смертельное кольцо вокруг него сжимается и ему нужно во что бы то ни стало из него спастись. И он брел дальше.

Воскресший сохраняет лишь смутное воспоминание о том, как он шел по царству мертвых. И когда в Фесе он вновь обрел здоровье, ему не хотелось возвращаться к пережитому и думать о том, что осталось в прошлом. Его поступление на службу к султану Марокко было залогом того, что у него есть будущее. В самом деле, стоило ли выживать, если бы этого будущего у него не было, — если бы он так и остался отверженным, для которого нет места под солнцем? К счастью, теперь он мог ходить как все. Какое чудесное, какое удивительное ощущение! Абд-эль-Мешрат порекомендовал ему как можно больше ездить верхом, и он подолгу скакал на коне по пустыне, тщательно обдумывая детали предстоящей экспедиции. Человек, у которого есть только один шанс, предоставленный ему покровителем, не может позволить себе роскоши разочаровать этого покровителя своим небрежением и не вправе расточать себя ни на что, кроме работы, которую он обязался исполнить.

Но однажды вечером в Фесе, вернувшись в покои, отведенные ему во дворце Абд-эль-Мешрата, он с удивлением увидел в свете луны хорошенькую девушку, которая ожидала его, сидя на подушках. У нее были прелестные глаза лани, под легким тюлевым покрывалом — алые, как спелый гранат, губы, а прозрачная туника позволяла без труда различить безупречно красивое тело.

Жофfrey де Пейрак, бывший хозяин Отеля Веселой Науки, где

галантные дворяне и благородные дамы Лангедока поклонялись любви, был в это время настолько далек от мыслей о любовных забавах, что поначалу подумал, будто перед ним служанка, которой вздумалось над ним подшутить. Он уже собрался было ее выпроводить, когда девушка сказала, что святейший Абд-эль-Мешрат поручил ей услаждать ночи его гостя, который отныне может отдавать женщинам часть своих сил, полностью восстановленных благодаря его, Абд-эль-Мешрата, стараниям.

Сначала он рассмеялся. Он смотрел, как она расстегивает свою тюлевую чадру, как одно за другим снимает покрывала со свойственной ее ремеслу искусной простотой, одновременно кокетливо и непринужденно. Затем по тому, как стремительно и неистово вдруг забурлила в его жилах кровь, он понял — в нем проснулось желание.

Как умирая от голода на тяжком пути в Париж, он тянулся к хлебу, умирая от жажды — к источнику, так и сейчас его неудержимо потянуло к женщине, и, слившись с этой шафрановой, благоухающей амброй и жасмином плотью, он окончательно осознал, что жив.

Именно в ту ночь он впервые за долгие месяцы вспомнил Анжелику, и воспоминания эти были столь остры и пронзительны, что он так и не смог уснуть.

Женщина, молодое, красивое животное, спала на ковре, и сон ее был так спокоен, что он даже не слышал ее дыхания.

Он лежал на подушках и вспоминал. Когда в последний раз он сжимал в объятиях женщину, то была она, Анжелика, его жена, его милая фея из болот Пуату, его зеленоглазый кумир.

Теперь все это терялось во мгле минувшего. Ему и прежде случалось ненадолго задумываться о том, что с нею случилось, но он за нее не тревожился. Он знал: она живет в Монтелу, в своей семье, и ей не грозят ни одиночество, ни нужда. Ведь в свое время он поручил Молину, своему давнему компаньону в Пуату, позаботиться о финансовых делах юной графини де Пейрак, если с ним самим что-нибудь случится. Она с обоими детьми наверняка укрылась в провинции.

Внезапно он почувствовал, что не в силах смириться с этой разлукой, с тем, что между ними пролегла бездна молчания, глухое пепелище. Он желал ее, и желание это было так сильно, что он рывком сел на своем ложе и огляделся в поисках какого-нибудь волшебного средства, которое помогло бы ему сейчас же, в одно мгновение, перенестись через окружающие его руины и вернуть ушедшие дни и ночи, когда, запрокинув голову, она лежала в его объятиях.

Когда в Тулузе он решил жениться, ему было тридцать лет, и он уже

несколько пресытился любовными похождениями. Он вовсе не ожидал открытий от того, что поначалу было для него всего лишь сделкой, коммерческим контрактом. Но, увидав Анжелику, он был поражен ее красотой, а потом еще более поразился, узнав, что она девственна. Он был ее первым мужчиной. Посвящение в тайны любви этой прелестной девушки, на удивление страстной и вместе с тем дикой и неприступной, как горная козочка, было прекраснейшим из его любовных воспоминаний.

Все другие женщины перестали для него существовать: как те, кого он знал тогда, так и те, с кем был близок в прошлом. Он с трудом вспомнил бы их имена и даже лица.

Он преподавал ей уроки любви, научил ее наслаждению. Он научил ее также многому другому, чему, по его прежним понятиям, мужчина не мог научить женщину. Прочные узы соединили их умы, их сердца. Он видел, как меняется ее взгляд, ее тело, ее движения. Три года держал он ее в своих объятиях. Она подарила ему сына, носила под сердцем их второго ребенка. Родился ли он?

Тогда он не мог жить без нее. Она была для него единственной. А теперь он ее потерял!

На следующий день он был так мрачен, что Абд-эль-Мешрат осторожно осведомился, вполне ли он удовлетворен утехами вчерашней ночи и не испытывает ли после них какого-либо разочарования или беспокойства, от которых могли бы помочь средства медицинской науки. Жоффрей де Пейрак успокоил друга, но о своих терзаниях ничего ему не сказал. Несмотря на всю их духовную близость он знал, что Абд-эль-Мешрат его не поймет. Любовь к одной-единственной женщине — редкость среди мусульман, для них женщина — только источник наслаждения, их интерес к ней — чисто плотский, а потому, по их разумению, потеряв одну женщину, мужчина легко может заменить ее другой.

Совсем иное дело — любимая лошадь или друг.

Жоффрей де Пейрак старался отогнать наваждение, за которое немного презирал себя. Прежде он всегда умел вовремя освободиться из-под власти чувств, считая, что с его стороны было бы слабостью позволить любви занять в его жизни главенствующее место в ущерб его свободе и его трудам. Неужели ему придется признать, что Анжелика своими тонкими ручками и белозубой улыбкой околдовала его?

Но что он мог поделать? Помчаться к ней? Не будучи пленником, он, тем не менее, понимал, что несмотря на почет, которым его окружили, он не волен отвергнуть покровительство таких могущественных особ, как

султан Мулей Исмаил и его визирь Осман Ферраджи. Они держали в своих руках его судьбу.

Он справился с собой, выдержав и это испытание. Время и терпение, говорил он себе, в конце концов помогут ему вновь обрести ту, которую он никогда не сможет забыть.

Поэтому, снова оказавшись на берегу Средиземного моря, он первым делом послал гонца в Марсель, чтобы узнать, что случилось с его женой и сыном, а возможно, и двумя сыновьями. По зрелом размышлении он решил, ничего не сообщать о себе своим прежним друзьям из французской знати. Они наверняка давным-давно о нем забыли. И он снова обратился к отцу Антуану, капеллану королевских галер в Марселе и попросил его поехать в Париж и отыскать там адвоката Дегре. Ловкий и умный молодой адвокат, который с немалым мужеством защищал его в суде, внушал ему доверие.

А пока он должен был плыть в Константинополь ^[18]. Перед этим он заказал одному испанскому ремесленнику в Боне несколько масок из тонкой, жесткой кожи, чтобы скрыть под ними лицо. Он не хотел, чтобы его узнали. Случай наверняка сведет его и с подданными его величества короля Франции и с кем-нибудь из родственников, которых он, происходя из родовитой семьи, во множестве имел среди европейской знати. Только среди рыцарей Мальтийского ордена у него было два кузена. Средиземное море, эта великая арена битв с неверными, влекло к себе дворян со всей Европы.

Встав под знамена берберийцев, тулузский граф поставил себя в весьма двусмысленное положение. Изгнанный своими единоверцами, он влился в мир, им противостоящий, в мир ислама, который на протяжении многих веков расширял свои владения при всяком отступлении христианства. Воспользовавшись их духовным упадком, Оттоманская империя захватила страны, дотоле глубоко христианские: Сербию, Албанию, Грецию. Вскоре ее воины дойдут до золоченых ворот одной из твердынь католицизма — Вены. Рыцари Ордена святого Иоанна из Иерусалима потеряли и Крит, и Родос, и теперь у них оставалась лишь крошечная Мальта.

Итак, Жоффрей де Пейрак отправился к турецкому султану. Угрызения совести его не терзали. Ведь речь не шла о том, чтобы он христианин, оказывал помощь врагам веры, от которой он не отрекся. Нет, он задумал иное. Для него было очевидно, что царящий в

средиземноморских водах безумный хаос порожден не одним только берберийским разбоем и оттоманской экспансией, но также бесчинствами и лихоимством государств христианской Европы. Если взять все в целом, то турки, довольно наивные в делах коммерции, никогда не смогут тягаться в жульничестве с венецианскими, французскими или испанскими банкирами. Оздоровление денежной системы могло бы способствовать установлению мира — только до этого еще никто не додумался. Чтобы добиться своей цели, Жоффрей де Пейрак решил взять в руки контроль над двумя главными рычагами эпохи: золотом и серебром. Он уже знал, как он это делает.

После бесед с султаном султанов и его советниками из Великого Дивана граф разместил свою штаб-квартиру на Крите, во дворце в окрестностях Кандии. Он давал там празднество, когда ему доложили, что вернулся гонец, которого он посылал во Францию. Тотчас забыв обо всем, что занимало его за мгновение до этого, он оставил гостей и поспешил навстречу слуге-арабу: «Входи быстрее! Говори!..»

Слуга отдал ему письмо отца Антуана. В нем священник кратко и нарочито бесстрастно сообщал о результатах розысков, произведенных им в Париже. Он узнал от адвоката Дегре, что бывшая графиня де Пейрак, вдова дворянина, который, как все считают, был сожжен на Гревской площади, вышла замуж за своего кузена, маркиза дю Плесси-Белльер, родила от него сына и живет в Версале, при королевском дворе, где занимает почетную должность.

Он смял листок в кулаке.

Его первым побуждением было не верить. Этого не может быть, это невозможно!.. Затем очевидность произошедшего начала становиться все яснее и яснее по мере того, как с глаз его словно спадала пелена и он осознавал, насколько наивно было с его стороны не подумать о подобной развязке. И правда, что может быть естественнее? Разве стала бы юная, блистающая красотой вдова хоронить себя в старом провинциальном замке и ткать покрывало, подобно Пенелопе?

Быть окруженной толпой поклонников, домогающихся ее любви, вступить в новый брак, красоваться при дворе — вот что назначено ей судьбой. Почему он не додумался до этого раньше? Почему не приготовился к этому удару? Почему он так страдает?

Любовь притупляет разум. Любовь делает человека слепым. И только ученый граф де Пейрак об этом не догадывался.

Да, Анжелика была его творением, он изваял ее по своему вкусу, но

означало ли это, что она уже никогда не выйдет из-под его влияния? Жизнь и женщины переменчивы. Ему следовало об этом помнить. Однако он оказался слишком самонадеянным.

То, что она вдобавок была его законной женой, еще более укрепляло в нем чувство, которое внушила ему сама Анжелика: что она существует только благодаря ему и для него. Он дал увлечь себя в западню утонченных наслаждений, которые щедро дарил ему богатый, веселый ум его молодой жены, подвижный и быстрый, как горный поток. Но едва он вкусил это блаженство: знать, что она связана с ним вечными узами любви, как судьба их разлучила. Он стал отверженным, лишился всего своего могущества — так мог ли он требовать, чтобы она осталась верна воспоминаниям о былом? Женщина, которую он любил, его жена, его творение, его сокровище, отдала себя другим!..

Что может быть естественнее, снова и снова повторял он себе. Неужели она до того ослепила его, что он совсем не видел в ней зачатков иных склонностей? Женщина, которую так одарила природа, не способна быть верной. Разве он не познал на себе силу ее женских чар, неодолимую притягательность окружающего ее ореола, этого неуловимого очарования, которым дышит в ней все, ее походка, жесты... Нечасто, куда реже, чем принято думать, встречаются на свете женщины, рожденные, чтобы пленять мужчин. Не единственного избранника, а всех мужчин, которым случается оказаться поблизости. Анжелика — из этой породы... Она пленяет неосознанно, неумышленно... По крайней мере когда-то он в это верил! Какие же тайные замыслы уже зарождались в ее мозгу, когда он привез ее на свадьбу короля в Сен-Жан-де-Люз? В ту пору она была еще так молода, едва вышла из отрочества, но он отлично знал, что она обладает железным характером, умом, интуицией, хитростью — качествами опасными и оттого еще более обворожительными.

Ей достаточно было поставить все это на службу своему честолюбию — и до каких высот могла она подняться!

До красавца маркиза дю Плесси, любимца герцога Орлеанского, брата короля.

А потом и до самого короля — почему бы и нет? Как же он был прав, что не тревожился о ней!

Увидев, что глаза хозяина вспыхнули гневом, гонец пал ниц, окаменев от страха. Жоффрей де Пейрак судорожно сжимал в кулаке письмо, словно под его пальцами был не листок бумаги, а белая шея Анжелики.

Потом он засмеялся, но смех застрял в горле, и у него перехватило

дыхание. Потому что с тех пор, как голос его сорвался, он уже не мог смеяться, как смеялся прежде. Здесь все искусство Абд-эль-Мешрата оказалось бессильно. Врач вернул ему только способность говорить. Но он не мог смеяться, как раньше. Не мог петь. Его горло было словно стиснуто стальным ошейником.

В пении изливается боль души. Даже теперь, много лет спустя, его грудь иногда переполнялась звуками, которым он не мог дать выхода. Он свыкся с этим увечьем, но когда на него нападала тоска, ему бывало тяжело его выносить. А тоска эта всегда была вызвана одним и тем же — сознанием, что он потерял Анжелику. Остальное, он повторял себе это сотни раз, он перенес легко: телесные муки, изгнание, разорение. Он бы выдержал все, что угодно, — ведь тогда у него была она.

Она была его единственной слабостью. Единственной женщиной, которая заставила его страдать. И за это он злился на нее тоже.

Разве можно страдать из-за любви? Разве можно страдать из-за женщины?

Глава 20

И вот теперь, вдали от всего того, что составляло их прошлое, «Голдсборо» снова свел их вместе и увлекал навстречу неизвестности. Теперь он был всего лишь Рескатором, корсаром, просоленным морскими ветрами, закаленным жизнью, полной опасных приключений, битв, интриг, ненависти людей, которые борются друг с другом то огнем и мечом, то прибегая к иному оружию — золоту или серебру. И Анжелика тоже стала другой, непохожей на ту женщину, которая некогда заставила его страдать. Неужели же и теперь, когда они оба так изменились, он снова начнет терзаться тоской и сожалениями, от которых, как ему казалось, он давно излечился?

Досадуя на себя, он вошел в каюту и принялся ожесточенно мерить ее шагами.

Возле одного из сундуков он остановился, открыл его и, развернув аккуратно свернутые куски материи: фетра и шелка — вынул из этой обертки гитару. Купленная в Кремоне, в те времена, когда он еще надеялся, что голос к нему вернется, она, как и он, чаще всего молчала. Иногда он перебирал ее струны, развлекая случайных подруг, но, не сопровождаемая пением, игра на гитаре доставляла ему только разочарование. Он не утратил своего прежнего мастерства и играл не просто умело, а удивительно легко, непринужденно, завораживая слушателей. Но рано или поздно всегда наступала минута, когда, увлеченный музыкой, он чувствовал, как его легкие наполняются воздухом и в нем на крыльях поэзии поднималось властное желание петь.

На этот раз он снова попытался. Но, услышав свой сорванный голос — хриплый, непослушный, ломающий мелодию — замолчал и тряхнул головой: «Какое ребячество!». Да, человек никогда не смирится с потерями. Чем дольше он живет, тем больше хочется ему все сохранить, все объять. Но разве закон жизни не гласит, что, обретая одно, теряешь другое? Можно ли познать радость любви, не пожертвовав свободой сердца?

Движимый внезапным предчувствием, он пересек каюту и распахнул дверь, ведущую на балкон.

Она стояла там, призрак другой, давно исчезнувшей женщины, и ее выступающее из ночной тьмы белое неподвижное лицо было очень похоже на то, которое он только что вспоминал — и в то же время было иным.

Его охватило глупое смущение при мысли о том, что она слышала, как он только что тщился петь. Он разозлился и оттого заговорил особенно нелюбезно.

— Что вы здесь делаете? Неужели вы не можете соблюдать установленный на судне порядок? Пассажирам разрешено выходить на палубу только в строго определенные часы. Одна вы позволяете себе расхаживать, когда заблагорассудится. По какому праву?

Ошеломленная этим выговором, Анжелика прикусила губы. Сейчас, подходя к апартаментам мужа, она была потрясена, услышав звуки гитары. Но ее привели сюда иные заботы.

Стараясь сохранить спокойствие, она сказала:

— У меня были серьезные основания нарушить судовой распорядок, сударь. Я хотела спросить вас об Абдулле, вашем слуге. Он у вас?

— Абдулла? А почему вы спрашиваете?

Он повернул голову, ища глазами силуэт мавра в джеллабе, но Абдуллы нигде не было видно.

Анжелика заметила его жест, полный удивления и досады, и с тревогой спросила:

— Так его здесь нет?

— Нет... Но в чем дело? Что случилось?

— Исчезла одна из девушек... и я боюсь за нее... из-за этого мавра.

Глава 21

Все началось с того, что к Анжелике подошли Северина и Рашель, старшая дочь адвоката Каррера.

— Госпожа Анжелика, пропала Бертиль.

Она не сразу поняла о чем речь. Рашель рассказала ей, что, когда им пришло время вернуться на орудийную палубу, Бертиль решила остаться наверху.

— Зачем?

— Ох, она как будто в уме тронулась, — ответила Рашель. — Говорила, что ей не в состоянии толкаться вниз, в этом тесном хлеву, и хочется немного побыть одной. В Ла-Рошели у нее была своя собственная комната, так что вы понимаете... — заключила Рашель со смесью восхищения и зависти.

— Но с тех пор прошло уже больше двух часов, а она так и не вернулась, — подхватила встревоженная Северина. — А что, если ее смыло волной?

Анжелика встала и пошла искать госпожу Мерсело. Та сидела в своем углу вместе с двумя соседками и вязала. Гугенотские женщины уже обжили свои закутки на нижней палубе и взяли за обычное дело ходить друг к дружке в гости.

Госпожа Мерсело выслушала Анжелику с удивлением. Она думала, что Бертиль у подружки. Тут же все пассажиры были подняты на ноги и стало очевидно — девушки нигде нет.

Мэтр Мерсело в ярости кинулся на верхнюю палубу. В последние дни девчонка совсем от рук отбилась и стала позволять себе слишком много! Сейчас он ее проучит, чтоб поняла: дочь должна слушаться родителей на всех земных широтах и при любых обстоятельствах.

Однако скоро он вернулся очень встревоженный. Бертиль нигде не было. На этом проклятом корабле так темно, что хоть глаз выколи, сказал он, а матросы, к которым он обращался с вопросами, только тупо тарацились на него — сущие скоты!

— Госпожа Анжелика, не могли бы вы мне помочь? Вы знаете язык этих людей. Надо, чтоб они помогли искать ее. Может быть, Бертиль упала в какой-нибудь люк или сломала ногу.

— Море беспокойно, — сказал Каррер. — Девушку могло смыть за борт, как недавно смыло Онорину.

— О, Господи! — выдохнула госпожа Мерсело и рухнула на колени.

Всеобщее нервное возбуждение наконец прорвалось наружу. В свете ламп лица пассажиров выглядели мертвенно-бледными, осунувшимися. Шла уже третья неделя тяжелого плавания, моральный дух ослабел, и стоило чему-нибудь случиться с одним, как от внешнего спокойствия остальных не оставалось и следа.

У Анжелики не было ни малейшей охоты идти за Мерсело на верхнюю палубу. Бертиль, взбалмошная, как и все девушки ее возраста, наверняка сидит сейчас в каком-нибудь темном закутке и предается грезам, даже не догадываясь, что о ней беспокоятся. Что ж, в конце концов, ее желание побыть одной вполне объяснимо. Этого хотелось бы каждому. Но, смутно чувствуя за собой какую-то вину, Анжелика решила все же выйти наверх и попросила Абигель присмотреть за Онориной, пока ее не будет.

На палубе она присоединилась к Мерсело, Берну и Маниго. Трое гугенотов спорили с боцманом, который гневными жестами показывал им, что они должны немедленно убраться восвояси. Не желая слушать никаких объяснений, он сделал знак матросам, и те схватили протестантов под мышки.

— Не трогайте меня, бандиты, — взревел Маниго, — а то уложу вас всех на месте!

Он был вдвое сильнее смуглых мальтийцев, которым было приказано его урезонить, но у тех за поясами имелись ножи — и они не замедлили их выхватить. Неразбериху усугубляло еще и то, что вся эта сцена происходила при очень скудном освещении.

И снова, как уже бывало прежде, кровопролитие предотвратил миротворец Никола Перро. Анжелика объяснила ему, что случилось. Он перевел ее слова неговорчивому Эриксону, но тот продолжал твердить, что у него есть приказ: после наступления темноты на палубе не должно быть ни одного пассажира. Однако поняв, что одна из пассажирок исчезла, он озадаченно покачал головой.

Время от времени Мерсело кричал, сложив руки рупором: «Бертиль, где ты?» В ответ слышались только свист ветра и неумолчный скрип корабля, раскачивающегося на черных волнах.

Голос Мерсело то и дело прерывался.

В конце концов Эриксон разрешил отцу пропавшей девушки остаться на палубе. Остальные, сказал он, должны вернуться вниз. Они подчинились, после чего дверь на нижнюю палубу была тут же накрепко заперта.

Анжелика осталась с Никола Перро.

— Я боюсь, — призналась она ему вполголоса. — И сказать по правде, море пугает меня куда меньше, чем ваши матросы. А что, если кто-нибудь из них, увидев одинокую девушку, уволок ее куда-нибудь, чтобы над ней надругаться?

Канадец обратился по-английски к боцману. Тот что-то недовольно проворчал, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, затем удалился, бросив несколько слов через плечо.

— Он сказал, что сделает переключку всего экипажа, от марсовых до тех, кто сейчас отдыхает в трюме. А мы тем временем обшарим палубу.

Никола Перро раздобыл три фонаря. Он, Анжелика и Мерсело осмотрели каждую бухту снастей, канадец не поленился заглянуть даже в спасательные лодки: шлюпку и каик.

Наконец все трое подошли ко входу в расположенный под ютом кубрик. Из-за двери раздался голос боцмана:

— Все матросы на месте. Отсутствующих нет.

Экипаж ужинал при тусклом свете масляных ламп. Наполняющий кубрик дым от матросских трубок был так густ, что хоть ножом режь. В нос ударял крепкий запах табака и алкоголя. Увидев обращенные в его сторону обветренные лица и горящие темные глаза, мэтр Мерсело ясно понял, что море — не единственная опасность, которая могла угрожать Бертиль.

— Вы думаете, кто-то из этих молодчиков мог покуситься на честь моей дочери? — шепотом спросил он Анжелику, побелев как полотно.

— Во всяком случае не те, что здесь.

Но воображение бумажного фабриканта уже разыгралось.

— Это еще ничего не доказывает. Совершив злодеяние, ее могли задушить и бросить в море.

На его висках выступил пот.

— Прошу вас, не тревожьтесь, — уговаривала его Анжелика. — Эриксон дает людей, чтобы обыскать корабль сверху донизу. — Не успела она произнести эти слова, как у нее мелькнула мысль о мавре Абдулле.

Уверенная в правильности своей догадки, она, не раздумывая, взбежала на ют.

На всегдашнем его посту — у двери хозяина — мавра не оказалось.

Анжелика застыла перед дверью капитанских апартаментов, моля про себя: «Господи, не дай этому случиться. Это было бы слишком ужасно для всех нас».

Из-за застекленной двери слышались звуки гитары. Потом дверь вдруг открылась — на пороге стоял Жоффрей де Пейрак, суровый и

безжалостный.

Он повел себя так странно, что, говоря ему об Абдулле, Анжелика ожидала, что сейчас он опять вспылит.

Однако он, напротив, быстро обрел свое обычное самообладание. Мгновение — и перед Анжеликой снова стоял хладнокровный капитан, внимательный и бдительный.

Он взглянул на то место, где обыкновенно находился Абдулла. За те годы, что они плавали вместе, мавританский раб ни разу не оставил поста без приказа. Граф де Пейрак нахмурился:

— Черт возьми! Мне следовало за ним присматривать. Идемте!

Он зашел в каюту и взял потайной фонарь.

Жоффрей де Пейрак сошел на палубу, «главную улицу» «Голдсборо». Он сам отодвинул задвижки, запиравшие крышку люка, и начал спускаться по трапу, помогая себе только одной рукой, поскольку в другой держал фонарь. Анжелика была настолько взвинчена, что последовала за ним, не задумываясь и не замечая крутизны трапа. Вслед за ней спускался Никола Перро, а за ним с грехом пополам лез Мерсело.

Несчастный бумагопромышленник был вне себя от тревоги за дочь и даже не сознавал, что проделывает такие упражнения, от которых уже много лет как отвык.

Они спускались все ниже и ниже. Анжелика и представить себе не могла, что у кораблей могут быть такие глубокие трюмы. От резкого солоноватого запаха и сырости у нее перехватывало горло.

Наконец они остановились перед входом в узкий, темный коридор. Жоффрей де Пейрак прикрыл рукой стекло фонаря, чтобы притушить его свет — и тогда в дальнем конце прохода Анжелика различила другой свет, красноватый, словно он исходил из-за какой-то алой завесы.

— Он там? — шепотом спросил Никола Перро.

Жоффрей де Пейрак кивнул. Мэтр Мерсело с трудом полз по последнему трапу, поддерживаемый молчаливым индейцем, который, точно тень, скользнул в трюм вслед за своим хозяином.

Граф протянул фонарь канадцу, сделав ему знак посветить Мерсело. Потом он крадучись двинулся по коридору — быстро и совершенно бесшумно. И в этой тишине, которую нарушал только глухой, словно бы далекий шум моря, Анжелике вдруг почудился иной звук — что-то вроде странного, на двух нотах речитатива; он то поднимался до хриплого крика, то опускался до шепота. Нет, то не был обман чувств. По мере того, как они приближались к источнику красного света, монотонное заклинание становилось все громче, звучало все явственнее, заполняя собой узкое,

темное пространство между скользкими стенами коридора, словно в некоем неотвязном кошмарном сне.

Странное завывание звучало то грубо и властно, будто чего-то требуя, то замирало, становилось тихим и протяжным, исполненным какой-то жалобной и вместе с тем грозной нежности. Анжелике это напомнило любовные призывы африканских хищников, которые она слышала по ночам в горах Риф.

Ей стало жутко, она почувствовала, как волосы у нее на голове встают дыбом и, не отдавая себе в том отчета, судорожно вцепилась в руку мужа. Он взялся за дырявую красную занавеску и отдернул ее.

Зрелище, открывшееся их глазам, было ужасно — и в то же время так невыразимо прекрасно, что даже Жоффрей де Пейрак на мгновение застыл, словно не решаясь вмешаться.

Эта нора во чреве корабля, эта убогая каморка, освещенная неверным, колеблющимся светом серебряного ночника, была логовом мавра Абдуллы.

Здесь он хранил свои сокровища, трофеи, накопленные за те годы, что он проплавал по морям. Кожаные сундучки, набитые безделушками, ковры, подушки, обтянутые посекавшимся шелком, бутылки и стаканы из дешевого толстого стекла, синего, красного или черного, покрытые расписной глазурью старинные блюда, похожие на узорные вышивки. Из опрокинувшегося набок мешка из козлиной шкуры на ковер высыпались золотые украшения и драгоценные камни. На стене висели связки полусгнившей от сырости индийской конопли, предназначенной для набивания трубки кальяна, медные части которого тускло блестели в полумраке. Резкий, почти непереносимый запах мускуса смешивался со свежим ароматом мяты и крепким запахом морской соли, которая разъедала и портила сокровища, собранные здесь сыном марокканской пустыни.

Среди этого беспорядка, сочетающего в себе пышность и убожество, в обмороке лежала Бертиль.

Ее белокурые волосы рассыпались по ковру вперемешку с выпавшими из мешка драгоценностями; бессильно раскинутые руки походили на два поникших белых стебелька.

Абдулла не снял с нее одежду. Он оголил только ее ноги, и они ясно выделялись в сумраке, отливающие перламутром, такие стройные и изящные, что казалось — они принадлежат некоему сказочному существу, прекрасной нимфе, изваянной из алебастра рукою божества.

Склонившись над этой хрупкой красотой, мавр, тяжело дыша, издавал

монотонные, тягучие звуки, будто читал что-то нараспев.

Его тело, полностью обнаженное и похожее на великолепную бронзовую статую, дрожало, мышцы судорожно подергивались. Между его напряженными, упертыми в пол руками болтался висящий на шее маленький кожаный мешочек с амулетами. Эти могучие руки были словно две несокрушимые черные колонны, стоящие на страже захваченной им добычи.

Он казался огромным, настоящим великаном, все мускулы его тела вздулись от сладострастия. При каждом движении на его мокрой от обильного пота спине словно извивались поблескивающие золотые змейки.

Губы мавра были полуоткрыты, колдовской речитатив становился все быстрее, настойчивее, истеричнее...

— Абдулла!

Дьявольское пение оборвалось.

Глухой голос господина вырвал одержимого из транса.

— Абдулла!

Мавр вздрогнул, как вздрагивает дерево от удара топора. И вдруг с ревом, с пеной у рта, с загоревшимися глазами вскочил и сорвал со стены кривую турецкую саблю.

Анжелика пронзительно закричала. Ей показалось, что сабля просвистела в дюйме от головы Жоффрея де Пейрака. Тот мгновенно пригнулся. Смертоносный клинок опять едва не поразил его, но он увернулся и крепко обхватил одержимого за туловище, говоря с ним по-арабски и пытаясь образумить. Однако мавр, похоже, одолевал его. Исступление, порожденное не нашедшей утоления похотью, придало ему невероятную силу.

На помощь графу бросился Никола Перро, и в тесной камерке началась яростная борьба. Кто в ней победит, было неясно.

Кто-то задел свисающую с потолка масляную лампу, она накренилась, и горячее масло вылилось прямо на плечо Абдуллы. Он завопил от боли — и вдруг опомнился.

Неистовая страсть, превратившая его в жреца, вершащего вечный обряд, отхлынула. Он снова был простым смертным, провинившимся слугой и растерянно оглядывался, вращая глазами. Вот тело его задрожало, и он медленно, словно придавленный тяжестью руки хозяина, опустился на колени. Еще миг — и он простерся ниц, уткнувшись лбом в скрещенные руки и заговорил, хрипло и скорбно, заранее признавая, что заслужил смерть.

Анжелика склонилась над Бертиль. Следов насилия не было —

девушка просто лишилась чувств от страха. Может быть, мавр, со своей медвежьей силой немного придушил ее, когда, зажимая ей рот рукой, чтобы заглушить крики, тащил в самый нижний отсек корабля.

Анжелика приподняла Бертиль, слегка встряхнула и проворно поправила ее корсаж и юбку. Однако проделала она это все же недостаточно быстро, ибо мэтр Мерсело успел разглядеть, в каком беспорядке была одежда его дочери и сделал из этого соответствующий вывод.

— Какой ужас! Какой позор! — вскричал он. — Моя дочь, мое дитя! О, Господи!

Он упал перед Бертиль на колени, прижал ее к груди, в отчаянии повторяя ее имя, потом вскочил, бросился на распростертого мавра и принялся пинать его ногами. Тут ему в глаза бросилась валяющаяся на ковре сабля, и прежде чем кто-либо понял, что у него на уме, он схватил ее и занес для удара.

Жоффрей де Пейрак еще раз остановил смертоносную сталь, успев в последнюю секунду перехватить руку Мерсело. Ему, Никола Перро и индейцу пришлось напрячь все силы, чтобы утихомирить оскорбленного отца. В конце концов Мерсело уронил саблю и перестал вырываться.

— Будь проклят тот день, когда мы ступили на этот корабль, — пробормотал он, глядя перед собой блуждающим взором. — Клянусь, я убью этого негодяя собственными руками!

— Я единственный после Бога хозяин на этом корабле, — сурово ответил Рескатор. — И я один имею право вершить здесь правосудие.

— Вас я тоже убью, — сказал мертвенно-бледный Мерсело. — Теперь мы знаем, кто вы такой — бандит, гнусный торговец людьми. Вы не постесняетесь отдать наших жен и дочерей своей команде, а нас, уважаемых граждан Ла-Рошели, продать как рабов. Но мы сорвем ваши планы...

В наступившей после этих слов гнетущей тишине стало слышно, как тяжело он дышит. Жоффрей де Пейрак по-прежнему стоял между разъяренным гугенотом и распростертым на полу стонущим мавром. Внезапно он улыбнулся своей странной, кривой улыбкой, которая искажала его изрезанное шрамами лицо и придавала ему вид прямо-таки устрашающий.

— Я понимаю ваши чувства, мэтр Мерсело, — сказал он спокойно. — И сожалею об этом инциденте...

— Для вас это просто инцидент! — задыхаясь от ярости, произнес бумагопромышленник. — Моя дочь обесчещена! Мою бедную девочку

мучили и...

Он сгорбился и, закрыв лицо руками, всхлипнул.

— Мэтр Мерсело, умоляю, выслушайте нас, погодите отчаиваться, — сказала Анжелика. — Благодарение небу, мы пришли вовремя. Бертиль отделалась всего лишь испугом. И этот урок научит ее вести себя впредь более благоразумно.

Но Мерсело, казалось, не слышал обращенных к нему слов. Никола Перро и индеец продолжали держать его и все не решались отпустить, боясь, как бы он опять не начал буйствовать. Наконец Бертиль пришла в себя, и он овладел собой.

— Отец! Отец! — закричала она.

Мерсело бросился к ней и начал ее успокаивать.

Возвращение Бертиль вызвало всеобщее возбуждение и растерянность.

Пока ее отец и индеец несли ее на руках, она то слабо стонала, точно умирающая, то начинала истерически кричать. Ее уложили на неудобное ложе из покрытой плащами соломы. Она отталкивала от себя мать, но непонятно почему цеплялась за Анжелику, и той пришлось сесть у ее изголовья и слушать сразу же посыпавшиеся вопросы, восклицания и рассказы о случившемся, уснащаемые самыми невероятными подробностями.

— Ваши предчувствия были верны, Маниго, — говорил раздавленный горем Мерсело. — И мое бедное дитя стало их первой жертвой...

— Предчувствия! — повторил за ним Маниго. — Вы хотите сказать: уверенность, мой бедный друг. То, что Ле Галь сумел узнать о замыслах этих преступников, не оставляет сомнений в том, каковы их истинные намерения. Все мы пленники, и участь наша будет ужасна...

Женщины заплакали. Бертиль завопила еще громче, отбиваясь от невидимого врага.

— Хватит доводить нас всех до истерики! — крикнула Анжелика.

Она схватила Мерсело за воротник и безо всякого почтения хорошенько его встряхнула.

— Сколько раз вам нужно повторять, что с Бертиль не случилось ничего страшного! Она так же невинна, как и в день своего рождения. Вам что, надо подробно растолковывать, как обстояло дело, когда мы пришли и вмешались, — раз уж вы, как видно, не способны понять с полуслова и успокоить вашу жену и дочь?

Мэтр Мерсело примолк. Когда Анжелика сильно гневалась, в ней

появлялось что-то такое, от чего мужчины робели вступать с нею в спор. Вместо Мерсело заговорил адвокат Каррер.

— Вы сами признаете, что вмешались как раз вовремя, — заметил он с усмешкой. Иными словами, вмешайся вы чуть позднее, и бедное дитя...

— «Бедное дитя» сделало все, чтобы навлечь на себя эту неприятность... и она это прекрасно знает, — сказала Анжелика, посмотрев на вошедшую в роль жертвы Бертиль. Та вдруг перестала рыдать и заметно смутилась.

— Уж не хотите ли вы обвинить мою дочь в том, что она поощряла гнусные поползновения этого мавра? — оцетинилась госпожа Мерсело.

— Вот именно. Я даже сделала Бертиль выговор. Ее подружки были рядом и могут подтвердить.

— Это правда, — робко сказала Рашель.

— Ах, конечно, ведь у вас так хорошо получается учить нравственности других.

Сказано это было самым ядовитым тоном, но Анжелика решила не отвечать тем же. Надо быть снисходительной — ведь этим людям есть от чего потерять голову.

— Совершенно верно. Только имея жизненный опыт, можно правильно судить, прилично или неприлично ведет себя девушка. У вас нет оснований обвинять всю команду и капитана в том, что они замыслили дурное.

В толпе гугенотов раздался ропот. К Анжелике, тяжело ступая, подошел Маниго.

— Кого вы защищаете, госпожа Анжелика? — спросил он холодно. — Шайку бандитов, сборище гнусных распутников? Или — того хуже — их капитана? Этого подозрительного субъекта, которому вы нас предали?

Анжелика не верила своим ушам. Он что, с ума сошел? Лица стоящих рядом с ним мужчин выражали такую же суровость и непримиримость. В тусклом свете фонарей была особенно заметна каменная неподвижность их взглядов под насупленными бровями, взглядов непреклонных судей, требующих ее, Анжелику, к ответу. Она поискала глазами Берна и увидела, что он тоже стоит в толпе и смотрит на нее так же холодно и недоверчиво, как и остальные.

Анжелика раздраженно передернула плечами. От вынужденного безделья и бесконечного пережевывания своих опасений и обид эти люди принялись за поиск врагов. Наверное, им очень не хватает папистов — некого стало проклинать.

— Я никого на защищаю. Я просто разъясню вам истинное

положение вещей — вот и все. Если бы Бертиль вела себя подобным образом в каком-нибудь порту, с ней могло бы случиться то же самое. Она поступила неблагоразумно, а вы, ее родители, плохо за ней смотрели. Что же касается обвинения в предательстве, которое вы бросаете мне...

Она больше не могла сдерживаться.

— Вы уже забыли, почему бежали из Ла-Рошели? И почему вы здесь? Неужели вы так ничего и не поняли? Вы же были обречены... все!

И она с пятого на десятое рассказала им, какого страха ей пришлось натерпеться, когда ее допрашивали Бомье и Дегре. Полицейским было все известно! Для гугенотов уже были приготовлены места в королевских тюрьмах и на галерах. И ничто бы их не спасло.

— ..Если вас предали, продали ваши братья, нечего валить вину на тех, кто вам помог. Я вас не предавала... наоборот, мне пришлось умолять капитана «Голдсборо» взять вас на борт. Плавать по морю вам не в новинку, и вы можете оценить, что это значило: взять целых пятьдесят пассажиров на судно, которое не было для этого приспособлено. Матросы с первого дня довольствуются сухарями и солониной, а из свежей провизии готовят еду для ваших детей.

— А что они готовят для наших женщин? — усмехнулся адвокат.

— И что готовится урвать для себя сам капитан? — наддал Маниго. — Неужели вы, госпожа Анжелика, так наивны, что полагаете, будто он оказал нам эту услугу даром?

— Конечно, нет. Но переговоры об оплате — это уже ваше дело.

— Что? Вести переговоры с пиратом?

— Вы обязаны ему жизнью, разве этого мало?

— Полно, вы преувеличиваете!

— Нет. И вы сами это прекрасно знаете, господин Маниго. Не вам ли приснилось, что вас душит змея и что у этой змеи голова господина Тома, вашего компаньона? Но теперь, избегнув величайшей опасности, вы не желаете чувствовать себя обязанным этим чужим для вас людям, которые были так добры, что спасли вас, — подумать только! — вас, самого уважаемого буржуа Ла-Рошели, вас, кого столь многие боялись! И почему вам так не хочется признать, что вы обязаны капитану? Да просто потому, что он не такой как вы, потому что он на вас не похож... Милосердный самаритянин пришел вам на помощь, перевязал ваши раны, но для вас, непогрешимых левитов, он все равно остается иноплеменником, чужаком. В самом деле, чего хорошего можно ждать из Самарии ^[19]?.. Задохнувшись, она замолчала и с высокомерным видом отвернулась.

«Если бы они узнали, какие узы связывают меня с ним, они бы меня, наверное, убили. Я бы утратила даже остатки их доверия».

Однако, несмотря ни на что, ее слова поколебали протестантов. Значит, она еще имеет на них какое-то влияние, хотя они и не вполне ей доверяют. Ее охватило восторженное возбуждение — ведь она борется за него, защищает его. Она сразу же встала на его сторону, хотя он ее и презирает, и, если ему будет грозить опасность, она сделает все, чтобы ее отвести. Одно по крайней мере ободряло ее: женщины в этом споре не участвовали. Конечно, им трудно было сделать выбор. Их мир рухнул слишком внезапно, и они еще не оправались от растерянности и не могли решить, какие опасности менее ужасны: те, что остались в прошлом, или те, что подстерегают в будущем.

— И все же очевидно, — пробурчал Маниго, нарушая тягостное молчание, — что намерения монсеньора Рескатора относительно нас как нельзя более подозрительны. На этом настаивают и Ле Галль, и Бреаж, и Шарон... Работая вместе с экипажем, они слышали кое-какие намеки, не оставляющие сомнений в том, что нас везут вовсе не на острова Вест-Индии. Об этом никогда и речи не шло.

— Может быть, нас везут в Китай, — предположил Альбер Парри, — некоторые члены экипажа, похоже, подозревают, что Рескатор открыл северный путь в легендарный Катай^[20], тот самый пролив, который тщетно искали мореплаватели и конкистадоры...

Гугеноты в страхе переглянулись. Значит, впереди у них новые беды! И неоткуда ждать помощи — затерянные в океане, они могут полагаться только на себя.

В наступившей тишине вновь послышался плач Бертиль, и внимание пассажиров обратилось к ней.

— Моя дочь будет отомщена, — сказал Мерсело. — Если мы не сумеем постоять за себя и преступление мавра останется безнаказанным...

Внезапно он умолк, заметив предостерегающий знак Маниго. Мужчины начали обсуждать что-то вполголоса и говорили долго. Анжелика ясно видела: положение очень серьезно. И чувствовала себя виноватой.

Опустив глаза, она увидела встревоженные личики детей, и у нее защемило сердце. Некоторые из них, напуганные смятением и растерянностью взрослых, сгрудились вместе, как птенцы в гнезде, и старшие обняли младших. Анжелика опустилась рядом с ними на колени, прижала к себе Онорину, укрыла ее своим плащом и, стараясь отвлечь

малышей от их страхов, начала рассказывать им про кашалотов. Ведь матросы обещали, что скоро они их увидят.

В конце концов, ей пришлось напомнить потерявшим голову матерям, что время уже позднее и пора готовить детей ко сну. Мало-помалу порядок восстановился.

Бертиль призналась, что, кроме жуткого страха, испытанного, когда ее схватили могучие лапищи мавра, она не помнит ничего. Сейчас, сообщила она, у нее ничего не болит. От всей этой истории в памяти осталось только какое-то смутное чувство сожаления.

Пастор Бокер держался в стороне, Абигель была рядом с ним.

Уложив Онорину, Анжелика подошла к ним.

— Ах, пастор, — устало проговорила она, — скажите, что обо всем этом думаете вы? Почему к выпавшим на нашу долю испытаниям добавляются еще и эти — подозрения и раздор? Прошу вас, поговорите с ними.

Старый пастор был как всегда спокоен.

— Мы очутились в центре вихря, — сказал он. — Я слушаю, но отовсюду слышатся одни лишь нелепицы. Что пользы от моих увещаний? Против разыгравшихся страстей слова бессильны. В жизни каждого человека рано или поздно настает день, когда лучшее в нем вступает в борьбу с худшим за власть над его сердцем. Для некоторых этот день настал... Я могу только молиться, ожидая исхода этого противоборства между Добром и Злом. Оно началось не сегодня.

«Из всех нас один лишь пастор несколько не изменился, — подумала Анжелика. — Только еще больше похудел и поседел от тягот пути».

— Велика ваша мудрость, пастор, — сказала она.

— Я много лет провел в тюрьме, — со вздохом ответил старик.

Если бы он был пастырем ее веры, она могла бы ему исповедоваться и, положившись на священную тайну исповеди, рассказать наконец всю правду и попросить совета. Но даже эта духовная помощь была для нее недоступна.

Анжелика повернулась к Абигель — на ее лице было написано то же спокойное терпение, что и на лице ее отца.

— Абигель, что же с нами будет? Куда заведет нас эта разгорающаяся ненависть?

— Ненависть часто порождена страданием, — тихо, отозвалась дочь пастора Бокера.

Ее взгляд, отражающий безропотную покорность судьбе, был устремлен за спину Анжелики. Там, на фоне освещающих нижнюю палубу

фонарей, чернела массивная фигура Габриэля Берна.

Анжелике не хотелось с ним общаться. Однако он последовал за ней и, не слушая возражений, вынудил ее пройти с ним в дальний темный угол. Здесь, на отшибе, он мог наконец поговорить с ней, что в этой беспрестанной толчее удавалось ему нечасто.

— Не пытайтесь исчезнуть, госпожа Анжелика. Вы все время меня избегаете. Дни идут, а я для вас словно не существую!..

Это была правда.

Каждый день, просыпаясь, Анжелика чувствовала, что все ее помыслы стремятся к тому, кого она любит, кого любила всегда, с кем наперекор всему связана вечными узами. В ее сердце уже не могло быть места для другого мужчины, для каких бы то ни было нежных чувств к этому другому, и она, почти не отдавая себе в том отчета, предоставила Абигель печься о здоровье мэтра Берна, чьи раны так беспокоили ее в начале пути.

Теперь он, как видно, вполне поправился, поскольку был на ногах и в его движениях не замечалось ни малейшей скованности.

Он крепко сжал ее руки выше локтей, и она увидела, как блестят его глаза, хотя из-за темноты не могла разглядеть его лица. Только необычный лихорадочный взгляд отличал нынешнего мэтра Берна от человека, подле которого она так мирно жила в Ла-Рошели. Однако и этого было достаточно, чтобы при каждом его приближении она испытывала неловкость. К тому же ее немного мучила совесть.

— Выслушайте меня, госпожа Анжелика, — сдержанно начал Берн. — Вы должны сделать выбор! Кто не с нами, тот против нас. С кем вы?

Ответ последовал незамедлительно.

— Я с людьми здравомыслящими и против дураков.

— Ваше салонное остроумие здесь неуместно, и вы отлично это знаете сами. Что до меня, то мне сейчас вовсе не до смеха, и я попросил бы вас отвечать без шуток.

И он так стиснул пальцами ее руки, что она едва не вскрикнула. Определенно, он полностью оправился от ран. К нему вернулась вся его прежняя сила.

— Я не шучу, мэтр Берн. Я вижу, что вы все готовы поддаться слепой панике, которая может толкнуть вас на поступки, достойные сожаления. Поэтому я на стороне тех, кто, сознавая, что нам предстоят немалые трудности, тем не менее продолжает с уверенностью смотреть в будущее и не сходит с ума, нагоняя страх на наших детей.

— А если в один прекрасный день мы обнаружим, что обмануты, будет уже слишком поздно сожалеть о нашей наивности. Разве вам

известны намерения этого пиратского главаря, который взял над вами такую власть? Он рассказал вам о них хоть что-нибудь? Я в этом сильно сомневаюсь. Какую сделку вы с ним заключили?

Он почти тряс ее, но она была до того встревожена, что не замечала этого.

«В самом деле, что я о нем знаю? — думала она. — Он и для меня незнакомец. Слишком много лет отделяет того человека, которого я, как мне тогда казалось, знала, от того, которому мы вверили себя сейчас. Его репутация на Средиземном море скорее внушала страх, чем располагала к доверию... Король посылал против него свои галеры. Неужели он и вправду стал человеком без совести, отягощенным преступлениями и злодействами?»

Но вслух она не сказала ни слова.

— Почему он отказывается поговорить с нами? — не унимался Берн. — Почему пренебрегает нашими требованиями? Вы ему верите? Но вы ведь не можете поручиться, что он не замышляет дурного!

— Он согласился взять вас на свой корабль, когда ваши жизни были в опасности — этого достаточно!

— Я вижу, что вы не перестанете его защищать, даже если он продаст нас в рабство, — зло проворчал Берн. — Какими чарами он околдовал вас, что вы так изменились? Какие узы, какие воспоминания связывают вас с этим человеком и превращают вас в его послушную марионетку — вас, являвшую собой образец честности... когда мы были... в Ла-Рошели.

Стоило прозвучать этому последнему слову — «Ла-Рошель» — ив памяти обоих ожили те ушедшие мирные дни, когда в тишине и покое дома Бернов Анжелика, словно раненая волчица,лизывала свои раны. Должно быть, мэтру Габриэлю эти сладкие, неизгладимые воспоминания сейчас разрывают сердце...

Она жила с ним под одной крышей, но тогда он еще не понимал, что в ней, в ее лучезарной улыбке заключены все радости земли. Радости, о которых он ничего не знал, или скорее, — поправил он себя, — не желал знать. Он оттеснил все это в самые дальние глубины сердца, слишком уверенного в своей неуязвимости и желающего видеть в женских чарах только опасную ловушку, а в самой женщине — преступную искустельницу Еву. Недоверие, осторожность, легкое презрение — вот из чего всегда слагалось его отношение к женщинам. Но теперь он прозрел — ибо похититель отнял у него его сокровище, в сравнении с которым все потерянные им богатства не стоили ничего. Каждый день их кошмарного

путешествия приносил ему невыносимые мучения. Он ненавидел этого человека, загадочного и необычайно обаятельного, которому достаточно было появиться, чтобы покрытые белыми чепчиками женские головки все как одна повернулись к нему, точно нацелившаяся на косяк рыбы стая чаек. «У женщин нет души, — негодуя, твердил себе Берн, — даже у самых лучших, даже у нее». Он сжимал Анжелику в объятиях, не обращая внимания на ее попытки высвободиться, ярость удесятрляла его силы, а желание настолько затуманило рассудок, что он даже не слышал, что она говорит ему, тщетно пытаясь оттолкнуть его от себя. Наконец до его сознания дошло слово «скандал».

— Перестаньте! Неужели вам мало одного скандала за вечер? — умоляла Анжелика. — Ради всего святого, мэтр Берн, опомнитесь... Будьте сильным. Возьмите себя в руки. вспомните, что за вами идет вся община, что вы отец семейства...

Но он понимал только одно — что она не дает ему свои губы, хотя в темноте могла бы и не упрячиться.

— Почему вы так яростно защищаетесь? — прошипел он. — Ведь вы обещали выйти за меня замуж.

— Нет, нет. Вы меня не правильно поняли. Это невозможно. Этого никогда не будет. Теперь я принадлежу только ему. Ему...

Его руки разжались и повисли, словно она нанесла ему смертельную рану.

— Когда-нибудь я вам все объясню, — продолжала Анжелика, желая хоть немного смягчить жестокий удар. — Вы поймете, что узы, связывающие меня с ним, таковы, что их нельзя порвать...

— Вы дрянь!

Его дыхание обжигало ее лицо. Они шептались, не смея повысить голос.

— Зачем вы сотворили все это зло? Все это зло?

— Какое зло? — спросила она, подавляя рыдания. — Я стремилась спасти вас, рискуя собственной жизнью.

— Это еще хуже.

Словно проклиная кого-то, он поднял сжатую в кулак руку. Он и сам не знал, что хочет этим выразить. Она причинила ему зло уже тем, что так красива, тем, что она именно такая, какая есть, готовая жертвовать собой ради других, и наконец тем, что, приоткрыв перед ним врата рая и поманив надеждой на обладание ею, на то, что он сможет назвать ее своей женой, она вдруг жестоко от него отдалилась.

Анжелика лежала с открытыми глазами на своем ложе. Разговоры вокруг нее постепенно затихли. Наверху горела одна-единственная свеча в фонаре, тускло освещая поддерживающие потолок толстые бимсы с вделанными в них железными кольцами и крюками.

«Я должна непременно объяснить мэтру Берну, какие узы связывают меня с Жоффреем де Пейраком. Он человек честный и уважает таинство брака. Узнав правду, он смирится и отступит, а продолжая воображать, будто я стала жертвой авантюриста, может пуститься на любые крайности, лишь бы вырвать меня из его лап».

Сегодня вечером она не открылась ему только потому, что боялась нарушить волю того, кого наперекор всему продолжала считать своим мужем. Ведь он сказал ей: «Не говорите им ничего».

И она ни за что на свете не осмелилась бы послушаться этого приказа, произнесенного чужим ей голосом, от звуков которого ее пробирала дрожь.

«Не говорите им ничего... Они могут вообразить, будто вы моя сообщница...» И хотя она сама все время уверяла протестантов, что их подозрения беспочвенны, она не могла не задумываться над тревожным смыслом этих слов...

«А что если он и впрямь обманул нас... Что если его замыслы преступны... и ему теперь никого не жаль: ни меня, ни других...»

Время идет, а в их отношениях по-прежнему нет ни проблеска, наоборот, мрак сгущается.

«О, как он пугает меня! И как притягивает!»

Она закрыла глаза и, запрокинув голову, будто в порыве страсти, прислонилась затылком к твердому дереву. За тонкой деревянной преградой неумолчно и равнодушно шумело море.

«Море... Море, несущее нас на своих волнах — послушай нас... и соедини нас снова...»

Ни за какие сокровища она не пожелала бы оказаться сейчас в каком-нибудь другом месте. Жалела ли она о том, что она уже не юная графиня де Пейрак, которая жила когда-то в замке, окруженная роскошью и почитанием? Нет, нисколько! Она предпочитала свое настоящее, предпочитала быть здесь, на неизвестно откуда взявшемся и неведомо куда плывущем корабле, ибо в этом кошмаре таилось что-то чудесное. То, что с нею происходило, было одновременно ужасно и радостно, и душа ее разрывалась между страхом и ликованием. Наперекор всем сомнениям и тревогам она продолжала надеяться, что любовь все же восторжествует — такая прекрасная, непохожая на то, что она испытывала раньше, что ради нее стоит претерпеть все нынешние муки.

Во сне темное и неясное прояснилось, и Анжелика начинала видеть ту связь вещей, которая в пору бодрствования оставалась от нее сокрыта.

Этот корабль несет в себе не только ненависть, но и любовь. Анжелике снилось, что она куда-то мчится, карабкается по бесконечным отвесным трапам, раскачивающимся в ночной тьме. Какая-то нечеловеческая сила влекла ее наверх, туда, где был он. Но тут ее вдруг подхватывала огромная волна и швыряла в глубокий трюм, где тьма была еще непрогляднее. Она снова лезла вверх, изо всех сил вцеплялась в бесчисленные деревянные ступеньки, и к терзающему ее страху примешивалось острое чувство утраты — ей казалось, что она потеряла что-то очень дорогое, единственное, что могло бы ее спасти.

Это было мучительно: рев бури, кромешная чернота зияющих под ногами трюмов и царящей вверху ночи непрестанная качка, то и дело сбрасывающая ее вниз и главное — невыносимое чувство, что в этой тьме она тщетно ищет какое-то волшебное слово, которое даст ей разгадку сна и поможет из него вырваться.

Внезапно ее осенило: это волшебное слово — любовь! Любовь, очищенная от опутавших ее ядовитых растений, — гордыни и страха. Деревянные ступеньки трапов превращались под ее пальцами в твердые мужские плечи, за которые она в изнеможении цеплялась. Ноги ее ослабели. Теперь ее удерживали над пустотой только сильные руки, крепко, до боли, сжимавшие ее руки мужчины. И она прильнула к нему всем телом, точно гибкая лиана к могучему дереву. Ее жизнь ей уже не принадлежала. Его губы прижимались к ее губам, и она жадно пила его дыхание. Если бы не его поцелуй, она бы умерла. Все существо ее жаждало любви, которую дарил ей невидимый и неиссякаемый источник — его губы. Все ее страхи рассеялись, все прежние преграды пали, и ее тело, отдавшееся страсти, покорившееся властному поцелую любви, стало словно податливая водоросль, плывущая по волнам бесконечной тьмы. Ничего больше не существовало кроме горячего прикосновения его губ, которые она узнала... да, узнала...

Анжелика проснулась вся в поту, задыхаясь, и, сев на своем ложе, приложила руку к груди, чтобы унять бешеный стук сердца. Она была потрясена — во сне, где обнажается скрытое, где срываются все покровы, она смогла испытать сладострастие! Такого с ней не случалось уже очень давно.

Должно быть, это из-за той сцены в трюме. Тягучие звуки первобытного, колдовского пения мавра, в упоении оттягивающего сладостный миг обладания, были повсюду, они смешивались с шумным

дыханием моря и проникали даже в сны.

Все еще не владея собой, она взглянула вокруг и с ужасом увидела у своего изголовья стоящего на коленях мужчину. Габриэль Берн!

— Так это были вы, — пролепетала она. — Так это вы... меня целовали?

— Целовал? — ошеломленно повторил он вполголоса и покачал головой.

— Я услышал, как вы стонете во сне, не мог заснуть — и вот, пришел...

Видел ли он тот экстаз, который она только что пережила во сне — или темнота все скрыла?

— Пустяки, это был просто сон.

Но Берн, не вставая с колен, придвинулся к ней еще ближе.

Все ее тело дышало жаром страсти, и Габриэля Берна, не помнящего себя от ревности и желания, неудержимо влек этот древний как мир зов.

Анжелику снова сжали мужские руки, но уже не во сне, и обнимал ее не он — рассудок ее уже довольно прояснился, чтобы осознать это. Она все еще горела, как в лихорадке, но мыслила ясно — и попыталась отвергнуть чуждые объятия.

— Нет, нет, — вымолвила она умоляюще.

Но она была не в силах двинуться: ее как будто парализовало. Она помнила, что мэтр Берн очень силен: ведь она сама видела, как он голыми руками задушил человека.

Надо позвать на помощь! Но у нее так перехватило горло, что из него не вышло ни единого звука. К тому же все происходящее было настолько ужасно и невыносимо, что она никак не могла поверить, что это не сон, а явь.

Она попыталась вырваться.

«Мы все сходим с ума на этом судне», — подумала она в отчаянии.

Ночь укрывала их от чужих взглядов, движения Берна были осторожны и бесшумны, но Анжелика чувствовала, что он с молчаливым упорством одолевает ее.

Она еще раз рванулась, ощутила на своей щеке прикосновение его ладони и, повернув голову, впилась в нее зубами. Он попытался отдернуть руку, а когда это ему не удалось, глухо зарычал:

— Бешеная сука!

Рот Анжелики наполнился кровью. Когда она наконец разжала челюсти, он скорчился от боли.

— Подите прочь, — выдохнула она. — Оставьте меня сейчас же... Как

вы посмели? В двух шагах от детей!

Он исчез в темноте.

Спящая в своем гамаке Онорина перевернулась на другой бок. В заслонку порта тихо плеснула волна. Анжелика перевела дух. «В конце концов эта ночь пройдет, настанет новый день», — подумала она. Когда много горячих людей не по доброй воле оказываются вместе в тесной дубовой тюрьме под парусом, несущей их всех навстречу неизвестности, — столкновения неизбежны, и ничего тут не поделаешь. Разум Анжелики успокаивался быстрее, чем ее тело. Она все еще не остыла и не могла забыть, что, когда проснулась, ее разбирало желание.

Она ждала мужчину. Но не этого. Тот, кого она любила, был с нею разлучен, и во сне она протягивала к нему руки. «Прижми меня к себе... Спаси меня, ты же такой сильный... Почему я потеряла тебя? Если ты оттолкнешь меня, я умру!»

Она тихонько бормотала эти слова, наслаждаясь восхитительным жаром вновь обретенных желаний. Как могла она быть с ним такой холодной? Разве так ведет себя любящая женщина? Он тоже мог подумать, что она его больше не любит. Но во сне она узнала его губы.

Поцелуи Жоффрея! Как могла она их забыть? Она вспомнила, как была ошеломлена, когда он поцеловал ее впервые, и как погрузилась в незнакомое ей прежде блаженное беспмятство. Еще долго она, совсем юная в ту пору женщина, предпочитала это сладкое головокружение неге обладания. Лежа в его объятиях, сливаясь с ним в поцелуе, она испытывала блаженство полного растворения в любимом, это неизъяснимое блаженство, которое мужчина дарит любящей его женщине.

Позже ни одни мужские губы не могли доставить ей подобного наслаждения. Поцелуй был для нее чем-то столь интимным, что ей казалось — она не вправе разделить его ни с кем, кроме Жоффрея. В крайнем случае она соглашалась принять его лишь как необходимое вступление к дальнейшему.

От поцелуев, которые срывали с ее уст, она спешила поскорее перейти к тому, что завершает любовный обряд, к утехам, в которых была горяча и искусна. Любовники приносили ей наслаждение, но ни один из их поцелуев она не могла бы вспомнить с удовольствием.

Всю жизнь, сама того почти не сознавая, она хранила память о тех ни с чем не сравнимых поцелуях, жадных, упоительных, которыми они, смеясь и никогда не пресыщаясь, обменивались в те далекие времена в Тулузе... и которые сон, приоткрывающий многие завесы, чудесным образом вернул ей сейчас.

Глава 22

Серым утром, когда к потолку потянулся дым от погашенных свечей, он вдруг вошел в твиндек, как всегда в маске, мрачный и неприступный человек из железа.

Его внезапное появление встревожило пассажиров. Они едва очнулись от тяжелого сна и чувствовали себя измотанными от беспрестанной качки. Им было холодно. Замерзшие дети кашляли и клацали зубами.

Рескатор явился не один — его окружали вооруженные мушкетами матросы. Обведя эмигрантов взглядом, который казался еще более пронзительным из-за того, что глаза смотрели из прорезей маски, он сказал:

— Прошу всех мужчин собраться и выйти на палубу.

— Что вам от нас надо? — спросил Маниго, застегивая помятый камзол.

— Сейчас узнаете. Соблаговолите собраться вон там.

Рескатор двинулся между рядами пушек, внимательно вглядываясь в расположившихся возле них женщин. Дойдя до Сары Маниго, он вдруг оставил обычное свое высокомерие и отвесил ей учтивый поклон.

— Вы, сударыня, также весьма меня обяжете, если соблаговолите пройти с нами. И вы тоже, сударыня, — добавил он, повернувшись к госпоже Мерсело.

Этот выбор и сопровождавшие его церемонии смутили даже самых смелых.

— Хорошо, я пойду, — решила госпожа Маниго, запахивая на груди черную шаль. — Но мне хотелось бы знать, что за сюрприз вы нам приготовили.

— Должен подтвердить вашу догадку, сударыня: ничего приятного, и более всех этим удручен я сам. Тем не менее, ваше присутствие необходимо.

Еще он остановился около тетушки Анны и около Абигель, жестом приглашая их присоединиться к группе пассажиров-мужчин, которые ждали в окружении вооруженных матросов.

Потом он подошел к онемевшей от страха Анжелике. На этот раз его поклон был еще ниже, а улыбка еще ироничнее.

— И вас, сударыня, я тоже покорнейше прошу последовать за мной.

— Что случилось?

— Пойдемте со мной, и ваше любопытство будет удовлетворено.

Анжелика повернулась к Онорине, чтобы взять ее на руки, но он встал между ними.

— Нет, на палубе не должно быть детей. Поверьте мне, это зрелище не для них.

Онорина заревела во весь голос. И тут случилось неожиданное. Рескатор сунул руку в кошель, висевший у него на поясе, достал оттуда сверкающий синий сапфир, крупный, как лесной орех, и протянул его девочке. Покоренная Онорина вмиг умолкла. Она схватила сапфир, и уже не замечала ничего вокруг.

— А вы, сударыня, — снова обратился он к Анжелике, — идите наверх и не думайте, что настал ваш последний час. Вы вернетесь к своей дочери очень скоро.

На палубе, на баке, собрался весь экипаж. Каждый был одет на свой вкус и среди многоцветья одежд четко выделялись яркие кушаки и головные платки южан и шерстяные шапки северян-англосаксов, на многих из которых были также меховые безрукавки. Рядом с веснушчатými, белобрысыми англичанами еще более темнокожими казались два негра и араб. Однако боцман и старшины всех команд марсовых были на сей раз одеты одинаково, в обшитые золотым галуном красные камзолы, и эта форма подчеркивала, что они тут начальники — унтер-офицеры.

Меднокожий индеец, стоящий рядом с волосатым, бородатым Никола Перро, довершал эту пеструю картину человеческих рас, которой никто бы не отказал в живописности.

Анжелика никогда бы не подумала, что экипаж «Голдсборо» так многочислен. Чаще всего матросы были рассыпаны по реям и вантам, и она привыкла видеть на фоне неба только их силуэты, с обезьяньей ловкостью снующие в высоком лесу мачт, рей и парусов. Там, в своих владениях, они хохотали, перекликались друг с другом, пели, но все эти звуки проносились над головами пассажиров, не привлекая их внимания.

Спустившись с высот, матросы явно чувствовали себя не в своей тарелке на палубе, хотя она тоже качалась. Они утратили поражающую воображение акробатическую ловкость «тех, что на парусах» и сделались вдруг скованными и неуклюжими. Теперь стало заметно, что в их лицах есть нечто общее — выражение у всех было скорее строгое, чем веселое, глазам — и темным, и светлым — был присущ особый блеск, отличающий тех, кто привык настороженно вглядываться в горизонт в ожидании опасности, а надбровные дуги несколько выступали вперед, словно

защищая глаза от яркого солнца.

Анжелика чувствовала, что ее спутницы так же неприятно поражены видом экипажа, как и она сама. Одно дело видеть весельчаков-матросов, прогуливающихся по пристаням Ла-Рошели, и совсем другое — увидеть их посреди пустынных просторов океана, где они оторваны от всех земных радостей и потому становится очевидным то, чего не замечаешь на суше, — что эти мужчины намного суровее и жестче тех, кто каждый день встречается на улицах с женщинами и детьми, а вечерами греется у домашнего очага. Оказавшись с моряками лицом к лицу, гугенотки ощущали одновременно жалость и страх. Перед ними были люди иной, чем они, породы. Эти матросы почитали за ценность только свое морское ремесло, и все живущие на суше были для них совершенными чужаками.

Ветер развеивал широкий плащ Рескатора. Он стоял немного впереди своих матросов, и Анжелика подумала, что он хозяин всех этих странных и чужих людей, что он сумел подчинить себе этих строптивых упрямец и понять их сумрачные души, обитающие в топорно скроенных телах.

Какой же властью нужно обладать: над жизнью, над стихиями, над самим собой, чтобы внушить уважение этим сорвиголовам, этим заблудшим сердцам, этим дикарям, враждующим со всем светом?

Все молчали. Слышалась только могучая симфония ветра, играющего на струнах снастей. Матросы стояли, потупив глаза, словно окаменевшие от некоего общего тягостного чувства, причина которого была ведома им одним. В конце концов эта подавленность передалась и протестантам, сгрудившимся на другом краю палубы, около фальшборта.

Именно к ним повернулся Рескатор, когда наконец заговорил.

— Господин Мерсело, вчера вечером вы требовали наказать того, кто оскорбил вашу дочь. Вы будете удовлетворены. Правосудие свершилось.

Он показал рукой вверх, и все подняли головы. По толпе гугенотов пронесся ропот ужаса.

В тридцати футах над ними, на рее фок-мачты тихо покачивалось тело повешенного. Это был мавр.

Абигель закрыла лицо руками. По знаку Рескатора матросы отпустили ручку ворота, веревка, на которой висел казненный, быстро размоталась, и он, упав на середину палубы, остался лежать там, неподвижный, бездыханный.

Из-под распухших, слегка приоткрытых губ мавра Абдуллы блестели белые зубы. Таким же мертвым перламутровым блеском отсвечивали и белки его полужакрытых глаз. Расслабленное тело лежало в позе столь естественной, что казалось, будто он спит, однако его кожа уже приняла

сероватый оттенок смерти. От вида этой нагой безжизненной плоти всех зрителей, стоящих на холодном утреннем ветру, пробирала дрожь.

Анжелика вновь увидела мысленным взором, как голый Абдулла простирается ниц у ног хозяина, сокрушенный сознанием своей вины, снова услышала его хриплый голос, бормочущий по-арабски: «Я поднял на тебя руку, и твоя рука покарает меня. Хвала Аллаху!»

Два негра выступили вперед, торопливо и печально бормоча какую-то молитву. Они подняли своего собрата, сняли с его шеи позорную петлю и понесли труп в сторону бушприта^[21]. Шеренга матросов расступилась, пропуская их, и снова сомкнулась.

Рескатор продолжал смотреть на протестантов.

— А теперь я скажу вам одну вещь, которую вам надлежит запомнить раз и навсегда. Я приказал повесить этого человека не потому, что он посягнул на честь вашей дочери, господин Мерсело, а потому, что он ослушался меня. Когда вы, ваши жены и дети поднялись на борт моего корабля, я отдал экипажу строжайший приказ. Моим людям запрещалось приближаться к вашим женам и дочерям или оказывать им неуважение... под страхом смерти. Пренебрегая этим запретом, Абдулла знал, чем рискует. И теперь он поплатился за неповиновение.

Рескатор подошел к гугенотам ближе, стал напротив Маниго и одного за другим оглядел Берна, Мерсело и пастора Бокера, которых остальные, по всей видимости, почитали за руководителей общины. Раздуваемые ветром полы его плаща разошлись в стороны, и ларошельцы увидели, как его руки в перчатках сжали рукоятки двух заткнутых за пояс пистолетов.

— Напоследок я хочу добавить еще кое-что, — продолжал он тем же угрожающим тоном, — и крепко запомните это на будущее. Господа, все вы из Ла-Рошели, и вам известны законы моря. Вы знаете, что на «Голдсборо» я единственный хозяин после Бога. Все, кто находится на корабле: офицеры, матросы, пассажиры — обязаны мне повиноваться. Я повесил этого мавра, моего верного слугу, потому что он нарушил мой приказ... И если когда-нибудь мой приказ нарушите вы, знайте: я вздерну и вас...

Глава 23

Она смотрела на него жадно, неотрывно, она пожирала его глазами. Как он одинок!

Один на ветру. Вот так же стоял он тогда на крутом берегу под Ла-Рошелю.

Так одиноки бывают те, кто не похожи на других.

И однако он нес это одиночество с той же непринужденной легкостью, с какой носил свой широкий черный плащ, тяжелые складки которого так красиво развевались на ветру.

Он вынес на своих сильных плечах все тяготы жизни и — богатый или бедный, могущественный или гонимый, здоровый или больной — никогда не сгибался и никому не жаловался. В этом проявлялось его благородство.

Он всегда, что бы с ним ни случилось, останется знатным сеньором.

Анжелике хотелось подбежать к нему, чтобы в его неиссякаемой силе найти опору для своей слабости — и в то же время она хотела прижать его к сердцу, чтобы он наконец отдохнул.

Свисток боцманской дудки разогнал экипаж по местам. Матросы рассеялись по мачтам и реям. С мостика на юте капитан Язон выкрикивал в медный рупор команды.

На реях развернулись паруса. Картина вновь оживала.

Протестанты молча покинули палубу. Анжелика осталась. Сейчас для нее существовали только она и он и Вокруг, куда ни глянь, — далекая линия горизонта.

Жоффрей де Пейрак повернулся и увидел ее.

— На море такая казнь в назидание другим, чтоб не забывали о дисциплине, — обыденное происшествие. Тут не из-за чего волноваться, сударыня. Вы плавали по Средиземному морю, побывали в руках пиратов и работоторговцев, и вам все это должно быть известно.

— Да, конечно.

— Власть предполагает также и обязанности. Приучить экипаж к дисциплине и затем поддерживать ее — трудная задача.

— Я знаю и это.

И она с удивлением вспомнила, как командовала своими крестьянами, воюя с королем, и лично вела их в бой.

— Мавр тоже это знал, — проговорила она задумчиво. — Я поняла, что он сказал вам вчера вечером, когда мы застигли его на месте

преступления.

Перед ее мысленным взором вдруг ожила вчерашняя сцена со всем ее бесстыдством, необычностью и жгучим сладострастием, и от смущения она густо покраснела.

Ей вспомнилось, как она невольно сжала руку мужчины, стоявшего тогда рядом с ней, — его руку. Ей казалось, что ее ладонь все еще ощущает то прикосновение, его мускулистую, твердую, как дерево, плоть под тканью камзола. Ее любимый...

Он здесь! Эти губы, о которых она столько грезила, — вот они, не прикрытые жесткой маской, такие же, как прежде, живые, теплые.

Ей больше не нужно гоняться за вечно ускользающим воспоминанием. Он здесь, он рядом!

А то, что их разделяет, — все это пустяки. Они исчезнут сами собой. И от сознания, что мечта, так долго жившая в ее душе, стала явью, все ее существо охватило ликование. Она стояла перед ним, не смея шевельнуться и не видя ничего, кроме него.

Сегодня вечером с другого конца корабля в море сбросят тело казненного.

Любовь... смерть. Время продолжает ткать свое полотно, вплетать в нити судеб то, что творит жизнь, и то, что приближает ее конец.

— Я думаю, вам лучше вернуться к себе, — сказал наконец Жоффрей де Пейрак.

Она опустила глаза и склонила голову, показывая, что поняла и повинуется.

Конечно, между ними еще есть преграды. Но все это мелочи. Стены самые непреодолимые, из-за которых она тщетно звала его, ломая руки, те стены, имя которым — разлука и смерть, уже рухнули.

Все остальное не имеет значения. Настанет день, когда их любовь возродится.

Госпожа Маниго вдруг повернулась к Бертиль и с размаху влепила ей пощечину.

— Грязная потаскушка! Теперь вы, наверное, удовлетворены? Ведь на вашей совести смерть человека!

Поднялся страшный шум. Несмотря на все свое уважение к супруге судовладельца, госпожа Мерсело вступилась за свое чадо:

— Вы всегда завидовали красоте моей дочери, ведь ваши-то...

— Какой бы красоткой ни была ваша Бертиль, ей не следовало снимать корсаж и выставлять напоказ свои прелести перед негром. А вам

словно и невдомек, что такие штучки до добра не доводят!

Их не без труда развели.

— Да успокойтесь вы, женщины! — рявкнул Маниго. — Вцепляясь друг другу в волосы, вы не поможете нам выбраться из этого осинового гнезда.

Повернувшись к своим друзьям, он добавил:

— Утром, когда он к нам заявился, я подумал, что он пронюхал про наши планы. Но, к счастью, пронесло.

— И все же он что-то подозревает, — озабоченно пробормотал адвокат Каррер.

Они замолчали, так как в твиндек вошла Анжелика. Дверь за ней затворилась, и тотчас послышалось звяканье цепи, на которой крепился висячий замок.

— Не будем питать иллюзий, мы здесь не более, чем пленники! — заключил Маниго.

Габриэль Берн в этом разговоре не участвовал. Его задержали наверху два матроса, которым было приказано — со всей любезностью, однако всенепременно — препроводить его к монсеньору Рескатору.

«Странно, — подумал Жоффрей де Пейрак. — Сейчас, когда я с ней разговаривал, она смотрела на меня так, словно она меня любит. Можно ли ошибиться, когда видишь такой взгляд?»

Он все еще размышлял об этом удивительном мгновении, таком мимолетном, что его даже взяло сомнение, — а было ли оно на самом деле, — когда дверь отворилась и вошел гугенот.

— Садитесь, сударь, — сказал Жоффрей де Пейрак, указывая на стоящее напротив кресло.

Габриэль Берн сел. Он сразу решил, что учтивость капитана не предвещает ему ничего хорошего, — и оказался прав.

После довольно долгого молчания, когда противники присматривались друг к другу, дуэль началась.

— Ну как ваши дела с женитьбой на госпоже Анжелике? Каковы успехи? — в глухом голосе Рескатора сквозило ехидство.

Берн даже бровью не повел. Жоффрей де Пейрак с досадой отметил про себя, что гугенот умеет владеть собой. «Эта туша и не думает уворачиваться от моих уколов, — подумал он. — И не собирается на них отвечать. Но как знать, не измотает ли он меня уже одним своим немалым весом и не заставит ли совершить какой-нибудь промах».

Наконец Берн тряхнул головой.

— Я не считаю нужным обсуждать эту тему.

— А я считаю. Эта женщина меня интересует. И мне приятно говорить о ней.

— Вы тоже собираетесь сделать ей предложение? — на этот раз ехидство зазвучало в голосе Берна.

— Разумеется, нет! — смеясь, сказал Рескатор.

Смех собеседника был гугеноту непонятен, и в нем с новой силой вспыхнула ненависть. Но внешне он остался спокоен.

— Вероятно, вызывая меня к себе, вы, сударь, желали узнать, намерена ли госпожа Анжелика уступить вашим бесстыдным домогательствам и готова ли она вам в угоду поломать себе жизнь и разорвать свою дружбу со мной?

— Кое-что из этого действительно входило в мои намерения. Итак, каков же будет ваш ответ?

— Я думаю, она слишком умна, чтобы попасться в ваши сети, — отвечал Берн с тем большей твердостью и горячностью, что сам он — уввы! — отнюдь не был в этом уверен. — В моем доме она старалась забыть свою прежнюю бурную жизнь. Она не может отбросить все то, что нас связывает. Нашу дружбу, согласие, взаимопонимание... Я спас жизнь ее дочери.

— Ах, да! Я тоже. Выходит, мы с вами соперничаем уже не из-за одной женщины, а из-за двух.

— Девочка значит для нее очень много! — сказал Берн с такой угрозой в голосе, будто намеревался не на шутку устроить противника. — Госпожа Анжелика никогда от нее не откажется! Ни для кого!

— Я знаю. Но у меня тут есть, чем завоевать расположение этой юной особы.

Откинув крышку ларца, он, как бы играя, пропустил между пальцами горсть драгоценных камешков.

— Насколько я понял, девочка равнодушна к блеску драгоценностей.

Габриэль Берн сжал кулаки. Всякий раз, когда он оказывался с Рескатором лицом к лицу, ему начинало казаться, что перед ним не человек, а исчадие ада. Он возлагал на него вину за все то злое, что обнаружил недавно в себе самом, и за те муки, которые испытывал, когда вселившиеся в него демоны принимались его искушать. Воспоминание о том, что произошло между ним и Анжеликой минувшей ночью, преследовало и терзало его так неотступно, что на повешенного мавра он взирал с безучастием автомата.

— Как ваши раны? — сладким голосом спросил Жоффрей де Пейрак.

— Не беспокоят, — коротко ответил Берн.

— А эта? — продолжал злой демон, показывая на окровавленную тряпку, которой была обмотана рука торговца, пострадавшая от зубов Анжелики.

Берн побагровел и вскочил на ноги. Рескатор тоже встал.

— Укус женщины, — тихо промурлыкал он, — более ядовит для сердца, чем для тела.

Пейрак знал, что, разъяря своего и без того униженного противника, совершает опасную ошибку. Он и так уже поступил опрометчиво, приказав привести Берна к себе в апартаменты, но нынче утром он обратил внимание на его перевязанную руку — и не устоял перед искушением проверить пришедшую на ум догадку. Она оказалась верной.

«Она его отвергла, — думал он с ликованием, — она его отвергла! Стало быть, он не ее любовник!» Однако за удовольствие узнать это ему наверняка придется дорого заплатить. Берн не забудет своего унижения, он станет мстить. В хитрых глазах торговца разгоралась непримиримая злоба.

— Позвольте спросить, монсеньор, какой же вы из всего этого сделали вывод?

— А такой, которого вы и сами не станете отрицать, мэтр Берн: госпожа Анжелика — женщина неприступная.

— И вы полагаете, что это дает вам основания торжествовать? Вы рискуете обмануться в своих надеждах. Я был бы весьма удивлен, если б она подарила вам то, в чем отказывает всем остальным мужчинам.

«Не в бровь, а в глаз» — подумал Жоффрей де Пейрак, вспоминая, как Анжелика противилась его объятиям.

Он изучающе взглянул в лицо ларошельца. Теперь оно снова было бесстрастно.

«Что он знает о ней такого, чего не знаю я?»

Берн почувствовал, что его враг в растерянности — и захотел развить успех. Он заговорил и поведал одну из тех страшных историй, на которые столь щедрой была тогдашняя эпоха. Объятый пламенем замок, перебитые слуги, избитая, изнасилованная драгунами женщина, несущая на руках зарезанного ребенка. После той чудовищной ночи даже намек на мужскую любовь внушает ей ужас, ибо заставляет ее вновь переживать все те зверства и гнусности, которым она подверглась. Но это еще не самое худшее. Девочка, ее дочь, — плод того злодеяния. И она никогда не узнает, кто из тех грязных наемников был отцом ее ребенка.

— Откуда вы взяли эту небылицу? — резко спросил Рескатор.

— Из ее уст. Из ее собственных уст.

— Не может быть!

Берн вкушал сладость мести. Он чувствовал: его противник потрясен, хотя как будто и не выказывает признаков волнения.

— Вы говорите: королевские драгуны. Что за нелепые сплетни! Женщина ее звания, приятельница короля и всех знатных сеньоров королевства, не могла стать жертвой солдатни. Зачем солдатам было нападать на нее? Я знаю, что во Франции преследуют гугенотов, но она ведь не гугенотка.

— Она им помогала.

Торговец тяжело дышал, на лбу его выступили капельки пота.

— Она была той самой «мятежницей из Пуату», — прошептал он. — Я всегда это подозревал, а ваши слова уничтожают последние сомнения. Мы знали, что некая знатная дама, которая прежде была в фаворе при дворе, подняла своих крестьян против короля и подбила на бунт всю провинцию: и гугенотов, и католиков. Восстание продолжалось около трех лет, но в конце концов его подавили. Все Пуату было разорено, а та женщина исчезла. За ее голову назначили награду в пятьсот ливров... я это хорошо помню. Теперь я уверен — это точно была она.

— Уйдите! — еле слышно проговорил Жоффрей де Пейрак.

Так вот как она провела эти пять лет, о которых он ничего не знал, полагая, что она либо умерла, либо смиренно возвратилась под крыло короля Франции.

Восстание против короля! Да она просто рехнулась! И вся эта немислимая мерзость... Подумать только, ведь в Кандии она была у него в руках. И он мог бы избавить ее от этого...

В Кандии она еще была такой, какой он ее помнил, и он был взволнован до глубины души. Ах, какой это был удивительный миг, когда в батистане, в аукционном зале, он сквозь дым благовоний увидел ее и узнал.

Ему рассказал о ней один купец, когда он бросил якорь у острова Милос. По словам купца, в Кандии было объявлено, что на торгах в батистане будет выставлена бесподобная рабыня. А Рескатор слыл большим любителем такого «отборного товара». Говоря по правде, слава эта была несколько преувеличена, однако положение обязывало его отдавать дань восточной пышности, а значит — не пренебрегать женщинами.

Ему нравилось делать эффектные жесты, которые множили ходившие о нем легенды и обеспечивали ему глубокое и всевозрастающее уважение среди сластолюбивых жителей Востока. Было широко известно, что в выборе красавиц для любовных утех у него безукоризненный вкус. Ему нравился азарт торгов, нравилось под великолепной телесной оболочкой открывать в этих униженных женщинах робкий огонек души, видеть, как они оживают; еще он любил слушать рассказы этих черкешенок, москвиток, гречанок, эфиопок: о детстве, о нищете... все это позволяло ему отвлечься от его обычных трудных и опасных дел. В их объятиях он отдыхал, обретал мимолетное забвение, порой в наслаждениях, которые они ему дарили, даже была прелесть новизны. Они быстро привязывались к нему, становились беззаветно преданными. Прелестные, изящные игрушки, которыми он недолгое время развлекался, лаская их, узнавая их ближе, или красивые дикие животные, которых ему нравилось приручать. Однако, одержав победу, он быстро терял к ним интерес. Он познал слишком много женщин, чтобы хоть одна из них могла крепко привязать его к себе. Оставляя их, он делал все, чтобы дать им возможность начать жизнь заново: отправлял похищенную женщину на родину; бедной, привыкшей с детства зарабатывать продажной любовью, давал денег, чтобы отныне она была свободна в выборе пути; случалось ему и возвращать матерям отобранных детей... Но сколь многие из этих женщин молили его: «Не отсылай меня, ведь я не стесню тебя... Я занимаю так мало места... Больше я ни о чем не прошу».

Ему приходилось остерегаться всяких приворотных зелий, которые они пытались подсыпать ему в питье, разгадывать их коварные уловки. «Ты такой сильный, — стонали они в досаде, — ты все видишь, обо всем догадываешься. Это несправедливо. Я такая слабая... Я всего лишь женщина, которая хочет жить в твоей тени». Он смеялся, целовал красивые сочные губы — они значили для него не больше, чем наспех отведанный плод — и снова уходил в море.

Иногда слух о какой-нибудь новой красавице возбуждал в нем любопытство и охоту купить ее.

Купец с Милоса, рассказывая ему о прекрасной зеленоглазой пленнице, так расхваливал «качество товара», что эти неумеренные восточные восторги его даже позабавили. Несравненная! Восхитительная! В торгах примет участие сам Шамиль-бей, поставщик гарема турецкого султана — уже из-за одного этого монсеньор Рескатор должен вступить в борьбу. Он не разочаруется... Да пусть судит сам! Он желает узнать ее национальность? Французенка — этим все сказано! Происхождение? О,

оно у нее просто изумительное. Речь идет о настоящей придворной даме его величества Людовика XIV! Тем, кто заявил о своем участии в торгах, по секрету сообщили, что она даже была одной из фавориток короля Франции! Ее походка, манеры, речь неопровержимо все это подтверждают, а вдобавок к тому она еще и средоточие всех мыслимых прелестей: золотые волосы, светло-зеленые, точно море, глаза, тело богини. Ее имя? В конце концов почему бы и не сказать, дабы развеять последние сомнения? Имя ее — маркиза дю Плесси-Белльер. Говорят, Плесси-Белльер — очень знатный род. Роша, консул Франции, который видел красавицу и говорил с нею, твердо за это ручается.

Он остолбенел. Убедившись после настойчивых расспросов, что его собеседник не сочиняет, он, бросив все дела, мгновенно снялся с якоря и помчался в Кандию. По дороге он узнал, при каких обстоятельствах эта молодая женщина попала в руки работоторговцев. По одним рассказам выходило, что она направлялась в Кандию по делам, по другим — что она спешила туда для встречи с любовником. Французская галера, на которой она плыла, потерпела крушение, а потом ее захватил на одном маленьком суденышке разбойничавший в тех водах маркиз д'Эскренвиль. Какая же удача привалила этому мелкому пирату! Цена на торгах наверняка поднимется до головокружительных высот.

И все же, чтобы вполне поверить, ему надо было увидеть ее самому. Несмотря на все его хваленое хладнокровие, у него сохранилось лишь смутное воспоминание о том миге, когда он увидел, что это и впрямь она, и одновременно узнал, что ее вот-вот продадут. Сейчас же, немедля, остановить торги, назвать такую сумму, чтобы покончить все разом! Тридцать пять тысяч пиастров! Чистое безумие...

И затем, тут же — прикрыть ее, отгородить от чужих взглядов.

Только тогда он почувствовал, что она в самом деле рядом, коснулся ее — живой, реальной. И с первого же взгляда ему стало ясно, что силы ее на исходе, что угрозы и жестокое обращение этих негодяев, торговцев человеческим телом, довели ее почти до помешательства — словом, что она ничем не отличается от тех несчастных, дрожащих, сломленных женщин, которых он подбирал на рынках Средиземноморья. Она смотрела на него безумным блуждающим взглядом и не узнавала... Тогда он решил пока не снимать маску, а сначала увести ее подальше от этого сбирища, от всех этих жадных, любопытных глаз. Он увезет ее в свой дворец, окружит заботой, успокоит. А потом, когда она отдохнет и проснется, он будет у ее изголовья.

Увы, его романтические планы были расстроены самой Анжеликой.

Мог ли он вообразить, что женщина, настолько измученная, вконец изнемогшая, найдет в себе силы ускользнуть от него, едва выйдя из батистана? У нее были сообщники, которые устроили в порту грандиозный пожар. О том, что она сбежала, он узнал лишь позднее, когда от кандийского порта остались только дымящиеся руины. С берега видели парусную лодку с беглыми рабами — они воспользовались суматохой, вызванной пожаром, и, никем не преследуемые, скрылись. Она была среди них! Тысяча чертей! Его охватила дикая ярость — такая же, как и сегодня. Поистине, он мог бы с полным правом сказать, что обязан Анжелике не только самыми жестокими в своей жизни страданиями, но также и самыми свирепыми вспышками гнева.

Как и тогда, в Кандии, он начал с ожесточением клясть свою участь. Она от него убежала, и пяти прошедших с тех пор лет оказалось достаточно, чтобы он потерял ее навсегда! Правда, судьба опять привела ее к нему, но лишь после того, как превратила в совсем иную женщину, в которой уже стерлось все то, что в свое время дал ей он.

Как узнать нежного эльфа из болот Пуату или даже трогательную рабыню из Кандии в этой суровой амазонке, самая речь которой стала ему непонятна? В ней пылает какой-то странный внутренний огонь, природу которого он никак не может постичь.

Он снова спрашивал себя, почему она так страстно желала спасти этих «своих» протестантов, почему с таким жаром просила за них, когда вдруг явилась к нему в тот первый вечер, растрепанная, упрямая, промокшая до нитки?

И при этом она вовсе не походила на несчастную жертву, сокрушенную жизнью. Будучи такою, она по крайней мере могла бы внушить ему жалость. Он бы понял, что только страх попасть в руки слуг короля — если правда, что за ее голову назначена награда, — заставил ее броситься к его ногам, чтобы молить его спасти жизнь ей и ее дочери.

Он бы принял ее куда лучше, предстань она перед ним малодушной, дрожащей от страха, низко павшей — только не такой, как сейчас: незнакомкой, в которой не осталось ничего от ее прошлого. Низко павшей... Но ведь она и в самом деле пала — ниже некуда. Женщина, которая столько лет шаталась Бог знает где, равнодушная к судьбе своих сыновей, и которую он нашел с внебрачным ребенком на руках, рожденным от неизвестного отца.

Итак, ей было недостаточно этой ее безумной одиссеи на Средиземном море, в которую она ринулась ради встречи с любовником. Всякий раз, когда он появлялся, чтобы вытащить ее из очередной

переделки, она исхитрилась сбежать от него, очертя голову — и только для того, чтобы ввергнуть себя в еще большие опасности: Меццо-Морте^[22], Мулей Исмаил, побег из гарема в дикие горы Риф... можно подумать, что ей доставляет удовольствие коллекционировать самые жуткие авантюры. Безрассудство, граничащее с глупостью. Увы, надо примириться с очевидностью — Анжелика глупа, как и большинство женщин. Казалось бы: вышла невредимой из всех передраг — вот тут бы и угомониться. Так нет же — бросилась поднимать восстание против короля Франции! Что за бес в нее вселился? Какой дух разрушения? Разве женщине, матери, подобает вести в бой войска? Неужели нельзя было тихо сидеть за прялкой в своем замке, вместо того чтобы лезть на рожон, отдавая себя на поругание солдатне? Или даже, на худой конец, продолжить свои амурные похождения в Версале, при дворе короля?

Никогда нельзя позволять женщинам самим управлять своей жизнью. Анжелика, к несчастью, не обладает той похвальной мусульманской добродетелью, которую он научился уважать — умением отдаваться иногда на волю судьбы и не противиться непобедимым силам Вселенной. Нет, Анжелике нужно самой направлять ход событий, предвидеть их и изменять по своему усмотрению. Вот он, ее главный изъян. Она чересчур умна для женщины!

Дойдя до этой мысли, Жоффрей де Пейрак обхватил голову руками и сказал себе, что ничего, абсолютно ничего не понимает ни вообще в женщинах, ни в своей собственной жене.

Великий учитель искусства любви Ле Шаплен, к чьему знаменитому трактату так любили обращаться трубадуры Лангедока, все же не сумел дать в нем ответы на все вопросы, ибо и он недостаточно знал жизнь. Вот и граф де Пейрак, хотя и перечитал горы книг, изучил философские доктрины и проделал за свою жизнь бесчисленное множество научных экспериментов, все-таки не смог постичь всего. Сердце человеческое — что не бывший в деле воск, каким бы всезнающим этот человек себя ни воображал...

Он осознал, что за последние несколько минут обвинил свою жену и в том, что она глупа, и в том, что чересчур умна, и в том, что она отдалась королю Франции, и в том, что боролась против него, и в том, что она постыдно слаба душой, и в том, что чрезмерно сильна и деятельна, — и вынужден был признать, что весь его картезианский рационализм, который ему так нравилось считать своей жизненной философией, в конечном счете

оказался бессилен и что он со всем своим здоровым мужским умом не способен разобраться в себе самом.

Он не чувствовал ничего, кроме ярости и горя.

Вопреки всякой логике то насилие, которому ее подвергли, представлялось ему наихудшим из предательств, ибо громче всего в нем говорили сейчас ревность и первобытный инстинкт собственника. Его возмущенное сердце кричало: «Неужели ты не могла жить так, чтобы сохранить себя для меня?!»

Если уж сам он был повержен судьбой и не мог ее защитить, пусть бы, по крайней мере, вела себя осмотрительно, а не рвалась навстречу опасностям.

Только сегодня он сполна изведal всю горечь своего поражения. *Vae victis*^[23].

И ему впервые стало понятно, почему некоторые дикие африканские племена нарочно обезображивают своих женщин, заставляя их подвешивать к губам тяжелые медные диски, — потому что тогда победителям, которые этих женщин уведут, достанутся только гадкие уродины...

Анжелика слишком красива, слишком обольстительна. И она становится еще опаснее, когда не стремится обольщать, и сила ее взгляда, голоса, жестов просто изливается сама собой, как вода в роднике.

Самое опасное кокетство, ибо против него нет оружия!..

— Извините меня, монсеньор...

Перед ним стоял его друг, капитан Язон.

— Я постучал несколько раз, решил, что вас нет и вошел...

— Да, я вас слушаю.

Как бы ни был велик охвативший его гнев, Рескатор, этот безупречный капитан, никогда не позволял себе его выказывать. Те, кто его очень хорошо знали, могли догадаться о его внутреннем напряжении только по его взгляду — обычно веселый или пылкий, он вдруг менялся, становясь грозным и застывшим.

Язон уловил перемену в настроении хозяина. Что ж, причины на то есть, подумал он, и их даже слишком много. Все на корабле идет не так! Того и гляди, где-нибудь рванет — и ничего уже тут не попишешь. Пусть бы лучше это случилось поскорее — тогда все же наступит хоть какая-то ясность, и дело можно будет поправить, прежде чем все окончательно рухнет.

Второй капитан угрюмо показал рукой на громадный узел, который сопровождавшие его матросы положили на пол, после чего сразу же ушли.

Из старого, вытканного из верблюжьей шерсти одеяла на ковер вывалилась невероятная смесь самых разнообразных предметов. Необработанные алмазы с тусклым смолистым блеском и рядом — дешевые стеклянные пробки от графинов, примитивные золотые украшения, издающий зловоние бурдюк из козлиной шкуры с остатками пресной, давно протухшей воды, замусоленный, слипшийся от сырости Коран, к которому был привязан амулет.

Жоффрей де Пейрак нагнулся, поднял кожаный мешочек с амулетом и открыл его. В нем было немного мускуса из Мекки и сплетенный из шерсти жирафа браслет с двумя брелками — зубами рогатой гадюки.

— Я помню тот день, когда Абдулла убил эту гадюку. Она ползла ко мне... — задумчиво проговорил он. — И вот что я подумал...

— Да, да, конечно, — вдруг перебил хозяина Язон, пренебрегая морскими обычаями и дисциплиной. — Я велю повесить амулет ему на грудь и защитить тело в самую красивую джеллабу.

— Вечером, когда стемнеет, его опустят в море. Хотя душа Абдуллы была бы куда счастливее, если бы его предали земле...

— Оно, конечно, верно, но даже и такие похороны — все же какое-никакое утешение для его братьев-мусульман. Они-то думают, что раз мы его повесили, то, значит, и с мертвым поступим, как с подохшей собакой.

Жоффрей де Пейрак пристально взглянул на своего помощника. Изрытое оспой лицо, угрюмо сжатые губы. Глаза холодные и непроницаемые, точно два агата. С этим коренастым неразговорчивым человеком он проплавал вместе десять лет...

— Экипаж ропщет, — сказал Язон. — О, конечно, смута идет не столько от старых матросов, что плавали с нами еще на Востоке, сколько от новичков, особенно от тех, которых нам пришлось нанять в Канаде и Испании, чтобы укомплектовать команду. Сейчас у нас почти шестьдесят человек. И держать в руках такой сброд ох, как трудно. Тем более, что они хотят непременно дознаться, каковы ваши планы. Еще они жалуются, что стоянка в Кадисе была намного короче, чем им обещали, и что они так и не получили своей доли испанского золота, которое наши ныряльщики-мальтийцы подняли со дна у берегов Панамы... И наконец, они заявляют, что вы запрещаете им попытаться счастья у плывущих на корабле женщин, зато сами прибрали к рукам самую красивую...

Этот последний тяжкий упрек, произнесенный особенно мрачно и

серьезно, заставил хозяина «Голдсборо» рассмеяться.

— Потому что она и впрямь самая красивая, не правда ли, Язон?..

Он знал, что этот смех окончательно выведет из себя его помощника, которого ничто на свете не могло развеселить.

— Так она самая красивая? — насмешливо повторил он.

— Не знаю, черт ее дерит! — в ярости рыкнул Язон. — Я знаю только одно: на корабле творятся дурные дела, а вы ничего не замечаете, потому что одержимы этой женщиной.

Граф де Пейрак вздрогнул и, оборвав смех, нахмурился.

— Одержим? Разве вы, Язон, когда-нибудь видели, чтобы я терял голову из-за женщины?

— Из-за какой-нибудь другой — нет, не видел. Но из-за этой — да! Разве мало глупостей вы натворили из-за нее в Кандии, да и потом тоже? Сколько бессмысленных хлопот, чтобы заполучить ее обратно! И сколько выгодных сделок вы провалили только потому, что любой ценой хотели отыскать ее и не желали думать ни о чем другом!

— Но согласитесь, что это вполне естественно — попытаться вернуть рабыню, которая обошлась тебе в тридцать пять тысяч пиастров.

— Нет, тут дело было в другом, — стоял на своем Язон. — В чем-то таком, о чем вы мне никогда не рассказывали. Ну да все равно! Это дело прошлое. Я думал, что она сгинула безвозвратно, навсегда, умерла и давно сгнила в земле. И вдруг на тебе — объявилась опять!

— Язон, вы неисправимый женоненавистник. Только потому, что шлюха, на которой вы имели глупость жениться, отправила вас на галеры, чтобы спокойно крутить амуры со своим любовником, вы возненавидели весь без исключения женский род и из-за этого упустили немало удовольствий. Сколько несчастных мужей, прикованных к унылым мегерам, позавидовали бы вашей новообретенной свободе, а вы ею так плохо пользуетесь!

Язон даже не улыбнулся.

— Есть женщины, которые впускают в человека такой яд, что ему уже вовек не излечиться. Да и сами вы, монсеньор, — разве вы вполне уверены, что неуязвимы для этой напасти и связанных с нею страданий? Ваша рабыня из Кандии внушает мне страх... Вот так.

— Однако ее нынешний облик должен бы вас успокоить. Сам я был очень удивлен и даже, не скрою, слегка разочарован, когда увидел ее в чепце добропорядочной мещанки.

Язон зло затряс головой.

— Еще одна ловушка, монсеньор! По мне, так уж лучше откровенно

бесстыжая голая одалиска, чем эти клятые притворщицы, которые прикрывают себя с головы до пяток, но взглядом сулят райское блаженство. У тех яд простой, бесхитростный, зато у этих — до того изощренный и тонкий, что его и не распознать, сколько ни остерегайся. Во всем мире не сыскать более губительной отравы!

Жоффрей де Пейрак слушал его, задумчиво поглаживая подбородок.

— Странно, Язон, — пробормотал он, — очень странно! Я считал, что она не интересуется меня больше... совсем не интересуется...

— Увы, если б так! — мрачно сказал Язон. — Но до этого, как видно, далеко.

Жоффрей де Пейрак взял его под руку, чтобы вывести на балкон.

— Идемте... «Сокровища» моего бедного Абдуллы наполнили смрадом всю каюту.

Он в глубокой задумчивости смотрел на небо — сейчас оно было окрашено в теплые, нежно-оранжевые тона, хотя цвет моря по-прежнему оставался серо-зеленым, холодным.

— Мы приближаемся к концу пути, Язон. Постарайтесь успокоить людей. Скажите им, что испанское золото все еще на борту. Как только мы пристанем к берегу, то есть уже через несколько дней, я прикажу выдать им задаток в счет доходов от будущих продаж.

— В том, что им заплатят, они не сомневаются, ведь вы честно платили им всегда. Но им кажется, что на этот раз вся их работа ушла псу под хвост. Они спрашивают, почему мы, все бросив, помчались в Ла-Рошель? И для чего взяли на борт этих людей, из-за которых приходится терпеть столько неудобств и лишений? Притом со всей этой компании не получишь ни гроша: у них же всего добра — одна рубашка на теле!

Жоффрей де Пейрак продолжал молчать, и Язон сказал с сокрушенным видом:

— Вы, должно быть, считаете меня бестактным, монсеньор? И даете понять, что нам не следует лезть в ваши дела? Но ведь именно это нас и беспокоит! И команда, и я чувствуем, что вы перестали о нас думать, что ваши мысли заняты другим... Матросы к этому очень чувствительны. Вы же знаете, монсеньор, в таких вещах моряки всех рас и народов одинаковы. Они верят в приметы, и невидимое значит для них куда больше, чем то, что можно рассмотреть и пощупать... Они твердят, что теперь им уже не найти у вас защиты.

Губы Рескатора тронула улыбка.

— Вот начнется буря, тогда они увидят, могу я их защитить или нет.

— Я знаю... Вы еще с нами. Но матросы чувствуют, что ненадолго.

Язон повел подбородком в сторону бака:

— Допустим, что вы взяли на борт этих людей, чтобы заселить ими земли, которые вы купили в Мэне. Но какое отношение это имеет к нам, экипажу «Голдсборо»?

Граф де Пейрак положил руку на плечо друга. Его взгляд по-прежнему блуждал где-то около горизонта, но пальцы крепко сжали массивное плечо помощника. Вот опора, на которую он всегда мог положиться во время их бесконечных плаваний...

— Язон, дорогой мой товарищ, когда мы с вами встретились, я уже прожил первую половину своей жизни и вступил во вторую. Вы знаете обо мне далеко не все, и я тоже не воображаю, будто знаю все о вас. Так вот, друг мой, с тех пор, как я живу на свете, моей душой, сменяя друг друга, владеют две страсти. Меня попеременно влекут то сокровища земли, то вечное очарование моря.

— А красотки?

— Слухи о моих победах несколько преувеличены. Скажем так: при случае красотки служат добавлением и к одному, и к другому. Земля и море, Язон, два удивительных существа. Две требовательные владычицы. Когда я слишком долго отдаюсь одной, другая протестует и властно зовет меня к себе. Вот уже более десяти лет, с тех пор, как турецкий султан поручил мне монополизировать торговлю серебром, я не покидаю корабельной палубы. Вы одолжили мне ваш голос, чтобы я мог подчинять своей воле капризные стихии, и во всех водах — от Средиземного моря до Атлантического океана, от полярных льдов до карибской лазури — мы пережили вместе немало увлекательнейших приключений...

— А сейчас вами опять овладело желание проникнуть в недра земли?

— Вот именно!

Этот короткий ответ прозвучал, словно удар тяжелого молота, вгоняющего гвоздь.

Язон поник головой.

Сейчас он слышал именно то, что боялся услышать. Его сильные, поросшие рыжими волосами руки судорожно стиснули позолоченные перила.

Жоффрей де Пейрак еще крепче сжал его плечо.

— Я оставлю вам корабль, Язон.

Тот отрицательно мотнул головой.

— Это все равно уже будет не то... Чтобы по-настоящему жить, мне нужна ваша дружба. Меня всегда поражали ваш пыл, ваша жизнерадостность. Они нужны мне, как воздух.

— Ну полно! Неужели вы так сентиментальны, вы, старый морской сухарь? Посмотрите вокруг! Ведь вам остается море.

Но Язон продолжал стоять, потупив глаза, и даже не взглянул на волнующийся, темно-зеленый простор.

— Вам этого не понять, монсеньор. Вы весь — точно огонь. А во мне огня нет — только лед.

— Так разбейте ваш лед!

— Слишком поздно.

Язон тяжело вздохнул.

— Мне надо было давным-давно попросить, чтобы вы открыли мне ваш секрет: как вам удастся каждый раз глядеть на мир новыми глазами?

— Но никаких секретов здесь нет, — сказал Жофfrey де Пейрак, — или, во всяком случае, они у всех разные. У каждого свои. Что же вам сказать? Всегда будьте готовы начать все сначала... Гоните прочь представление о том, что жизнь у вас только одна... И верьте, что жизнью много...

Глава 24

Оно все тянулось и тянулось, это нескончаемое плавание, и, когда холодным, седым утром пассажиры выходили на палубу, их взору всегда открывалось одно и то же: бескрайняя морская гладь. Только теперь море сменило наряд и выглядело, словно тихое озеро, чью поверхность нарушает лишь едва заметная рябь. Хотя все паруса были подняты, судно почти не двигалось, так что пассажирам на нижней палубе один раз даже показалось, что оно стало на якорь. Тотчас зазвучали голоса, полные надежды: «Мы уже приплыли?»

— Молите Бога, чтобы это было не так! — вскричал Маниго. — Мы еще слишком далеко от южных широт, так что это не может быть Санто-Доминго! Если мы и впрямь достигли земли, то это может означать только одно: перед нами пустынные берега Новой Шотландии, и никто не знает, что нас здесь ждет!

Когда они вышли на палубу и увидели вокруг все тот же угрюмый простор, то испытали сразу и облегчение, и разочарование. Все паруса обвисли, и картину оживляли только усердные матросы, пытающиеся развернуть самые верхние полотнища, чтобы поймать почти неуловимое дыхание ветра.

Многим тут же пришла в голову мысль о мертвом штиле, которого так боятся моряки. Погода стояла сравнительно теплая, дню, казалось, не будет конца. И когда вечером, во время очередной прогулки, пассажиры вновь увидели плачевное состояние парусов, висящих без жизненными складками, несмотря на все старания экипажа, слышалось немало тяжких вздохов. Женни, старшая дочь Маниго, ожидавшая ребенка, заплакала навзрыд.

— Если этот корабль не сдвинется с места, я сойду с ума! Пусть он причалит к берегу, пусть причалит где угодно, только бы это плавание наконец закончилось!

Она бросилась к Анжелике и молящим голосом пролепетала:

— Скажите мне... скажите, что мы скоро приплывем. Анжелика проводила Женни до ее убогого ложа и постаралась успокоить. Все молодые женщины, девушки и дети питали к госпоже Анжелике полное доверие, и это ее немного тяготило, ибо она чувствовала, что оправдать его может далеко не всегда. Ведь не в ее власти повелевать ветрами и морем или определять судьбу «Голдсборо». Никогда еще будущее не казалось ей

таким туманным. К тому же раньше она хотя бы могла разобраться, что нужно делать, теперь же это ей не удавалось. А между тем от нее все время ждут, чтобы она направляла события то туда, то сюда.

— Когда же мы сойдем на берег? — жалобно повторяла Женни, все никак не успокаиваясь.

— Я не могу вам этого сказать, дорогая.

— Ах, почему, почему мы не остались в Ла-Рошели? Посмотрите на нашу нищету... Там у нас были такие чудесные простыни, их специально привезли из Голландии для моего приданого.

— Сейчас на ваших голландских простынях спят лошади королевских драгун. Я уже видела такое в жилищах гугенотов в Пуату. Драгуны моют им копыта вином из ваших погребов, а бока обтирают вашими драгоценными брабантскими кружевами. Ваш ребенок был обречен родиться в тюрьме, к тому же его бы тотчас у вас отобрали. Зато теперь он родится свободным. Но за все надо бороться и за все надо платить!..

— Да, я знаю, — вздохнула Женни, с трудом сдерживая слезы, — но мне бы так хотелось опять ступить на твердую землю... От этой непрестанной качки я делаюсь совсем больной. И потом, на этом корабле творится что-то неладное. Я чувствую — в конце концов здесь прольется кровь. А вдруг среди убитых будет и мой муж? Ох, горе, горе!

— Вы бредите, Женни. Откуда такие опасения?

Лицо Женни вдруг искажил страх, и она встревоженно огляделась вокруг, не переставая цепляться за Анжелику.

— Госпожа Анжелика, — прошептала она, — вы знакомы с Рескатором, и... вы ведь позаботитесь о нас, правда? Вы сделаете так, чтобы здесь не стряслось ничего ужасного!..

— Но чего вы боитесь? — растерянно спросила Анжелика.

В это мгновение на ее плечо легла чья-то рука; она обернулась и увидела тетушку Анну. Та знаками поманила ее за собой.

— Пойдемте со мной, дорогая, — сказала старая дева. — Я, кажется, поняла, что тревожит Женни.

Анжелика последовала за ней в дальний конец оружейной палубы. Тетушка Габриэля Берна толкнула трухлявую дверь, из-за которой в начале их путешествия слышалось бляение коз и хрюканье свиней. И коз, и свиней давным-давно съели, но в клетушке все еще сохранялся запах стойла, напоминая о том времени, когда в судовом меню были молоко и свежее мясо.

Откинув наваленное в углу тряпье и несколько вязанок соломы, тетушка Анна показала Анжелике дюжину аккуратно сложенных

мушкетов, мешочки с пулями и бочонок с порохом.

— Что вы об этом думаете?

— Это мушкеты...

Анжелика смотрела на оружие с нарастающей тревогой.

— Чьи они?

— Не знаю. Но думаю, это не место для хранения оружия на таком судне, как наше, где дисциплина, как мне кажется, соблюдается весьма строго.

Анжелика боялась понять, к чему она клонит.

— Меня беспокоит мой племянник, — продолжала между тем тетушка Анна, перейдя, по всей видимости, на другую тему. — Для вас, госпожа Анжелика, не секрет, что в последнее время его характер очень изменился. Но нельзя допустить, чтобы разочарование побудило его к безрассудству.

— Вы хотите сказать, что оружие здесь спрятал мэтр Берн? Но с какой целью? И как он смог его раздобыть?

— Этого я не знаю, — сказала старая дева, качая головой, — но на днях я слышала, как господин Маниго сказал: «Ограбить грабителя — не грех».

— Возможно ли? — прошептала Анжелика. — Неужели наши друзья замышляют что-то дурное против человека, который их спас?

— Они подозревают, что он желает им зла.

— Подозревают? Не лучше ли сначала удостовериться?

— Они говорят, что тогда уже будет поздно.

— Но каковы их планы?

Ощущение, что за ними наблюдают, заставило их оборвать разговор. Словно по волшебству возникнув из темноты клетушки, за их спинами стояли два матроса и глядели на них с нескрываемым подозрением. Они с сердитым видом подошли к женщинам ближе, что-то быстро говоря по-испански. Анжелика достаточно знала этот язык, чтобы понять смысл сказанного.

Она тут же отступила, уводя с собой тетушку Анну и шепча ей на ухо:

— Они говорят, что это оружие их, и нам незачем сюда соваться, и еще говорят, что болтливым женщинам подрезают языки. — И с некоторым облегчением добавила:

— Вот видите! Ваши опасения не оправдались. Это оружие экипажа.

— Оружие экипажа не должно валяться под вязанками соломы! — не терпящим возражений тоном сказала тетушка Анна. — Я знаю, о чем говорю. Как-никак, мои предки были корсарами. И потом, почему эти грубияны грозятся подрезать нам языки, если у самих у них чистая

совесть? Послушайте, госпожа Анжелика, не могли бы вы при случае сказать монсьею Рескатору о том, что я вам сейчас показала?

— Вы думаете, я у него в такой милости, что осмелюсь пойти давать ему советы по поводу действий его команды? Представляю, какой он оказал бы мне прием! Он слишком преисполнен гордыни и высокомерия, чтобы выслушивать женщину, кто бы она ни была!

Анжелике вдруг стало очень горько. Всякий раз, когда к ней обращались, как к тайной советнице хозяина корабля, она с особой остротой осознавала, какой чужой и далекой стала она для того, с кем должна была бы делить все радости и печали.

— А я-то думала... — задумчиво проговорила тетушка Анна. — Но все-таки вас с этим человеком что-то связывает. Ваше прошлое, не так ли?.. Между вами двумя есть какое-то сходство. Знаете, как только я его увидела, то сразу поняла, что у моего бедного Габриэля больше нет ни единого шанса завоевать вас. Однако этот ваш капитан внушает нашим единоверцам страх и к тому же не дает себе ни малейшего труда его рассеять. Правда, я все равно ему доверяю. Странно, но я почему-то твердо убеждена, что он человек мудрый и стремится к добру. И потом... он большой ученый.

Ее щеки слегка порозовели, словно ей стало неловко за свой неуместный энтузиазм.

— Он дал мне почитать замечательные книги.

Она развернула широкий шелковый шарф, которым они были любовно обернуты, и показала Анжелике два тома в кожаных переплетах с красными обрезами.

— Это редчайшие издания! «Основы аналитической геометрии» Декарта и «Об обращении небесных сфер» Коперника. Во Франции я много лет мечтала их прочитать, но их нельзя было достать даже в Ла-Рошели. И вдруг Рескатор вручает их мне посреди океана. Вот чудеса!

Тетушка Анна уселась на полу, подстелив под себя сложенный плащ, и прислонилась худой спиной к неровной переборке.

— Сегодня вечером я не пойду на прогулку. Мне надо поскорее дочитать эти трактаты. Он пообещал, что, когда я их прочту, он даст мне другие...

Анжелика поняла, что кроткая старая дева нечасто чувствовала себя такой счастливой.

«Жоффрий всегда умел очаровывать женщин, — подумала она. — В этом он ничуть не изменился».

Она также узнавала его удивительную способность выворачивать

людей наизнанку: так, из спокойного, уравновешенного человека, каким прежде был мэтр Берн, он сделал буйствующего безумца, а такую мегеру, как госпожа Маниго, — превратил в женщину почти добродушную.

Все переменялось, все перевернулось вверх дном. На суше мужчины всегда были на стороне Анжелики, тогда как женщины чаще всего только терпели ее с кислой миной. Здесь же, наоборот, женщины искали ее общества, зато мужчины начали смотреть на нее как на врага. Древний, таившийся где-то в глубине сердец инстинкт предупреждал их, что между ними и ею встал похититель — и что он, ко всему прочему, иной, чем они, породы. До чего же доведет их эта злоба, смешанная с недоверием и подозрениями, что их хотят каким-то образом облапошить...

А маленькую Онорину распирала тайная гордость. Наконец-то она нашла себе могучего покровителя, который будет защищать ее на этом гадком корабле, где ее все время валит на пол — у нее уже распух нос, а на лбу здоровенная шишка — и где все-все, даже мама, вдруг совсем о ней забыли.

Желая убежать из этого ненавистного мира, чье полное равнодушие к ней было даже ужаснее, чем злоба, она прыгнула в море, чтобы волны унесли ее в страну, где она найдет себе больших и сильных братьев и того, кто будет еще больше и сильнее, — своего отца.

Но море, которому она доверилась, тоже предало ее и неожиданно провалилось под ее ногами.

Это море, которое несло на своих волнах и льды, и птиц, не захотело нести ее, Онорину. Птицы вдруг стали злыми и попытались выклевать ей глаза. Но тут из воды появился ее друг... лицо у него колется, как спинка у ежика... Это был Колючий Каштан! Он прогнал злую морскую птицу, а ее взял на руки как раз тогда, когда противная соленая морская вода уже забралась ей в рот.

Потом Колючий Каштан отнес ее на корабль, где за ней весь вечер ухаживала мама. И теперь у нее есть друг — Колючий Каштан. У него черные вспухшие царапины там, где его поранила птица. Онорина легонько гладила их пальчиками. «Это чтоб ты скорее поправился», — говорила она.

Сицилиец был поражен, увидев у нее на шее маленькую оловянную иконку с изображением Божьей Матери.

— Per Santa Madona, e cattolica, ragazzina carina ^[24]?. Онорина не поняла его слов, но это ее не заботило. Уже одного его приветливого тона

было достаточно, чтобы наполнить ее душу блаженством.

— Ты мой отец? — спросила она с вдруг вспыхнувшей надеждой.

Сицилиец удивился, затем рассмеялся. Он замотал головой и что-то быстро залопотал по-итальянски, сопровождая речь выразительной мимикой, из которой Онорина поняла, что он не ее отец и очень об этом жалеет.

Оглядевшись вокруг, он достал из-за пояса нож, сунул Другую руку за пазуху, извлек из-под своей белой в красную полоску рубахи какой-то маленький предмет и, разрезав шнурок, на котором тот держался, повесил его Онорине на шею. Все это показалось ей очень интересным. Потом, желая полюбоваться ею при более ярком освещении, матрос подтолкнул ее к тому месту, куда падали красные лучи заходящего солнца. И, по-видимому, остался доволен. Он прошептал:

— Никому не говори, кто тебе дать это. Поклянись. Sputo! Sputo!^[25]

Видя, что девочка его не понимает, он плюнул на палубу, жестом побуждая ее последовать его примеру, что она и проделала с величайшим восторгом. Но тут сицилиец увидел Анжелику, которая искала дочь, и, приложив палец к губам, удалился.

Онорина была счастлива вдвойне. Ведь у нее появился еще один друг, и ей снова начали делать подарки. Она порылась в кармашке своего фартучка и вынула блестящий камешек, который ей дал Черный человек. Однако, заметив приближающуюся Анжелику, тотчас упрямо сжала губки и засунула его обратно в карман. При этом она сделала вид, что совсем, ну совсем свою маму не видит.

Ее ярко-рыжие волосы пламенели в последних лучах солнца, и на их огненном фоне Анжелика сразу же заметила на шее дочери цепочку из бледного низкопробного золота, на которой висела ладанка с реликвиями: кусочками креста Господня или какого-нибудь палаческого орудия, использовавшегося для казни одного из святых мучеников. Анжелика была уверена, что это именно так, потому что из висящего на цепочке маленького мешочка выглядывали какие-то склеенные щепки.

— Где ты нашла это украшение, Онорина?

— Мне его подарили.

— Кто?

— Не Черный человек.

— Но кто же?

— Не знаю.

Рядом с золотой цепочкой висел маленький оловянный образок,

который надели на шейку девочки добрые монахини в приюте для подкидышей в Фонтене-ле-Конт. Анжелика так и не посмела его снять — он остался как напоминание о ее вине перед дочерью и как знак искупления.

— Не лги. Ведь не с неба же оно упало.

Онорина живо представила себе, как серая волна океана подымается до неба и отнимает у него этот медальон. И с уверенным видом ответила:

— С неба. Мой медальончик был в клюве у той птицы. Наверное, она его уронила, и он упал мне на шею.

Затем она плюнула на палубу и упрямо сказала:

— Per Santa Madona, честное слово!

Анжелика не знала, что ей делать: смеяться, сердиться или продолжать начатое дознание. А что если Онорина опять взялась за воровство?

Она обхватила дочь руками и изо всех сил прижала к себе. Неужели от нее ускользнет и это ее дитя?

— Я хочу найти моего отца, — сказала Онорина. — Он, наверное, очень добрый, а ты — злая-презлая!

Анжелика вздохнула. Положительно, ни дочь, ни мух не хотят простить ей даже малейших проявлений слабости...

— Ну ладно, можешь оставить себе свои сокровища! — сказала она. — Вот видишь, не такая уж я и злая.

— Нет, ты очень, очень злая, — настаивала неумолимая Онорина. — Ты все время от меня убегаешь, а когда ты тут, убегает твоя голова, и я остаюсь одна. И тогда я думаю, что скоро умру, и мне делается скучно.

— Маленьким девочкам никогда не бывает скучно. Ведь жизнь такая чудесная. Смотри — уже и птица принесла тебе подарок.

Онорина фыркнула и уткнулась в плечо Анжелики. Как прекрасно, что у нее такая доверчивая мама!

И вообще сегодня вечером все идет очень здорово!

— А корабль стал хорошим. Он больше не качается.

— Верно.

Анжелика едва удержала вздох, бросив взгляд на непривычно гладкую, будто политую маслом, поверхность моря.

Наступал вечер, и ей подумалось, что таким, как сейчас, небо, должно быть, выглядело при сотворении мира: ласковое, густо-оранжевое, похожее на сочную мякоть спелого плода, и вместе с тем тяжелое и холодное, словно таящее угрозу.

Между едва заметными, с красным и золотым отливом волнами, будто

в мираже, появлялись и исчезали какие-то странные черные и серые островки. Их непрерывное движение напоминало балет. «Я грежу», — подумала Анжелика, и ей захотелось протереть глаза.

С вантов послышался голос сицилийца:

— Эй, bambini!^[26] Кашалоты!

Дети, метавшие в самодельную мишень маленькие стрелки, разом бросились к фальшборту. Анжелику окружила радостно визжащая ватага. Старшие поднимали самых маленьких, чтобы они тоже могли полюбоваться зрелищем.

Так вот что она сейчас приняла за островки — кашалотов! Огромные лоснящиеся черные киты то всплывали, то вновь погружались в глубину, и сквозь прозрачную толщу воды их и без того гигантские тела казались еще больше.

Вот на поверхность эффектно вынырнула еще одна черная глыба с мощным выпуклым лбом, увенчанном бьющей вверх водяной струей, с могучим хвостом, прямым, как корабельный румпель.

— Это кит Ионы! — крикнул один из малышей, топая ногами. — Кит Ионы!

Его переполняла радость.

— Я хотела бы всегда жить на этом корабле! — сказала одна из девочек.

— А я хочу, чтоб мы никогда не приставали к берегу! — тут же добавила другая.

Анжелика, тоже увлекшаяся играми кашалотов, была ошеломлена.

— Так вы, стало быть, довольны, что находитесь здесь, на «Голдсборо»? — воскликнула она.

— Да, да! — хором закричали малыши.

— А вы? — спросила она детей постарше.

Северина, обычно такая замкнутая, выступила вперед.

— Да, здесь нам спокойно. Теперь мы уверены, что нас не отошлют в монастырь. И никто больше не пристаёт с этими католическими богословскими текстами, которые моя тетушка заставляла меня заучивать по многу страниц в день, когда я жила у нее на Сен-Мартен-де-Ре. Здесь мы имеем право думать сами.

Анжелика вздохнула с облегчением. Северина, вечно озабоченная Северина, теперь почувствовала себя свободной. Тяжкий груз тревоги за себя и за близких наконец-то спал с ее худеньких плеч и больше не давил на них, точно свинцовый плащ.

— И теперь мы не боимся, что попадем в тюрьму, — сказал Мартиал.

С самого начала плавания Анжелика не переставала удивляться неожиданной стойкости детей, всех детей. Они не стали ни злобными, ни плаксивыми, как того можно было бы опасаться, а если и заболели, то у них хватало ума быстро выздоравливать. Зато родители не уставали хмуриться и жаловаться, что их чада сделались ужасно неугомонными и с ними нет никакого сладу. Да, черт возьми, дети, в отличие от взрослых, понимают, что спаслись от самого страшного. К тому же дома они никогда не пользовались такой свободой, как на этой тесной палубе. Не надо больше ходить в школу и корпеть над уроками или Библией.

— Если бы наши родители позволили нам немного полазать по вантам и поработать с парусами, было бы еще лучше, — заметил Мартиал.

— А меня один матрос научил вязать узлы, которых я раньше не знал, — сказал сын адвоката Каррера.

И все же старшие дети продолжали чего-то опасаться. Северина вдруг спросила:

— Госпожа Анжелика, а правда, что монсеньор Рескатор желает нам зла?

— Я в это не верю.

Она положила руку на хрупкое плечо девочки. Северина смотрела на нее с безграничным доверием и надеждой. Как и в Ла-Рошели, глядя на детей, Анжелика обретала ощущение вечности рода человеческого, и это примиряло ее с тем, что жизнь так быстротечна. Помогая этим детям выжить, она оправдывала собственное существование.

— Северина, разве вы не помните, что он и его люди спасли вас от королевских драгун, которые гнались за вами?

— Да, но наши отцы говорят, что не знают, куда он нас везет.

— Ваши отцы обеспокоены потому, что Рескатор и его матросы очень отличаются от нас. У них другой язык, другие обычаи. А когда люди так несхожи между собой, им иногда бывает трудно понять друг друга.

На это вдруг очень мудро ответил Мартиал:

— Но ведь страна, в которую мы плывем, тоже отличается от той, где мы жили раньше. И нам придется к ней привыкнуть. Ведь мы направляемся под иные небеса!

Маленький Жереми, которого Анжелика особенно любила, потому что он напоминал ей Шарля-Анри, отбросил в сторону светлую пряжку, закрывавшую его голубые глаза, и воскликнул:

— Нас везут к Земле Обетованной!

У Анжелики вдруг стало легче на сердце. Ибо среди битвы со

стихиями и злыми человеческими страстями, словно ангельский хор, зазвучали голоса детей, повторяющие:

— Мы плывем к Земле Обетованной!

— Да, — твердо сказала Анжелика, — Вы правы, малыши!

И движением, ставшим уже для нее привычным, повернулась к корме и вздрогнула, потому что на мостике стоял ОН и ей показалось, что ОН смотрит в ее сторону.

Глава 25

Видя ее в окружении детей, которые что-то оживленно ей говорили и которым она отвечала с улыбкой, он открывал для себя совсем незнакомую ему, новую женщину, и это повергало его в недоумение.

Коричневый плащ, спадающий с плеч длинными складками, делал Анжелику выше. Она сохранила гордую осанку даже в этих обносках, к которым он теперь наконец привык. Простота одежды лишь подчеркивала ее загадочность и благородство ее черт.

Она держала за руку свою маленькую рыжую дочку. Но он только что видел, как она страстно сжимала малышку в объятиях. Если это правда, что ребенок был зачат при трагических обстоятельствах и напоминает ей вовсе не о ночах любви, а только о пережитом ужасе, то откуда же берет она силы, чтобы улыбаться этой девочке и так горячо ее любить?

Берн сказал, что ее младшего сына зарезали у нее на глазах. Так вот что случилось с ребенком Плесси-Белльера...

Почему она была откровенна с этим протестантом, но так ничего и не сказала ему, своему мужу? Почему не поспешила — как сделали бы на ее месте многие женщины — рассказать ему жалостную повесть о своих несчастьях, которые могли бы оправдать ее в его глазах?..

Из-за стыдливости — стыдливости души и тела. Она не расскажет ему никогда. Ах, как же он злится на нее за это!

И не столько из-за того, что она стала такой, какая есть, сколько из-за того, что ее нынешний облик вылеплен другими и без его участия.

Он злился на нее — очень! — за ее спокойствие, за ее стойкость, за то, что, пережив тысячу опасностей и жесточайших невзгод, она посмела явить ему это нетронутое временем лицо, гладкое, как прекрасный песчаный берег, на который волны набегают снова и снова, но не могут оставить следа и притушить его ясный жемчужный блеск.

Неужели это та же самая женщина, которая дала отпор Мулею Исмаилу, выдержала пытки, голод, жажду?

А теперь он узнал про нее еще больше — что, встав во главе своих вилланов, она сражалась против короля! Что ее заклеямили королевской лилией... И вот она улыбается, окруженная стайкой детей, и вместе с ними любит игры китов. «Посмею ли я сказать, что она не страдала?.. Нет... Но каким же словом можно охарактеризовать ее? Ее нельзя назвать низко павшей. Не назовешь ее и трусливой или равнодушной...»

Женщина благородной крови...

Нет, черт побери, он не может разобраться в этой незнакомке... Хоть его и называют магом, но здесь вся его хваленая проницательность оказалась бессильна. Как же подойти к ней теперь, чтобы снова завоевать ее сердце?

Фраза, которую в их недавнем разговоре бросил Язон, еще тогда открыла ему глаза на непоследовательность его чувств и поступков.

«Вы одержимы этой женщиной!»

Одержим. Отсюда следует, что она способна всецело завладеть мыслями мужчины, его душой. Ему пришлось признать, что, став менее броским и явным, очарование Анжелики от этого только усилилось. Оно не из тех, что выдыхаются, как плохие духи. И каким бы оно ни было по своей сути — дьявольским, плотским или мистическим — оно существовало, и он, господин де Пейрак, прозванный Рескатором, вопреки своей воле снова был им пленен. Он попал в ловушку из мучительных, неотвязных вопросов, на которые она одна могла бы дать ответ, и сгорал от желаний, утолить которые было под силу только ей.

Нелепо считать, будто знаешь о ком-либо все, или отказывать кому-либо в праве на собственный путь. Но те пути, которыми вдали от него прошла Анжелика, особенно в последние пять лет, были поистине достойны удивления.

Он представил себе, как она скачет во главе отряда своих крестьян, ведя их в бой. Представил, как она тащится из последних сил, словно подстреленная птица, пытаясь спастись от гонящихся за ней по пятам солдат короля... Здесь брала начало тайна, которую ему, возможно, уже никогда не разгадать, и он, негодуя, сознавал, что и в этом превращении Анжелики сполна проявилось Вечно Женственное.

Ревность, которую он испытывал, когда видел, что она готова жертвовать собой ради своих друзей, когда узнал, что у нее есть дочь, и она любит ее с исступленной нежностью, когда смотрел, как-она, взволнованная, стоит на коленях перед раненым Берном, ласково положив руку на его обнаженное плечо, — ревность эта была более жгучей, чем если бы он застал ее бесстыдно предающейся разврату в объятиях любовника. Тогда он, по крайней мере, мог бы ее презирать и сказать себе, что знает ей истинную цену.

Из какого же нового теста она теперь сделана? Какая новая закваска придала ее зрелой красоте, еще ярче расцветшей под солнцем лета ее жизни, это необыкновенное теплое, ласковое сияние — так и хочется положить усталую голову ей на грудь и слушать ее голос, произносящий

слова нежности и утешения.

Ему редко случалось ощущать в себе такую слабость... Почему же именно она, эта неистовая амазонка, эта заносчивая, скорая на язык женщина, чувственная и дерзкая, которая бесстыдно его обманывала, вызывает в нем такие чувства?

Когда солнце уже опускалось за горизонт, Жоффрей де Пейрак наконец нашел разгадку, которая, к его великому изумлению, смогла объяснить ему многие поступки Анжелики.

«Она великодушна», — сказал он себе.

Это было как чудесное откровение.

Наступала ночь. Дети уже не могли видеть ни китов, ни моря, и скоро стало слышно, как их резвые ножки топчут по ступенькам трапа, ведущего на нижнюю палубу.

Анжелика неподвижно стояла у фальшборта и смотрела вдаль.

Он был убежден, что сквозь сгущающийся сумрак она пытается увидеть его.

«Она великодушна. Она добра. Я расставлял ей западни, чтобы увидеть, какая она скверная, но она ни разу в них не попала... Поэтому она и не упрекнула меня в том, что это я навлек на нее несчастья. И именно поэтому она готова скорее сносить мою несправедливость и упреки, чем бросить мне в лицо то страшное обвинение, которое она считает правдой, — что я, отец, виноват в смерти моего сына Кантора».

Глава 26

Он возвратился в каюту. Уединение, ночное безмолвие и такое редкое на море затишье располагали к воспоминаниям, и Жоффрей де Пейрак мысленно вновь пережил тот давний драматический эпизод у мыса Пассеро. Как бы все тогда удивились, если бы узнали, что сражение на море и разгром французской эскадры, так взволновавшие европейские дворы, были вызваны присутствием в свите адмирала де Вивонна маленького девятилетнего пажа!

Когда он встретился с эскадрой Вивонна у берегов Сицилии, его могущество уже было неоспоримо. Бывший увечный каторжник из марсельской тюрьмы повсюду имел союзников и сообщников.

Чтобы обеспечить себе такое положение, ему — хотя он не разбойничал, а торговал — пришлось оснастить свою шебеку как военный корабль. А битвы ему навязывали часто — не те, так другие. Он сильно потеснил нескольких пиратов и притом отнюдь не самых слабых, вплоть до коварного Меццо-Морте, адмирала алжирского флота.

К своему большому сожалению, он был также принужден драться, когда на него нападали мальтийские рыцари, упорно продолжавшие считать Рескатора, этого корсара в маске, чье имя и происхождение были им неизвестны, обычным ренегатом, поступившим на службу к турецкому султану. Что ж, на первый взгляд казалось, что так оно и есть. В те времена не могло быть места среднему курсу между Крестом и Полумесяцем. Надо было принять сторону либо одного, либо другого. Однако Жоффрей де Пейрак все же нашел выход: он стал плавать под флагом, на котором не было ни Креста, ни Полумесяца, а была его личная эмблема: на красном поле — символический серебряный щит.

Он знал, что эскадра герцога де Вивонна вышла в море для карательной экспедиции и что одной из главных ее целей является он сам. Ибо его деятельность вызвала величайшее неудовольствие Людовика XIV, а также нанесла немалый урон некоторым богатым французским семействам, чьи доходы зиждились на продаже в страны Ближнего Востока промышленных товаров низкого качества, не имевших сбыта во Франции.

Он послал своих шпионов выведать все о предполагаемом маршруте королевской эскадры и численности экипажей ее кораблей. Еще он поручил им составить как можно более полный перечень имен тех, кто

находится на французских галерах. Вот так, читая список членов свиты командующего эскадрой герцога де Вивонна, он вдруг увидел имя, заставившее его задуматься: Кантор де Моран, паж.

Кантор! Но ведь так зовут и его сына, родившегося после его мнимой казни. О том, что у него есть второй сын, он узнал из письма отца Антуана, которое получил в Кандии. До того в течение многих лет он иногда задавал себе вопрос: кто же тогда родился у Анжелики: мальчик или девочка?

То, конечно, была далеко не главная из осаждавших его забот. Итак, родился мальчик. Узнав эту новость, он не обратил на нее особого внимания, ибо был сражен наповал вестью о том, что его жена вторично вышла замуж.

Но теперь, когда перед его глазами нежданно предстало это имя, он задумался. Кантор де Моран... Речь могла идти о его «посмертном» сыне. Он приказал навести дополнительные справки, и последние сомнения развеялись. Ребенку было почти девять лет, и он был пасынком маршала дю Плесси-Белльера.

До этого он собирался уклониться от встречи с эскадрой Вивонна. Зная заранее о воинственных намерениях французов, Рескатор почел за лучшее укрыться на время где-нибудь за островами Крит и Родос и там переждать, пока эскадра, устав от бесплодной погони за призраком, не прекратит патрулирование и не оставит его в покое.

Но присутствие в свите Вивонна маленького Кантора изменило все его планы. Море посылало ему сына. Каждый день, каждый час он сгорал от желания воочию увидеть это живое воплощение своего прошлого. Сын — его и Анжелики... Зачатый в одну из тех безумных и упоительных тулузских ночей, тоску о которых он так и не смог преодолеть.

Как раз незадолго до их отъезда в Сен-Жан-де-Люз, где он был тайно арестован ищейками короля, эта новая крошечная жизнь зародилась в ней, начала расти в ее нежном, крепком, сладостном теле, воспоминания о котором не переставали преследовать его.

Увидеть этого сына, дитя их погубленной любви!

И главное — забрать его к себе!

Вся непреклонная воля Жоффрея де Пейрака сосредоточилась на этом — во что бы то ни стало вернуть себе своего сына. Он с горечью отметил про себя, что мальчику дали фамилию Моран, а не Пейрак, и что уважение ему оказывают не как сыну знатнейшего сеньора Аквитании, а всего лишь как пасынку маршала дю Плесси.

Рескатор немедля отдал приказ сняться с якоря и прибыл туда, где, как

ему было известно, находилась эскадра. Он хотел вступить в переговоры, предложить обмен. Однако адмирал де Вивонн, узнав, что пират, которого ему было приказано пустить ко дну, возымел наглость явиться к нему сам, велел выбросить посланца за борт и тут же, без предупреждения, дать пушечный залп по пиратскому кораблю.

«Морской орел» получил пробоину ниже ватерлинии и едва не затонул. К тому же, ему пришлось принять бой. По счастью, тяжелые галеры маневрировали, как деревянные башмаки, набитые камнями. На одной из них находился Кантор; Жоффрей де Пейрак постарался отсечь ее от остальных, но в пылу боя галера получила непоправимые повреждения и начала уходить под воду. Обезумев от тревоги за сына, зная, как стремительно расстрелянный корабль может пойти ко дну, он послал на него самых преданных из своей личной стражи, чтобы любой ценой отыскать мальчика среди сгрудившихся на корме пассажиров, иные из которых уже бросались в воду.

Его принес к нему мавр Абдулла. Чистый детский голосок кричал ему: «Отец! Отец!» Жоффрей де Пейрак подумал, что грезит. Маленький мальчик на руках у великана Абдуллы, казалось, не испытывал ни малейшего страха ни перед смертью, от которой он только что спасся, ни перед темными лицами окруживших его людей в белых джеллабах, ни перед их огромными кривыми саблями.

Зелеными, как лесной источник, глазами он смотрел в закрытое маской лицо грозного высоченного пирата, к которому его принесли, и говорил ему «отец», словно естественнее этого не было ничего на свете, словно именно этого он и ждал.

Как было не ответить на этот зов?

— Сын мой!

Кантор, с его на редкость спокойным характером, совсем не стеснял его. Мальчик бы в восторге от того, что живет на море, вместе с отцом, которым он восхищается.

О своей прежней жизни он, похоже, ничуть не сожалел. Но Жоффрей де Пейрак быстро заметил, что его очаровательный, приветливый сын очень скрытен. А начинать расспросы самому ему не хотелось. Его удерживал страх. Какой? Страх узнать слишком много и больно разбередить свои плохо затянувшиеся раны.

Так оно и случилось. В первый же раз, когда Кантор заговорил о своей оставленной во Франции семье, он не без гордости заявил:

— Моя мать — любовница короля Франции. А если еще нет, то скоро

ею станет. — И тут же простодушно добавил:

— Это естественно. Ведь она самая красивая дама королевства.

Получив этот неожиданный удар в спину, Жоффрей де Пейрак, окончательно решил дать ребенку вспоминать, что и когда ему захочется, и никогда не задавать наводящих вопросов.

Из собранных таким образом обрывков составилась ряд любопытных картин, в которых проходили Анжелика в роскошных нарядах, Флоримон, смелый герой, маршал дю Плесси, холодный царедворец, к которому Кантор питал некоторую привязанность, а также король, королева и дофин — к этим троим он, как ни странно, относился покровительственно и немного их жалел.

Кантор помнил все платья, которые носила его мать, и подробно описывал и их, и драгоценности, которые она к ним надевала.

В рассказы маленького пажа то и дело вплетались мрачные истории об отравлениях, прелюбодеяниях, о преступлениях, совершенных в темных коридорах королевских дворцов, о гнусных извращениях и интригах, причем все это, похоже, ничуть его не волновало. Пажи познавали жизнь за шлейфами платьев придворных дам, которые они должны были носить, и их остерегались не больше, чем комнатных собачек.

Впрочем, Кантор не скрывал, что на море ему нравится куда больше, чем в Версале. Именно по этой причине он и решил покинуть Францию и отправиться к отцу. Флоримон тоже к ним приедет, только немного позже. А вот приезд Анжелики, похоже, казался ему маловероятным. Так в представлении Жоффрея де Пейрака создавался образ легкомысленной матери, равнодушной к своим сыновьям. Однажды вечером он все же решился задать сыну вопрос.

В этот день, во время боя с алжирским кораблем, посланным Меодо-Морте, одним из злейших его врагов, Кантор был ранен в ногу осколком картечи и, сидя у его постели, отец мысленно упрекал себя в этом, хотя сам мальчуган сиял от гордости, ибо, как у всякого истого дворянина, страсть к войне была у него в крови.

И все же, не слишком ли он еще мал, чтобы вести эту суровую, взрослую жизнь, полную опасных приключений?

— Ты не скучаешь по своей матери, малыш?

Кантор посмотрел на него с удивлением. Затем лицо его помрачнело, и он заговорил о чем-то, что он называл — граф де Пейрак так и не понял, почему — «шоколадные денечки».

— Вот в «шоколадные денечки», — говорил он, — мама часто сажала нас к себе на колени. Приносила нам пирожки. Пекла блинчики... По

воскресеньям поваренок Давид Шайю брал меня на плечи, и мы шли в Сюрен, и там пили белое вино... То есть, конечно, не мы, потому что мы с Флоримоном были еще слишком малы, а мама и мэтр Буржую пили... Тогда нам было очень хорошо. Но потом, когда мы поселились в Отеле Ботрей, маме пришлось бывать при дворе и нам тоже... И тут уж ничего нельзя было поделаться — «шоколадным денечкам» пришел конец...

Так граф де Пейрак узнал, что Анжелика жила в Отеле Ботрей, который он когда-то построил для нее. Но как ей удалось снова завладеть им? Этого Кантор не знал.

Впрочем, в нынешней жизни у него было столько интересных занятий, что он не имел большой охоты к воспоминаниям.

Очень скоро Жоффрей де Пейрак с волнением обнаружил у сына врожденную способность к пению и музыке. Его собственный голос был сорван, мертв, но теперь он снова полюбил играть на гитаре. Он сочинял для Кантора баллады и сонеты, приобщал его к музыке Востока и Запада. Постепенно он пришел к решению отдать мальчика на несколько месяцев в итальянскую школу в Венеции или же в столице Сицилии, Палермо, чье островное положение делало этот город своего рода портом приписки для всех корсаров, порвавших со своими государствами.

Кантор был невежествен, как осленок. Он едва умел читать и писать и совсем плохо считал. Правда, жизнь при дворе, а потом на море, среди корсаров, сделала из него умелого фехтовальщика, научила управлять парусами, а при случае он мог выказать безупречную учтивость и щегольнуть изысканными манерами, но такой ученый человек, как его отец, конечно же, считал, что этого совершенно недостаточно.

Кантор вовсе не был ленив — напротив, он был очень любознателен. Однако учителя, занимавшиеся с ним до сих пор, не сумели пробудить в нем интереса к учению, вероятно, потому, что преподавали схоластично и сухо. Он без особого огорчения согласился поступить пансионером в школу иезуитов в Палермо, которую ученые отцы превратили в подлинный центр просвещения. На берегах Сицилии, острова, издревле пропитанного греческой цивилизацией, еще витал дух античной культуры, и можно было получить то блестящее классическое образование, которое в XVI веке сформировало так много людей, воистину достойных этого звания.

Была еще одна причина, побудившая Рескатора укрыть мальчика в безопасном месте и на время отдалить его от себя. Бесчисленные опасности, среди которых он жил, грозили и его сыну. Ему надо было переломить хребет своим основным противникам, а для этого он должен был предпринять против них ряд решительных кампаний, применяя как

военную силу, так и дипломатические маневры. Ведь уже был один случай: как-то раз, когда он стоял в тунисском порту, Кантора чуть было не похитили люди Меццо-Морте, этого погрязшего в мужеложестве истязателя, полубезумного от мании величия. Пиратский адмирал не мог простить Рескатору, что тот подорвал его влияние на Средиземном море.

Если бы попытка Меццо-Морте удалась, графу де Пейраку пришлось бы принять самые унижительные его условия. Он бы согласился на все, лишь бы целым и невредимым вернуть сына, которого горячо полюбил.

Кантор был ему очень близок своей любовью к музыке, однако завораживало его в сыне не это, а то, что ему самому было чуждо и что неодолимо напоминало Анжелику и ее предков из Пуату. Очень немногословный в отличие от жителей южной Франции, откуда был родом его отец, мальчик обладал ясным умом и умел быстро ориентироваться в обстановке. Однако в его зеленых глазах было что-то непостижимо загадочное, что-то от тайны древних друидических лесов, и никто не мог бы похвастаться, что знает его мысли или может предугадать его поступки.

Жофfrey де Пейрак особенно ценил в своем младшем сыне дар ясновидения, который позволял ему иногда предсказывать события задолго до того, как они совершались. Причем получалось это у него так легко и естественно, что можно было подумать, будто его кто-то предупреждал. Возможно, Кантор не очень ясно отличал свои вещи сны от яви.

Не разрушит ли, не сгладит ли учение своеобразие его природы? Нет, его охраняют от этого музыка и тот особый дух, что царит в Палермо. К тому же, перед его глазами всегда будет красота моря, а рядом — верный Куасси-Ба, которому отец поручил не спускать с него глаз.

Глава 27

То, что у Меццо-Морте сорвалось с Кантором, удалось с Анжеликой. Алжирский адмирал похитил ее, когда она после своего бегства из Кандии покинула Мальту.

Известие о том, что его жена, неизвестно зачем объявившаяся на Средиземном море, попала в руки его злейшего врага, явилось для Жоффрея де Пейрака страшным ударом. Накануне до него дошло сообщение, что она на Мальте, и он, немного успокоившись, уже готовился отправиться на ее поиски.

Однако теперь ему пришлось явиться в Алжир и предстать перед Меццо-Морте. Тот отлично понимал, что теперь Рескатор вынужден будет согласиться на любые его условия. Ренегат знал — откуда? — ту тайну, которую Жоффрей де Пейрак не доверил никому: что Анжелика была его христианской женой и что он пожертвует всем, лишь бы ее вернуть.

Требования алжирского адмирала были до того непомерны, что он раз двадцать готов был швырнуть ему в лицо свое презрение и отступить. Ради женщины унижаться перед этим омерзительным мужланом! Но эта женщина была его жена, это была Анжелика. Он не мог отказаться, ведь тем самым он обрек бы ее на мучительную смерть. «Я пришлю тебе, мой дорогой, — говорил Меццо-Морте, — один ее пальчик. Я пришлю тебе, мой драгоценный, локон ее волос... А в изящном ларчике — один ее зеленый глазик...»

Ничем не показывая своих истинных чувств, Жоффрей де Пейрак испробовал все хитрости, призвал на помощь весь свой актерский талант, пытаясь договориться с этим мерзавцем, но Меццо-Морте был по происхождению итальянец и тоже умел искусно лавировать и притворяться.

Вместе со страхом за Анжелику росла и его злость на нее. Вот проклятое создание, ну почему ей не сидится на месте? Сбежав от него в Кандии, она тут же, сломя голову, понеслась куда-то и так глупо попала в ловушку, расставленную Меццо-Морте. Да, свою способность к предвидению их младший сын унаследовал явно не от нее! Как могла она не узнать его в Кандии, не догадаться, что это он? Должно быть, ее мысли были слишком заняты кем-то другим — любовником, из-за которого она и пустилась в путь. И, продолжая упорно биться за ее спасение, он дал себе слово, что когда получит ее обратно, то обязательно вытрясет из нее душу!

Вот так. Ради нее он собирался во второй раз поломать себе жизнь. Меццо-Морте стремился к безраздельному господству на Средиземном море. Рескатор должен исчезнуть, говорил он, и больше не возвращаться. А когда он уйдет, можно будет без помех взяться за старое: грабить, жечь, устраивать набеги на прибрежные селения и продавать рабов — самый выгодный и ходкий товар *Mare Nostrum*^[27].

Жоффрей де Пейрак попытался сыграть на его алчности. Он предложил ренегату такие сделки, которые наверняка принесли бы ему в сто раз больше, чем все нападения его раисов^[28] на военные или торговые корабли христиан. Но Меццо-Морте нужно было другое. Он желал быть самым могущественным пиратом Средиземного моря, самым страшным, самым ненавистным для всех...

Перед этим полубезумием все доводы рассудка, все соображения выгоды теряли смысл.

Меццо-Морте предусмотрел все, даже то, что прежде, чем связать себя клятвой, Рескатор может узнать, что он сделал с Анжеликой и где она находится. Так оно и случилось. Кто-то проболтался, что пленница с зелеными глазами была подарена султану Мулею Исмаилу. «Он же твой лучший друг — разве тебе это не лестно? — ухмыльнулся ренегат. — Но берегись! Если ты покинешь Алжир, не дав мне слова, что больше не будешь мешать мне поступать, как я хочу, ты никогда уже не увидишь ее живой! Один из моих людей сумел затесаться в марокканский эскорт. Стоит мне подать ему знак — и он убьет ее той же ночью...»

В конце концов Жоффрей де Пейрак дал слово Меццо-Морте. Хорошо, он покинет Средиземное море! При этом он, правда, не уточнил, на какой срок, и не сказал, что намерен крейсировать у берегов Марокко и Испании, поддерживая связь со своими «рескаторами» до тех пор, пока пиратский «адмирал» не будет низложен.

Ренегат был счастлив, что одержал эту победу, на которую уже не рассчитывал, и выражал свою радость бурно, почти по-детски. Все сложилось намного удачнее, чем если бы он устранил своего соперника иными средствами, скажем, при помощи убийства. Разумеется, он не раз пытался это сделать, но все попытки оказались тщетны, и в конце концов Меццо-Морте проникся суеверным благоговением перед таинственной силой неуязвимого мага... Кроме того, несмотря на все свое могущество, он все же боялся гнева великого султана в Стамбуле, — ведь тот наверняка бы вскоре узнал, кто лишил его тайного советника, который, к тому же, подпитывал его финансы.

Беспрепятственно покинув Алжир, Рескатор направился к Геркулесовым Столбам^[29], рассчитывая без особых трудностей проплыть под пушками Сеуты^[30]. Таким образом он хотел достичь Сале^[31], а затем добраться и до Мекнеса.

На душе у него было тяжело. Анжелика во власти Мулея Исмаила, чью похотливость и жестокость он так хорошо знал — тут было отчего потерять покой! Он клял Меццо-Морте, клял Анжелику. Но все равно мчался ей на помощь с нетерпением, которое невозможно было бы объяснить одним лишь сознанием долга перед безрассудной супругой.

Неожиданно он получил послание от Османа Ферраджи: «Приезжай... Женщина, которую тебе предназначили звезды, в опасности...»

Дойдя до этого воспоминания, Жоффрей де Пейрак вдруг вскочил. Судно дало резкий крен: один раз, другой; он пошатнулся и вполголоса произнес: «Буря...»

Буря, которую на закате предвещало чересчур спокойное, будто политое маслом море, давала знать о себе, посылая свои первые шквалы. Он продолжал стоять, расставив ноги, чтобы удержать равновесие.

Но мыслями он все еще был в прошлом — белом от солнца, красном от крови.

«Приезжай... Женщина, которую тебе предназначили звезды, в опасности...»

Так связывались нити, чтобы вновь их соединить...

Но когда он прибыл в Мекнес, Осман Ферраджи был мертв, его заколол кинжалом раб-христианин. В садах запах роз смешивался с запахом трупов.

В «меллахе», еврейском квартале города, все евреи от грудных детей до столетних старцев были вырезаны кривыми саблями черной стражи султана. Ходили слухи о побеге семи рабов-христиан и — самое неслыханное — одной из женщин гарема.

— Ах, мой друг, какая женщина! — рассказывал ему Исмаил, выпучив глаза в избытке почти мистического восхищения. — Она даже попыталась перерезать мне горло. Посмотри...

Он показал след от пореза, краснеющий на его бронзовой коже.

— И притом моим собственным кинжалом! Вот это искусство! Увы, моя грубая и простая натура, как видно, пришлась ей не по вкусу. Она стойко выдержала пытки. Я ее помиловал, потому что она была все же слишком красива, чтобы предавать ее казни, а также потому, что мой

великий евнух настоятельно советовал мне пощадить ее. Какую отраву удалось ей влить ему в жилы, ему, неподкупному? И теперь он, такой сильный и мудрый, мертв — и все из-за его слабости к ней. А ей удалось бежать. Поверь, друг мой, это был демон в женском обличье!

Жоффрею де Пейраку не было надобности спрашивать ее имя — он угадал его сразу. Он был потрясен, подавлен — и все-таки не мог не повторить вслед за восхищенным и ошеломленным Исмаилом:

— Да, мой друг, какая женщина!

Он объяснял Мулею Исмаилу, что во Франции эта женщина была его женой, и он, узнав, что она у султана Марокко, приехал в Мекнес, чтобы выкупить ее. Мулей Исмаил возблагодарил Аллаха за то, что неистовый нрав пленницы спас его, повелителя правоверных от нанесения непоправимого оскорбления его лучшему другу! Тем более, что благочестивому мусульманину не дозволено обладать женщиной, у которой есть муж. Он отдаст ее своему другу, не требуя никакого выкупа. Ибо так велит Коран.

Султан твердо надеялся, что ее поймут вместе с остальными беглецами. Его эмиссары, посланные в погоню по разным следам, получили приказ: рабов-мужчин казнить, а женщину доставить в Мекнес живой.

Наконец пришло известие, что беглецы пойманы, а потом прибыли и отрубленные головы, покрытые запекшейся кровью. Мулей Исмаил сразу заметил, что среди них нет головы Колена Патюреля.

— А где женщина? — спросил он.

Солдаты повторили то, что сказали перед смертью беглецы-христиане. Когда их схватили, женщины среди них уже не было. Француженка давно умерла от укуса змеи. Ее похоронили в пустыне.

Мулей Исмаил разодрал на себе одежды. К его ярости примешивалось сожаление, что теперь он уже не сможет сделать широкий красивый жест, дабы почтить друга, которого глубоко уважает. Интуитивно он почувствовал, какое горе скрывается за внешней невозмутимостью его покрытого шрамами лица.

— Хочешь, я еще кого-нибудь убью? — допытывался он у Жоффрея де Пейрака. — Эти безмозглые стражи не сумели поймать ее прежде, чем она умерла... дали ей ускользнуть. Один твой знак — и я зарублю их всех!

Граф отклонил это кровавое предложение, продиктованное искренним благорасположением султана. Его горло сдавило от глубочайшего отвращения.

В этих роскошных покоях, где, казалось, все еще не выветрились

запахи дыма пожаров и кровавой резни, незримо бродил дух великого евнуха, и Жоффрею де Пейраку чудилось, что он слышит его мелодичный голос: «Мы чтим Бога Единого и кровь, пролитуую во имя Его... Ты — другой и всегда будешь одинок».

Ему вдруг стала ясна полная бессмысленность всех его планов, помыслов и даже страстей. Как же они были нелепы... Ведь его голос никогда не будет услышан этими двумя ополчившимися друг на друга мирами; ибо в сущности и христиане, и мусульмане поклоняются единому абсолютному принципу, который гласит, что человек есть ничто, а Бог — все.

Хорошо, он уйдет. Он покинет Средиземное море — и не потому, что обещал это Меццо-Морте, а потому, что понял: он как был, так и остался чужим среди тех, кто многие годы помогал ему заново строить его разрушенную жизнь. Он вернется в Палермо за Кантором, а потом они вместе поплывут на Запад, к новым материкам. Бросив свое огромное состояние (ибо на Востоке он снова стал сказочно богат), он оставит позади две загнивающие цивилизации, которые ожесточенно воюют между собой в Средиземном море, этом бурлящем ведьмином котле. И той, и другой движет религиозный фанатизм, и в конце концов он сделал их похожими друг на друга по зверствам и нетерпимости, Он устал от этой борьбы, бесплодность которой была ему очевидна.

Он устоял перед искушением броситься через пустыню, чтобы разыскать там убогую могилу. Еще одно безрассудство, оно не принесет ему ничего, кроме отчаяния. Да и какой смысл в этих поисках? Удостовериться, что она в самом деле мертва? Какое же доказательство он получит? Следы в пыли? Зачем? Чтобы найти под ними другую пыль, прах той, в которой, будь она жива, была бы вся его жизнь... О, тщета надежд человеческих...

Рабы, бежавшие вместе с нею, были мертвы. И он чувствовал, что она тоже исчезла, растворилась под этим огромным, беспощадным солнцем, которое подавляет мысль и рождает обманчивые миражи. Его стремление найти ее было тщетно, ибо едва он приближался, она превращалась в неосязаемое марево, в зыбкий, рассеивающийся сон.

Судьба, которая их разлучила, отказывается соединить их с таким непоколебимым упорством, что в этом должен быть заключен какой-то скрытый смысл. Но какой? Что ж, придется признать, что при всей его силе у него все же недостаточно мужества и смирения, чтобы попытаться проникнуть в эту тайну, которую ему откроет только будущее... если откроет. Годы, проведенные им на Востоке и в цедрах Африки, сделали из

него если не фаталиста, то во всяком случае человека, сознающего, что он слаб по сравнению с судьбой... и что его судьба ему неведома. Нет, реального у него осталось в жизни только одно — его сын.

Встретившись с сыном в Палермо, он возблагодарил небо за то, что оно оставило ему хотя бы это дитя, чье присутствие на время вводило его от душевных терзаний, превозмочь которые ему на этот раз было нелегко.

Когда, пройдя через Гибралтарский пролив, он вышел из Средиземного моря в океан и взял курс на Америку, у него только и оставалось, что корабль «Морской орел» и матросы, по крайней мере, те из них, которые пожелали разделить с ним его новую судьбу.

Скопище человеческих отбросов, как с презрением сказали бы все эти богатые ларошельские буржуа... Что ж, так оно и есть... Но он хорошо понимал этих людей, несмотря на всю их разноликость. Он знал, какие драмы выбросили их из общества и заставили скитаться по миру, как вынужден был скитаться он сам. Оставил он при себе лишь тех, кто ни за что не желал с ним расставаться, кто готов был лечь у его ног и не вставать, только бы снова не оказаться с тощим узелком на берегу, среди враждебно настроенных людей. Потому что эти моряки не знали, куда им идти. Они боялись. Боялись мусульманского рабства, боялись каторги на христианских галерах, боялись, что попадут к другому капитану, жестокому и жадному до наживы, что их обворуют и, наконец, боялись надеть глупостей, за которые потом пришлось бы дорого платить.

Жоффрей де Пейрак с уважением относился к этим сломленным судьбою людям, к их сумрачным душам и скорбным сердцам, скрываемым под нарочито грубыми повадками. Он был с ними строг, но никогда их не обманывал и умел пробудить в них интерес к заданиям, которые им давал, и к целям каждого его плавания.

Покидая Средиземное море, он откровенно сказал своим матросам, что отныне у них больше нет всемогущего господина, который всегда сможет их защитить. Потому что теперь ему придется все начинать сначала. Они были согласны рискнуть. Впрочем, очень скоро он смог сполна вознаградить их преданность.

Он взял с собой в Новый Свет целый отряд ныряльщиков, мальтийцев и греков, и, снабдив их усовершенствованным снаряжением, начал плавать по Карибскому морю, поднимая со дна сокровища испанских галионов, потопленных флибустьерами, которые свирепствовали здесь уже более ста лет. Эта затея, о которой мало кто знал, и осуществить которую мог он один, принесла ему в скором времени немалое богатство. Он заключил

соглашения с сильнейшими предводителями пиратов, обосновавшихся на острове Тортуга. Испанцы и англичане, такие как капитан Фиппс, на чьи суда он никогда не нападал и которым даже подарил кое-какие из наиболее красивых вещей, поднятых со дна моря, также жили с ним в мире и нисколько ему не досаждали.

Итак, он нашел новый способ зарабатывать себе на жизнь: разыскивать под зарослями морских водорослей шедевры искусства ацтеков или инков. Вдобавок это занятие удовлетворяло его чувство прекрасного и давало утоление его страсти к поиску и исследованию.

Постепенно он научился подавлять неотступную мысль, которая долгое время терзала его, пронзая душу невыносимой болью: Анжелика умерла... И он уже никогда ее не увидит...

Он больше не сердился на нее за то, что она жила безумно, безрассудно. Ее смерть стала достойным завершением ее удивительной жизни, больше похожей на легенду. Она отважилась на подвиг, на который до нее не отваживалась ни одна пленная христианка. Он не мог забыть, что она отказала Мулею Исмаилу и с твердостью выдержала жестокое наказание. О, безумная! Ведь от женщин никто не требует героизма, говорил он себе в отчаянии. Ах, если бы только она осталась живой, если бы он мог обнять ее, почувствовать тепло ее тела, взглянуть в ее глаза, как тогда, в Кандии — он забыл бы обо всех ее изменах, он бы все простил! Только бы увидеть ее живой, дотронуться до ее нежной, гладкой кожи, обладать ею в сладостном сегодня, которому нет дела ни до прошлого, ни до будущего, — и не видеть, не видеть больше, как ее прекрасное тело высыхает на песке, бьется в предсмертной муке, как сереют ее губы — и никто не поможет, и Бог не спасет...

— Родная моя, как я тебя любил...

Буря выла все громче, сотрясая стекла в оконных рамах. Но Жоффрей де Пейрак не прислушивался к ней. Опершись о переборку, чтобы удержать равновесие на ходящей ходуном палубе, он продолжал слушать голос из минувшего, которым вновь заговорило его сердце.

«Родная моя, я тебя любил, я тебя оплакивал... И вот я нашел тебя среди живых — и не раскрыл тебе свои объятия».

Так уж устроен человек. Он страдает, потом исцеляется. И, исцелившись, забывает ту мудрость, которую открыло ему его горе. Жизнь снова бьет в нем ключом — и он спешит вернуться к прежним заблуждениям и мелочным страхам и вновь отдаться во власть разрушительной злобы. Вместо того, чтобы раскрыть ей объятия, он начал думать о ребенке, которого ей дал другой, о короле, о потерянных годах, о

запечатленных на ее губах чужих поцелуях... Он злился на нее за то, что она стала для него незнакомкой. И однако именно эту незнакомку он сегодня любил.

Все те вопросы, которые мужчина задает себе, готовясь в первый раз сделать своей пленившую его желанную женщину, все их он с волнением задавал себе сейчас.

«Как ответят мне ее губы, когда я их поцелую? Как она поведет себя, когда я попытаюсь ее обнять? Тайна ее плоти так же неведома мне, как и ее мысли... Какая ты теперь? Что они сделали с тобой, с твоим прекрасным телом, которое ты теперь так ревниво скрываешь?»

Он грезил о том, как ее волосы упадут ей на плечи, как она будет, млея, прижиматься к его груди, о влажном блеске ее зеленых глаз, глядящих в его глаза...

Он сумеет ее покорить. «Ты моя, и я смогу сделать так, чтобы ты это поняла!»

Однако надо помнить, что задача будет не из легких. У зрелой женщины, закалившейся в таком огне, непросто будет найти уязвимое место.

И все же он этого добьется! Он разрушит ее защиту. И один за другим сорвет покровы со всех ее тайн точно так же, как снимет с нее одежды.

Ветер был такой, что ему пришлось напрячь всю силу, чтобы открыть дверь. Снаружи, в ревушем мраке штормовой ночи, под хлесткими брызгами, он на мгновение остановился, ухватившись за перила балкона, которые уже скрипели и стонали, точно старое дерево, готовое вот-вот переломиться.

«Что же ты за человек, граф де Пейрак, если уступаешь свою жену другому, и притом даже без борьбы? Нет черт возьми! Сейчас укрошу эту проклятую бурю и тогда... тогда мы изменим тактику, госпожа де Пейрак!»

Глава 28

В невероятной сумятице, которую вызвала среди пассажиров буря, громче всего звучал истошный крик:

— Палуба рушится!

Это походило на кошмарный сон: зловещий треск дерева над головами перекрывал все остальные шумы: грохот волн, свист ветра, испуганные возгласы людей, которых швыряло друг на друга в кромешной тьме.

Анжелика съехала вниз по вдруг вставшей дыбом палубе и налетела на лафет пушки. Потом корабль накренился на другой борт, она заскользила обратно и ужаснулась при мысли о том, что маленькое тельце Онорины тоже бросает из стороны в сторону в этой адской болтанке. Как ее найти, как услышать? Отовсюду неслись вопли и стенания. Потолок продолжал угрожающе трещать. Внезапно сверху хлынула соленая вода и женский голос крикнул: «Господи, спаси нас... Мы гибнем!»

Анжелика оцарапала руку обо что-то твердое и горячее. Это был один из погасших фонарей. Резкий крен сбросил его на пол, но он не разбился.

«Надо зажечь свет», — подумала Анжелика, крепко держа фонарь. Сидя на корточках и изо всех сил стараясь удержать равновесие на безумно пляшущей палубе, она ощупью нашла отверстие в абажуре, укрепленную под стеклом, потухшую, но еще не прогоревшую свечу и в маленьком выдвижном ящичке — запасное огниво. Ей удалось высечь искру, и тусклый красноватый свет фонаря озарил неописуемую мешанину из человеческих тел, одежды и множества разнообразных предметов, которые дьявольская качка швыряла то туда, то сюда.

Но хуже всего было то, что в потолке зияла оцетинившаяся обломками досок пробоина, то и дело изрыгающая вниз пенистые струи воды.

— Скорее сюда! — крикнула Анжелика. — На нас падает опора фок-мачты!

Первым из полумрака вынырнул Маниго и, словно могучий Голиаф, подпер надломленные бимсы своими плечами. К нему присоединились Берн, Мерсело и еще трое мужчин из числа самых сильных. Подобно титанам, держащим на себе всю земную тяжесть, они уперлись плечами в толстые балки, чтобы не дать им переломиться совсем. Теперь сверху лило уже меньше. По напряженным лицам мужчин ручейками стекал пот.

— Надо бы... плотников, — задыхаясь, выговорил Маниго. — Пусть

принесут деревянные стойки... и инструмент... Если подпереть мачту... пробоина не расширится.

Шлепая по воде, Анжелика наконец разыскала Онорину. Каким-то чудом девочка осталась лежать в своем гамаке, надежно привязанном к бимсам. Он раскачивался, но не очень сильно, повторяя бешеные рывки «Голдсборо» в смягченном виде. Хотя Онорина и проснулась, она не казалась особенно напуганной. Анжелика подняла фонарь и осветила картину, словно сошедшую со страниц дантовского «Ада»: Маниго и его пятеро товарищей держат на плечах непомерную тяжесть огромных деревянных балок. Сколько времени смогут они так простоять? Глядя на Анжелику налитыми кровью глазами, Маниго прокричал:

— Плотников!.. Идите за ними...

— Дверь заперта!

— Проклятые мерзавцы! Заперли нас тут, чтобы мы издохли, как крысы в норе... Идите... через бывший хлев, — прохрипел он. — Там есть люк.

Анжелика сообразила, о каком люке идет речь. Должно быть, о том самом, через который пробрались матросы-испанцы, когда неожиданно оказались за спиной у нее и у тетушки Анны.

Она сунула фонарь стоящему рядом Мартиалу.

— Держи его крепко и, смотри, не уподи сам, — приказала Она. — Пока есть свет, они будут стоять. Я попробую добраться до капитана.

Она поползла на коленях, нашла задвижку люка и скользнула в темную дыру. Потом спустилась по ступенькам трапа и пошла по коридору, то и дело ударяясь о его стены и отскакивая от них, как мяч. У нее болели все кости. Наконец она выбралась на палубу и сразу поняла: здесь дело обстоит еще хуже!

Как люди могут оставаться на верхней палубе, когда ее непрерывно заливают эти чудовищные волны? Как они умудряются держаться на своих реях и вантах — ведь буря может в любой момент сорвать их оттуда, точно плоды с дерева, и унести прочь?

Однако при вспышках молний Анжелика неизменно видела вокруг фигуры матросов: они сновали во все стороны, упорно стараясь исправить опасные повреждения наносимые кораблю ударами волн.

Она поползла на корму, хватаясь за тросы, натянутые вдоль узкого мостика, который шел у самого фальшборта. Она знала, что Жоффрей сейчас там, на юте, стоит у штурвала, и она должна во что бы то ни стало добраться до него. Это была ее единственная мысль. Она пробивалась

сквозь тьму, промокая до нитки, цепляясь изо всех сил за любую опору, — так же, как преодолевала тот тяжкий темный путь длиной в пятнадцать лет, который наконец привел ее к нему.

«Умереть рядом с ним... Хотя это вырвать у судьбы...» Наконец она увидела его — он так слился с ночью и бурей, что казался воплощением духа вод. Он стоял неподвижно — так неподвижно, что среди неистовства ветра и волн это казалось немислимым.

«Он мертв, — подумала Анжелика. — Его поразили удар молнии, и он умер стоя, держась за штурвал!.. Неужели он не понимает, что сейчас мы все погибнем? Никакой человеческой силе не справиться с яростью океана. Еще одна... две волны... и нам конец».

Она подползла к нему вплотную и дотронулась до его обуты в сапог ноги — та стояла твердо, будто приклепанная к палубе. Анжелика с усилием выпрямилась, обеими руками держась за его широкий кожаный пояс. Он продолжал стоять неподвижно, словно каменная статуя. Однако при очередной вспышке молнии она увидела, что он повернул голову и опустил взгляд, чтобы посмотреть, кто цепляется за него. Он вздрогнул, и она скорее угадала, чем услышала его вопрос:

— Что вы здесь делаете?

Она прокричала:

— Плотников! Скорее!.. Над нижней палубой рухнет потолок!..

Расслышал ли он ее слова, понял ли?.. Он не мог выпустить из рук штурвал. Вот он пригнулся под ударом новой волны, которая, точно разъяренный зверь перескочила через высокое ограждение капитанского мостика. Когда Анжелике удалось вновь набрать в грудь воздуха — во рту у нее было солоно и горько от ударившей прямо в лицо воды — она увидела, что рядом с Жоффреем стоит капитан Язон. Почти тотчас он подошел к перилам и прокричал в рупор какой-то приказ.

Блеснула молния, и Анжелика на мгновение вновь увидела лицо мужа. Склонившись к ней, он... улыбался:

— Все хорошо!.. Еще немного терпения — и конец.

— Конец?

— Да, конец бури!

Анжелика подняла глаза и попыталась всмотреться в бушующую тьму. Впереди, высоко над ними, появилось нечто странное, похожее на громадную белоснежную гирлянду — она росла на глазах, удлинялась, словно там, наверху, шло какое-то безудержное сатанинское цветение. Вот уже белая лента растянулась по всему небу. Анжелика в ужасе вскочила.

— Смотрите, смотрите! — закричала она.

Жоффрей де Пейрак видел все. Он знал, что повисшая в воздухе зубчатая белая полоса есть не что иное, как пенный гребень чудовищной волны, которая сейчас на них обрушится.

— Последняя, — тихо сказал он.

Он напряг все мышцы и, стремясь опередить несущийся навстречу водяной вал, переложил руль до отказа налево и закрепил его, повернув судно к волне бортом.

— Все на левый борт! — кричал в рупор Язон.

Жоффрей де Пейрак быстро шагнул назад. Одной рукой он прижал к себе Анжелику, другой ухватился за бизань-мачту.

Гигантская гора рухнула на них. Легший на правый борт «Голдсборо» понесло с бешеной скоростью, словно он был всего лишь легонькой деревянной пробкой; затем он перевалил через косматый гребень и, мигом повернувшись на другой бок — точь-в-точь как переворачиваемые песочные часы — устремился вниз, в черную бездну.

Анжелике казалось, что заливающим их потокам воды не будет конца.

Она ясно осознавала только одно — что ее обнимает железная мужская рука, его рука! Она хотела глотнуть воздуха и хлебнула горько-соленой морской воды. Ей казалось, что они уже на дне и отныне всегда будут вместе, соединенные навеки. И на ее истомившееся сердце и усталое тело снизошел блаженный покой: «Самое великое счастье... вот оно... наконец».

Она не лишилась чувств, но от резких ударов волн и удушья словно бы отупела и все никак не могла поверить, что море больше не швыряет ее, как крошечную гальку в полосе прибоя, а ветер стих.

Затишье, правда, было весьма относительным — корабль продолжало сильно качать. Но по сравнению с тем, что ему довелось испытать только что, это воспринималось, как невинное колыхание.

В каюте Рескатора было на удивление тихо и покойно. Анжелика в своей промокшей одежде сидела на диване и не могла вспомнить, как она здесь очутилась.

«Надо встать и спуститься на нижнюю палубу, — подумала она. — Плотники... удалось ли им прийти вовремя и отвести беду?.. Ах да, конечно — ведь «Голдсборо» не потонул».

Вдруг она заметила, что перед ней стоит обнаженный до пояса мужчина. Он энергично растирал себя полотенцем, то и дело нетерпеливо встряхивал густыми волосами, так что летели брызги.

Ступни и икры у него тоже были голые, а из одежды оставались одни

только облегающие кожаные штаны до колен, подчеркивающие, насколько он высок и узок в бедрах.

При свете большой лампы — Анжелика и не заметила, как он ее зажег, — были отчетливо видны странные линии на его теле. Казалось, что это не плоть, а тоже необычайно прочная дубленая кожа, ибо гармоничный рельеф мускулов был хаотически изрезан: шрамы, рубцы, глубокие борозды.

— Ну что, сударыня, вы уже немного пришли в себя? — спросил голос Жоффрея де Пейрака.

Он кончил растирать себе плечи, потом, отбросив полотенце, подошел к Анжелике и, подбоченившись, посмотрел на нее. Никогда еще он не был так, похож на опасного, грозного пирата: голые ноги, смуглое тело, насмешливые глаза, глядящие из-под упавших на лоб густых черных кудрей. Черный атласный платок, который он носил под шляпой, наконец-то был снят, и Анжелика мгновенно узнала прежнюю, так хорошо знакомую ей шевелюру графа де Пейрака, хотя теперь его волосы были уже не так пышны и подстрижены короче.

— А... это вы? — спросила она машинально.

— Конечно, я... на мне сухой нитки не было. И вам тоже надо снять это мокрое платье. Ну как вам понравился шторм у берегов Новой Шотландии? Великолепно, не правда ли? Не то, что эти жалкие бури в стакане воды, которые бывают на нашем маленьком Средиземном море. К счастью, мир велик и не все в нем ничтожно.

Он смеялся. Это так возмутило Анжелику, что она даже смогла встать, несмотря на свинцовую тяжесть промокнувшей юбки.

— Вы смеетесь! — выкрикнула она в ярости. — Бури вызывают у вас смех, Жоффрей де Пейрак... Попытки, и те вызывают у вас смех. Подумать только, на паперти собора Парижской Богородицы вы пели... Вам дела нет до моих слез... до того, что я боюсь бурь... даже на Средиземном море... когда со мной нет вас...

Ее губы дрожали. Что стекает по ее побледневшим щекам: соленая морская вода или слезы? Неужели она, неукротимая, плачет?..

Он протянул руки и прижал ее к своей горячей груди.

— Успокойтесь же, душенька, успокойтесь! Теперь уже не о чем тревожиться. Опасность миновала, моя дорогая. Буря прошла.

— Но она начнется снова.

— Возможно. Но мы опять ее одолеем. Или вы так мало верите в мои моряцкие таланты?

— Но ведь вы меня покинули, — жалобно сказала она, не вполне

сознавая, на какой вопрос отвечает.

Ее окоченевшие пальцы ощупывали его, непроизвольно ища складки одежды, за которые она только что цеплялась, но находили они только обнаженное тело, твердое, горячее. Все было как в ее недавнем сне. Она держалась руками за его сильные плечи, и его губы приближались к ее губам...

Но произошло это слишком быстро и помимо ее сознания. Мгновение — и она вырвалась из его объятий и бросилась к двери. Он преградил ей путь.

— Оставайтесь!

Анжелика глядела на него растерянно, недоуменно.

— Там, внизу, все в порядке. Плотники подоспели вовремя. Фок-мачту пришлось выбросить за борт, но потолок в твиндеке уже починили и воду откачали. А вашу дочь я поручил заботам ее преданной няньки — сицилийца Тормини. Она его обожает.

Он нежно коснулся рукой щеки Анжелики и прижал ее лицо к своему плечу.

— Оставайтесь, не уходите... Сейчас вы нужны только мне.

Анжелика дрожала всем телом. Не может быть — неужто он и в самом деле стал с нею так нежен?

Он обнимает ее... Он ее обнимает!

Ее закружил водоворот самых противоречивых чувств — они вдруг все разом обрушились на нее, такие же сокрушительные, как только что миновавшая буря.

— Нет, не может быть! — воскликнула она, снова вырываясь из его объятий. — Ведь вы меня больше не любите... Вы меня презираете... Считаете меня уродиной!..

— Да что вы такое говорите, моя красавица? — сказал он, смеясь. — Неужели я настолько глубоко вас задел?

Он отстранил ее от себя на расстояние вытянутой руки и, держа за плечи, пристально на нее посмотрел. Он улыбался, но вместе с привычной иронией в его улыбке были сейчас и грусть, и нежность, а в ярких черных глазах разгорались искорки страсти.

Анжелика в смятении провела рукой по своему замерзшему, напряженному лицу, по слипшимся от морской воды волосам.

— Но ведь я выгляжу ужасно, — простонала она.

— О, разумеется, — насмешливо подтвердил он. — Ни дать ни взять — русалка, которую я выловил сетью из морских глубин. У нее холодная горькая кожа, и она боится мужской любви. Какое странное обличье вы

для себя выбрали, госпожа де Пейрак!

Он взял ее обеими руками за талию и неожиданно поднял, как соломинку.

— Да вы сумасшедшая, моя милая, просто сумасшедшая! Ну кто не пожелал бы вас? Их даже слишком много, тех, кто вас желает... Но вы принадлежите только мне.

Он отнес ее к постели и уложил, все так же прижимая к себе и глядя по лбу, словно заболевшего ребенка.

— Кто не пожелал бы вас, душа моя?

Ошеломленная, она больше не сопротивилась его объятиям. Страшная буря, так ее напугавшая, нежданно подарила ей этот прекрасный миг, на который она уже не надеялась, хотя продолжала одновременно и желать его, и бояться. Почему? Как объяснить это чудо?

— Ну же, снимите поскорее эту одежду, если не хотите, чтобы я стащил ее с вас сам.

С обычной своей уверенностью он заставил ее снять с себя мокрые, прилипшие к ее дрожащему телу юбки, корсаж, сорочку.

— Вот с чего нам следовало начать, когда вы в первый раз явились ко мне в Ла-Рошели. Спорить с женщиной бесполезно... только зря теряешь драгоценное время, которое можно было бы использовать куда лучше... не правда ли?

Теперь она лежала нагая, соприкасаясь с его обнаженным телом и начинала все острее чувствовать его ласки.

— Не бойся, — шептал он. — Я только хочу тебя согреть...

Она больше не спрашивала себя, почему он вдруг так ревниво и властно привлек ее к себе, позабыв про все упреки и обиды.

Он желает ее. Он ее желает!..

Казалось, он открывает ее для себя заново, как мужчина, в первый раз познающий женщину, о которой долго мечтал.

— Какие у тебя красивые руки, — сказал он с восхищением.

Это было уже преддверие любви.

Той великой, волшебной любви, которую они извели много лет назад. Их снова соединили узы плоти, дарящие им блаженство и сладкие воспоминания, — те узы, что продолжали притягивать их друг к другу через время и расстояния.

Руки Анжелики сами собой обняли его, потом ей вспомнились некогда привычные движения — но теперь в них было что-то новое и волнующее. Она чувствовала — хотя сама еще не могла ему ответить — властное прикосновение его уст к ее устам. Потом к ее шее, плечам...

Его поцелуи становились все более страстными, как будто он желал жадно выпить ее кровь.

Последние страхи рассеялись. Ее любимый, мужчина, созданный для нее, снова был с нею. С ним все было естественно, просто и прекрасно. Принадлежать ему, замереть в его объятиях, отдаться на волю его страсти и вдруг осознать со страхом и ослепительной радостью, что они слились, воедино...

Занимался день, снимая один за другим покровы ночи. Анжелика, не помня себя от счастья, снова глядела в лицо своего возлюбленного, это лицо фавна, словно выточенное из потемневшего от времени дерева, и ей все еще не до конца верилось, что она видит его не во сне.

Она чувствовала, что отныне уже не сможет обходиться без его объятий, без его ласк, без той нежности, которую она читала в его глазах, еще недавно смотревших на нее так сурово.

Занимался день, и в колыбании волн, утихших после ночной бури, была такая же сладкая истома, какую Анжелика ощущала и в себе самой. Она почти не замечала соленого запаха моря, ибо вдыхала аромат любви, фимиам их единения. Однако в ней еще оставался смутный страх.

Из всего того, что ей хотелось ему сказать и что переполняло сердце, она не смогла проронить ни слова.

Что думает он о ее молчании? О ее неловкости? Что он скажет, когда заговорит? Наверняка отпустит какую-нибудь колкую шутку. Об этом можно догадаться по насмешливой складке у его губ.

— Ну что ж! — сказал он наконец. — В общем для скромной матушки-настоятельницы получилось не так уж плохо. Однако между нами говоря, моя дорогая, вы не сделали особых успехов в искусстве любви с тех пор, когда я преподавал вам «веселую науку».

Анжелика рассмеялась. Пусть уж лучше он упрекает ее в неумелости, чем в чрезмерной искусности. Пусть подшучивает над ней, она не возражает. Она притворилась смущенной.

— Вы правы. Вам придется многому учить меня заново, мой дорогой повелитель. Вдали от вас я не жила, а только выживала. А это не одно и то же...

Он скорчил гримасу:

— Хм! Я не очень-то вам верю, моя милая лицемерка. Ну да все равно! Это было хорошо сказано.

Он продолжал ласкать ее тело, словно продолжая открывать и оценивать ее округлые упругие формы.

— Сущее преступление — прятать такое тело под обносками служанки. Но я это сейчас исправлю.

Он встал, подошел к сундуку и, достав оттуда женское платье, бросил его в изножье кровати.

— С сегодняшнего дня вы будете одеваться прилично.

— Вы несправедливы, Жоффрей. Мои обноски служанки, как вы их назвали, имеют свои преимущества. Представьте себе, каково бы мне было бежать через ланды от драгун и взбираться на борт «Голдсборо», будь я в придворном наряде. И потом, я ведь больше не повелеваю королевством.

Он снова прилег рядом с нею и, опершись на локоть, положил другую руку на подтянутое к себе колено. Анжелике подумалось, что в этой его позе есть что-то от небрежной грации балаганного акробата, которая отличала его и прежде.

Он задумчиво произнес:

— Королевство? Но оно у меня есть. Огромное... Восхитительное. Времена года одевают его то в изумруды, то в золото. Море, на редкость синее, омывает там берега цвета утренней зари...

И сегодня он порой начинал говорить поэтическим языком лангедокских трубадуров.

— Где же находится ваше королевство, мой дорогой повелитель?

— Я везу вас туда.

Она вздрогнула, неожиданно вернувшись с неба на землю. Потом набралась смелости и тихо спросила:

— Так вы везете нас не на Острова?

Он молчал, словно не слышал ее вопроса. Затем пожал плечами:

— Острова? Ах, да! Будут вам острова... и даже больше, чем вы могли бы пожелать.

Он взглянул на нее и снова улыбнулся. Его пальцы машинально перебирали волосы Анжелики, рассыпавшиеся по подушке. Они уже высохли и вновь приобрели свой обычный цвет.

На лице Жоффрея де Пейрака отразилось удивление.

— Как посветлели ваши волосы! — воскликнул он. — Честное слово, среди них есть и седые!

— Да, — прошептала она. — Каждая прядь — память о каком-нибудь горе.

Нахмутив брови, он продолжал внимательно разглядывать их.

— Расскажите мне, — потребовал он.

Рассказать? О чем? О страданиях, которыми был отмечен ее путь, пройденный вдали от него?

Она смотрела на него неотрывно и пылко. Он нежно гладил пальцем ее виски, а она и не знала, что этим движением он вытирает слезы, которые катятся из ее глаз.

— Мне нечего рассказать, я все забыла.

Она подняла обнаженные руки, осмелилась обнять его, притянуть к своей груди.

— Вы намного моложе меня, господин де Пейрак. Вы сохранили свою мавританскую гриву, она по-прежнему черна, как ночь. Всего несколько седых волосков.

— Ими я обязан вам.

— Неужели?

Сквозь рассветный полумрак он увидел, как ее губы тронула грустная улыбка. Он подумал: «Моя единственная боль... моя единственная любовь». Раньше ее губы не казались столь выразительными и живыми, и в их игре не было такого очарования.

— Да, я страдал... из-за вас... ну как, теперь вы довольны, маленькая людоедка?

Как она прекрасна! Еще прекраснее, чем прежде, ибо жизнь наполнила ее красоту редким человеческим теплом. Он отдохнет на ее груди. В ее объятиях он забудет все.

Он взял ее тяжелые, с перламутровым отливом волосы, скрутил их и обмотал вокруг своей шеи. Уста их снова слились в жарком, неистовом поцелуе — и в этот миг утреннюю тишину разорвал мушкетный выстрел.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
МЯТЕЖ

Глава 1

Грохот выстрела живо напомнил Анжелике сцены из прошлого: нападение королевской полиции и драгунов. В глазах у нее потемнело.

С ужасом она смотрела, как соскочивший с постели Жоффрей де Пейрак натягивает ботфорты, надевает камзол из черной кожи.

— Вставайте скорее, — поторопил он ее.

— Что происходит? — спросила Анжелика.

Она подумала, что их атаковал пиратский корабль. Взяв себя в руки, она схватила брошенную ей мужем одежду и принялась без обычной тщательности облачаться в нее. Только она застегнула спереди платье, как стеклянная дверь каюты содрогнулась от глухого удара.

— Откройте! — прозвучал хриплый голос.

Едва граф отодвинул защелку, как чье-то грузное тело повалилось на него и тут же рухнуло на ковер. На спине упавшего сразу расплылось большое темное пятно. Рескатор повернул его лицом вверх.

— Язон!..

Капитан открыл глаза и прошептал:

— Пассажиры... напали на меня... в тумане... захватили верхнюю палубу...

Тяжелые клубы густого белого тумана проникали даже в каюту. Анжелика увидела в двери знакомый силуэт. На пороге стоял Габриэль Берн с дымящимся пистолетом в руке. Реакция Рескатора была мгновенной.

«Нет!» — хотела крикнуть Анжелика, но не успела: какая-то сила бросила ее вперед и она повисла на руке мужа. Пуля Жоффрея де Пейрака впиалась в позолоченную обшивку над дверью.

— Дура! — пробормотал Рескатор сквозь сжатые зубы, но не оттолкнул ее. Он знал, что перезарядить пистолет ему уже не удастся. Теперь Анжелика прикрывала его своим телом, как щитом.

Уступив в проворстве своему противнику и не выстрелив, мэтр Берн колебался, лицо его конвульсивно подергивалось: теперь покончить с ненавистным ему человеком он мог, только ранив, а то и убив Анжелику.

В каюту вошли Маниго, Каррер, Мерсело и несколько их сообщников из числа матросов-испанцев.

— Так вот, граф, — с усмешкой сказал судовладелец, — теперь наш

ход. Признайтесь, вы не ожидали такого подвоха от презренных эмигрантов, превращенных в живой товар алчного авантюриста? «Смотрите, бодрствуйте и молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время», сказано в священном Писании. Но вы позволили Далиле усыпить вашу бдительность, и мы воспользовались этой возможностью, которую ждали уже давно. Соизвольте сдать оружие, граф.

Отстранив Анжелику, застывшую между ними, как каменное изваяние, Рескатор протянул Маниго свой пистолет, который тот заткнул себе за пояс. Ларошельцы и их сообщники захватили много оружия и получили явное превосходство. Хозяину «Голдсборо» было ясно, что любая попытка к сопротивлению будет стоить ему жизни. С подчеркнутым спокойствием он оправил жабо и кружевные манжеты рубашки.

Протестанты презрительно разглядывали роскошную каюту закоренелого грешника, его восточное ложе в красноречивом беспорядке. Но Анжелике было не до их суждений по поводу ее нравственности. Случившееся превзошло самые худшие опасения. У нее на глазах граф де Пейрак и мэтр Берн чуть не застрелили друг друга. Но особенно ее ошеломило вероломство гугенотов.

— Что вы наделали, друзья мои? — тихо сказала она.

Протестанты были готовы противостоять возмущению Анжелики и ее гневным укорам, но сейчас, ощущая на себе ее взгляд, они на мгновение усомнились в правоте своей затеи, почувствовали, что они что-то недопонимают.

В стоявшей перед ними паре, в этом мужчине со странным незнакомым лицом, которое они впервые увидели без маски, и в этой женщине, как бы тоже незнакомой в ее новом наряде, они улавливали какой-то нерушимый союз, нечто совсем иное, нежели та плотская связь, за которую их осуждали.

С открытыми плечами в обрамлении венецианских кружев, на которые лунной россыпью падали ее пышные волосы, Анжелика переставала быть для них просто другом и становилась знатной дамой, которую Габриэль Берн инстинктивно угадал под обличем служанки. Она стояла перед Рескатором, как перед своим повелителем. Исполненные гордости и презрения, они были людьми другой породы... Протестантам внезапно почудилось, что они стали жертвами заблуждения, за которое могут жестоко поплатиться. Краткая речь, заготовленная Маниго, вдруг вылетела у него из памяти. Он заранее предвкушал свое торжество над загадочным и высокомерным Рескатором, но теперь все его ликование сникло. Тем не

менее Маниго первым пришел в себя.

— Мы защищаемся, — твердо сказал он. — Мы считаем своим долгом, граф, принять все меры к тому, чтобы избежать тяжелой участи, которую вы нам уготовали. Госпожа Анжелика невольно помогла нам, усыпив вашу бдительность.

— Не надо иронизировать, господин Маниго, — строго сказала Анжелика. — Ваш поступок основан на крайне поверхностных суждениях, и вы еще пожалеете о нем, узнав истину. Пока вы не восприимчивы к ее голосу, но я надеюсь, что здравый смысл скоро вернется к вам и вы поймете всю неразумность ваших действий.

Воздействовать на этих ожесточившихся людей можно было только спокойствием и самообладанием. Анжелика ощущала их готовность пойти на убийство ради укрепления своего шаткого преимущества. Один жест, одно слово — и может произойти непоправимое.

Продолжая загоразивать собою Жоффрея де Пейрака, она была уверена, что мятежники не осмелятся выстрелить в нее, свою спасительницу...

Они и впрямь колебались.

— Отодвиньтесь в сторону, госпожа Анжелика, — произнес наконец судовладелец. — Вы должны понимать, что сопротивление бесполезно. Отныне на борту распоряжаюсь я, а не тот, кого вы с необъяснимым упорством защищаете от своих друзей, как вы сами еще недавно называли нас.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Взять его под стражу.

— Но вы не вправе убивать его без суда, не доказав его виновности. Это было бы самой низкой подлостью! Бог покарает вас!

— У нас нет намерения убивать его, — с трудом выдавил из себя Маниго.

Увы, ей было ясно, что их главная цель — расправиться с ним, что без ее вмешательства он бы лежал сейчас рядом с Язоном. На лице Анжелики выступил холодный пот.

Несколько минут прошло в тягостном ожидании... Подавив страх, Анжелика повернулась к мужу. Ей не терпелось выяснить, какова его реакция на унижительную и опасную ситуацию, в которой он оказался. И вдруг она с содроганием обнаружила, что на губах благородного авантюриста играет все та же загадочная улыбка, с какой он всегда встречал свору недругов, пытающихся его уничтожить.

В этом удивительном человеке есть что-то такое, отчего другие всегда

будут стремиться его погубить. Напрасны ее старания защитить его, всегда следовать за ним. Он не нуждался ни в ком, он безразличен и к смерти, и даже к ней самой, обретенной столь недавно.

— Разве вы не видите, что они захватили ваш корабль? — возмущенно спросила Анжелика.

— А это еще надо доказать, — произнес он с насмешкой.

— Да будет вам известно, господин граф, — вмешался Маниго, — что большая часть вашего экипажа сидит в трюме и не может выручить вас. Мои люди охраняют с оружием все люки. Каждый, кто попытается высунуть нос, будет застрелен без всякой жалости. Что же касается ваших вахтенных, то большинство из них уже давно перешли на нашу сторону в надежде избавиться от тирании своего алчного хозяина.

— От души благодарю вас, — сказал Рескатор.

Он перевел взгляд на матросов-испанцев, которые, как волки, рыскали по каюте, ошалев от ее богатства, и начинали потихоньку прикарманивать золотые безделушки.

— А ведь Язон предупреждал меня, — сказал Рескатор. — Мы очень неразборчиво провели последнюю вербовку. Правильно говорят, что ошибки обходятся дороже, чем преступления...

Он посмотрел на тело Язона и темные пятна крови на ярком ворсе ковра. Лицо Рескатора посуровело, веки чуть опустились, прикрыв сверкающие черные глаза.

— Вы убили моего помощника. Он был мне другом целых десять лет...

— Мы убили только тех, кто оказал сопротивление. Я уже сказал вам, что таких немного. Все остальные перешли на нашу сторону.

— Надеюсь, у вас не будет излишних трудностей с блистательными новобранцами, которых мы подобрали из подонков Кадикса и Лиссабона, — усмехнулся Жоффрей де Пейрак и властно крикнул одному из бунтовщиков:

— Мануэло!

Тот мгновенно вскочил, и Рескатор что-то скомандовал ему по-испански. Испуганный матрос поспешил подать ему плащ.

Набросив его, граф с решительным видом направился к двери. Протестанты немедленно окружили его. Теперь им было ясно, что вопреки всему авторитет Жоффрея де Пейрака среди членов экипажа несколько не пострадал.

Маниго приставил ему к спине свой пистолет.

— Не пугайте нас, сударь. Мы еще не решили, как поступить с вами, но вы в наших руках. Надеяться на побег бесполезно.

— Я не настолько наивен, чтобы не понимать этого. Мне надо только оценить обстановку своими глазами.

Под дулами пистолетов и мушкетов он поднялся на мостик и облокотился на резные поручни, частично поврежденные во время бури.

Взору Жоффрея де Пейрака открылась ужасающая картина погрома, учиненного на корабле. Свисали лохмотья разорванных парусов. Упавшие реи, опутанные такелажем обломки фок-мачты придавали славному «Голдсборо» облик развалины, непоправимо изуродованной штормом.

Ущерб от бури усугублялся последствиями недолгой, яростной схватки. Матросы без церемоний бросали за борт трупы убитых, которыми была усеяна палуба.

— Теперь вижу, — холодно проговорил Рескатор.

Он поднял голову. Между двух уцелевших мачт уже орудовала новая, малочисленная, но активная команда, стараясь закрепить и починить паруса, распутать и заменить такелаж. Несколько юношей-протестантов осваивали работу марсовых. Дело шло медленно, но утихомирившееся море, ставшее ласковым, как кошечка, полностью благоприятствовало обучению новичков.

На палубе граф увидел Ле Галля с капитанским рупором в руках. Это он в утреннем тумане подкрался к Язону, нанес ему смертельную рану. Лоцман-бретонец был наиболее опытным мореходом. Маниго доверил ему управление кораблем, а у штурвала поставил Брежа.

В целом все ларошельцы были более или менее причастны к морю и не чувствовали себя не в своей тарелке даже на таком большом корабле, как «Голдсборо». С помощью двадцати присоединившихся к ним испанцев они вполне могли справиться со знакомым делом при условии, что никто не будет лодырничать и что...

Повернувшись к пассажирам, Рескатор с улыбкой сказал:

— Прекрасная работа, господа. Признаю, что все сделано весьма лихо. Для осуществления ваших пиратских планов вы воспользовались тем, что, кроме вахтенных, все мои люди, изнуренные ночной борьбой за спасение корабля и ваших жизней, пошли отдохнуть.

От такого оскорбления красное лицо Маниго стало багровым.

— Пиратских?! По-моему, вы перепутали нашу роль со своей.

— А как прикажете называть захват чужого имущества, в данном случае моего корабля?

— Корабля, отобранного у других! Ведь вы живете разбоем...

— Как вы категоричны в суждениях, господа религиозные фанатики. Плывите в Бостон, и там вы узнаете, что «Голдсборо» построен по моему

проекту и оплачен звонкими экю.

— Готов держать пари, что у этих экю сомнительный источник.

— А кто посмеет похвастать безупречным происхождением золота в своем кошельке? Вот вы, например, господин Маниго. Разве состояние, которое вы унаследовали от ваших благочестивых предков — ларошельских корсаров или купцов, не омыто слезами и кровью тысяч черных рабов, которых вы покупали и продолжаете покупать на берегах Гвинеи, а затем перепродаете в Америке?

Непринужденно опершись о поручни, он рассуждал с улыбкой на лице, словно вел светскую беседу, а не стоял под прицелом мушкетов.

— Причем здесь это? — недоуменно спросил Маниго. — Не я же выдумал рабство. На рабов в Америке спрос, вот я и поставляю их.

Рескатор разразился таким резким и оскорбительным смехом, что Анжелика прижала к ушам ладони. Боясь, что Маниго ответит на провокацию выстрелом из пистолета, она была готова броситься между ними, но ничего не произошло. Протестанты стояли, как загипнотизированные. Анжелика почти физически ощущала силу, исходившую от этого человека, ту невидимую власть, которая заставила бунтовщиков забыть о том, где они находятся и зачем сюда пришли.

— О, непоколебимая совесть праведников, — продолжил граф, перестав смеяться. — Тот, кто убежден в своей исключительности, вряд ли усомнится в обоснованности своих действий. Но оставим это, — он махнул рукой с беспечностью истинного вельможи. — Только чистая совесть — залог праведных дел. Если у вас нет грабительских планов, чем можете вы оправдать свое намерение лишить меня не только собственности, но и жизни?

— Тем, что вы и не помышляете доставить нас к цели нашего путешествия — в Санто-Доминго.

Рескатор не ответил. Его горящие черные глаза не отрывались от лица судовладельца. Победа будет за тем, кто первый заставит противника опустить глаза.

— Значит, вы не отрицаете, — торжествующе продолжал Маниго. — По счастью, мы своевременно разгадали ваши замыслы. Вы собирались продать нас.

— Ну, коль скоро работорговля есть честный и хороший способ заработать деньги... Но вы ошибаетесь. У меня и в мыслях не было вас продавать. Это меня не интересует. Не знаю, чем владеете вы на Санто-Доминго, но то, чем владею я, превосходит все богатства этого маленького острова. И, разумеется, меня прельстила отнюдь не выручка за

протестантские шкуры. Вы и ваши семьи стали для меня такой обузой, что я готов заплатить любую цену, лишь бы избавиться от всех вас. Вы завышаете свою реальную рыночную стоимость, господин Маниго, несмотря на весь ваш опыт продавца живого товара...

— Довольно! — с яростью вскричал Маниго. — Мы проявляем излишнюю доброту, слушая ваши разглагольствования. Но дерзость вас не спасет. Мы защищаем свои жизни, которыми вы до сих пор распоряжались. И за то зло, которое вы нам причинили...

— Какое зло?

Стоя со скрещенными на груди руками, граф де Пейрак смерил каждого из присутствующих таким суровым и пронзительным взглядом, что все онемели.

— Разве зло, которое я вам причинил, больше того, котороенесли вам королевские драгуны, преследовавшие вас с саблями наголо? У вас слишком короткая, а вернее, неблагодарная память, господа.

Снова засмеявшись, он продолжил:

— О, не смотрите на меня так, словно мне невдомек, что вы сейчас переживаете. Я все прекрасно понимаю! Да, я действительно причинил вам зло. Только вот состоит оно в том, что я столкнул вас с людьми, не похожими на вас. Носители зла вдруг стали делать вам добро.

Люди всегда боятся того, чего не могут понять. Как и почему мои мавры, эти развратники и нечестивцы, враги Христа, и другие мои люди, средиземноморские бродяги и богохульники, как это они добровольно делились с вами галетами, отдавали вашим детям свежие фрукты и овощи, предназначенные членам экипажа для предупреждения цинги? А те двое раненых в трюме, которые пострадали под Ла-Рошелю? Вы так и не решились осчастливить их своей дружбой, считая их «скверными». Вы лишь позволили им стать вашими сообщниками, подобно тому, как вы снисходили до общения с арабскими работорговцами, которые перепродавали вам негров, насильственно захваченных в самом сердце Африки, в местах, где, в отличие от вас, мне довелось побывать. Впрочем, речь сейчас о другом.

— Прекратите попрекать меня этими рабами! — взорвался Маниго. — Право слово, вы вроде как считаете меня соучастником какого-то преступления. А потом, разве это не благо для самих язычников, когда им помогают расстаться с их идолами и пороками и открывают возможность познать истинного Бога и радость честного труда?

Этот довод застал Жоффрея де Пейрака врасплох. Взявшись рукой за подбородок, он некоторое время размышлял, покачивая головой.

— Я признаю, что ваша точка зрения имеет право на существование, хотя, на мой взгляд, она основана на богословской софистике. Лично мне она внушает отвращение. Может быть потому, что мне самому пришлось носить кандалы.

Он отвернул кружевные манжеты и показал загорелые запястья, изрезанные глубокими шрамами.

Не было ли это ошибкой с его стороны? Протестанты, слушавшие его в некотором замешательстве, пришли в себя, и лица их вновь обрели осуждающее выражение.

— Да, — продолжал Рескатор, словно смакуя эффект своего признания. — И я, и почти все члены моей команды были закованы в кандалы. Вот почему мы не любим работарговцев.

— Каторжник! — бросил Маниго. — И вы еще хотели, чтобы мы верили вам и вашим соратникам по галере?

— Разве плавание на королевских галерах так уж позорно в наш век? Вместе со мной в Марселе отбывали каторгу люди, единственным преступлением которых была приверженность к кальвинизму.

— Это совсем другое дело. Они страдали за веру.

— А по какому праву вы судите меня, ничего не зная про вынесенный мне несправедливый приговор?!

Мерсело язвительно засмеялся.

— Вы скоро заставите нас поверить, что марсельская тюрьма и королевские галеры заполнены не убийцами, бандитами и разбойниками с большой дороги, что совершенно естественно, а ни в чем не повинными людьми.

— Кто знает? Может быть, это вполне соответствовало бы нормам приходящего в упадок Старого Света. Увы, «есть зло, которое я видел под солнцем, — это как бы погрешность, происходящая от властелина: невежество поставляется на большой высоте, а богатые сидят низко. Видел я рабов на конях, и князей, ходящих, подобно рабам, пешком». Это ведь строки из священного Писания, господи.

Жестом пророка он театрально воздел вверх свой перст, и тут Анжелика все поняла.

Рескатор разыгрывал комедию. Ведя этот более чем странный диалог, он отнюдь не стремился объяснить со своими противниками или же склонить их на свою сторону в иллюзорной надежде привести их к признанию заблуждений. Анжелика понимала, что это было бы бесполезно, и с некоторой досадой следила за этим словесным турниром, казавшимся ей совершенно неуместным в такой момент. Зная, как

протестанты любят схоластические дебаты, он под благоприятным предлогом втянул их в спор о совести. Все его сложные аргументы и странные вопросы просто отвлекали их внимание.

«Он пытается выиграть время, — сказала она себе, — но на что он надеется, чего ждет? Все преданные ему люди заперты в трюме, любой, кто попытается выбраться, будет безжалостно убит».

Выстрел мушкета, раздавшийся на палубе, подтвердил ее предположение.

Неужели у Берна, терзаемого страстью к Анжелике, так обострилась интуиция, что он угадал ее мысли?

— Друзья! — закричал он. — Будьте начеку! Этот демон в человеческом облике хочет усыпить нашу бдительность. В надежде на помощь своих приспешников он старается пустой болтовней оттянуть наш приговор.

Ларошельцы со всех сторон обступили Рескатора, но никто не решался поднять руку, чтобы связать его.

— Не пытайтесь больше обманывать нас, — пригрозил Маниго. — Надеяться вам просто не на что. Наши люди, которые были включены вами в состав команды, передали нам подробный план корабля, а мэтр Берн, когда его, как вы помните, заковали в кандалы, смог сам установить, что воздух в его камеру поступал через якорный клюз, который соединен со снарядным погребом. Теперь мы контролируем доступ туда и сможем сражаться даже в трюмах, так как в наших руках находятся почти все боеприпасы.

Рескатор невозмутимо произнес:

— С чем вас и поздравляю!

Барский тон и почти неприкрытая ирония его реплики возмутили и встревожили протестантов.

— Я признаю, что в настоящий момент сила в ваших руках: Но подчеркиваю: «в настоящий момент», поскольку у меня под ногами, в трюме, сейчас находятся пятьдесят верных мне людей. Да, вам удалось захватить их врасплох, но не думайте, что они будут безропотно ждать, пока вы соизволите выпустить их из клетки.

— Когда они узнают, что им некому больше служить и некого бояться, — угрожающе произнес Габриэль Берн, — я уверен, что большинство присоединится к нам. Ну, а те, кто навечно сохранит вам верность... тем хуже для них!

Анжелика могла возненавидеть его только за одну эту фразу.

Габриэль Берн желал смерти Жоффрея де Пейрака, но того, видимо,

это ничуть не волновало.

— К тому же, господа, не забывайте, что отсюда до Антильских островов не менее двух недель трудного пути.

Раздраженный таким назидательным тоном противника, Маниго помимо своей воли пустился в объяснения:

— Мы не настолько опрометчивы, чтобы плыть туда без захода в тот или иной порт. Мы направимся к побережью и через два дня будем в Сако или Бостоне.

— Если только позволит Флоридское течение.

— Флоридское течение?

В этот момент Анжелика посмотрела в сторону полубака и перестала следить за разговором. Там происходило нечто странное. Сначала ей показалось, что сгустился туман. Теперь же сомнения исчезли: это был дым, такой густой, что стали неразличимы даже разрушения на палубе. И тут Анжелика закричала, указывая рукой в сторону твиндека, где находились женщины и дети: через дверь и из-под настила просачивался белый дым. Значит, огонь загорелся где-то внутри.

— Пожар! Пожар!

Все сразу же посмотрели в том направлении, куда она показывала.

— Огонь между палубами, — определил Рескатор. — Разве вы не увели оттуда женщин и детей?

— Нет, — сказал Маниго, — мы им приказали спокойно оставаться на месте до конца операции. Но почему они не выходят, если там пожар?

И он закричал во всю мочь:

— Выходите! Пожар!.. Выходите!

— А вдруг они уже задохнулись! — вскричал Берн и бросился вперед вместе с Мерсело.

Пожар отвлек внимание от пленника. Тот вдруг прыгнул легко и бесшумно, как тигр. Раздался хриплый стон. Матрос-испанец, охранявший дверь в каюту, рухнул наземь. Горло его проткнул кинжал, молниеносно выдернутый Рескатором из ботфорта.

Обернувшись, гугеноты увидели распростертое тело. Теперь, когда Рескатор завладел оружием и заперся в каюте, взять его было непросто.

Маниго сжал кулаки, понимая, что его провели.

— Будь он проклят! Но ничего, он свое получит. Вы останетесь здесь, — приказал он двум вооруженным матросам, подбежавшим к каюте. Займемся им, когда потушим пожар, ему от нас не ускользнуть. Следите за каютой и живым не выпускайте.

Анжелика не услышала последних слов. Все ее мысли были об Онорине, которой угрожал огонь, и она уже бежала к ней на помощь.

Здесь ничего не было видно даже в двух шагах. Задыхаясь от дыма, Берн и Мерсело пытались выломать дверь, закрытую на засов изнутри.

С помощью топора им это наконец удалось.

Шатаясь, прижимая руки к глазам, начали выходить люди, раздавался плач, крики, кашель, чихание. Анжелика двигалась вслепую. В густом дыму барахтались невидимые существа, чьи-то руки хватались за нее. Она подняла нескольких упавших детей и вынесла их на палубу. Машинально она отметила про себя, что не ощущает никакого угара. Пощипывало глаза, першило в горле, но серьезного недомогания не было. Вокруг слышались сдавленные голоса.

— Сара? Женни? Где вы?

— Это ты?

— Вам плохо?

— Нет, но мы не могли открыть ни дверь, ни люки.

— У меня болит горло.

— Берн, Каррер, Дарри, за мной! Надо найти очаг пожара.

— Но ведь никакого пожара нет...

Неожиданно Анжелика вспомнила ночной пожар на Кандии, шебеку Рескатора в облаке желтоватого дыма и крик Савари:

— Что там за облако на воде? Что это?

Анжелика буквально ощупывала палубу, продолжая искать Онорину. Правда, ее опасения уменьшились. Ведь огня не было. Как только она не догадалась раньше, что все было подстроено ее супругом, Рескатором. Недаром научные эксперименты этого графа-ученого повсюду вызывали подозрения и страх.

— Откройте орудийные люки, — раздалась чья-то команда.

Приказ был немедленно выполнен, но несмотря на приток свежего воздуха, необычный дым рассеивался крайне медленно, как бы приликая к предметам и стенам.

Наконец Анжелика отыскала пушку, рядом с которой во время плавания находились ее постель и гамак Онорины. Гамак был пуст. Продолжая поиски, она задела женщину, которая, закрыв руками лицо, пробиралась к открытому люку подышать воздухом. Это оказалась Абигель.

— Абигель, вы не знаете, где моя дочь?

Не успев ответить, та закашлялась, и Анжелика подвела ее к люку.

— Не бойтесь, по-моему, это не опасно, только неприятно. Вы не знаете, где моя девочка?

Чуть отдышавшись, девушка ответила, что и она пыталась искать Онорину.

— Я решила, что матрос-сицилиец, который за ней присматривал, куда-то увел ее перед тем, как появился дым. Я видела, как он поднимался по трапу и что-то нес на руках, возможно, ее. Конечно, надо было проверить... Ради Бога, простите, но мы все так разволновались, заговорились, и я недоглядела. Надеюсь, ничего плохого не случилось. Мне казалось, что этот сицилиец очень предан ей.

Она снова закашлялась и вытерла покрасневшие, слезящиеся глаза. Густой дым постепенно рассеивался, как летний утренний туман под лучами солнца. Все вокруг просветлело. Никаких следов огня, обгоревшего дерева...

— Я думала, вы утонули, госпожа Анжелика, погибли в этой страшной буре. С каким бесстрашием вы пошли за помощью этой ночью! Когда пришли плотники, мэтр Мерсело был уже почти без сознания. Нас заливали волны, но все помогали плотникам, и они не подкачали.

— А утром ваши их убили, — с горечью сказала Анжелика.

— Но что же случилось? — испуганно спросила Абигель. — Ночью мы так устали, что крепко заснули, а пробудившись, увидели всех наших мужчин при оружии. Мой отец с жаром доказывал Маниго, что их замысел безумен.

— Так вот, они захватили корабль, убили вахтенных на палубе, а тех, кто отдыхал в трюме, закрыли. Это ужасно!

— А монсеньор Рескатор?

Анжелика в отчаянии опустила руки. У нее уже не было сил думать об участии Жоффрея и Онорины, о том, как найти выход из этой катастрофической ситуации.

В стремительном вихре событий она почувствовала себя совсем беспомощной.

— Я не знаю, что делать, когда люди впадают в безумие, — сказала Анжелика, растерянно глядя на Абигель. — Совсем не знаю, как мне быть.

— Мне кажется, вам не следует тревожиться относительно вашей дочери, — успокаивала ее Абигель. — Ночью Рескатор давал какие-то распоряжения сицилийцу, чтобы тот о ней позаботился, как если бы Онорина была его собственной дочкой. Не из-за вас ли он так привязан к ней? Ведь Рескатор вас любит, не правда ли?

— Ах, сейчас самое подходящее время говорить о любви! —

воскликнула Анжелика, обхватив лицо ладонями.

Но растерянность Анжелики длилась недолго.

— Вы говорите, он приходил ночью?

— Да... Мы буквально вцепились в него с криками «Спасите нас!», а он... как бы объяснить?.. По-моему, он засмеялся; и сразу же страх исчез. Мы поняли, что и на этот раз не погибнем. Он сказал: «Сударыни, эта буря вас не съест, она совсем маленькая и у нее плохой аппетит», после чего наш испуг показался нам смешным. Он следил за работой плотников и давал им указания, а затем...

«А затем он пришел ко мне, — подумала Анжелика, — и заключил меня в свои объятия. Нет, я не поддамся отчаянию. Судьба вернула меня ему, и теперь я должна преодолеть любые трудности борьбы. Это последнее испытание!» — убеждал ее внутренний голос. — «Судьба против нашей любви, может быть потому, что она слишком прекрасна, слишком огромна и сильна. Но судьбу можно побороть, как говорил Осман Ферраджи».

Лицо ее приняло жесткое выражение. Решительно выпрямившись, Анжелика сказала Абигель:

— Нам надо торопиться.

Они быстро пошли к выходу, перешагивая через соломенные тюфяки и другие беспорядочно разбросанные вещи. Дым почти полностью рассеялся, оставался лишь едкий запах.

— Откуда появились эти клубы?

— Как будто сразу отовсюду. Вначале мне казалось, что я засыпаю или теряю сознание, — рассказывала Абигель. — Помню, что вдруг появился врач-араб с громадной бутылкой из черного стекла. Она была такая тяжелая, что он нес ее, согнувшись. Тогда я подумала, что это сон, но, может быть, так оно и было на самом деле?

— И я видела... и я, — раздались голоса...

Выйдя на палубу, женщины и дети оживились. Они были немного не в себе, но не казались больными. Многие из них действительно заметили внезапное появление арабского врача Абд-эль-Мешрата из пелены наползавшего на них тумана.

— Но как же он смог войти и, главное, выйти? Это какое-то колдовство!

При этом слове все в ужасе переглянулись. Затаенный страх, не покидавший их с самого начала плавания, получал реальное подтверждение.

Маниго потряс кулаком в сторону стеклянной двери на полубаке.

— Колдун! Пытаясь ускользнуть от наказания, он осмелился посягнуть на наших детей.

Возмущению Анжелики не было предела.

— Глупцы! — вскричала она. — Вот уже пятнадцать лет темные люди бросают ему в лицо все те же обвинения: «Чародей!», «Колдун!» и прочий вздор. Какой вам прок от вашей веры и наставлений ваших пасторов, если вы остаетесь столь же ограниченными, что и презируемые вами невежественные крестьяне-католики! «Доколе глупцы будут ненавидеть знание...» Без конца читая Библию, вы когда-нибудь задумывались над этими словами священной книги? Доколе люди будут ненавидеть тех, кто выше их, кто видит дальше других, кто бесстрашно познает окружающий мир?.. Какой смысл стремиться к новой земле, когда к подошвам ваших сапог прилипла вся грязь предрассудков, вся пыль Старого Света?..

Ее не пугала их враждебность. Страх был преодолен. Анжелика чувствовала, что только она может взять на себя роль посредницы в этой схватке.

— Неужели вы всерьез верите, господин Маниго, что было какое-то колдовство? Нет? Тогда зачем же вы пытаетесь с помощью лживого предложения будоражить простых, пугливых людей? Смотрите, пастор, — обратилась она к старому пастору, который все это время хранил молчание. — Куда исчез тот дух справедливости, коим ваша паства всегда гордилась в Ла-Рошели, когда все жили в достатке и уюте? Теперь их действиями управляют алчность, зависть и самая низкая злоба. Ведь вы пошли на этот бунт только из-за денег, господин Маниго. Вы боялись, что из-за расходов на переезд может не хватить средств для жизни на островах. И вдруг такой соблазн, возможность овладеть этим замечательным кораблем! Тогда вы находите удобное оправдание: мол, поживиться за счет людей, объявленных вне закона, дело вполне богоугодное.

— Я и сейчас так считаю. Кроме того, люди вне закона способны на все, и мне казались подозрительными их намерения. Я знаю, пастор, что вы не одобряете нас. Вы советовали нам терпеливо ждать. Но ждать чего? И как мы будем защищаться, когда нас высадят на пустынном побережье без всякого имущества и оружия? Я слышал много рассказов о несчастных людях, проданных капитанами кораблей хозяевам колонизируемых земель. Мы боремся именно за то, чтобы избежать их участи. К тому же мы боремся с отступником, безнравственным, ни во что не верящим человеком. Мне говорили, он был тайным советником константинопольского султана. Как и эти нечестивцы, он скрытен и жесток. Разве он только что не попытался погубить таким ужасным

способом невинных женщин и детей?

— Он просто нашел средство отвлечь ваше внимание в момент, когда его жизнь оказалась под угрозой. Хитрость — вполне законное оружие.

— Несчастливая! Выкурить, как каких-то крыс, наши семьи! Разве такая уловка не характеризует его как человека, способного на любую жестокость?

— Но, судя по физиономиям пострадавших, уловка оказалась вполне безобидной.

— Но как же он смог одним взглядом зажечь огонь? — спросил один из крестьян из местечка Сен-Морис. — Он разговаривал с нами там, на корме, и вдруг появился дым. Ну не колдовство ли это?

Маниго передернул плечами.

— Дурья голова, — проворчал он, — все достаточно просто — у него были сообщники, о которых мы не догадывались. Этот старый арабский врач, вроде бы прикованный болезнью к своей койке, а возможно, и сицилиец. Я думаю, что Рескатор нарочно оставил его дежурить на ночь, так как что-то подозревал. Он должен был вовремя предостеречь хозяина, но, к счастью, мы его опередили. Должно быть, и с доктором-арабом был заранее намечен план действий на тот случай, если возникнут трудности. Вы говорите, что этот трижды проклятый сын Магомета нес с собой бутылку из черного стекла?

— Да! Да!.. Мы видели ее! Но мы подумали, что это нам просто приснилось.

— Что за отравка там была?

— А я знаю, — вмешалась тетушка Анна, — нашатырный спирт. Он безвреден, но оказывает раздражающее воздействие и при испарении образует белый дым, который может вызвать панику из-за своего сходства с дымом пожара.

Она слабо кашлянула и вытерла глаза, покрасневшие от «безвредного нашатыря».

— Вы слышите, что она говорит? Слышите? — громко воскликнула Анжелика.

Однако бунтовщики не захотели прислушаться к тихому, но убедительному голосу тетушки. Ее объяснение не успокоило, а усилило их гнев. Ведь они считали себя хозяевами положения, а Рескатор вновь обманул их, прибегнув к дьявольской уловке. Они неосторожно дали себя вовлечь в бесплодную продолжительную дискуссию. Между тем, время работало на него, так как его сообщники получили возможность подготовить видимость пожара. Возникла паника, чем и воспользовался

Рескатор, чтобы ускользнуть от них.

— Почему только мы не прикончили его? — негодовал Берн.

— Если вы тронете хоть один волос на его голове, — сжав зубы произнесла Анжелика, — если вы посмеете...

— И что тогда? — оборвал ее Маниго. — Власть в наших руках, мадам, и если вы явно перейдете на сторону противника, нам придется вас обезвредить.

— Посмейте только поднять на меня руку! — иступленно закричала молодая женщина. — Только посмейте! Тогда сами увидите...

На это они решиться не могли. Они пытались запугать ее угрозами. Им очень хотелось сломить ее и, главное, заставить замолчать, так как каждое ее слово жалило их, как стрела, но грубо обойтись с Анжеликой они не могли. Это было бы кощунством, хотя никто из них не смог бы объяснить почему.

Используя последние остатки своего влияния, Анжелика произнесла:

— Надо подняться наверх! Надо во что бы то ни стало переговорить с ним.

Они почти покорно последовали за ней. Проходя вдоль борта, все посмотрели на море. Поредевший туман отступил от корабля, сомкнувшись на некотором расстоянии от него в кольцо цвета серы. Море оставалось мягким и ласковым, и израненный «Голдсборо» плавно скользил по его поверхности. Можно было подумать, что стихия давала людям время уладить свои раздоры.

«Но если начнется новая заваруха, — подумал вдруг Маниго, — то как быть с людьми из трюма? Чтобы сразу же привлечь их на свою сторону, мы должны нейтрализовать Рескатора... Заставить их поверить, что он мертв. Иначе их не возьмешь. Пока они считают его живым, они будут ждать чуда... Пока считают его живым!..»

Глава 2

Картина, открывшаяся им на корме, чуть не вызвала у Анжелики обморок. Нарушив приказ Маниго, мятежники-испанцы, охранявшие каюту Рескатора, выбили окна и дверь. Набравшись храбрости взбунтоваться против грозного хозяина, они собирались захватить его и заполучить все драгоценности.

Самым активным из них был Хуан Фернандес, который по приказу Рескатора был как-то привязан к бушприту за неповиновение. Он также инстинктивно чувствовал, что пока хозяин жив, победа может перейти на его сторону. И тогда горе мятежникам! Гнущаяся рея под тяжестью повешенных...

Готовые к отпору матросы вошли внутрь, держа наготове мушкеты и ножи.

В салоне было пусто!

От изумления они и думать перестали о возможности пожить. Но напрасно они передвигали и опрокидывали мебель. Где же прятался их грозный противник? Не мог же он растаять, как дым из медных каминов инков. Маниго разразился проклятиями и стал пинать сапогом проштрафившихся.

Гнусая, матросы-испанцы пустились в оправдательные объяснения. Когда мы вошли, утверждали они, никого уже не было. Не превратился ли он в крысу? От такого человека можно ожидать все, что угодно...

Поиски возобновились. Мерсело открыл выходившие на корму окна, через которые Анжелика любовалась закатом солнца в тот восхитительный вечерний час, когда они уходили из Ла-Рошели. Скоп под кормой, пенные волны... Он не мог сбежать с этой стороны, да и окна снаружи плотно не закрывались.

Разгадка нашлась в смежной каюте. Там, под отвернутым ковром, они увидели крышку люка. Они молча переглянулись. Маниго еле сдерживался, чтобы не разразиться руганью.

— Мы еще не знаем всех сюрпризов этого корабля, — сказал подошедший к ним Ле Галь. — Он создан по образу и подобию того, кто его строил.

В голосе его звучали горечь и тревога. Анжелика решила перейти в наступление.

— Вот видите! Вы лгали самим себе, обвиняя Рескатора в пиратстве. В

глубине души вы никогда не сомневались, что этот корабль — его детище и по праву принадлежит ему. Теперь вам понятно, что у вас были все шансы договориться с ним. Я уверена, что он не желает вам зла. Сдайтесь, пока ваше положение не стало непоправимым!

...Анжелике следовало помнить, что ларошельцы весьма щепетильны в вопросах чести. Ее предложение было обречено.

— Сдаться... нам?! — дружно вскричали они и демонстративно повернулись к ней спиной.

— Да вы глупее устриц, прилепившихся к скале! — в отчаянии воскликнула она.

Жоффрей был пока недосыгаем для них. В завязавшейся игре она завоевала очко в свою пользу. А они? С разными мыслями они смотрели на крышку люка, встроенную в настил из дорогого дерева. Мерсело решил потянуть за кольцо, и к их удивлению крышка легко поднялась. Под ней оказалась веревочная лестница, спускавшаяся в темноту.

— Он забыл завинтить болты, — удовлетворенно констатировал Маниго. — Сейчас мы воспользуемся этим люком. Все остальные надо закрыть.

— Пойду разведу, куда ведет этот люк, — сказал один из протестантов.

Прицепив к поясу зажженный фонарь, он стал спускаться вниз. Это был молодой булочник Ромэн, который в то памятное утро не побоялся покинуть Ла-Рошель со свежеспеченным хлебом и булочками вместо багажа.

Он был уже на половине спуска, когда внизу прогремел выстрел, а затем раздался стук упавшего тела.

— Ромэн!

Ответа не последовало, как не было и отголосков стога. Берн вызвался сам спуститься вниз по веревочной лестнице, но Маниго удержал его.

— Закройте люк, — распорядился он.

Все стояли в оцепенении, и тогда он сам ногой закрыл крышку и задвинул защелку.

Только теперь они стали осознавать, что война между палубой и трюмами началась на самом деле.

«Я должна была удержать Ромэна. Я должна была помнить, что Жоффрей никогда ничего не забывает, что все его жесты и действия всегда основываются на точном расчете и исключают любую случайность или небрежность. Он специально оставил этот люк открытым, чтобы

произошло это несчастье. Только безумцы могут пытаться меряться с ним силой. А они не хотят меня слушать».

Пройдя на палубу растерзанного «Голдсборо», как ни в чем не бывало качавшегося на тихих волнах, она увидела мятежных матросов-испанцев, которые выкрикивали угрозы и размахивали ножами в погоне за маленьким человечком в белой джеллабе. Преследуемый бежал к трапу, пытаясь ускользнуть от разъяренной своры.

— Это он! Это он! — закричали в толпе. — Сообщник! Турок! Сарацин! Он хотел удушить наших детей!

Старый врач-араб остановился. Он повернулся лицом к неверным — одетым в черное протестантам и испанцам — извечным врагам ислама. Прекрасная смерть для сына Магомета.

Он упал под ударами. Протестанты остановились, но испанцы, взбудораженные запахом крови и извечной ненавистью к маврам, вошли в раж. Анжелика бросилась к нападающим.

— Остановитесь, вы, трусы! Он же старик!..

Один из испанцев ударил Анжелику ножом, который, к счастью, только разрезал рукав платья и оцарапал ей руку. Увидев это, Габриэль Берн бросился на выручку. Он сбил с ног испанца рукояткой пистолета и вынудил остальных отступить.

Опустившись на колени, Анжелика приподняла полуразбитую окровавленную голову старого ученого и сказала по-арабски:

— Эфенди, о эфенди! Не умирайте. Ваша родина так далеко. Вы должны увидеть Мекнес и его розы... Золотой город Фес... помните?

С усилием приподняв одно веко, старик иронически посмотрел на Анжелику и прошептал по-французски:

— Мне не до роз, дитя мое, я уже в пути к неземным берегам. Неважно, где они, здесь или там. Разве не сказано у Магомета: «Черпай знания из всякого источника»...

Анжелика хотела поднять его, чтобы перенести в каюту Рескатора, но увидела, что он уже мертв. Она разразилась рыданиями.

«Он был его другом, в этом я уверена. Подобно тому, как Осман Ферраджи был моим. Он исцелил и спас его. Без него Жоффрей был бы мертв. А они убили его».

Она более не знала, кого любить и кого ненавидеть. Ни один человек не заслуживает прощения. Теперь она понимала, как справедлив гнев Божий, пожары и наводнения, посылаемые им в наказание неблагодарному роду людскому.

Когда Анжелика нашла наконец Онорину, та смиренно сидела рядом с сицилийцем, который лежал у ее ног и казался спящим. Он тоже был сражен смертельным ударом. На его лохматой голове зияла кровавая рана.

— Они сделали очень больно Колючему Каштану, — произнесла Онорина.

Девочка не сказала: «Они его убили», но ребенок, чье первое слово было «кровь», понимал, что означает ледяной сон ее друга.

Видимо, Анжелике не было суждено оградить дочь от жестокостей этого мира.

— Какое красивое у тебя платье! — сказала Онорина. — А что нарисовано внизу? Это цветы?

Анжелика обняла ее. В эту минуту ей хотелось оказаться наедине с дочерью где-нибудь далеко отсюда. Какое счастливое было время, когда они могли убежать в лес, гулять по зеленым тропинкам.

Но отсюда убежать было некуда. Можно было лишь ходить по кругу на этом несчастном корабле, который скоро, если ничто не изменится, заполнится трупами и пропитается кровью.

— Так, мама, это цветы?

— Да, это цветы...

— У тебя платье темно-синее, как море. Значит, это морские цветы. Их можно увидеть глубоко под водой?

— Да, там их можно увидеть, — машинально подтвердила Анжелика.

Остаток дня прошел более спокойно. Корабль послушно скользил по поверхности моря. Матросы, запертые в трюме вместе с Рескатором, не подавали признаков жизни. Такое затишье должно было насторожить мятежников, но те, измученные ночной борьбой со стихией, поддались состоянию эйфории. Им хотелось верить, что воцарившееся на море и на корабле спокойствие будет продолжаться вечно, во всяком случае, до приезда на острова.

«Протестанты совершили это безумие, — рассуждала про себя Анжелика — под воздействием векового уклада их ларошельской жизни в замкнутой общине, подвергавшейся постоянной опасности. Все они с юных лет участвовали в тайной войне, и поэтому каждый знал свои и чужие недостатки и слабые места, свои и чужие достоинства, каждый умел эффективно использовать их. Вот почему им удалось, несмотря на малочисленность, захватить четырехсоттонный корабль с двадцатью пушками. Только вряд ли им удастся наладить дисциплину среди тех тридцати человек, которые присоединились к ним, предав Рескатора.

Иметь их сообщниками почти столь же опасно, что и врагами. Матросы уже поняли, что мятеж удался только благодаря им и поэтому рассчитывали быть первыми при дележе добычи...

Когда Берн убил их товарища, они поняли, что новые господа не позволят обвести себя вокруг пальца и, временно смирившись, стали послушно исполнять приказы. Теперь ларошельцам стало ясно, что за испанцами нужен глаз да глаз».

Женщины снова занялись хозяйственными делами вместе с детьми, которые помогали взрослым убирать мусор на палубе и чинить паруса. Воцарилось некоторое подобие мира.

Однако вечером снова раздались глухие мушкетные выстрелы. Подбежав к отсеку, где хранился запас пресной воды, ларошельцы нашли бочки продырявленными. Охранявший их часовой исчез. Питьевой воды осталось не больше, чем на два дня.

На рассвете «Голдсборо» подхватило Флоридское течение.

Глава 3

Они осознали это лишь несколько часов спустя. До Анжелики донеслись приближающиеся голоса ларошельцев.

— Поздравляю вас, Ле Галль, — сказал Маниго. — Вы тогда превосходно использовали единственный просвет в тумане. Но вы убеждены в правильности того, что говорите сейчас?

— Полностью убежден, сударь. Здесь не мог бы ошибиться и юнга, даже если бы вместо секстанта у него в руках был арбалет. Мы идем почти полдня курсом на запад при хорошем ветре, а оказались более чем на пятьдесят миль к северу! Я считаю, что все это из-за чертова течения, которое гонит нас, куда ему угодно, а мы не в состоянии его перебороть...

Маниго задумался, потирая нос. Они не смотрели друг на друга, но каждый вспомнил о парфянской стреле Рескатора: «Если только вы не наткнетесь на Флоридское течение...»

— Вы уверены, что во время ночной вахты, по неведению или злему умыслу, ваш рулевой не изменил курс корабля на север?

— Я сам стоял у руля, — раздраженно ответил Ле Галль, — а утром меня сменил Бреаж. Я уже говорил об этом вам и мэтру Берну.

Маниго откашлялся.

— Да, хочу сообщить вам, Ле Галль, мы обсуждали с мэтром Берном, обоими пасторами и другими членами нашего штаба вопрос о необходимости что-то предпринять в связи с нехваткой питьевой воды. Ситуация настолько серьезна, что мы хотим посоветоваться, выяснить мнение наших женщин насчет возможных решений.

Стоявшая в стороне Анжелика вдруг с радостью услышала, как мадам Маниго громогласно излагает ее собственные мысли:

— Наше мнение? Оно вас совершенно не интересовало, когда вы решили пустить в ход оружие и захватили корабль. Тогда вы попросили нас сидеть смирно при любых обстоятельствах. А вот теперь, когда фортуна отвернулась от вас, вы просите нас пораскинуть нашими слабыми мозгами. Знаю я вас, мужчин, вы только так и проворачиваете свои дела. Вы всегда поступаете только по-своему, но, к счастью, я не раз успевала вовремя исправить ваши глупости.

— Как же так, Сара! — с притворным изумлением запротестовал Маниго. — Разве не вы пытались неоднократно убедить меня в том, что Рескатор вовсе не собирается доставить нас к месту назначения? При этом

вы ссылались на свою интуицию. Теперь же вы заявляете, что не одобряете захвата «Голдсборо».

— Именно так, — твердо сказала Сара Маниго, нисколько не смущаясь своей непоследовательности.

— Не означает ли это, что вы предпочли бы оказаться в роли девицы, проданной для развлечения квебекских колонистов? — прорычал судовладелец, смерив супругу уничтожающим взглядом.

— А почему бы и нет? Такая участь не хуже того, что ожидает нас из-за ваших дурацких экспромтов.

В спор раздраженно вмешался адвокат Каррер.

— Сейчас не время для супружеских сцен или сомнительных остроумий. Мы пришли к вам, женщины, чтобы принять решение всей общиной, в соответствии с той традицией, которая существует у нас с самого начала реформации. Что нам делать?

— Сначала надо починить разбитую дверь, — сказала мадам Каррер. — Мы оказались под сквозняком, и дети уже простужаются.

— Вот они, женщины, с их пустячными заботами. Эту дверь не будут чинить! — закричал снова вышедший из себя Маниго. — Сколько раз ее уже ломали — два или три... Такова уж ее участь. Нечего больше с ней возиться, время не ждет. Нам остается всего два дня, чтобы высадиться на берег, иначе...

— На какой берег?

— Вот в этом-то и загвоздка! Мы не знаем, ни где ближайшая земля, ни куда нас несет течение, приближает оно нас или удаляет от населенных мест, где можно было бы высадиться и раздобыть воду и провизию. В общем, нам неизвестно, где мы находимся, — заключил Маниго.

Наступило тяжелое молчание.

— К тому же, — добавил он, — существует опасность со стороны Рескатора и его команды.

Чтобы ускорить события, я хотел было выкурить их, бросая вниз тлеющие просмоленные щепки. Этот способ применяют для усмирения черных бунтовщиков на кораблях работорговцев. Но поступать так с людьми нашей расы было бы недостойно, хотя они использовали против нас схожий прием.

— Скажите лучше, что они могут открыть достаточное количество бортовых люков, чтобы свести на нет ваше выкуривание, — сердито возразила Анжелика.

— Может быть, и так, — вынужден был согласиться Маниго. Он украдкой посмотрел на нее, и она почувствовала, что он обрадовался ее

появлению среди них и готовности высказывать здравые суждения.

— Кроме того, — продолжал судовладелец, — люди, укрывающиеся в трюмах, имеют какое-то оружие и боеприпасы. Конечно, не в таком количестве, чтобы атаковать нас в открытом бою, но этого им вполне хватит, чтобы не допустить нас в трюм. Спустившись в клюз, мы попытались просверлить переборку, но за ней оказалась прокладка из бронзовых листов.

— Установленная на случай бунта, — съязвила Анжелика.

— Конечно, мы могли бы попытаться разбить перегородку картечью, но корабль так сильно пострадал от недавнего шторма, что любое новое повреждение может отправить его на дно вместе со всеми нами. Надо не забывать, что теперь корабль наш.

Он бросил уничтожающий взгляд на Анжелику и добавил:

— Господин Рескатор сейчас, как медведь в берлоге, сидит без воды и провизии, в положении, никак не лучше нашего. Он и его люди умрут от жажды раньше нас. Это яснее ясного.

Окружающие его женщины с сомнением покачали головами. Им было ясно отнюдь не все. Море было спокойно, и корабль уверенно шел к далекому, затянутому легкой дымкой горизонту. Женщины не могли определить, по какому курсу: к северу или югу. Они не видели и всех усилий рулевого преодолеть течение и выйти на нужное направление.

Дети пока пить не просили.

— Весьма вероятно, что они погибнут раньше нас, но это не утешение, — сказала тетушка Анна. — Я бы предпочла, чтобы спаслись все. Мне кажется, что господин Рескатор прекрасно ориентируется в этих неведомых для нас водах. В его команде должны быть лоцманы, которые смогут вывести корабль к нужному месту на побережье. Предлагаю вступить с ним в переговоры, чтобы получить необходимую помощь.

— Вы все сказали очень хорошо, тетушка, — воскликнул мэтр Берн с сияющим лицом. — Именно этого мы ожидали, зная вашу мудрость. Это решение заслуживает всеобщей поддержки. Следует понять, что речь идет не о капитуляции. Мы хотим предложить нашим противникам соглашение. Они доведут нас до каких-нибудь гостеприимных берегов, а мы возвратим им свободу.

— А вы вернете Рескатору корабль? — спросила Анжелика.

— Нет. Этот корабль завоеван нами силой оружия, и он нужен нам, чтобы попасть в Санто-Доминго. Поскольку Рескатор в нашей власти, для него совсем немало получить от нас жизнь и свободу.

— И вы воображаете, что он согласится?

— Да, согласится, потому что его участь связана с нашей судьбой. Я не могу не отдать должного Рескатору — он замечательный навигатор. Поэтому он не может не знать, что в настоящий момент корабль идет навстречу своей гибели. Как бы мы ни старались, нам не переложить его на западный курс. Если же мы продолжим движение на север, то наткнемся на мель или разобьемся о скалы у незнакомого нам побережья, где окажемся без продовольствия и без всякой надежды на помощь в условиях холода... Рескатору известно это, и он сообразит, в чем состоят интересы его и его людей.

Затем ларошельцы стали обсуждать, как вступить в переговоры с пиратом и кто первый примет на себя его гнев. Короткая расправа с бедным булочником была серьезным предостережением. Решили спуститься через тот самый клюз, откуда в самом начале мятежа протестанты проникли в оружейный погреб и оставили часовых. Предложение о переговорах можно было простучать через переборку с помощью морского кода. Ле Галль спустился вниз, но через час вернулся с довольно мрачным видом.

— Он требует женщин, — сказал он.

— Что?! — рявкнул Маниго.

Ле Галль вытер мокрое лицо. Внизу не хватало воздуха.

— Да нет, речь идет совсем о другом. Во-первых, я с трудом установил с ними контакт, а потом, когда стучишь деревяшкой по переборке, то не до нюансов. Рескатор согласен принять нашу делегацию при условии, что она будет составлена из женщин.

— Почему?

— Он говорит, что если появится кто-нибудь из нас или испанцев, он не сможет удержать своих людей от расправы. Он также требует, чтобы в число парламентаров вошла госпожа Анжелика.

Глава 4

Первой выдвинула свою кандидатуру мадам Маниго, но при ее солидных габаритах это было немыслимо, так как, согласно рекомендации Рескатора, дамы-парламентерши должны были пролезть в люк, а затем по веревочной лестнице добраться до его персональной каюты.

— Что за неуместные причуды позволяет себе этот тип, — ворчали ларошельцы.

Они сомневались в удачном исходе переговоров, так как не питали особого доверия к дипломатическим талантам своих женщин. Выручила мадам Каррер, сохранившая достаточную стройность, несмотря на многочисленное потомство. Эта маленькая жизнерадостная женщина, привыкшая командовать всем домом и прислугой, не должна была дать запугать себя и могла до конца выполнить свою миссию.

— Не идите ни на какие уступки, — напутствовал ее Маниго. — Жизнь и свобода — большего они от нас не получают.

Стоявшая в стороне Анжелика пожала плечами. Жоффрей никогда не согласится на эти условия. Ситуация казалась ей безвыходной. Жоффрей де Пейрак был, без сомнения, намного хитрее ларошельцев, но в упорстве они ему не уступали.

Абигель тоже изъявила желание идти. Маниго высказался против. Учитывая отрицательную позицию пастора в отношении мятежа, дочь его могла оказаться ненадежной. Затем он передумал, вспомнив, что Рескатор всегда уважительно обращался с девушкой. Возможно, он выслушает ее с пониманием. Что же касалось роли Анжелики, то в этот вопрос углубляться не стали. Никто не смог бы объяснить, почему ларошельцы именно с ней связывали свои надежды. И хотя ни одна из них в этом себе не признавалась, многим женщинам очень хотелось взять ее за руку и обратиться с мольбой спасти их, поскольку все они начинали осознавать ту опасность, которая сгущалась над «Голдсборо» из-за неопытности новоявленных мореходов.

Спустившись вниз, женщины сначала оказались в полной темноте, но вскоре в глубине бокового прохода они увидели маленький огонек. Пришел боцман Эриксон. Он провел женщин в довольно обширное помещение, где, по-видимому, расположились почти все члены осажденного экипажа.

Через открытые бортовые люки просачивался серый дневной свет. Матросы играли в карты и кости, покачивались в гамаках. Они встретили приход женщин спокойно, почти безразлично. Когда Анжелика увидела, как мало у них оружия, сердце у нее екнуло. Она поняла, что в рукопашной схватке люди Маниго не преминут взять верх.

Из-за открытой двери провизионного погреба до нее донесся голос графа де Пейрака. Сердце ее забило. Сколько веков прошло с тех пор, как она слышала голос Жоффрея? Чем он так мучил ее? Он прозвучал глуховато и жестко, но это был голос ее новой любви, и для нее он был неотразим. И как бы ни прекрасен был его прошлый голос, эхо его все больше уходило вдаль вместе с образом ее первой любви.

Этот новый человек с обветренным лицом, очерстевшим сердцем и посеребренными висками заполнил все ее мысли. Его хрипловатый от страсти голос был ее опорой в те сказочные мгновения нежности и страха, которые она испытала тогда после бури в короткую ночь их любви, казавшуюся ей теперь просто сном.

А его сухие руки патриция, так мастерски владеющие кинжалом, — это они тогда ласкали ее.

Этот человек, все еще чужой, был ее любовником, ее страстью, ее супругом.

Было что-то неприступное во всем облике Рескатора с его скрытым маской лицом. Учтиво поприветствовав трех дам, он, тем не менее, не пригласил их сесть, и сам остался стоять со скрещенными на груди руками, сразу же вызвав беспокойство у женщин. В углу небольшой каюты курил трубку Никола Перро.

— Ну что ж, сударыни, ваши мужья блистательно изображают воинов, но, как мне кажется, начинают сомневаться в своих навигационных способностях?

— Господин граф, — ответила славная госпожа Каррер, — мой муж — адвокат, и он не преуспел ни в том, ни в другом. Это мое мнение, но не исключено, что он его разделяет. В любом случае, они хорошо вооружены и полны решимости добраться до островов, и только туда. Поэтому было бы правильно договориться с учетом интересов обеих сторон.

Затем она, не тушуясь, изложила предложения Маниго.

Последовавшее молчание могло означать, что Рескатор с интересом обдумывает и взвешивает условия соглашения.

— Дать вам лоцмана для высадки на берег в обмен на жизнь мою и моего экипажа? — задумчиво повторил он. — Что ж, неплохая идея. Одно только не позволяет осуществить этот восхитительный план — берег,

вдоль которого мы плывем, совершенно неприступен. Его защищает великолепное Флоридское течение, которое всегда уносит вдаль смельчаков, мечтающих высадиться... Подводные скалы, чуть выступающие из волн, образуют сплошную смертельно опасную гряду. В общем, всего не перечислить. Надо пройти две тысячи восемьсот миль в лабиринте между скалами вместо двухсот восьмидесяти по прямой.

— Но всякий, даже самый неудобный берег должен иметь какие-то пристанища для высадки, — сказала Абигель, стараясь побороть дрожь в голосе.

— Это верно! Но их-то и надо знать!

— А вы их не знаете! Вы, казавшийся столь уверенным в правильности курса! Вы, предсказывавший появление земли за несколько дней, о чем мы узнавали от ваших матросов.

От волнения на щеках Абигель выступили красные пятна, но она настаивала с такой смелостью, какой Анжелика никогда раньше в ней не наблюдала.

— Так вы и впрямь не знаете эти места, граф? Так и не знаете?

На лице Рескатора мелькнула довольно мягкая улыбка.

— Не буду лукавить, милая барышня. Допустим, что я достаточно хорошо знаю берег, чтобы попытаться, подчеркиваю, попытаться благополучно пристать. Но неужели вы считаете меня таким идиотом, — тон его голоса изменился и стал жестким, — что я стану спасать вас и ваших людей после всего того, что вы мне сделали? Сдавайтесь, сдайте оружие, верните мне корабль. После этого я займусь его спасением, если будет не слишком поздно.

— Наша община имеет в виду не капитуляцию, — сказала госпожа Каррер, — а лишь возможность избежать гибели от жажды или при кораблекрушении. Пробив бочки с водой, вы вынесли приговор самим себе. Выход один — высадиться в любом месте, где можно подзаправиться... или умереть.

Рескатор поклонился.

— Мне импонирует ваша логика, госпожа Каррер.

Он снова улыбнулся и оглядел такие разные, но одинаково озабоченные лица трех женщин.

— Что ж, давайте умрем все вместе, — заключил он.

Он повернулся к окну, откуда доносился непрерывный грохот волн, бешено накатывающихся на корпус уносимого течением корабля.

Анжелика видела, как дрожат маленькие натруженные руки госпожи Каррер.

— Господин граф, как же вы можете хладнокровно согласиться...

— Мои люди идут на это.

Он продолжал, уже не глядя на них, возможно, потому, что у него не хватало на это смелости.

— Вы, христиане и христианки, взывающие к Богу и заявляющие о своей любви к нему, вы боитесь смерти. Что же касается меня и всех, кто близко знаком с исламом, мы не перестаем изумляться этому заложенному в вас страху. У меня совершенно иное видение вещей. Конечно, если бы все сводилось к тому, чтобы просто прожить эту жизнь, было бы трудно не впасть в уныние от монотонной череды дней и встреч. Но, к счастью, есть смерть, и есть потусторонняя жизнь, и она ждет нас, как увлекательное воплощение всех истин, воспринятых нами в земной юдоли.

Женщины слушали его в полном смятении, как если бы к ним обращался безумец.

Жена адвоката протянула к нему умоляюще сложенные руки.

— Сжальтесь! О, сжальтесь над моими одиннадцатью детьми!

Охваченный яростью Рескатор обернулся:

— Надо было думать об этом раньше. Вы не колеблясь сделали их заложниками последствий вашей безрассудной затеи. Тем самым вы заранее пошли на то, что им придется расплачиваться за ваше поражение. Сейчас уже поздно. Каждый выбирает сам... Вы хотите жить. А я предпочту сто раз умереть, чем уступить вашим угрозам. Это мое последнее слово. Передайте его вашим мужьям, вашим пасторам, вашим отцам и детям.

Госпожа Каррер и Абигель были настолько потрясены этой гневной тирадой, что Никола Перро пришлось сопровождать их, пока они уходили, опустив голову, почти ослепшие от слез.

Анжелика задержалась.

— Есть только два решения. Первое — сдаюсь я, второе — сдаются они. На первое можете не рассчитывать. Неужели и вы можете себе представить меня на веслах в лодке, дрожащего под прицелом мушкетов ваших друзей и гребущего к пустынному берегу с горсткой преданных людей? Вы ни в грош не ставите мою честь, сударыня. Значит, вы плохо знаете меня.

Она не сводила с него страстного взгляда, глубокого и зыбкого, как море, маленького светильника в полумраке каюты.

— О нет, я знаю вас, — вполголоса сказала Анжелика.

Протянув руки, она произвольным жестом положила их ему на

плечи.

— Чем больше я вас узнаю, тем больше вы меня пугаете. Иногда вы кажетесь немного сумасбродным, но по трезвости ума превосходите всех других. Вы всегда знаете, как поступать. Вы умеете с точным расчетом цитировать священное Писание. Вам удается выбрать тот самый момент, когда ваши сообщники слушаются только вас. Вы предусмотрели заранее все, даже то, что вас предадут. А когда вы стали говорить этим женщинам о потустороннем мире — разве вы не рассчитывали на что-то? Вы постоянно разыгрываете какую-то партию с определенной целью. Когда же вы искренни?

— Только когда вы в моих объятиях, красавица вы моя. Только тогда я сам не знаю, что делаю. За эту слабость я дорого заплатил. Помните, пятнадцать лет тому назад я поддался соблазну подольше остаться наедине с вами, моей неотразимой женой, и не успел вовремя скрыться от королевской полиции, прибывшей арестовать меня. То же самое произошло сегодня ночью, когда наша встреча снова притупила мою бдительность и ваши гугеноты успели осуществить свой коварный замысел, а я оказался в ловушке...

Продолжая говорить, он снял маску, и Анжелика с удивлением увидела его посветлевшее лицо: он даже улыбался, взгляд его стал ласков и горяч.

— Если вспомнить, сколько несчастий я претерпел из-за вас, трудно поверить, что я не держу на вас обиды. Но я не могу обижаться на вас.

Он наклонился к Анжелике, и у нее закружилась голова.

— Жоффрей, умоляю вас, вам нельзя недооценивать всю серьезность положения. Неужели вы допустите, чтоб все мы погибли?

— Раскрасавица вы моя, что за пустяки вас тревожат! Вот мне достаточно взглянуть на вас, чтобы забыть обо всех неприятностях.

— Но ведь вы согласились на переговоры.

— С единственной целью вызвать вас и вернуть в свое владение.

С неумной нежностью он обнял ее и привлек к себе, покрывая поцелуями ее лицо.

— Жоффрей, Жоффрей, прошу вас... Вы ведете какую-то опасную, непонятную игру.

— Неужели ее можно назвать комедией? — спросил он, еще сильнее прижимая ее к себе. — Не говорите только, сударыня, что вы ничего не знаете о силе воздействия вашей красоты на мужчину, стремящегося обладать вами.

Страсть его была непритворной. Она и сама теряла голову от жара его

трепетных губ, от запаха его дыхания, вновь ставшего родным, и это было не менее неожиданно, чем те сюрпризы, которые один за другим приносят близость с новым возлюбленным.

Мучившие ее сомнения рассеялись.

«И все же он меня любит. Это действительно так... Любит, он любит меня!»

— Я люблю тебя, ты же знаешь, — едва слышно шептал он, — я так скучаю по тебе с той ночи... Все произошло так быстро, ты была так встревожена... мне не терпелось снова увидеть тебя, чтобы убедиться... что то был не сон... что ты снова вся целиком принадлежишь мне... что ты больше не боишься меня.

Произнося эти слова, он непрерывно целовал ее волосы, ее виски.

— Почему ты сопротивляешься? Обними меня... Поцелуй меня... Поцелуй по-настоящему.

— У меня такая тяжесть на сердце, я не могу... О Жоффрей, ну что вы за человек? Разве сейчас время для любви?

— Если бы мне пришлось каждый раз откладывать любовь до того момента, пока исчезнут все опасности, то я просто бы забыл о ее прелестях. Мой удел — любовь в паузах между бурями, сражениями и предательствами, и, ей Богу, я вполне приспособился к этому острому соусу.

Намек мужа на его любовные похождения на Средиземном море и в других местах рассердил Анжелику. Приступ бешеной ревности мигом развеял недавнее ощущение сладостной нежности.

— Вы мужлан, господин де Пейрак, и прошу вас не смешивать меня с глупыми одалисками, которые ублажали вас в промежутках между сражениями. Отпустите меня!

Жоффрей расхохотался. Он решил вывести ее из себя, и это ему удалось. Анжелика еще больше разозлилась, когда сообразила, что он разыгрывает ее, используя слабое место всех женщин.

— Отпустите меня! Я не желаю больше вас видеть! Теперь я вижу, какое вы чудовище.

Она вырывалась с такой энергией, что он отпустил ее.

— Вы действительно столь же ограничены и непримиримы, как и ваши гугеноты.

— Мои гугеноты — не дети из церковного хора, и если бы не ваша провокация, мы бы не оказались в такой ситуации. Правда ли, что вы и не собирались везти их на острова?

— Да, правда.

Анжелика побледнела, губы ее задрожали, как у обиженного ребенка.

— Я поручилась за вас, а вы обманули меня. Это нехорошо.

— Разве у нас была конкретная договоренность о месте, куда я должен их привезти? Когда в Ла-Рошели вы пришли и стали умолять меня спасти их, разве вы верили, что я соглашусь взять на борт этих нищих еретиков ради удовольствия слушать их псалмы? Или ради ваших прекрасных глазок! Я не святой Павел — апостол милосердия...

Молодая женщина молча смотрела на него. Он продолжил более мягким тоном:

— Вы могли верить в это только потому, что идеализируете благородство мужчин. Я вовсе не образец или уже не образец рыцарства. Чтобы выжить, мне пришлось жестоко сражаться. Но не приписывайте мне и слишком черных замыслов. У меня и в мыслях не было «продавать» этих несчастных. Это плод их воображения. Я собирался сделать их колонистами на моих землях в Америке, где они могут разбогатеть гораздо быстрее и больше, чем на островах.

Анжелика повернулась к нему спиной и пошла к двери. Он преградил ей дорогу.

— Куда вы собрались?

— Я должна вернуться к ним.

— Для чего?

— Чтобы попытаться защитить их.

— Защитить? От кого же?

— От вас.

— Разве они не сильнее меня? И разве не они хозяева положения?

Она покачала головой.

— Нет. Я знаю, что их судьба в ваших руках. Вы всегда будете сильнее всех.

— А вы забыли, что они собирались посягнуть на мою жизнь? Вас это, видимо, волнует меньше, чем угроза их жизни?

Не думает ли он свести ее с ума, задавая столь больно бьющие вопросы? Внезапно он снова обнял ее.

— Анжелика, любовь моя, почему мы так далеки друг от друга? Почему нас все время что-то разделяет? Не потому ли, что ты не любишь меня? Поцелуй меня, поцелуй!.. Останься со мной!

— Отпустите, я не могу.

Граф де Пейрак нахмурился.

— Вот я и выяснил, что хотел... вы больше не любите меня. Мой голос противен вам, мое внимание вас пугает... В ту ночь ваши губы не отвечали

на мои поцелуи, вы были холодны, зажаты... Кто знает, не приняли ли вы на себя эту роль для того, чтобы дать возможность вашим друзьям осуществить свой план?

— Ваш домысел оскорбителен и смешон, — произнесла она дрожащим голосом. — Вспомните — вы сами не отпустили меня. Как же можете вы сомневаться в моей любви?

— Оставайтесь со мной. Это будет проверкой вашего чувства.

— Нет, не могу. Я должна быть наверху. Там дети...

Она почти без памяти убежала от него, сама не понимая почему.

Несмотря на колдовскую силу его присутствия, на испытываемое ею искушение раствориться в его объятиях, на ту боль, которую причиняли ей его упреки, для нее было невыносимо остаться с ним в момент, когда Онорине, всем детям, грозила смертельная опасность.

Ему было трудно осознать, что они, такие слабые и беззащитные, жили в ее сердце, стали частью ее существа. Их подстерегала гибель от жажды, от кораблекрушения. И никто не заслуживал так, как они, ее полного самопожертвования.

Сидя на палубе, Анжелика вспоминала, какие необыкновенно нежные слова он говорил ей накануне. Онорина пристроилась у нее на коленях; Лорье, Северина и белокурый Жереми расположились у ее ног. Одни дети играли и тихо смеялись, большинство сидели молча.

Они сгрудились вокруг нее, похожие на гусят, которые инстинктивно прячутся от грозы под материнским крылом. В каждом из них ей чудились Кантор, Флоримон. «Мама, надо уходить! Мама, спаси, защити меня...»

Перед глазами Анжелики возникло бледное, безжизненное лицо малютки Шарля-Анри...

Нет, к взрослым у нее теперь не было ни малейшего сострадания.

Они все стали ей безразличны, даже праведница Абигель, да и ее собственный супруг Жоффрей де Пейрак, которого она столько искала.

«Я начинаю понимать, что мы никогда не сможем быть вместе. Он слишком изменился. Или же он всегда был таким, только я не осознавала этого».

Итак, он предпочел скорее умереть, чем уступить. Он достаточно пожил, и его мало волнует, что вместе с ним погибнут и дети. Пусть так рассуждают мужчины, но не мы, женщины, несущие ответственность за эти маленькие жизни. Самое малое дитя наделено огромной любовью к жизни и чувствует ее цену. Никому не дано права лишать жизни невинное создание. Это самая великая ценность.

— Госпожа Маниго, — сказала она громко, — надо разыскать вашего мужа и попытаться убедить его смягчить условия, предъявленные Рескатору. Только не уверяйте меня, что вы боитесь, когда он поднимает голос. Это вам не в новинку. Ваш супруг должен понять, что Рескатор не уступит, пока ему не вернут корабль.

Госпожа Маниго ничего не ответила, но на глазах у нее выступили слезы.

— Я не могу просить мужа капитулировать, госпожа Анжелика. Это для него хуже смерти. Представьте, что Рескатор снова возьмет верх. Разве он пощадит его?

Они немного помолчали. Затем Анжелика вернулась к своей идее.

— Попробуйте, госпожа Маниго. Подумайте о детях. Потом и я попробую. Я готова спуститься в трюм, чтобы уговорить Рескатора пойти на уступки.

Жена судовладельца поднялась, тяжело вздохнув. После возвращения госпожи Каррер и Абигель штаб ларошельцев непрерывно заседал в рубке, обсуждая возможности высадки с учетом мнения наиболее сведущих моряков.

Между тем, экипажем овладевал страх. Анжелика расслышала обрывки фраз на испанском языке, из которых явствовало, что матросы собирались спустить на воду шлюп и сбежать с проклятого корабля.

Безумцы! Течение понесет их все в том же роковом русле. Их слабыми силами не выиграть схватки, в которой бессилён даже корабль...

Ничто не нарушило молчания пустыни туманов и льда, уготовившей гибель «Голдсборо».

Но вдруг среди призрачных теней, заполнивших палубу, блеснул луч надежды. К вскочившим на ноги женщинам подбежал запыхавшийся Мартиал.

— Рескатор согласен, согласен! Он сказал, что посылает лоцмана и еще трех человек, которые хорошо знают побережье. Они смогут вывести корабль из течения и причалить к берегу.

Глава 5

Первым вышел из люка Эриксон. Лицо коренастого коротышки было непроницаемым. Переваливаясь на низких ножках, он взобрался по лестнице на полуют.

Анжелика, окруженная несколькими женщинами, думала, что вслед за ним появится высокий силуэт ее мужа. Этого не произошло. На палубу вышел Никола Перро со своим индейцем, затем десяток матросов: англичане и трое мальтийцев. Один матрос пошел к Эриксону на корму, остальные вместе с бородатым канадцем присели возле шлюпа. Держались они уверенно, и направленные на них мушкеты, видимо, не очень их волновали. Никола Перро вытащил трубку и с независимым видом набил ее. Закурив, он огляделся вокруг.

— Если на парусах вам нужны дополнительные люди, — сказал он своим тягучим голосом, — то можно вызвать подмогу из трюмов.

— Нет, — резко ответил Маниго, с особой настороженностью следивший за ним. — «Мой» экипаж прекрасно управляется с этой работой.

— А кто будет переводить на испанский указания Эриксона марсовым?

Ответа не последовало.

— Ну, ладно! — вздохнул он, тряхнув трубкой с видом человека, с большой неохотой прерывающего свой отдых. — В таком случае беру это на себя. Я ничего не смыслю в морском деле, но говорю на всех диалектах побережья. Мне приказано не щадить себя, и, хотя мои таланты невелики, я готов.

Он приподнял свою меховую шапку и направился на корму. Назначив часовых для охраны мятежных матросов, Маниго последовал за ним. Тот факт, что Рескатор остался внизу, вызвал у гугенотов смешанное чувство облегчения и досады. Досады, так как его познания в навигации и практическое мастерство вселили бы в подавленных пассажиров уверенность, что и на этот раз он вызволит их из беды. Облегчения, потому что в его присутствии все испытывали страх. При нем даже у Маниго появлялось сомнение в успехе его затеи. Для контроля над ним не хватило бы и шести мушкетов. Зато присланные на подмогу его люди не должны были доставить особых хлопот. К тому же они выглядели усталыми и безразличными ко всему. Без сомнения, эти люди были готовы

пожертвовать своей частью добычи, лишь бы сойти на берег и избежать неминуемой гибели. Должно быть, они убедили непреклонного Рескатора согласиться на эту неожиданную для мятежников полукапитуляцию, чтобы не упустить последнюю возможность спастись.

— Надо уметь проявить твердость, — оживленно вещал адвокат Каррер, — этот спесивец капитулировал перед нашей позицией. Мы выиграли партию.

— Прошу вас, не вертите так своим пистолетом, — успокаивала его жена.

Зябка потеряв руки под шалью, она добавила:

— Если бы вы переговорили с ним с глазу на глаз, то поняли бы, что отнюдь не страх за свою жизнь и жизнь других вынудил этого человека прислать нам лощмана.

— А что же тогда?

Но женщины только пожали плечами — они и сами не знали. Серый туман пропитал сыростью волосы и одежду Анжелики, но она так же, как и другие, не хотела уходить в каюту, пока не увидит Эриксона за штурвалом. Однако маленький боцман, к которому сразу же приставили часовых, не проявлял особого рвения и, казалось, просто опирался на штурвал. Со стороны можно было подумать, что Эриксон не то спит, не то дремлет с открытыми глазами. В нескольких шагах от него с рупором погибшего капитана Язона стоял бородатый канадец с неизменной трубкой в зубах.

Прошло несколько часов, и тревога вновь охватила пассажиров. Корабль продолжал путь на север, но только с еще большей скоростью, так как Эриксон сразу же распорядился установить паруса по ветру.

У ларошельцев возникло подозрение, что коварный Рескатор прислал им его только для того, чтобы приблизить кораблекрушение.

— Неужели это возможно? — шепотом спросила Абигель Анжелику. — Вы верите в то, что он способен так поступить?

Анжелика решительно покачала головой, но в глубине души она засомневалась. Может ли она стать гарантом намерений любимого, которые ей, по существу, неизвестны. Ей очень хотелось верить человеку, которого она обожала. Но что она узнала о нем в прошлом? Жизнь не дала ей времени приобщиться к богатой, напряженной, разнообразной духовности мужа. Но ведь могло произойти и обратное — если бы у них сложилась совместная жизнь, то пришлось бы расстаться со многими иллюзиями и понять, что с годами мужчина и женщина, как бы ни были они близки, непрестанно, но тщетно ищут друг друга, словно в плотном морском тумане, и что в этом мире их союз — мираж. «Кто же ты, в чьем

взоре я пытаюсь найти свое счастье? И не остаюсь ли я сама непостижимой тайной для тебя?..»

Если верно, что Жоффрей задает себе те же вопросы и при всей своей замкнутости и внешней жесткости постоянно взывает к ней всем своим существом, тогда потеряно еще не все.

Они звали друг друга, протягивали друг другу руки сквозь седые клубы разлучавших их стойких туманов.

И всегда над ними висела опасность другой разлуки, стремительной, как это течение, которое сейчас с бешеной скоростью несло их корабль в неведомую даль.

«Нет, он не любит меня. Я так и не завладела его сердцем. Наверное, мне удалось возбудить в нем всего лишь поверхностную страсть. А этого слишком мало, чтобы он снизошел к моим мольбам, прислушался ко мне... Как ужасно ощущать себя бессильной, стоять перед ним с пустыми руками... и чувствовать, как он одинок, зная, что я была его женой».

Окружавшие ее женщины видели, как она шевелила губами и что-то шептала, машинально теребя пальцами свои светлые волосы, посеребренные жемчужными капельками воды. В их глазах она прочла немую мольбу.

— Ах! Вы бы лучше помолились, — нетерпеливо сказала Анжелика. — Причем именно сейчас, вместо того, чтобы ждать какого-то чуда от вашей несчастной попутчицы.

Опустившаяся ночь была наполнена глухим шумом волн, свистом ветра и боем сигнального колокола, в который звонили, преодолевая усталость, юнги Мартиал и Тома. Этот несмолкаемый звон наводил уныние.

«Как они наивны, эти люди, несмотря на их воинственный вид! Звонить в сигнальный колокол во время тумана надо на широтах Ла-Рошели, Бретани или Голландии, чтобы оповестить другие корабли, людей на суше, зажигающих маяки. Но здесь, в этой тишине, в колокол звонят только для нашего самоуспокоения, пытаюсь уверить, что мы не одни на целом свете...»

Казалось, звучит похоронный звон. Онорина прижалась к Анжелике, и ее широко раскрытые глаза напоминали матери ту ночь, когда она увела малютку в обледенелый лес, где рыскали волки и солдаты.

Она решительно поднялась.

«Я спущусь вниз... поговорю с ним. Должны же мы знать, что нас ждет!»

В этот момент прозвучал усиленный рупором голос Никола Перро и, посмотрев вверх, все увидели в сгустившейся тьме, как затрепетали и упали паруса, раздался треск, и корабль неистово закачался, как будто сопротивляясь трудному маневру. Команды следовали одна за другой, все матросы сбились с ног. Даже испанцы проявляли непривычную для них дисциплинированность.

Люди Рескатора, до сих пор безучастно сидевшие возле шлюпа, вскочили и стали внимательно следить за парусами. Они должны были прийти на помощь в трудную минуту, но, видя, что новички вполне справляются без них, не стали вмешиваться. Наблюдая за действиями команды, они жестами выражали свое одобрение. Один из них зажег огнем фонарь и стал что-то напевать, другой принялся жевать табак.

— Мне кажется, что наши парни не такие уж плохие моряки, — сказала госпожа Маниго, уловив реакцию людей Рескатора. — Похоже, что наши пленники готовы поставить им хорошую отметку. Мэтр Каррер, а что, если бы они разбежались по вантам? Было бы интересно посмотреть, как вы будете ловить их, вы, любитель порассуждать о маневрах корабля, ни разу не притронувшись ни к парусам, ни к штурвалу.

Прикорнувший адвокат, вооруженный мушкетом и пистолетом, встрепенулся. Раздался смех. Вместе с надеждой вернулось и чувство юмора. Произошла какая-то перемена. В воздухе снова захлопали тугие паруса.

Но рассвет принес измотанным женщинам полное разочарование. Стало холоднее, чем накануне, но еще больше всех бросало в озноб от ощущения неодолимой мощи течения. В розданной воде был привкус гнилого дерева. Ее собрали со дна бочек. Разговаривать никому не хотелось, и когда вбежал радостный Ле Галль, на него посмотрели, как на безумца.

— Добрые вести... спешу успокоить вас, сударыни! Мне удалось с помощью лага определить наше положение, что было не просто, потому что мало солнца. Так вот, мы изменили направление и теперь идем на юг.

— На юг? Но сегодня холоднее, чем вчера!

— Это потому, что последние два дня нас увлекало теплое Флоридское течение. Теперь же — и я готов держать пари — мы попали в холодное течение из Гудзонского залива.

— Проклятая страна! — проворчал хранивший молчание старый пастор. — Попробуйте разобраться во всех этих теплых и холодных течениях! Я задаю себе вопрос, не были бы королевские тюрьмы для нас

более гостеприимными, чем эти опасные края, где все наизнанку — и люди, и стихия.

— Отец! — с укором сказала Абигель.

Пастор Бокер тряхнул седыми прядями. Еще далеко не все ясно. Главное не в смене течений, думал он, а в том, как избежать новых жертв.

Паства совсем отошла от него, да он и сам не знал, о чем с ней говорить. Что касается всех прочих, то эти нечестивцы вообще были глухи к заклинаниям старого пастора, его призывам к справедливости и милосердию.

— Я никогда не соглашался с пастором Рошфором, этим неисправимым авантюристом, который хотел всех нас разослать по океанам. Пропали он пропадом. Вот к чему это приводит...

Между тем, женщины осыпали Ле Галля вопросами.

— Когда будет высадка, прямо сейчас?

— Где она будет?

— Что говорят Эриксон и канадец?

— Ничего! Попробуйте поговорить с этим ворчливым медведем или чертовым горбуном, который так же общителен и приветлив, как устрица в раковине. Зато он великолепный рулевой. Вчера он мастерски воспользовался слиянием двух течений для перевода корабля из одного в другое. Фантастический маневр, особенно в таком густом тумане.

— Совершенно убежден, что он голландец, — назидательно произнес Мерсело. — Увидев его шпагу и одежду, я подумал сначала, что он шотландец, но на самом деле только голландцы могут так чувствовать течения. Они будто нюхом их чувствуют...

Слушая его, Анжелика вспомнила, как, сидя за своим письменным столом в Ла-Рошели, он каллиграфическим почерком писал гусиным пером «Летопись реформации». Сегодня его белый воротник выглядел, как тряпка, черный сюртук треснул по швам в плечах, а ноги были босыми — башмаки он, видимо, потерял в суতোлке мятежа.

— Очень хочется пить, — сказал он.

— Могу предложить рюмку шарантской водки, мой друг, — с горькой усмешкой пошутила его супруга.

Намек на былой комфорт на родной земле вызвал в памяти янтарную пиратскую водку, зрелые гроздья винограда на стенах Коньяка. Сейчас в горле жгло от морской соли, а кожа у всех была скользкой, как у сельди в бочке.

— Скоро мы пристанем к берегу. Там должны быть родники, тогда и напьемся.

Слова Ле Галля вызвали вздохи надежды.

Анжелика держалась в стороне. Как только дела шли лучше, на нее переставали обращать внимание, но если что-то разлаживалось, все начинали умолять ее что-нибудь сделать. Пожав плечами, она подумала, что и к такому отношению можно привыкнуть.

Глава 6

В зыбком полуденном свете внимание Анжелики привлекли голоса Маниго и Никола Перро, стоящих невдалеке на палубе.

— Мы хотим спустить шлюп, чтобы разведать берег, — сказал канадец.

— А где мы сейчас?

— Я знаю столько же, сколько и вы, не больше. Но могу поручиться, что берег рядом. Было бы сумасшествием причаливать, не найдя надежный проход. Я не сомневаюсь, что удастся найти залив или бухточку для укрытия корабля, но войти туда надо так, чтобы не разбиться о скалы. А теперь послушайте...

Сдвинув набок свою меховую шапку, он приложил руку к уху и нагнул голову, как бы улавливая далекий шум, воспринимаемый только им.

— Слушайте!

— Но что?

— Шум волн, ударяющихся о скалы. Они образуют гряду, которую мы должны преодолеть.

Все напрягли слух, но признались, что не слышат ничего, кроме стука волн о борт корабля.

— А я слышу, — сказал Никола, — и этого достаточно.

Туман стал таким плотным, что всем, кто открывал рот, казалось, что в горло льется густая жидкость. Втянув ноздрями порцию тумана, Никола объявил:

— Земля недалеко. Я ее чувствую.

Теперь и они ощутили землю. Таинственные дуновения принесли в белую пустыню океана радостное свидетельство близости родной ЗЕМЛИ.

Берега, песок, камни, может быть, даже трава и деревья...

— Не раздумывайте слишком долго, решайтесь, — усмехнулся канадец. — Ведь здесь бывают такие приливы, что за два часа уровень воды поднимается на сто двадцать футов.

— Сто двадцать футов? Вы смеетесь! Такого быть не может!

— Можете не верить, воля ваша. Но главное, не пропустить час прохода. В противном случае советую вам прыгнуть в воду до того, как ваша скорлупа сядет брюхом на камни. Это самый скалистый берег в мире,

говорят, другого такого нет нигде. Да разве вы можете понять все это, после вашей маленькой Ла-Рошели с ее жалким двенадцатифутовым приливом!

Он говорил с полузакрытыми глазами и, казалось, посмеивался над ними.

На носу послышался лязг якорной цепи.

— Я не отдавал приказа! — закричал Маниго.

— Иначе нельзя, патрон, — откликнулся Ле Галль. — Земля и впрямь близко... А вот на каком точно расстоянии в таком тумане на глазок не определить...

Подошел матрос и доложил, что якорь коснулся дна на глубине сорока футов.

— Как раз вовремя!

— Теперь никуда не денешься, — повторил Ле Галль. — Придется во всем слушаться их.

Он показал движением подбородка на Никола Перро и матросов Рескатора, которые готовили шлюп.

Как только набежала высокая волна, они опустили его на воду, а затем спрыгнули сами. Маниго и Берн нерешительно переглядывались, боясь снова остаться в дураках.

— Подождите! — закричал судовладелец. — Я должен переговорить с Рескатором.

Глаза канадца стали жесткими, как свинцовая пуля. Его рука тяжело опустилась на плечо Маниго.

— Бойтесь ошибиться, приятель. Вы забываете, что все боеприпасы — хотя их немного — которые есть у нас в трюмах, предназначены именно вам, так же, как и ваши предназначены нам. Вы захотели войну, вы ее получили. Но помните, если вы потеряете свое превосходство, не ждите от нас пощады.

Перешагнув через поручни, он соскользнул по тросу в шлюп, качавшийся на пенистых волнах темно-фиолетового в дымке тумана моря. После нескольких гребков он скрылся из виду, и только связывавший его с кораблем трос продолжал разматываться, как нить Ариадны.

Эриксон остался на борту. Он готовился выполнить необходимый маневр, не обращая внимания на окружавших его презренных пассажиров-протестантов, этих пресноводных моряков, которые снюхались с испанским отребьем, чтобы отнять у него «его» палубу. По его свистку десять матросов встали у кабестана.

Трос быстро разматывался, таща за собой канат в руку толщиной,

который, как змея, впивался в плоть тумана. Раскрутившись почти до конца, кабестан остановился. Трос натянулся и задрожал в тумане, как огромная змея — шлюп пристал к берегу.

— Сейчас они закрепят его в скалах, чтобы получить точку опоры, а затем подвести нас к проходу, — заметил Ле Галль.

— Как же так, ведь сейчас отлив?

— Не знаю, я тоже думал, что здесь проходит скальная гряда, через которую можно пройти только при приливе. Во всяком случае, так должно быть. Но как установить время приливов и отливов?

Не верилось, что их бедствиям приходит конец.

Хриплым голосом Эриксон подал сигнал вахте у кабестана, и матросы принялись изо всех сил подтягивать трос. Чуть раньше он скомандовал поднять якорь, и теперь «Голдсборо» плавно скользил по волнам, словно подчиняясь чьей-то невидимой руке.

Матросы дружно ухали в такт кабестану, лица их были покрыты потом, несмотря на сильный холод. Натянутый трос дрожал так, что казалось, он вот-вот лопнет.

Ле Галль первый увидел и молча показал Маниго на темные гребешки рифов в кружевах пены, едва различимые в тумане. Они со всех сторон подступали к кораблю.

Между тем «Голдсборо» продолжал, как в волшебном сне, плавно двигаться вперед по узкому и глубокому проходу. Каждый миг мог раздаться удар, зловещий треск, страшный возглас: «Тонем!» Тем не менее, корабль шел совершенно спокойно, и только туман становился все плотнее, так что люди на палубе уже почти не видели друг друга. Внезапно их как бы подняло высоко вверх, затем опустило так мягко, что лишь некоторые почувствовала легкий толчок. Выйдя из крена, «Голдсборо» выпрямился и закачался на ласковых волнах.

— Прошли рифы! — победоносно произнес Ле Галль.

Вздых облегчения вырвался из груди друзей и врагов, всех, собравшихся на палубе.

Раздалась резкая команда Эриксона, лязгнула опущенная цепь. Снова встав на якорь, «Голдсборо» еще безмятежнее закачался на волнах. Все ждали, что сейчас послышится плеск весел возвращающегося шлюпа.

Этого не произошло, и тогда Ле Галль несколько раз прокричал в рупор, а затем приказал звонить в колокол. И тут Маниго, которого осенила внезапная идея, подошел к кабестану и потянул за трос. Трос легко поддался и повис у него в руках.

— Оборвался трос!

— А может, его обрубил?

К ним подошел матрос-гугенот с острова Св. Маврикия, который все это время находился у кабестана.

— Это случилось в тот самый момент, когда мы проходили рифы. На шлюпе поняли, что нас может увести на скалы, и выполнили этот красивый маневр. Теперь мы в безопасности.

Вытащив провисший трос, они убедились, что он действительно разрублен топором.

— Да. Трос у них уже кончался. Красивый маневр! — повторил восхищенный матрос. Все повторили:

— Да, замечательный маневр, и у совсем незнакомых берегов.

Вдруг Маниго осенило новое подозрение:

— Но кто стоял у кормового весла, когда мы проходили между скал? Ведь Эриксон был рядом с нами.

Они пошли на корму. Анжелика последовала за ними. Ей хотелось бы предвидеть и встретить лицом к лицу любую из затаенных опасностей, которые она ощущала повсюду. Стихия им больше не угрожала, но успокоения не было. Человеческая солидарность, возникшая в борьбе с морем, исчезла. Между протестантами и Жоффреем де Пейраком начиналась новая, решающая партия.

На корме все увидели тело испанца — самого никудышного человека из всех бунтовщиков, чья никчемная жизнь была прервана ударом кинжала в спину...

— Неужели Эриксон доверил эту вахту ему?

— Это немыслимо. Или же он предусматривал его замену другим!..

Они долго смотрели друг на друга молча, не находя ни слов, ни возможности что-то объяснить, как-то приободриться.

— Госпожа Анжелика, — обратился Маниго к единственной женщине в их группе, — не правда ли, что когда мы проходили рифы, за штурвалом был именно ОН?

— Как я могу знать, господи? Ведь меня в трюме не было. Я все время была здесь, с вами. Это не значит, что я одобряю ваши действия. Просто я все еще верю, что всем нам удастся спастись.

Ларошельцы молча опустили головы. Такой счастливый исход казался теперь маловероятным. Им вспомнились слова канадца: «Не ждите от нас пощады!»

— Остались ли на посту хотя бы те часовые, которые были у люков?

— Будем надеяться! Впрочем, кто знает, какие еще ловушки

подстерегают нас в этом молочном море.

Маниго тяжело вздохнул.

— Я боюсь, что мы не выдержим никакого сравнения с нашими противниками ни в бою, ни в управлении кораблем. Но раз уж вино открыто, надо пить. Будем бдительны, друзья мои, и приготовимся дорого продать нашу жизнь, если потребуется. Кто знает, может быть, фортуна и улыбнется нам. У нас есть оружие. Когда рассеется туман, определим, где мы находимся. Земля близко, вот с этой стороны, как подсказывает эхо. Мы стали на якорь на спокойном рейде. Даже если шлюп не вернется, доберемся до берега в имеющейся на борту лодке. Нас много, и мы вооружены, в том числе и пушками. Проведем разведку, обязательно найдем и запасемся питьевой водой, под вооруженной охраной переправим на берег Рескатора и его людей, а затем поплывем на острова.

Его слова никого не утешили.

— Похоже, я слышу звон цепей, — сказал Мерсело.

— Да это эхо.

— Эхо чего?

— Может быть, это с другого корабля? — предположил Ле Галль.

— Нет, это больше напоминает звон нашей ларошельской цепи, когда ее тянут от рейда в гавань к башне святого Никола.

— Вы бредите!

— Я тоже что-то слышу, — сказал кто-то.

Все снова замерли в ожидании.

— Проклятый туман! Как тут не вспомнить наши славные родные туманы. Я никогда не встречал такого, как этот.

— Наверное, это из-за теплого и холодного течений, в которые мы попали.

— Удивительно хорошо разносится звук. Ведь обычно густой туман все приглушает.

— А где Эриксон? — спросил вдруг Маниго.

Найти канадца не удалось.

Когда стемнело, юный Мартиал зажег первый фонарь и сразу же пришел в необыкновенное волнение.

— Идите сюда! Посмотрите! — закричал он.

Сбежавшиеся мужчины, женщины, дети застали его в созерцании великолепного зрелища: скромный огонек отразился в тумане целой иллюминацией. Свет от него попадал в тысячи ледяных кристалликов, от которых вспыхивали новые бесчисленные огоньки — зеленые, зелено-золотые, желтые, красные, розовые, голубые. Когда загорелись остальные

фонари и от каждого побежала своя многоцветная фантасмагория, все, раскрыв рты от восторга и ужаса, восхищенно спрашивали друг друга: «Где мы?»

Анжелике никак не удавалось заснуть, и она несколько раз поднималась на палубу. После долгих дней плавания было странно чувствовать, что корабль стоит на якоре, а где-то вблизи прибой накатывается на гальку.

Она вспомнила ощущение неотвратимости боя, как в Бокаже во время ее бунта, атмосферу на борту королевской галеры и среди мальтийских рыцарей за несколько часов до нападения врагов.

«По существу я женщина-воин... Жоффрей не знает этого. Он ничего не знает обо мне, о том, какой я стала!»

Она смотрела на окруженные радужными ореолами силуэты закутанных в темные плащи продрогших людей, очарованных зрелищем этой странной ночи. Зыбкий туман временами покрывал их плечи искрящимся инеем.

«Почему я здесь? — спрашивала она себя. — Ведь они мне не милы, вернее, больше не милы. Я возненавидела Берна, который был моим лучшим другом. Я бы простила ему очень многое, но то, что он хотел убить Жоффрея, — этого я не прощу никогда. И все же я здесь... Я поступила правильно: ведь здесь дети... Онорина. Я не могла их оставить. Жоффрей сильный человек. Он познал в жизни все, что доступно мужчине. Он крут. У него нет слабостей, даже такой, как любовь ко мне...»

Ей так не доставало его присутствия, вдали от него она чувствовала себя как в ссылке. Той ночью он был таким родным, таким нежным... Что это было — мираж или действительность? Теперь она не знала...

Анжелика снова вышла на палубу, когда стало рассветать. Внезапно кто-то тронул за ее плечо. Обернувшись, она увидела тех двух матросов, которые вместе с Никола Перро сопровождали ее в Ла-Рошель. Неужели и они перешли к бунтовщикам? Но это опасение сразу отпало.

Один из них, без сомнения, мальтиец, зашептал на средиземноморском наречии «сабир», которое она понимала достаточно хорошо.

— Хозяин прислал нас, чтобы защитить тебя и ребенка!

— А почему меня надо защищать?

— Стой смирно!

В этот же момент ее крепко схватили за запястья. Раздался глухой стук. У ближайшего люка рухнул наземь часовой ларошельцев. И тут Анжелика увидела какое-то огромное необычное существо, похожее сразу

на человека, на животное и на птицу. В неясном свете колыхался его плюмаж из красных перьев, на плечи свисало множество кошачьих хвостов. Взметнулась отливающая медью рука, и новый удар свалил второго часового. Анжелика не слышала, как появилось это существо, быстрое, как призрак. И вот уже отовсюду, перелезая через поручни, по палубе заскользили другие такие же молчаливые призраки. Их огненные перья, накидки из голубого и рыжего меха, крыльями развевавшиеся за спиной, поднятые вверх руки придавали им сходство с грозными архангелами.

Как в кошмарном сне, Анжелика едва не крикнула, но ее опередили люди Рескатора.

— Не кричи! Это наши индейцы, мы друзья!

Один из них в акробатическом прыжке моментально очутился перед ней. Индеец размахивал широченной короткой саблей, украшенной красными перьями, а в другой руке держал нечто похожее на примитивный кастет: зажим с железным шаром. Прямо перед собой Анжелика увидела его загадочное лицо, словно вылепленное из красной глины и раскрашенное синими полосами.

Матросы остановили его и что-то быстро объяснили, показав на Анжелику и дверь средней палубы, которую они охраняли. Индеец жестом дал знать, что все понял, и вернулся к сражавшимся.

Послышались новые крики и выстрелы, затем протяжный вой и какой-то странный гам, как на ночной гулянке в портовой таверне.

Со смехом и шумом, громко перекликаясь между собой, через поручни перелезали бородачи в меховых шапках, как у Никола Перро.

Внимание Анжелики привлекли двое мужчин дворянской наружности: шпаги на боку, европейские камзолы и гордо заломленные большие шляпы чуть устаревшего фасона. Уверенным шагом они прошли мимо нее в сторону кормы. На палубе царило лихорадочное возбуждение. Для всех этих людей густой туман, к которому они, очевидно, привыкли, не был помехой. Через несколько минут Анжелика поняла: исход мятежа предрешен. Фортуна отвернулась от протестантов, их хрупкое превосходство рухнуло.

На главную палубу доставили Маниго, Берна и их сообщников со связанными за спиной руками. Их небритые лица были бледны, как мел, одежда разорвана.

Неожиданная атака индейцев, для начала забросавших их градом камней, застала мятежников врасплох и настолько деморализовала, что фактически они не успели оказать сопротивление. Страдальческие лица

многих из них свидетельствовали о полученных ранах.

Анжелика не испытывала к ним жалости. Более того, эти люди стали ей неприятны, хотя она нисколько не хотела, чтобы победа Рескатора повлекла за собой кровопролитие.

В глубине души Анжелика всегда верила, что ее муж рано или поздно возьмет верх над достаточно решительными, храбрыми и хитрыми, но слишком неопытными противниками.

Жоффрей де Пейрак лишь делал вид, что он смирился с поражением. На самом деле он решил выждать. Он отлично знал море и побережье в месте, куда сам привел «Голдсборо», поэтому мог без труда дурачить их. Укрывшись в трюме, Рескатор следил за безумным дрейфом корабля по Флоридскому течению и в нужный момент послал наверх Эриксона и Никола Перро, которые прикинулись, что не знают, где намечена высадка, а сами привели корабль в ловушку, прямо к убежищу пиратов. На суше матросы, уплывшие на шлюпе, встретились со своими старыми товарищами и заручились поддержкой индейцев из дружественных племен.

Оказавшись в плену невиданного тумана, протестанты были теперь в их власти. Зажженные на «Голдсборо» фонари вывели к нему индейские пироги с вооруженными охотниками, матросами, корсарами дворянского происхождения и людьми. Рескатора.

Но вот из тумана вышел с нахмуренным лицом и их предводитель. Он казался гигантом даже рядом с рослыми индейцами, которые с кошачьей грацией сгибались перед ним в почтительном поклоне. Грациозность их движений подчеркивалась куртками из роскошных мехов и полосатыми кошачьими хвостами, спадавшими с гладко выбритых голов на плечи воинов.

Рескатор заговорил с ними на их родном, очень мелодичном языке. Было видно по всему, что и здесь, в стране, находящейся на самом краю земли, он чувствует себя, как дома.

Даже не взглянув на Анжелику, он встал напротив пленников. Он долго смотрел на них, затем сочувственно вздохнул.

— Ваша авантюра окончена, господа гугеноты, — сказал он. — Сожалею, что вы не смогли проявить свою доблесть в делах более для вас полезных. Вы посчитали врагами не тех, кого следовало, и даже не пытались распознать истинных друзей. Люди, подобные вам, часто совершают такие ошибки, за которые приходится дорого расплачиваться.

— И что же вы собираетесь с нами сделать? — спросил Маниго.

— То же, что бы вы сами сделали со мной в случае вашей победы. Вы

как-то процитировали слова из священного Писания. В свою очередь, я предлагаю вам поразмыслить над следующей библейской заповедью: «Око за око, зуб за зуб».

Глава 7

— Госпожа Анжелика, вы не знаете, что он собирается с нами сделать?

Анжелика вздрогнула и подняла глаза на Абигель. В бледном утреннем свете лицо девушки казалось измученным. Никогда раньше она не выглядела так неряшливо. Ее охватила такая тревога, что было не до кокетства. Она пришла в рабочем переднике, замасленном после бессонных ночей, когда она чистила и заряжала мушкеты протестантов. Без своего белого чепца на голове, с льняными волосами, падающими на плечи, она была похожа на растерянную девчонку, так что Анжелика даже не сразу ее узнала. Печальные, исстрадавшиеся глаза Абигель тем более удивили Анжелику, что дочери пастора Бокера можно было не опасаться ни за отца, ни за кузена, поведение которых во время мятежа было весьма сдержанным. Среди тех, чья судьба оставалась неясной, у нее не было ни мужа, ни сына.

Наибольшая опасность грозила главарям мятежа: Маниго, Берну, Мерсело, Ле Галлю и трем матросам, завербовавшимся в экипаж «Голдсборо», чтобы шпионить. Их никто не видел. Усталые и подавленные, с опущенными головами, они едва притронулись к необычным плодам, овощам и пресной воде, щедро выделенным на их долю. Остальным мятежникам разрешили вернуться к женам и детям.

— Я уже начинаю спрашивать сам себя, не оказались ли мы просто глупцами, — сказал доктор Дарри, присев на соломенный валик. — Прежде чем слушать Маниго и Берна, нам следовало переговорить с этим пиратом, который как-никак согласился взять нас с собой, когда мы оказались в тяжелом положении.

Адвокат Каррер ворчал по другому поводу. Вечный неудачник, нескладеха, каких мало, он больно ушиб руку о свой собственный мушкет и теперь пребывал в отвратительном настроении.

— По существу какая нам была разница, куда плыть — на острова или в другое место... Но Маниго боялся потерять свои деньги, а Берн заботился о благосклонности некой особы, которая вскружила ему голову и взбудоражила чувства.

Мрачно взглянув на Анжелику, он пробормотал сквозь свои острые, как у хорька, зубы:

— Мы сами позволили этим двум сумасшедшим вертеть нами по

своему усмотрению... Влипнуть в такую историю... с одиннадцатью детьми!

Протестанты пришли в полное уныние, и даже дети, напуганные недавними событиями и знакомством с краснокожими, вели себя очень смиренно, не спуская глаз с озабоченных, грустных лиц своих родителей.

Легкое покачивание корабля на якоре, полная тишина в белесом тумане, который продолжал держать «Голдсборо» в своем плену, недавние испытания штормом и мятежом создавали ощущение какого-то полусна. Всю ночь Абигель преследовали кошмарные видения, нагнеталось чувство страха, которое и разбудило ее. Вскочив с учащенно бьющимся сердцем, она сразу же побежала к Анжелике.

Анжелика же практически не смыкала глаз. От мыслей о Жоффрее де Пейраке ее все чаще отвлекали мысли о пленниках; она сознавала свою ответственность за их судьбу. Погруженная в тяжелые размышления, она перестала реагировать на враждебность ларошельцев. Пусть они больше не опора ей: все равно она останется с ними, чтобы защитить их. Наклонившись к бледному личику Лорье, она плотнее укутала ребенка и попыталась успокоить. Но ни он, ни Северина, ни Мартиал не отвечали на ее внимание. Дети страдали больше всех от неразрешимых конфликтов взрослых.

— Когда я спасала их от королевских застенков, могла ли я думать, что здесь, на краю света, они могут осиротеть вдвойне... Нет, это невозможно!..

Появление Абигель придало ее опасениям большую определенность. Анжелика встала и аккуратно расправила платье. Кризис приближался. Надо встретить его в полной готовности, чтобы преодолеть настроение безнадежности.

Позади Абигель стояли другие женщины, жены Брежа, Ле Галля, простых матросов. Все они были очень встревожены, но несколько робели в присутствии таких знатных ларошельских дам, как госпожи Мерсело и Маниго с дочерьми, которые с самым решительным видом окружили Анжелику. Никто пока ничего не сказал, но в напряженном взгляде каждой из них стоял тот же вопрос, который задала Абигель:

— Как он поступит с ними?

— Почему вы так переживаете? — тихо спросила Анжелика Абигель, чье поведение заинтриговало ее. — Слава Богу, ваш отец и кузен проявили осмотрительность и не поддержали осужденные ими действия. С ними не произойдет ничего плохого...

— А Габриэль Берн! — душераздирающим голосом воскликнула

девушка. — Госпожа Анжелика, неужели вас не волнует его участь? Неужели вы забыли, что он приютил вас в своем доме, что только из-за вас...

Ее глаза смотрели на Анжелику почти с ненавистью. Черты тихой кротости вдруг исчезли с лица девушки. И тут Анжелика поняла.

— Абигель, так вы полюбили его?

Взволнованная девушка спрятала лицо в ладонях.

— Да, я люблю его! Уже столько лет... Я не хочу, чтобы он погиб, лучше разлука, чем это.

«Как я глупа, — подумала Анжелика, — ведь она была мне подругой, а я и не замечала, что у нее на сердце. Вот Жоффрей понял все в первый же вечер, когда увидел Абигель на «Голдсборо». Он прочел в ее глазах, что она влюблена в мэтра Берна».

Абигель подняла залитое слезами лицо. Ужасное предчувствие взяло верх над присущей ей скромностью.

— Госпожа Анжелика, умоляю вас, заступитесь, чтобы его пощадили... О Господи, я не переживу... Вы слышите эти шаги, эти удары молотка наверху? Я уверена, они готовят виселицу для него. Ах! Я покончу с собой, если он умрет.

И тут обе невольно вспомнили, как в такой же предрассветный час они с ужасом увидели качающееся на рее тело мавра Абдуллы. В то утро они воочию убедились в том, что хозяин «Голдсборо» умеет вершить суд быстро и необратимо.

— Все это плоды вашей фантазии, Абигель, — сказала наконец Анжелика, призвав на помощь все свое самообладание. — Не может быть и речи о том, чтобы его повесили... Вспомните, фок-мачта сломалась во время бури.

— Да, но на «Голдсборо» осталось много мачт и рей для наших мужей! — в исступлении вскричала мадам Маниго. — Это вы, презренная, увлекли нас с собой и продали своему любовнику и сообщнику на нашу погибель... Я никогда не доверяла вам!

С пылающим лицом она шагнула вперед и уже занесла руку, но властный взгляд Анжелики заставил ее остановиться.

С тех пор, как Анжелика появилась перед протестантами в новом платье, с падающими на плечи волосами, к их обиде примешивалась известная доля почтения. Благородство ее жестов и языка бросалось в глаза.

Спесивая бюргерша вдруг склонилась перед знатной дамой. Мадам Мерсело схватила ее за руку и отвела чуть назад.

— Успокойтесь, моя родная, — сказала она, отводя ее назад. — Не забывайте, что она может еще что-то сделать, чтобы вызволить нас! Ведь мы наделали столько глупостей, поверьте мне...

В глазах Анжелики появилась жесткость.

— Это правда, — резко сказала она. — По какому праву вы всегда стараетесь свалить на других вину за свои ошибки? Ведь вы чувствовали, мадам Маниго, что Рескатор заслуживает доверия, но вы не смогли удержать ваших мужей от безрассудных действий во имя целей и интересов, не более благовидных, чем те, которыми руководствуются столь презираемые вами пираты. Да, это правда, я была рядом с капитаном, когда они захватили его.

Они грозили ему смертью, они убили у него на глазах несколько его товарищей... Какой мужчина может забыть такие оскорбления, тем более он? Вы это знаете, и потому так напуганы.

Анжелика дрожала от возмущения. Смотря на нее и слушая ее слова, женщины остро ощутили всю глубину трагедии. Теперь госпожа Маниго смиренно повторила самый тяжелый вопрос:

— Что он собирается с ними сделать?

Анжелика опустила глаза. В обманчивой атмосфере мира, наступившего после ликвидации мятежа, она всю ночь сама задавала себе этот вопрос.

И вдруг госпожа Маниго тяжело упала на колени. Все женщины в едином порыве последовали ее примеру.

— Госпожа Анжелика, спасите наших мужей!

Со всех сторон к ней тянулись умоляюще сложенные руки.

— Только вы можете это сделать, — с жаром взывала Абибель. — Вы одна знаете его сердце и найдете слова, которые помогут ему забыть обиду.

Анжелика побледнела.

— Вы ошибаетесь, у меня нет власти над ним, и сердце его непоколебимо.

Женщины стали цепляться за ее платье.

— Только вы можете помочь!

— Вы можете все!

— Госпожа Анжелика, пожалейте наших детей!

— Не отступайте от нас! Пойдите к пирату...

Она яростно трянула головой.

— Вы не понимаете. Я не могу ничего! Ах, если бы вы знали! Его сердце из металла, его ничем не пронять.

— Но ради вас, ради своей страсти к вам он должен уступить.

— Увы, никакой страсти ко мне у него нет.

— Ну да! — хором воскликнули они. — Что вы говорите! Никто и никогда не был так околдован женщиной, как он вами! Когда он смотрел на вас, в его глазах горел огонь...

— А все мы злились и завидовали, — призналась подошедшая мадам Каррер.

Окружив Анжелику, движимые слепой верой, они буквально повисли на ней.

— Спасите моего отца, — умоляла Женни. — Он глава всей общины. Что без него станет с нами на этой чужой земле?

— Мы так далеко от Ла-Рошели...

— Мы так одиноки.

— Госпожа Анжелика! Госпожа Анжелика!

Анжелике казалось, что в этом умоляющем хоре голосов она слышит теперь только слабые и печальные голоса Северины и Лорье, хотя она знала, что из их уст не вырвалось ни единого звука. Пробравшись к ней, они обвили ее своими ручонками. Чтобы не видеть их исстрадавшиеся глаза, она прижала детей к себе.

— Бедные детишки, брошенные на самый край земли!

— Почему вы боитесь, госпожа Анжелика? Вам он не может сделать ничего плохого, — прошептал Лорье дрожащим голосом.

Она не могла сказать им, что ее с Жоффреем разделяют какие-то невысказанные взаимные обиды. Подтверждением тому была бурная ссора, происшедшая между ними даже в период их краткого примирения.

Она не могла рассчитывать на физическое влечение, которое он испытывал к ней, потому что для него не это было главным. Такого, как Жоффрей де Пейрак, нельзя было приручить одной чувственностью. Она лучше кого бы то ни было знала это. Он был из породы тех редких мужчин, которые умеют утонченно наслаждаться любовью и в то же время могут без особых усилий пожертвовать своим наслаждением. Сила духа и предрасположение к более высоким удовольствиям позволяли ему властвовать над своими желаниями и легко отказываться от мимолетных плотских утех.

А эти стоящие на коленях добродетельные женщины наивно верили, что своими чарами она сможет отвратить гнев мореплавателя, чей экипаж был вовлечен в мятеж.

Такого Жоффрей де Пейрак не простит никогда!

Он мог быть при случае подлинным рыцарем, но, продолжая традиции своих благородных предков, был готов, не колеблясь, пролить кровь, когда

это становилось необходимым.

Разве посмеет она просить у него пощады главным зачинщикам мятежа, нанеся ему смертельное оскорбление? Подобная попытка окончательно озлобит его. Он резко оборвет ее и обвинит в союзе с его врагами!

Женщины и дети с тревогой следили за ее лицом, на котором отражались терзавшие ее сомнения.

— Госпожа Анжелика, только вы можете разжалобить его! Пока не поздно... Ах, скоро будет слишком поздно!

Чувствительность женщин была настолько обострена перенесенными испытаниями, что им во всем чудились зловещие приготовления. Каждая прошедшая минута воспринималась, как роковая потеря. Они содрогались при мысли, что сейчас распахнется дверь, их заставят выйти на палубу и... они увидят то, после чего будет поздно кричать и умолять. И тогда все они неотвратимо превратятся в несчастных женщин с мертвым взглядом, как только что овдовевшая Эльвира, молодая жена булочника, убитого во время мятежа. Теперь она безучастно сидела целыми днями на одном месте, крепко прижав к себе детей.

Анжелика взяла себя в руки.

— Хорошо, я пойду, — сказала она вполголоса. Так надо, но, Боже, как тяжело.

Она чувствовала себя совершенно безоружной после того, как, отказавшись остаться с ним, она сама разорвала непрочные нити, снова связавшие ее с Жоффреем. «Останься со мной!» — прошептал тогда он. Но в ответ она крикнула: «Нет!» и убежала. Он не из тех, кто способен простить... И все же она не отступила:

— Пропустите меня!

Абигель накинула Анжелике на плечи плащ, мадам Мерсело пожимала ей руки. В молчании женщины проводили ее к выходу...

Двое вахтенных у дверей с сомнением переглянулись при виде Анжелики, но, видимо, вспомнив, что она пользуется расположением хозяина, не осмелились задержать ее.

Она стала медленно взбираться по лестницам на корму. Их деревянные ступени, скользкие от соли, бурь и сражений, были уже настолько привычными, что она поднималась почти автоматически. Из-за пелены, окутывавшей стоявший на якоре корабль, бухта была невидимой. Сам туман чуть поредел, но оставался белым, как молоко, с редкими розовыми и золотыми отблесками. Впрочем, Анжелика ничего не замечала.

Внезапно она увидела перед собой нарядного рослого мужчину в

расшитом золотом мундире и низко надвинутой на глаза шляпе с перьями. Сначала она подумала, что это ее муж, и в нерешительности остановилась. В этот же момент прозвучало галантное приветствие:

— Сударыня, позвольте представиться: Ролан д'Урвилль, нормандский дворянин, младший из рода де Валонь.

Несмотря на обветренное лицо пирата, его французская речь и учтивые манеры благотворно подействовали на Анжелику. Узнав, что она идет к графу де Пейраку, он вызвался проводить ее. Анжелика охотно согласилась. Она боялась столкнуться лицом к лицу с одним из воинов-индейцев.

— Вам нечего опасаться, — сказал Ролан д'Урвилль. — Они страшны только в бою, когда же оружие в мирное время бездействует, они безобидны и полны достоинства. Господин де Пейрак сейчас готовится к встрече с великим сахемом Массавой... Что с вами?

С балкона кормовой башни Анжелика увидела у грот-мачты покачивающиеся обнаженные ноги.

— А, повешенные, — догадался д'Урвилль. — Это пустяки, несколько мятежных испанцев, которые, кажется, доставили серьезное беспокойство хозяину и команде «Голдсборо», правда, ненадолго. Не волнуйтесь, сударыня, правосудие и на море, и в наших диких местах должно вершиться без всяких проволочек. К тому же, от этих жалких людишек не было никакой пользы.

Анжелика хотела было спросить, что сделали с пленными гугенотами, но не нашла в себе сил.

Переступив через порог, она почувствовала себя так плохо, что ей пришлось опереться о дверь, закрытую за ней нормандским дворянином, и немного постоять в полутьме, чтобы прийти в себя. Этот салон, где восточные ароматы смешивались с запахами моря, был ей хорошо знаком.

Сколько драматических сцен произошло здесь с того первого вечера в Ла-Рошели, когда капитан Язон проводил ее к Рескатору!

Анжелика увидела мужа не сразу. Немного оправившись от потрясения, она заметила его в глубине каюты у большого окна, подсвеченного переливами серебристого тумана. Этот достаточно яркий свет искрился в жемчужинах, алмазах и других драгоценностях, вынутых Жоффреем де Пейраком из ларца, стоявшего на столе.

Как и говорил д'Урвилль, хозяин «Голдсборо» готовился к встрече на суше с прославленным вождем Массавой. Явно по этому случаю он надел великолепный наряд, при виде которого Анжелике вспомнились былые празднества при королевском дворе. На графе был красный муаровый

плащ, расшитый большими бриллиантовыми цветами, из-под которого виднелись бархатный камзол и штаны темно-синего цвета, без украшений, но очень тонкого покроя, придававшего его высокой стройной фигуре неотразимую элегантность. Именно в этом качестве ему в свое время не было равных среди придворных щеголей, хотя он и прихрамывал на одну ногу. Его высокие испанские ботфорты были сшиты из темно-красной кожи, из такой же кожи были сделаны лежавшие на столе перчатки с манжетами и пояс с подвешенными пистолетом и кинжалом.

Единственное, что не соответствовало дворцовой моде, было отсутствие шпаги, вместо которой сверкала серебряная рукоятка длинного пистолета с перламутровой инкрустацией.

Анжелика наблюдала, как он надел на пальцы два перстня, а затем пришил под воротником камзола цепь из золотых пластинок, усыпанных алмазами, какие стали носить при Людовике XIII выдающиеся военачальники, после того, как начали выходить из употребления стальные доспехи, и кому-то пришлось в голову заменить их драгоценными поделками для мужчин.

Граф стоял к ней вполоборота. Знал ли он, что она пришла? Наконец он закрыл шкатулку и повернулся к ней.

Иногда в самой серьезной ситуации внезапно возникает какая-то вздорная мысль. Вот и сейчас Анжелике пришлось в голову, что ей придется привыкнуть к появившейся на лице мужа бородке, которая придавала ему сходство с сарацином.

— Я пришла... — начала она.

— Вижу, — прервал ее граф. В его взгляде не было и тени приветливости и желания прийти к ней на помощь.

— Жоффрей, что вы собираетесь сделать с ними?

— Вас это очень беспокоит?

В ответ она наклонила голову. Горло ее перехватил спазм.

— Сударыня, вы прибыли из Ла-Рошели, плавали по Средиземному морю, интересовались морской коммерцией. Поэтому вы должны знать законы моря. Какая участь ждет тех, кто во время плавания восстает против капитана и покушается на его жизнь? Их вешают без суда. Споро и высоко. Поэтому главарей я повешу.

Он сказал это с полным спокойствием, но решение было бесповоротным.

Анжелику охватил озноб, в голове помутилось. «Немыслимо, чтобы это случилось, — сказала она себе, — я готова пойти на все, даже ползать перед ним на коленях, лишь бы не допустить этого».

Она пересекла каюту и прежде, чем он успел предупредить ее, упала на колени.

— Жоффрей, пощадите их, прошу вас, мой любимый, умоляю вас. Умоляю вас не столько ради них, сколько ради нас с вами. Я так боюсь, что этот поступок подорвет мою любовь к вам, что мне никогда не удастся забыть, по чьей воле они лишились жизни... Между нами окажется кровь моих друзей!

— А кровь моих уже пролилась. Это Язон, мой верный друг, десять лет деливший со мной все печали и радости, это старый Абд-эль-Мешрат, мой спаситель, жестоко убитый ими.

Его голос дрожал от гнева, в глазах сверкали искры.

— Для меня ваша просьба оскорбительна, сударыня, и я боюсь, что вами движет недостойная привязанность к одному из этих людей, предавших меня, вашего супруга, которого вы якобы любите.

— Нет... и вы это хорошо знаете... Я люблю только вас... я всегда любила только вас... эта любовь сильнее жизни и смерти... без вас сердце мое не выдержит...

Он хотел оттолкнуть ее, но не смог, боясь показаться слишком грубым. Она с такой силой прильнула к его коленям, что он ощутил тепло ее рук, обнявших его ноги.

Он старался избегать ее полного мольбы взгляда, но не мог не слышать ее взволнованного голоса. Из всех произнесенных ею бессвязных слов только одно обожгло его: «Мой любимый!». Он считал себя непоколебимым, и вдруг его расстрогал нежный призыв и неожиданный жест этой гордячки, ставшей на колени перед ним.

— Я знаю, — сказала она глухим голосом, — их поступки должны быть наказаны смертью.

— Тогда мне совершенно непонятно, сударыня, почему вы так упорно выступаете в их защиту и, особенно, почему вас так волнует судьба мятежников, если вы действительно осуждаете их предательство?

— Если бы я сама знала! Я чувствую себя связанной с ними, несмотря на их заблуждения и измену. Может быть, потому что в свое время они спасли меня, а я помогла им покинуть Ла-Рошель, где их ожидала гибель. Я жила среди них, мы делили хлеб. Если бы вы знали... какой несчастной я была, когда мэтр Берн приютил меня. В стране моего детства за каждым деревом, каждым кустиком прятался враг, готовый на все, лишь бы погубить меня. Я превратилась в животное, которое беспощадно травили и предавали буквально все...

— Неважно, что было раньше, — жестко сказал он. — Прошлые

заслуги не оправдывают нынешние проступки. Вы — люди, за которых я несу ответственность и на корабле, и на этих землях, — должны подчиняться только тем законам, которые издаю я. Вам, как женщине, трудно понять, что дисциплина и справедливость должны уважаться, иначе воцарится анархия, и я не создам ничего великого, ничего прочного, оставив после себя только бесцельно растраченную жизнь. На этой земле нельзя быть слабым.

— Речь идет не о слабости, а о милосердии.

— Это противопоставление таит в себе опасность. Такой альтруизм может ввести вас в заблуждение, и вам он не идет.

— А какой вы надеялись увидеть меня? — возмущенно воскликнула Анжелика. — Жестокой? Злой? Беспощадной? Да, несколько лет тому назад я была полна ненависти. Но теперь я так не могу... Я не хочу больше зла, Жоффрей. Зло — это смерть, а я люблю жизнь.

Он пристально посмотрел на Анжелику.

Этот крик ее души окончательно разрушил его оборонительные порядки.

Во время всех последних событий его не оставляла мысль об Анжелике, о тайне его любимой женщины. Теперь он был уверен, что в ней не было ни притворства, ни расчета. Повинуясь обычной женской логике, своеобразной, но безошибочной, она требовала, чтобы он принимал ее такой, какой она была теперь. Вряд ли ему действительно хотелось встретить в ней честолюбивую, злую, сухую эгоистку.

Что дала бы ему сейчас любая из тех женщин, которые живут только для себя, какая-нибудь капризная, фривольная, расфуфыренная маркиза, ему — авантюристу, собравшемуся еще раз сыграть ва-банк, посвятив свою жизнь освоению новых земель?

Какое место следовало предоставить в этой жизни той, прошлой Анжелике, тому очаровательному юному созданию, которое вошло в этот полный соблазнов век с горячим желанием испытать свое женское оружие, и той женщине, тоже из прошлого, которая, покорив сердце короля, избрала извращенный двор местом своих деяний и подвигов?

Дикий, суровый край, куда он ее привез, нуждался не в мелочных и пустых сердцах, а в самопожертвовании. У нее оно было, это самопожертвование. Он читал сейчас это в ее взгляде, удивительном для женщины, чьи глаза встречались с глазами стольких великих мира сего и околдовывали их. И все же судьба решила, в конце концов, что она будет принадлежать ему?!

Ожидая его приговора, не зная его мыслей, она не отрывала от него

глаз.

Жоффрей же думал: «Самые прекрасные глаза в мире! Заплатить за такие тридцать пять тысяч пиастров было не так уж дорого. Их сияние покорило короля... Их силе подчинился кровавый султан».

Он опустил руку ей на лоб, словно боясь уступить мольбе ее глаз, затем медленно погладил ее по волосам. Да, время посеребрило их, но какой прекрасной оправой стали они для изумрудного свечения ее глаз. Воистину, такой оправе позавидовали бы богини Олимпа.

Втайне он восторгался ее способностью сохранять красоту в любых испытаниях — и когда у нее было тяжело на сердце, и когда бушевала буря, и когда она предавалась любви.

Ему пришлось так долго открывать ее и привыкать к ней. Прежний опыт общения с женщинами ни в чем не помог ему лучше понять ее, так как подобной женщины он никогда ранее не встречал. Ему не удавалось познать ее не потому, что она низко пала, а потому что она необычайно высоко поднялась. Все объяснялось этим.

Она могла носить самую грубую, рваную одежду, явиться перед ним растрепанной и промокшей, или подавленной и усталой, как сейчас, или же обнаженной, слабой и покорной, как в ту ночь, когда он сжимал ее в своих объятиях, а у нее из глаз лились слезы, которых она не замечала, — все это не имело значения. Она всегда оставалась прекрасной, как источник, к которому можно припасть и утолить жажду.

Никогда больше он не сможет жить в одиночестве, никогда.

Жизнь без нее стала бы для него непосильным испытанием. Даже сейчас он не мог примириться с тем, что она находится на другом конце корабля. Теперь он был потрясен, видя, как вся дрожа, она лежит у его ног.

Одному Богу известно, что ему было бы совсем нелегко повесить «ее» протестантов. Конечно, все они себе на уме, но им нельзя было отказать ни в мужестве, ни в выносливости, и они, в конечном счете, заслуживали лучшей участи. Тем не менее, наказать их было необходимо. За всю свою полную опасностей жизнь он много раз убеждался в том, что слабость — причина тяжелых неудач и бесчисленных поражений. Чтобы спасти человеческую жизнь, надо вовремя отсечь гнивающий орган.

В наступившей тишине Анжелика продолжала ждать.

Рука, ласкавшая ее волосы, заронила в ней надежду, но она не вставала с колен, зная, что не переубедила его, и что он, вопреки ее чарам, может стать еще более недоверчивым и безжалостным.

Какой еще довод привести ему?.. Дух ее блуждал в пустыне, где призрачное видение повешенных на реях ларошельцев сливалось с

видением, явившимся ей у скалы Фей в то ледяное утро в Ньельском лесу. Пляска смерти немых, болтающихся в воздухе тел. И вдруг среди них промелькнули осунувшиеся личики Лорье и Жереми, бледная, как мел, Северина в чепчике.

Наконец она заговорила голосом, дрожавшим от биения ее сердца.

— Жоффрей, не отбирайте у меня то единственное, что у меня осталось... уверенности, что я нужна несчастным детям. Я сама во всем виновата. Я решила спасти их от участи, которая хуже смерти, от гибели самой души. Тогда, в Ла-Рошели, у них на глазах преследовали, унижали, бросали в тюрьмы, заковывали в цепи их отцов. Так неужели случится так, что я привезла их сюда, на край света, чтобы они увидели позорную смерть своих отцов на виселице?.. Такое потрясение! Не отнимайте этого у меня, Жоффрей! Я не перенесу их горя. Сейчас я живу только одним — помочь избежать рокового исхода. Неужели вы лишите меня этого?.. Разве я так богата?.. Что останется у меня, если исчезнет надежда спасти их, дать им порезвиться на зеленых лужайках — их наивной мечте... Я потеряла все: земли, состояние, титулы, имя, честь, моих сыновей... И вас, вашу любовь... У меня больше нет ничего, кроме дочери, над которой висит проклятие.

Стон застрял у нее в горле, она прикусила губы. Пальцы Жоффрея больно сжимали ее затылок.

— Не надейтесь разжалобить меня слезами.

— Знаю, — прошептала она. — Я такая неловкая.

«Напротив, слишком ловкая», — подумал он. На самом деле, он уже еле выдерживал вид ее слез. Он почувствовал, как судорожно дрожат ее плечи, и сердце его разрывалось от жалости.

— Встаньте... Видеть вас на коленях невыносимо.

Обессиленная Анжелика послушно встала. Помогая ей, граф на мгновение задержал в своих руках ее холодные, как лед, руки, и в раздумье заходил по каюте. Когда Анжелика смотрела на него, он видел мученическое выражение ее глаз, влажные ресницы, набухшие веки, следы слез на щеках.

И вдруг он ощутил такой сильный прилив чувств, что с трудом удержался от соблазна крепко обнять и поцеловать ее, страстно шепнуть: «Анжелика! Анжелика! Душа моя!»

Он не хотел больше видеть, как она дрожит перед ним, но в то же время он еще помнил и ее недавнюю браваду, которую он простил ей с большим трудом.

Как сочеталось в ней все это: сила и слабость, дерзость и покорность,

жесткость и нежность? В этом был секрет ее обаяния. Ему предстояло либо ужиться с этим, либо обречь себя на беспросветное одиночество.

— Прошу вас сесть, госпожа аббатиса, — сказал он вдруг. — Поскольку вы опять хотите поставить меня в безвыходное, положение, скажите сами, какое решение предлагаете вы? Не получится ли так, что мой корабль, побережье и форт скоро станут ареной новых кровавых стычек между вашими вспылчивыми друзьями, моими людьми, индейцами, лесными охотниками, испанскими наемниками и всей фауной Мэна?

Легкая ирония этих слов принесла Анжелике несказанное облегчение. Она присела и глубоко вздохнула.

— Не думайте, что вы уже выиграли партию, — сказал граф. — Я просто задаю вам вопрос. Что мне делать с ними? Ведь дурной пример заразителен. Получив свободу, они станут ждать подходящий момент для реванша. Мне же совершенно не нужно, чтобы здесь, на этой полной опасностей земле, среди нас появились новые враждебные элементы... Я мог бы, конечно, избавиться от них так же, как они собирались поступить с нами: высадить с семьями на пустынном берегу, подальше к северу, например. Но это обрекло бы их на такую же верную смерть, как и виселица. А покорно отвезти их — в благодарность за измену — на острова я не могу, даже ради вас. Я потеряю уважение не только своих людей, но и всего Нового Света... Глупцам здесь не прощают.

Опустив голову, Анжелика погрузилась в раздумье.

— У вас была идея предложить им часть ваших земель для колонизации. Почему бы нет?

— Почему? Ведь мне придется снабдить их оружием, то есть вооружить тех, кто объявил меня врагом. Кто даст мне гарантию их лояльности по отношению ко мне?

— Доходы от предстоящей деятельности. Однажды вы сказали мне, что они смогут здесь зарабатывать гораздо больше, чем ведя торговлю на островах. Это правда?

— Да, это так. Но пока здесь еще ничего не создано. Надо все начинать самим. Выстроить порт и город, наладить торговлю.

— А не поэтому ли у вас возникла идея выбрать именно их? Ведь вам, конечно, известно, что гугеноты творят чудеса, когда начинается освоение новых земель. Мне рассказывали, что английские протестанты, называвшие себя пилигримами, основали несколько прекрасных городов на побережье, которое еще недавно было дикой пустыней. Ларошельцы могут сделать то же самое.

— Этого я не отрицаю. Но их странный и враждебный образ мыслей вынуждает меня усомниться в их дальнейшем поведении.

— Но эта же самая их особенность может стать и залогом успеха. Конечно, договориться с ними и впрямь нелегко, но они хорошие купцы, да и умные, смелые люди. Ведь они без оружия и золота, имея очень маленький опыт в мореплавании, сумели осуществить свой план и захватить трехсоттонный корабль. Разве это не убедительно?

Жоффрей де Пейрак расхохотался.

— У меня не столь великодушное сердце, чтобы признать это.

— Но вы способны на любое великодушие, — проникновенно сказала Анжелика.

Остановившись, он пристально посмотрел на нее. Восхищение и преданность, которыми светились ее глаза, не были притворными. Это был взгляд ее юности, когда она беззаветно и пылко отдавала ему свою любовь.

Он понял: кроме него для нее на земле не было никакого иного мужчины.

И как он мог усомниться в этом? Его охватило чувство радости. Он почти не слышал, что она говорила.

— Жоффрей, вы могли подумать, что я легко прощаю поступок, который ранил вас в самое сердце и привел к непоправимому — к смерти ваших верных друзей. Я возмущена неблагодарностью, проявленной по отношению к вам. Но я все равно буду продолжать бороться за то, чтобы победила не смерть, а жизнь. Иногда между людьми возникает непримиримая взаимная враждебность. В нашем случае это не так. Мы все-таки люди доброй воли, пострадавшие от недоразумения, и я чувствовала бы себя виноватой вдвойне, если бы не старалась его рассеять.

— Что вы имеете в виду?

— Жоффрей, когда, не зная, кто скрывается под маской Рескатора, я пришла к вам с просьбой взять на борт этих людей, которых лишь несколько часов отделяло от ареста, вы сперва отказали мне, а потом согласились. Следовательно, вам пришла мысль сделать из них колонистов. Я убеждена, что, принимая это решение, не забывая о своих интересах, вы, видимо, хотели дать изгнанникам нежданный шанс.

— В этом вы правы...

— Но почему вы сразу же не раскрыли им свои намерения? В дружеской беседе растаяло бы то подозрение, которое вы заронили в них. Никола Перро говорил мне, что в мире нет людей, чей язык вы не смогли бы понять, и что вам удалось обзавестись друзьями и среди индейцев, и

среди пилигримов, обосновавшихся в колониях Новой Англии.

— Дело в том, что эти ларошельцы сразу вызвали во мне враждебность, которая, естественно, стала взаимной.

— Но из-за чего?

— Из-за вас.

— Из-за меня?

— Безусловно. Вы сами сегодня помогли мне понять истоки сразу же возникшей между нами антипатии. Постарайтесь представить себе, как это получилось, — взволнованно воскликнул он. — Я увидел вас среди них, как в вашей родной семье. И мог ли я не заподозрить, что кто-то из них ваш любовник, а то и супруг? К тому же оказалось, что у вас есть дочь. Так может, ее отец тоже был на борту? Я видел, с какой нежностью вы ухаживали за раненым, чья судьба волновала вас настолько, что вы просто перестали обращать на меня внимание.

— Жоффрей, он ведь спас мне жизнь!

— К тому же вы еще и объявили мне о предстоящем вступлении с ним в брак. Я старался привлечь вас к себе, опасаясь снять маску, пока ваш дух витает вдали от меня. Мог ли я не возненавидеть этих ограниченных, скрытных пуритан, которые так околдовали вас? В общем, я полностью созрел для того, чтобы поприжать их. А тут еще эта история с потерявшим из-за вас голову Берном и его сумасшедшей ревностью.

— Кто бы мог подумать! — огорченно сказала Анжелика. — Такой спокойный, уравновешенный человек. Надо мной висит какое-то проклятие, из-за которого между мужчинами возникают раздоры.

— Красота Елены привела к Троянской войне!

— О Жоффрей, только не надо говорить, что я причина стольких страшных бед.

— Да, из-за женщин происходят самые ужасные, необъяснимые бедствия! Недаром говорят: «Ищите женщину!»

Он поднял ее подбородок и нежно провел рукой по лицу, как бы стирая след тягостных переживаний.

— Но они же приносят иногда и самое большое счастье, — продолжил он. — По правде сказать, мне понятно желание Берна убить меня. И я прощаю его только потому, что одержал победу благодаря не столько томагавкам моих могикан, сколько сделанному вами выбору. Пока я сомневался в вашем выборе, бессмысленно было взывать к моему милосердию. Такова цена нам, мужчинам, дорогая моя. Она не очень высока... Попробуем же исправить ошибки, в которых — и я признаю это — есть доля вины каждого. Завтра пироги перевезут на берег всех

пассажиров. Маниго, Берн и другие поедут с нами, но они будут в цепях и под стражей. Я расскажу им, что я от них жду. Если они согласятся, я заставлю их поклясться в лояльности на Библии... Надеюсь, что такую клятву они не посмеют нарушить.

Он взял со стола шляпу.

— Вы удовлетворены?

Анжелика не ответила. Ей трудно было еще поверить в свою победу. У нее кружилась голова.

Поднявшись, она проводила его до двери и там непроизвольно положила свою руку ему на запястье.

— А если они не согласятся? Если вы не сможете убедить их? Если в них возобладает мстительность?

Отведя глаза в сторону, он пожал плечами.

— Дадим им проводника-индейца, лошадей, повозки, оружие и пусть катятся... к черту в ад... в Плимут или Бостон, там их встретят единоверцы...

Глава 8

Стоя на полуострове, Анжелика вслушивалась сквозь туман в далекие голоса земли. Пение или зов? Там был неведомый, но уже совсем близкий мир, выбранный для новой жизни Жоффреем де Пейраком. Поэтому Анжелика уже чувствовала привязанность к нему.

Она жадно впитывала в себя эти звуки, и постепенно ее охватывало радостное волнение, перед которым отступала усталость. Она отвыкла от слова «счастье», иначе именно так она определила бы свое состояние. Счастье было эфемерным, хрупким, и все же душа ее уже отдыхала от битв, ощущала невероятную полноту жизни. Настал решающий час. Он навсегда останется у нее в памяти, как луч света в ее судьбе...

Сообщив измученным женщинам утешительную весть, она поднялась на корму и теперь стояла в тумане рядом с Онориной и ждала.

Ей надо было побыть одной, в одиночестве обдумать все происшедшее, преодолеть подавленность, которая уже начала отступать.

Жоффрей только что расстался с ней, а она уже ожидала его возвращения. Анжелика хотела вновь услышать его голос. Прислушиваясь к всплескам воды под веслами приближающейся лодки, возможно, его лодки, она ждала, когда раздадутся его шаги. Она сгорала от желания быть рядом с Жоффреем, любоваться им, внимать его словам. Разделять с ним радости и заботы, мечты и устремления, стать его тенью, быть в его объятиях. Ей хотелось бегать по холмам и петь песни. Но пока приходилось ждать в тумане, на пороге Эдема, в плену на корабле, на котором они пересекли море мрака. В памяти воскресал каждый обращенный к ней жест, каждое слово.

И вдруг на нее напал смех:

«Влюблена! Влюблена! Как безумно я влюблена!»

Радость возвращенной любви заполнила ее сердце. Она снова ощутила нервную породистую руку, ласкающую ее волосы, услышала его ласковый голос: «Прошу вас сесть, госпожа аббатиса...»

«Он не мог так быстро и щедро принять мою просьбу, если бы не любил меня. Он помиловал их! Он бросил к моим ногам этот царский подарок, а я опять дала ему уйти... как в те времена, когда он небрежно дарил мне дорогие украшения, а я не осмеливалась его благодарить. Не странно ли это?.. Он всегда внушал мне какой-то страх. Может быть, потому что он очень не похож на других мужчин?.. Или потому, что я

чувствую себя перед ним слабой?.. И боюсь подпасть под его власть? Но что из того, если это произойдет. Я женщина, и я его жена».

Только благодаря узам брака они смогли найти друг друга. Граф де Пейрак не мог забыть свою супругу. Он поспешил к ней на помощь в Кандии, затем, когда Осман Ферраджи предупредил его, отправился в Мекнес. И в Ла-Рошель он примчался, чтобы выручить ее.

Да, именно так! Теперь она не сомневалась, что граф де Пейрак появился у стен Ла-Рошели не случайно. Он знал, что она в этом городе! Кто же предупредил его? Она перебрала в уме все возможные варианты и остановилась на наиболее вероятном — болтовня месье Роша. В портах, связанных с Востоком и Западом, известным становится все.

«Он всегда стремился помочь мне, когда я оказывалась в затруднительном положении. Следовательно, он дорожил мною, а я доставляла ему одни неприятности».

— Мама, ты дрожишь, как от дурного сна, — с укором произнесла Онорина. Вид у нее был явно недовольный.

— Ты ничего не понимаешь, — ответила Анжелика, — все так прекрасно!

Онорина чуть надулась в знак несогласия. Чувствуя смутные угрызения совести, Анжелика погладила ее длинные рыжие волосы. Девочка запомнила, что, когда отношения между Черным Человеком и ее матерью налаживаются, ее благополучию приходит конец. Мать почти забывала о ней и даже страдала от ее присутствия...

— Но ты не бойся, — вполголоса сказала Анжелика, — я не покину тебя, дитя мое, пока ты будешь во мне нуждаться. Твое маленькое сердце уже извело немало потрясений. Онорина, я хочу что-то сказать тебе, моя хорошая. — Глядя ладонью круглую голову Онорины, она размышляла о загадочной природе их дружбы, их глубокой, нерушимой близости. — Ты всегда была моей самой любимой. Мое чувство к тебе оказалось более сильным, чем к другим моим детям. Мне кажется даже, что именно благодаря тебе я научилась быть матерью. Лучше бы мне не признаваться в этом, но я хочу, чтобы ты знала все. Ведь при рождении тебе не досталось ничего.

Она говорила так тихо, что Онорина не разбирала слов, а скорее, угадывала их значение.

Увы, счастье Анжелики омрачили упреки де Пейрака в том, что она не защитила их сына, что была ему неверна, хотя в самой тяжелой измене она была невиновна.

Надо однажды набраться смелости и сказать мужу, что она никогда не

была любовницей короля!

И, разумеется, никогда не могла любить того, от кого была зачата Онорина.

Надо будет поговорить и о Флоримоне. Кто, как не они, родители, обязаны попытаться найти сына, которому в свое время удалось вовремя скрыться из Плесси и только благодаря этому счастливо избежать смерти. Надо будет набраться смелости и вспомнить все об этом тяжелом времени. А если Жоффрей вдруг заговорит о Канторе? Это такое больное место! Почему он, Жоффрей, всегда все предусматривавший, не знал, атакуя королевский флот, что его сын находится на одной из галер? Это была его единственная военная акция против короля Франции. Злой судьбе было угодно... Судьбе ли? Или здесь было что-то другое?

Как и в момент, когда она подумала о Роша, у нее возникло ощущение, что вот-вот выяснится нечто настолько простое, что уже давно должно было быть для нее очевидным.

Голова ее не выдерживала... Внезапно взглянув вверх, она оцепенела от какого-то первозданного страха. Весь небосвод заливало сияние, сперва фиолетовое, затем красное, и, наконец, ярко-оранжевое. Оно казалось рассеянным, но лилось отовсюду.

Анжелика невольно подняла голову еще выше и увидела прямо над собой оранжевый шар, похожий на огромный гриб. Лицо ее опалило таким жаром, что она сразу же опустила голову.

Онорина подняла кверху палец:

— Мама, смотри, солнце!

Анжелика едва не рассмеялась.

— Да, всего лишь солнце...

Испытанный ею страх не был таким уж смешным. Солнце действительно было странным. Оно было почти полностью красным и казалось гигантским, хотя стояло высоко в небе. А вокруг зависли вертикально расположенные разноцветные шторы. Они казались прозрачными, с жемчужным отливом.

Солнце излучало палящий жар, но вдруг подул холодный ветер, и Анжелике показалось, что она замерзает. Она набросила на Онорину свой плащ и сказала: «Пошли!» — но не сдвинулась с места, замороженная необычностью зрелища.

Разноцветные шторы тумана начали таять и растворяться, словно муслиновые завесы.

Ей вдруг почудилось впереди изумрудное чудовище, которое, вытягиваясь, становилось огромным, выпуская повсюду гигантские

щупальцы с ярко-розовыми когтями. Внезапно туман исчез, словно его и не было. Порыв ледяного ветра сдул последнюю завесу. Воздух зазвучал поющей ракушкой, солнце чуть поблекло, небо засветилось сине-голубыми переливами, а то, что показалось Анжелике изумрудным чудовищем, стало берегом с холмами, покрытыми густым лесом. Зелень разливалась, куда хватало взгляда, до самых красно-розовых песчаных отмелей у подножия бесчисленных скалистых мысов.

Лес поражал своим многоцветьем: темнели еловые рощи, огромные сосны вздымали к небу свои сине-зеленые зонты, в предчувствии осени заросли кустов уже отливали красным золотом. Повсюду: и в заливе, и дальше, в густолавандовом море виднелись зеленые острова, окаймленные розовым песком. В них было какое-то сходство со стаями акул, защищающих от жадных людей божественную красоту побережья.

После долгих дней в молочном тумане это фантастическое пиршество красок настолько околдовало Анжелику, что она не заметила, как вернулся шлюп и как к ней тихо подошел Жоффрей де Пейрак. Незаметно наблюдая за ней, он был потрясен восторженным сиянием на ее лице. Да, она действительно была женщиной высшей породы. Наступавший холод и дикость ландшафта волновали ее куда меньше, чем его нечеловеческая красота.

Когда Анжелика повернулась к нему, он сделал широкий жест рукой.

— Вы хотели попасть на острова, сударыня? Перед вами острова.

— А как называется этот край?

— Голдсборо.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
СТРАНА РАДУГ

Глава 1

— Так мы в Америке? — спросил один из юных Карреров.

— Право, я сам не знаю. Думаю, что да, — сказал Мартиал.

— Совсем не похоже на то, что писал пастор Рошфор.

— Но здесь еще красивее.

Раздавались лишь детские голоса, в то время как взрослые пассажиры собрались на палубе в гнетущей тишине.

— Мы высадимся на берег?

— Да!

— Наконец-то!

Все взглянули в сторону леса. Пелена неровного, прерывистого тумана не позволяла определить расстояние. Впоследствии Анжелике довелось узнать, что панорама лишь изредка полностью открывалась взгляду такой, какой она явилась ей в первый раз, в том видении, которого она никогда не забудет. Чаще удавалось уловить лишь обрывки целого, тогда как некоторые уголки оставались скрытыми, сокровенными, пробуждая тревогу или любопытство.

Однако погода была достаточно ясной, чтобы различить землю и множество пирог, раскрашенных в красный, коричневый и белый цвета, которые шли к кораблю от берега.

В том месте, где морские волны бились об отмель и узкий, перехваченный цепью залив закрывал бухту, лишь грохот прибоя свидетельствовал о том, что открытое море неподалеку.

Туда и устремились взгляды Маниго, Берна и их товарищей, когда их вывели из трюма. Со стороны отмели низвергалась стена грохочущей, пенящейся воды, и это апокалиптическое чудовище из пены казалось пленникам символом того, что из столь защищенного убежища сбежать невозможно.

И все же они приближались твердым шагом. Анжелика поняла, что они еще не знали, зачем их расковали и вывели наверх. Рескатор продлевал свою месть, держа их в неизвестности, убийственной для их нервов: заботу, которой их окружили два молчаливых матроса, они приняли, должно быть, за приготовление к казни. В самом деле, им вернули принадлежности для бритья и принесли чистое белье и их обычную одежду, сильно поношенную, но вычищенную и выглаженную.

Когда они показались, то выглядели почти так же, как в былые

времена. Взволнованная Анжелика заметила, что на них не было цепей, как ей это и обещал муж. Ее сердце устремилось к нему в неудержимом порыве, ведь она знала, почему он избавил их от этого унижения в присутствии их детей.

Он сделал это ради нее, чтобы лучше угодить ей. Она поискала его глазами. Он только что показался, как всегда, внезапно, в том же большом красном плаще, который он надел накануне. Красные и черные перья покачивались на его шляпе в такт с перьями многочисленных индейцев. Индейцы поднимались на борт молча, с ловкостью обезьян. Они были везде. Их молчание и загадочный взгляд узких глаз действовали угнетающе.

«Когда-то я видела краснокожего на Пон-Неф, — вспомнила Анжелика. — Какой-то старый матрос показывал его, как диковинку. Тогда я и думать не могла, что когда-нибудь тоже высажусь в Новом Свете и окажусь среди них и, может быть, даже буду от них зависеть».

Внезапно индейцы схватили самых маленьких детей и исчезли вместе с ними. Изумленные, обезумевшие от страха матери принялись кричать.

— Эй, кумушки, спокойнее, — весело воскликнул д'Урвилль, только что подплывший на большой шлюпке с «Голдсборо». — Вас слишком много, мы не можем всех взять с собой. Наши друзья могикане сажают детей в свои пироги. Вам нечего бояться! Это не дикари!..

Его прекрасное настроение и французская речь подействовали успокаивающе. Нормандский корсар внимательно рассматривал женские лица.

— Среди этих дам есть славные мордашки, — заметил он.

— Теперь я скажу тебе: спокойнее, дружище, — сказал Жоффрей де Пейрак. — Не забывай, что ты женат на дочери нашего великого сашема и должен хранить ей верность, если не хочешь получить стрелу в свое легкомысленное сердце.

Д'Урвилль скорчил гримасу, затем крикнул, что пора садиться в лодки и что он готов подхватить самую храбрую из дам.

Благодаря ему трагическая атмосфера, казалось, рассеялась. Все поняли, что путешествие окончилось, и собрали скудные пожитки, которые каждый взял с собой, покидая Ла-Рошель.

Анжелику пригласили занять место в большой шлюпке. Туда же сели пленники, а также пастор Бокер, Абигель, мадам Маниго с дочерьми, мадам Мерсело и Бертиль, мадам Каррер и часть ее выводка.

Жоффрей де Пейрак спрыгнул в шлюпку последним, встал на носу и

предложил пастору занять место рядом с собой.

Остальные пассажиры уселись в три лодки, которыми управляли матросы.

Никто даже не оглянулся на покачивающийся «Голдсборо», лишенный мачт. Все смотрели только на берег.

За шлюпками следовала целая флотилия индейских пирогов, откуда раздавалось глухое, ритмичное пение в такт волнам. Протяжный, заунывный напев придавал этой минуте торжественность, которую ощущали все. После долгих мучительных дней, проведенных между небом и водой, перед ними предстала первобытная земля.

Приблизившись, они увидели пестрое сборище на маленьком пляже, покрытом песком и ракушками нежно-розового оттенка. Скалы красного и более густого, доходящего до пурпурного, цвета выстроились в кортеж на подступах к гранитному склону, подрытому огромными соснами, которые чередовались с белыми, как кость, стволами берез и роскошными кронами величественных дубов.

Люди у подножья этих гигантов выглядели муравьями. Казалось, они выползли из-под корней. Но, приглядевшись, можно было различить крутую тропинку, ведущую к лужайке, расположенной на середине склона, на площадке, наклоненной в сторону моря. Там находилось несколько низких хижин, индейских вигвамов. Затем тропинка поднималась еще выше по гранитному хребту, и открывался вид на нечто вроде форта, целиком построенного из круглых бревен. Длинный забор высотой в десять футов из еловых стволов окружал более высокое здание с двумя квадратными башнями по бокам.

В заборе были оставлены четыре прохода, в конце которых угадывались настороженные жерла пушек.

Несмотря на признаки жизни, это необычайно красивое место казалось диким, лишенным человеческого присутствия. Особенно хороши были краски: словно покрытые лаком, яркие и в то же время богатые оттенками благодаря проходящим туманам, они создавали ощущение нереальности. Все было в совершенно ином масштабе, казалось огромным, слишком крупным, подавляющим.

Они смотрели молча. Глаза их впитывали этот край.

Шлюпка, несущаяся на гребне пенистой волны, ударилась о дно, покрытое гравием цвета крови, хорошо видимым сквозь прозрачную воду, которая вдруг приобрела фиолетовый оттенок. Несколько матросов вошли в волны по пояс, чтобы вытащить лодку на берег.

Жоффрей де Пейрак, по-прежнему стоявший на носу, повернулся к

пастору.

— Господин пастор, эта затерянная бухта, скрытая от глаз всего мира, всегда была убежищем для пиратов... С тех пор как в незапамятные времена здесь высадились северные мореплаватели, которые назывались викингами и поклонялись языческим богам, среди европейцев, в свою очередь искавших здесь убежища, были лишь пираты, искатели приключений, люди вне закона... К ним принадлежу и я, ибо, хотя я не склонен ни к войне, ни к преступлениям, единственный закон, которому я подчиняюсь, — мой собственный.

Я хочу сказать, господин пастор, что вы будете первым служителем Бога, Бога Авраама, Иакова и Мельхиседека, как гласят священные тексты, который высадится в этих местах и вступит во владение ими. Поэтому я хочу попросить вас, господин пастор, первым сойти на берег и повести ваших людей по этой новой земле.

Старый пастор, нисколько не ожидавший подобной просьбы, вскочил на ноги. Он крепко прижимал к груди толстую Библию — свое единственное богатство. Не ожидая помощи, с неожиданной легкостью он выпрыгнул из лодки и пересек по воде небольшое расстояние, отделявшее его от суши.

Ветер раздувал его седые волосы, так как во время плавания он потерял шляпу. Он шел, худой и черный, и пройдя немного по берегу, остановился, поднял над головой священную книгу и запел псалом. Остальные хором подхватили.

Прошло уже много дней, как они не пели во славу Господню. Их гортани, обожженные солью, их сердца, сокрушенные печалью, утратили способность к общей молитве. Собравшись вокруг пастора, они пели слабыми, нетвердыми голосами. Некоторые, сделав два-три шага, опустились на колени, будто упали. Индейцы, приплывшие на лодках, несли на руках детей. Какими бледными и жалкими по контрасту с их медной кожей выглядели эти маленькие европейцы в изношенной одежде, слишком широкой для их исхудавших тел! Дети восхищенно таращили глазенки.

А вокруг, чтобы поглазеть на вновь прибывших, собралась самая удивительная человеческая смесь, «фауна Мэна», как сказал бы Жоффрей де Пейрак. Индейцы и индианки, деревенские жители и воины в уборах из перьев, в мехах, с блестящим оружием, с разрисованными лицами, женщины с привязанными к спине младенцами, похожими на цветные коконы; затем пестрое сборище матросов, от смуглого уроженца Средиземноморья до бледного рыжеволосого северянина; коренастый

Эриксон, жующий табак рядом с неаполитанцем в красном колпаке, два араба в раздуваемых ветром джеллабах; все с абордажными саблями, рапирами, тесаками. Двое или трое мужчин, бородатых, как Никола Перро, в кожаной одежде и меховых шапках, смотрели издалека, опираясь на мушкеты, тогда как солдаты маленького испанского гарнизона, в латах и касках из блестящей вороненой стали, с длинными пиками в руках, держались прямо, как на военном параде.

Командовал ими, по-видимому, худощавый идальго с необыкновенными черными усами. Анжелика его уже видела на «Голдсборо» во время абордажного боя, похоронившего все надежды протестантов. Он крепко сжимал губы и время от времени свирепо ощеривал рот. Несомненно, он, подданный Его Католического Величества, терпел все муки ада, видя, как еретики высаживаются на этих берегах.

Он показался Анжелике самым нелепым из всех. Что делал здесь этот персонаж из блестящей свиты какого-нибудь кастильского вельможи?

Она так пристально рассматривала его и его деревянных солдатиков, что чуть не споткнулась, выходя из шлюпки. Пытаясь устоять, она вдруг перестала понимать, что происходит. Все кружилось. Земля будто поднималась и ускользала у нее из-под ног. Она чуть было тоже не упала на колени.

Чья-то сильная рука поддержала ее, и она увидела рядом с собой смеющегося мужа.

— Вы отвыкли от суши. Еще несколько дней вам будет казаться, что вы на палубе корабля.

Так, держась за его руку, она вышла на берег. Пусть это был случайный жест — ей он показался добрым предзнаменованием.

Правда, мушкеты, направленные моряками с «Голдсборо» на мужчин-протестантов, предостерегали от неумеренного оптимизма.

Теперь, когда улеглось первое волнение, мужчины и их семьи с тревогой ожидали решения своей участи. Суровые к самим себе так же, как и ко всем другим, они не питали никаких надежд относительно будущего, которое было им уготовано. Должно быть, в этих краях власть закона «око за око, зуб за зуб» была еще более непререкаемой, и они не ожидали никакого милосердия от человека, который, как они не раз уже могли убедиться, был скор на расправу. Они, казалось, сами удивлялись, что все еще живы.

К Маниго и его людям приблизились индейцы и положили к их ногам снопы из связанных кукурузных початков, корзины с овощами и различные напитки в удивительных сосудах круглой и продолговатой формы,

вероятно, вырезанных из очень легкого дерева, а также готовые кушанья на кусках бересты.

— Образчики того приема, который приготовил для вас великий сашем, — объяснил граф де Пейрак. — Его здесь сейчас нет, но он не замедлит появиться.

Маниго оставался напряженным.

— Что вы думаете сделать с нами? — спросил он. — Пора вам объявить о своем решении. Если нас ждет смерть, к чему вся эта комедия гостеприимства?

— Взгляните вокруг. Это не смерть, а жизнь, — сказал граф, обводя широким жестом роскошный пейзаж.

— Следует ли из этого, что вы откладываете казнь?

— В самом деле, откладываю.

Усталые, мертвенно бледные лица протестантов порозовели. Они мужественно приготовились к смерти, помня его безжалостные слова: «Око за око, зуб за зуб!»

— Хотел бы я знать, что скрывается за вашим милосердием, — заметил Маниго брюзгливо.

Граф топнул по красному песку своим красным сапогом.

— Оставайтесь здесь и постройте порт, который будет более богатым, обширным и знаменитым, чем Ла-Рошель.

— Что это, условие нашего спасения?

— Да... Если только истина в том, что спасение людей в продолжении дела жизни.

— Вы делаете из нас своих рабов?

— Я дарю вам чудесную землю.

— Прежде всего, где мы находимся?

Он объяснил, что они в одном из пунктов берега Мэна, края, протянувшегося от Востока до Порт-Руаяля в Новой Шотландии, граничащего на юге со штатом Нью-Йорк, а на севере — с Канадой и входящего в одну из тринадцати английских колоний.

Ларошельский судовладелец, Берн и Ле Галль ошеломленно переглянулись.

— То, о чем вы нас просите, чистое безумие. Этот изрезанный берег слывет неприступным, — сказал Ле Галль. — Это смертельная ловушка для всех кораблей. Ни один цивилизованный человек здесь не приживется.

— Совершенно верно. Везде, кроме этого места, куда я вас привез. То, что вам кажется очень опасным проходом, всего лишь скалистый порог, судоходный во время прилива и дающий надежное укрытие в этой тихой

бухте.

— Если речь идет об убежище для пиратов, я не спору. Но что касается строительства порта, тут рассказы мореплавателей не оставляют ни малейшей надежды. Вспомните: сам Шамплен потерпел здесь неудачу. Рассказы действительно жуткие. Несколько попыток основать здесь колонию дорого обошлись тем несчастным, которых сюда послали. Голод, холод, катастрофические приливы, зимой ветер приносит снег на самый берег. Вот участь, которую вы нам готовите!

Он взглянул на свои голые руки:

— Здесь ничего нет. Абсолютно ничего. Вы приговорили нас, наших детей и женщин к голодной смерти!

Едва он замолчал, как Жоффрей де Пейрак сделал рез кое движение рукой, подавая знак матросам, остававшимся в одной из лодок. Затем он устремился к красным скалам, выдававшимся в море.

— Идите-ка сюда!

Они нехотя последовали за ним, опасаясь, что сейчас им накинут веревку на шею, но вскоре убедились, что этот невероятный человек всего лишь приглашал их прогуляться по побережью. Они догнали его на самом крайнем мысе, где была причалена лодка. Матросы разворачивали сеть.

— Есть среди вас профессиональные рыбаки? Кажется, вот эти, — сказал он, взяв за плечи обоих мужчин из местечка Сен-Морис, — и особенно вы, Ле Галль. Садитесь в эту лодку, отплывите на глубину и закиньте сети.

— Нечестивец! — возмутился Мерсело, — вы осмеливаетесь пародировать писание.

— Глупец! — добродушно возразил Пейрак. — Нет двух разных способов, чтобы посоветовать одно и то же.

Когда рыбаки возвратились, пришлось всем вместе тащить на берег тяжелую сеть, в которой действительно оказался почти библейский улов.

Обилие, разнообразие и величина рыбы изумили всех. Помимо обычных видов, похожих на те, что встречаются у берегов Шаранты, здесь были и такие, которых они почти не знали: лосось, белый палтус, осетр. Но им было известно, как высоко ценится эта рыба в копченом виде. Огромные сине-стальные омары свирепо бились среди сверкающих рыб.

— Вы сможете каждый день вылавливать столько же. В определенное время треска целыми косяками укрывается в прибрежных расщелинах. Лососи идут вверх по течению рек на нерест.

— Засаливая и коптя рыбу, можно снабжать провизией суда, стоящие в порту, — произнес Берн, который до сих пор не раскрыл рта.

Казалось, он задумался. Он уже воображал темные склады, пахнувшие солью, в которых выстроились бочонки с рыбой.

Граф де Пейрак бросил на него испытующий взгляд и произнес:

— Разумеется. Во всяком случае, вы теперь видите, что голод вам не грозит. Не говоря уже об обилии дичи, о сборе ягод и кленового сиропа и о великолепных растениях, которые выращивают индейцы. Я вам о них расскажу, а пока вы сможете судить о них сами.

Глава 2

Когда они вернулись, отмель выглядела, как пиршественный стол. Туземцы подносили все новые кушанья, корзины с плодами, мелкими, но ароматными, огромные овощи, различные виды тыкв и помидоров. От костров шел запах свежельовленной жареной рыбы. Некоторые индейцы пританцовывали, размахивая томагавками, украшенными перьями, — оружием с железным или каменным шаром на конце, которым они пользовались, чтобы оглушать своих врагов.

— Где наши дети? — закричали матери, вдруг испугавшись этих диких забав.

— Мама, мама, — верещала Онорина, бросаясь к матери. — Взгляни, каких креветок поймали мы с мистером Кроули!

Вся рожица у нее была вымазана синим.

— Ты будто чернил напилась!

В таком же виде были все детишки.

— Мы наелись «strawberries» и «whortleberries»^[32].

«Через несколько дней они все заговорят по-английски», — подумали родители.

— Голода вам бояться нечего, — сказал граф, указывая на все вокруг. — Что же касается холода, есть меха и сколько угодно дров.

— И все же Шамплен потерпел неудачу, — повторил Маниго.

— Совершенно верно. А знаете, почему? Он не знал о существовании береговой отмели, испугался высоты приливов — сто двадцать футов — и суровой зимы.

— Разве вы устранили эти трудности? — раздраженно усмехнулся Маниго.

— Нет, конечно. Высота прилива по-прежнему сто двадцать футов, но это по ту сторону Голдсборо, там, где Шамплен разбил свой лагерь. Он уцепился за тот чертов угол, тогда как в получасе верховой езды расположено место, где мы с вами находимся и где высота прилива всего сорок футов.

— Сорок футов тоже слишком много для порта.

— Не правда. Как раз такая высота прилива в Сен-Мало, процветающем бретонском порту.

— Там не такой узкий проход, — заметил Берн.

— Верно, но там есть Ранс со своими отливами и тиной.

— Здесь тины нет, — сказал Маниго, обмакнув руку в прозрачную воду.

— Значит, у вас даже больше надежды на успех, чем ее было у ваших предков, когда они решили построить неприступный порт на той самой скале, которой было суждено стать Ла-Рошелью. Несмотря на приливы, там столько тины, что очень скоро она совершенно задушит порт. Кто же, как не вы, ларошельцы, сумеет освоить это место, столь похожее на ваш родной город?

Анжелика заметила, что все протестанты собрались вокруг того, кого они по-прежнему называли Рескатором. И, как это обычно бывает, когда говорит компетентный человек, все увлеклись и забыли о двусмысленности своего положения. Его вопрос вернул их к действительности.

— Ничего не поделаешь, мы в ваших руках, — с горечью сказал Маниго. — У нас нет выбора.

— Какой выбор вам нужен? — бросил Жоффрей де Пейрак, глядя ему в глаза. — Выбор плыть на Санто-Доминго? Что знаете вы об этом острове, куда нельзя добраться, не заплатив дани карибским пиратам, и который периодически грабят флибустьеры и морские разбойники с острова Тортуги? Да и чем там заняться таким людям, как вы, предприимчивым, энергичным, знающим море и морскую торговлю? Рыбной ловлей? В тамошних скудных ручьях водится лишь немного пескарей, а у берега полно свирепых акул.

— Но у меня там были деньги и отделения торговой компании, — сказал Маниго.

— Вряд ли они уцелели, и дело даже не в пиратских налетах. *Uae victis*^[33], господин Маниго. Вот если бы у вас сохранилось прочное положение в Ла-Рошели, была бы еще надежда вернуть себе кое-что на островах. Но сами вы разве не уверены в том, что те, кто были на Санто-Доминго и в Ла-Рошели, вашими дорогими, преданными, услужливыми компаньонами, уже поделили все, что вам принадлежало?

Маниго смутился. Слова Рескатора слишком живо напомнили ему о собственных его опасениях. Граф продолжал:

— Сами вы настолько убеждены в этом, что одной из причин, заставивших вас захватить мой корабль, был страх прибыть на острова совершенно нищим, к тому же имея передо мной обязательства оплатить расходы за плавание. Ваш план, достойный корсара, давал вам два преимущества. Устраняя меня, вы тем самым избавлялись от кредитора и

владельца прекрасного корабля. Корабль заставил бы считаться с вами тех, кто встретил бы вас хуже, чем бродячего пса, если бы вы явились на острова как нищий переселенец.

Маниго не спорил. Он лишь скрестил руки на груди и склонил голову, глубоко задумавшись.

— Значит, господин граф, вы полагаете, что мои опасения по поводу прежних моих компаньонов на островах и в Ла-Рошели были обоснованными. Это ваше предположение или уверенность?

— Уверенность.

— Откуда вам все это известно?

— Мир не так велик, как кажется. Зайдя однажды в порт у берегов Испании, я встретил одного из самых болтливых людей на свете, некоего Роша, с которым познакомился еще на Востоке.

— Я слышал это имя.

— Он был представителем ларошельской Торговой палаты. Он рассказал мне об этом городе, из которого только что уехал, и о вас, чтобы продемонстрировать, каким образом власть и богатство в Ла-Рошели перейдут от богатых протестантов к католикам. Вы были обречены уже тогда, господин Маниго. Но в то время, слушая его, я не предполагал, что буду иметь... честь, — он отдал полный иронии поклон, — предоставить на своем корабле убежище тем самым гонимым людям, о которых он мне говорил.

Казалось, Маниго его не слышал. Затем он глубоко вздохнул.

— Что же вы раньше не рассказали обо всем, что знали? Быть может, удалось бы избежать кровопролития.

— Напротив, думаю, что тогда вы бы еще яростнее стремились ограбить меня, чтобы обрести надежду взять верх над врагами.

— То, что бывшие друзья от нас отвернулись и мы остались без средств, еще не давало вам права распоряжаться нашими жизнями.

— Вы же распорядились нашими. Мы в расчете. К тому же, имейте в виду, что, кроме выращивания сахарного тростника и табака, в чем у вас нет никакого опыта, вы могли бы там заняться только работоторговлей. Так вот, я никогда не стану способствовать появлению еще одного торговца неграми. Здесь вам придется отказаться от этого недостойного промысла. Поэтому вы сможете заложить основы нового мира, который не будет с самого начала нести в себе зародыш разрушения.

— Но на Санто-Доминго мы могли бы возделывать виноград. Именно таково было наше намерение, — сказал один из ларошельцев, изготовлявший дома бочки для шарантских вин.

— На Санто-Доминго виноград не растет. Испанцы пытались его выращивать, но тщетно. Чтобы лоза плодоносила, нужен перерыв в сокообразовании. Он происходит благодаря смене времен года. На островах же сок циркулирует постоянно, и листья не опадают. Нет времен года, нет и виноградников.

— Но ведь пастор Рошфор в своей книге писал...

Граф де Пейрак покачал головой.

— Пастор Рошфор, храбрый и уважаемый путешественник, с которым мне приходилось встречаться, невольно отразил в своих сочинениях свой особый взгляд на жизнь, свои поиски земного рая и земли Ханаан. По этому в его повествованиях есть явные ошибки.

— Ха! — воскликнул пастор Бокер, с силой ударив по своей толстой Библии. — Я с вами совершенно согласен! Я никогда не доверял этому ясновидцу.

— Поймите меня правильно. У ясновидцев есть и хорошие стороны. Они служат прогрессу человечества, вырывая его из вековой рутины. Они видят символы, истолковывать же их должны другие. Пусть писатель Рошфор допустил досадные географические неточности и описывал со слишком наивным восхищением богатства Нового Света, но те переселенцы, которых он привлек за океан не были обмануты. Скажем, что уважаемый пастор слишком хорошо усвоил то символическое чувство, которое является основой индейской духовности. Конечно, на побегах дикого винограда не растут сочные гроздья, так же как на ветвях хлебного дерева нет румяных булочек. Но изобилие, счастье, душевный покой возможны повсюду лишь для тех, кто сумеет открыть истинные богатства, которые может дать эта земля, полюбить ее и не переносить сюда суетные раздоры Старого Света. Разве не ради этого вы приехали сюда?

Во время этой продолжительной речи голос Жоффрея де Пейрака то срывался, то становился хриплым, но ничто не могло остановить пламенный поток его слов. Он не обращал внимания на свое раненое горло, так же как когда-то, дерясь на дуэли, не думал об искалеченной ноге. Горящий взгляд под густыми бровями привлекал слушателей и передавал им его убежденность.

Мавр, заменивший при нем служителя Абдуллу, приблизился и подал ему одну из чудных пузатых фляг золотисто-желтого цвета с таинственным напитком, принесенным индейцами. Граф выпил залпом, не задумываясь, что это было.

Вдали послышалось конское ржание. Два индейца спустились на берег на лошадях, рассыпавших камешки копытами. К ним вышли навстречу, и

они передали послание. Великий сахем Массава был уже в пути, чтобы приветствовать новых бледнолицых. Были отданы приказы на всех языках, чтобы ускорить выгрузку подарков, которые скапливались на берегу по мере того, как их перевозили с «Голдсборо»: новенькие мушкеты, завернутые в промасленное полотно, холодное оружие, изделия из стали.

Габриэль Берн не смог удержаться, чтобы не заглянуть в открытые сундуки.

Жоффрей де Пейрак наблюдал за выражением его лица.

— Ножевой товар из Шеффилда, самый лучший, — заметил он.

— Знаю, — подтвердил Берн.

Впервые за много дней напряженное выражение сошло с его лица, взгляд оживился. Он как бы забыл, что разговаривает с ненавистным соперником.

— Не слишком ли это хорошо для дикарей? Они бы удовольствовались и меньшим.

— Индейцам нелегко угодить в том, что касается оружия и инструментов. Обманув их, я бы свел к нулю преимущества сделки. Подарки, которые вы видите, должны обеспечить нам мир на территории более обширной, чем все французское королевство. Их также можно обменять на меха или продать за золото и драгоценные камни, которые остались у индейцев с незапамятных времен от их таинственных городов. Драгоценности и благородный металл по-прежнему ценятся на побережье, причем необязательно в форме золотых монет европейской чеканки.

Берн в задумчивости вернулся к своим друзьям. Они по-прежнему держались все вместе и хранили молчание. Их подавляла огромная территория, которая вдруг досталась им, лишившимся всего. Они без конца смотрели на море, скалы, их взгляд поднимался к холмам с гигантскими деревьями, и каждый раз все вокруг выглядело иначе из-за блуждающего тумана, придававшего пейзажу то приветливую мягкость, то бесчеловечную дикость.

Граф следил за ними, положив руки на пояс. Глаз его, чуть растянутый шрамом на щеке, сощурился в усмешке и принял сардоническое выражение, но Анжелика уже знала, что скрывается за этой видимой черствостью. Сердце ее рвалось к нему в пылом восхищении.

Вдруг он произнес вполголоса, не оборачиваясь к ней:

— Не смотрите на меня так, прекрасная дама, вы внушаете мне праздные мысли. Сейчас не время.

И, обращаясь к Маниго:

— Каков будет ваш ответ?

Судовладелец провел рукой по лбу.

— Возможно ли в самом деле жить здесь?.. Все так чуждо для нас. Созданы ли мы для этого края?

— Почему же нет? Разве человек создан не для всей земли? Зачем тогда вы принадлежите к высшему роду животного мира, роду, наделенному той самой душой, которая одухотворяет смертное тело, той верой, которая, как говорится, движет горами, если боитесь взяться за дело с тем мужеством и умом, которые проявляют даже муравьи или слепые термиты?

Кто сказал, будто человек может жить, дышать и думать лишь на одном месте, как раковина на берегу? Если ум принижает его, вместо того чтобы возвышать, пусть лучше человечество исчезнет с лица земли, уступив место бесчисленным насекомым, в тысячу раз более многочисленным и активным, чем человеческое население земного шара, и пусть они заселят его в грядущие века своими микроскопическими племенами, подобно тому, как это было в начале творения, когда мир, еще не обретший форму, был населен одними гигантскими породами чудовищных ящериц.

Протестанты, непривычные к столь пространным речам и к подобным блужданиям мысли, взирали на него в великом изумлении, а ребяташки жадно ловили каждое слово. Пастор Бокер прижимал к груди свою Библию.

— Я понимаю, — произнес он, задыхаясь от волнения, — понимаю, что вы имеете в виду. Если человек не способен повсюду продолжать дело созидания, стоит ли ему в таком случае быть человеком? И зачем тогда нужны люди на земле? Теперь я понял Божий наказ Аврааму: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую я укажу тебе».

Маниго простер свои могучие руки, требуя слова:

— Не стоит заблуждаться. Разумеется, у нас есть душа, у нас есть вера, но нас всего пятнадцать человек, а перед нами огромная задача.

— Вы не правильно считаете, господин Маниго. А ваши жены и дети? Вы всегда говорите о них, как о безответственном стаде блеющих овец. Между тем они доказали: в том, что касается здравого смысла, выдержки и мужества, они стоят вас всех. Даже ваш маленький Рафаэль, который сумел не умереть, несмотря на лишения и тяготы пути, какие редко переносят младенцы его возраста. Ведь он даже не заболел... А тот ребенок, которого носит под сердцем ваша дочь? Только благодаря ее выносливости в нем сохранилась жизнь, еще не успевшая начаться. Он

родится здесь, на американской земле, и сделает вашим этот край, потому что, не зная другого, полюбит его, как свою родную землю. У вас храброе потомство, господа ларошельцы, и мужественные жены. Вас не просто пятнадцать человек. Вы уже целый народ.

Кушанья, которые без конца готовили и приносили, распространяли смешанные запахи, незнакомые и аппетитные. Протестантов вдруг окружили со всех сторон и принялись угощать. Индианки, такие же гордые, как их мужья, но улыбающиеся, притрагивались к одеждам европейцев, болтали, издавали громкие восклицания. Женщинам они клали руку на живот, затем, отпрыгнув в сторону, поднимали эту руку и задерживали ее на разной высоте с вопросительным видом.

— Они хотят знать, сколько у вас детей и какого возраста, — объяснил Никола Перро.

Установленный таким образом рост всего семейства Каррер, начиная с маленького Рафаэля, вызвал небывалый восторг. Вокруг мадам Каррер завелся настоящий хоровод с хлопаньем в ладоши и радостным улюлюканьем.

Этот разговор вернул их к привычной заботе:

— Где же наши дети?

На этот раз они действительно исчезли. Только нескольких удалось обнаружить. Никола Перро пошел разузнать, в чем дело.

— Их всех увел Кроули в лагерь Шамплена.

— Кто такой этот Кроули? И где лагерь Шамплена?

В этот день, которому суждено было попасть в анналы территории Мэн, произошло столько событий, что за ними невозможно было уследить.

Анжелика оказалась на лошади, скачущей по узкой тропинке, устланной сухим мхом, под тенью деревьев, достойных Версаля, вдоль берега, усеянного скалами, на которые, как разъяренный зверь, бросалось море. Завывания моря и ветра, свет, просеянный сквозь листья, ощущение то населенного, то пустынного пространства придавали особое очарование этому месту.

Лесные охотники вызвались сопровождать встревоженных матерей. Для тех, кто не умел ездить верхом, нашлись повозки с соломой. В последнюю минуту к ним присоединилась часть мужчин.

— Вы думаете, я вас отпущу с этими бородатými распутниками? — заявил жене адвокат Каррер. — То, что эти черномазые устроили вам триумф, потому что у вас одиннадцать детей, которые отчасти и мои, еще не повод, чтобы вести себя, как в голову взбретет. Я еду с вами.

Хотя тропинка была узкая и по пути им пришлось переправиться через реку, дорога заняла меньше часа. Это была хорошая прогулка для детей, они с удовольствием размяли себе ноги. Показались разрушенные хижины. Они были построены около пятидесяти лет тому назад несчастными поселенцами Шамплена. Зброшенные хижины частично сохранились на опушке леса, на просторной лужайке, полого спускавшейся к песчаной отмели красновато-кораллового оттенка. Но в отличие от их бухты, расположенной в нескольких милях отсюда, эта не могла служить убежищем. Отмель была загромождена отвесными скалами, которые штурмовали яростные волны.

Ребятишки резвились и гонялись друг за дружкой между хижинами.

— Мама, — крикнула Онорина, покотившись навстречу матери, как маленький шарик. — Я нашла нам с тобой дом. Самый красивый, там всюду розы. И месье Кро отдает его нам одним, тебе и мне.

— И нам тоже! — крикнул разгневанный Лорье.

— Тише, тише, крикливые маленькие койоты, — произнес странный человек, стоявший в начале тропинки, как хозяин, встречающий уважаемых посетительниц.

Свою меховую шапку он держал в руках, обнажив ярко-рыжую шевелюру. Он был гладко выбрит, если не считать бакенбард, — но не на висках, а на скулах — которые образовывали нечто вроде щетинистой маски огненного цвета, производившей сильное впечатление на людей, не знакомых с этой особенностью шотландского племени.

Он объяснялся наполовину по-французски, наполовину по-английски и с помощью мимики, как индейцы. Понять его было нелегко.

— Девочка права, mylady. My inn is for you.^[34] Меня зовут Кроули, Джордж Кроули, и в my store^[35] вы найдете every furniture for houshold...^[36] Взгляните на мои дикие розы.

Но уже ничего не было видно, так как выпал густой туман, струящийся вокруг мириадами блестящих капелек.

— Ох, — простионала мадам Каррер, — никогда я не привыкну к этому туману. — Дети, где вы?

— Мы здесь! — крикнули невидимые дети.

— Бог знает, что они будут творить со мной в этой стране!

— Come in!.. Come in!..^[37] — говорил шотландец.

Пришлось пойти за ним на слух.

— No^[38] туман, — говорил он снисходительно. — Нет тумана today^[39].

Он то появляется, то исчезает. Зимой, yes^[40], здесь самый густой туман в мире.

Как он и обещал, туман рассеялся, унесенный ветром.

Анжелика очутилась перед деревянным домиком с соломенной крышей, увитым цветущими розами нежных оттенков и с чудесным запахом.

— Вот мой дом, — объявила Онорина.

И она дважды обежала вокруг, крича, как ласточка.

Внутри был разожжен добрый огонь. В доме было целых две комнаты, обставленных мебелью, сделанной из бревен или же грубо вырезанной из древесных стволов. Они были немало удивлены, обнаружив стол черного дерева с витыми ножками, который подошел бы и для гостиной.

— Подарок месье де Пейрака, — заметил шотландец с удовлетворением.

Он показал также оконные стекла, роскошь, совершенно не известную в других хижинах. Там на окнах были только рыбки пузыри, пропускавшие слабый свет.

— Раньше и я довольствовался этим.

Это «раньше» было довольно давно. Кроули был помощником капитана на корабле, разбившемся тридцать лет назад о непреодолимые скалы у берегов Мэна. Единственный оставшийся в живых, он добрался, весь в ранах, до негостеприимного берега. Ему так здесь понравилось, что он решил остаться.

Считая себя господином этих мест, он встречал меткими стрелами, выпущенными с верхушки деревьев, всех пиратов, пытавшихся укрыться в бухте. Индейцы ему не помогали. Они были миролюбивы и никогда не начинали боевые действия. Кроули сам прогонял незваных гостей.

Благодаря своей дружбе с одним из вождей могикан, с которым он встретился на переговорах в Бостоне, Жоффрей де Пейрак узнал о неприступном убежище в Голдсборо и о причинах висевшего над ним проклятия. Ему удалось заключить союз со «злым духом» Кроули, который тем более охотно согласился на его предложения, что уже искал покупателей на свои меха. Дело в том, что, обосновавшись среди заброшенных хижин Шамплена, он обнаружил в себе непреодолимую страсть к торговле. Любопытный дар, состоящий в том, чтобы, не имея ничего, сделать из этого ничего состояние. Поначалу он продавал туземцам советы, как лечить болезни, с которыми не справлялись их колдуны. Затем волынки, которые делал сам из тростника и мочевых пузырей или

желудков убитых животных. Затем концерты, которые он давал, играя на этих волынках. Охотники из Канады привыкли останавливаться у него, расплачиваясь мехами за приятную беседу и музыкальные вечера.

Жоффрей де Пейрак купил у него меха, заплатив скобяными товарами и безделушками, превратившими Кроули в торгового короля этого края. Все это он и поведал дамам, усевшимся вокруг огня. Он еще не решил, как ему следует отнестись ко вновь прибывшим, но, не будучи от природы молчаливым человеком, полагал, что пока они могут составить ему компанию. Так приятно было вновь увидеть женщин с белой кожей и светлыми глазами! У него самого жена была индианка и полно «*paroooses*», то есть малышей.

Эти малыши подавали дамам, сидящим на скамьях, корзиночки со смородиной и земляникой, тогда как Кроули продолжал свою местную летопись. Месье д'Урвилль, говорил он, отчаянная голова, уехал в Америку после какой-то темной истории с дуэлью. Здесь этот красавец мужчина покорило сердце дочери вождя племени Абенаки-Каку. Он в отсутствие графа де Пейрака охранял форт, закрывая доступ в бухту Голдсборо.

Что же до испанца дона Фернандеса и его солдат, то это были единственные, кто уцелел из экспедиции в Мексику, сгинувшей в непроходимых лесах Миссисипи. Все остальные были убиты, а эти добрались до Мэна, исхудалые, полуживые, утратившие память о прошлом.

— У этого дона Фернандеса свирепый вид, — заметила Анжелика. — Он то и дело показывает зубы.

Кроули с улыбкой покачал головой. Он объяснил, что усмешка испанца — это нервный тик, оставшийся у него после пыток, которым его подвергли ирокезы, жестокое племя, племя Длинного Дома, как их называют в этих краях из-за их вытянутых вигвамов, в которых живет сразу много семей.

Господин де Пейрак перед последним отплытием в Европу хотел было отвезти испанцев на родину. Как ни странно, они отказались. Большинство этих наемников никогда не покидали Америку. Они знали одно-единственное ремесло: отыскивать легендарные города да рубить на куски индейцев. Во всем остальном это были вовсе не злые люди.

Анжелика оценила по достоинству юмор рассказчика.

Наконец Кроули заметил, что уже поздно, и раз все согрелись, он хотел бы показать им свои владения.

— Здесь есть четыре или пять хижин, которые можно приспособить под жилье. *Come in! Come in!*

Онорина схватила Анжелику за платье.

— Мне так нравится месье Кро. У него волосы такого же цвета, что у меня, и он привез меня на своей лошади.

— Да, он правда славный. Нам очень повезло, что он сразу пригласил нас в свой красивый дом.

Онорина не сразу решилась задать вопрос. Она колебалась, опасаясь ответа.

— Может, это мой отец? — спросила она наконец, обратив к Анжелике перепачканную синим рожу с глазами, полными надежды.

— Нет, это не он, — сказала Анжелика, сама страдая от ее разочарования, как и всякий раз, когда что-нибудь задевало ее дочь.

— Ах! Какая ты злая, — прошептала Онорина.

Они вышли из дому, и Анжелика хотела показать девочке розы. Но та не давала себя отвлечь.

— Разве мы не приплыли на другой берег моря? — спросила она через минуту.

— Да.

— Тогда где же мой отец? Ты ведь говорила, что на другом берегу я увижу и его, и братьев.

Анжелика не припоминала, чтобы она говорила нечто подобное, но спорить с воображением Онорины не приходилось.

— Везет Северине, — сказала девочка, топая ножкой. — У нее есть и отец, и братья, а у меня никого.

— Не надо завидовать. Это нехорошо. У Северины есть отец и братья, зато у нее нет матери. А у тебя есть.

Этот довод, видимо, поразил малышку. После минутного размышления горе ее улетучилось, и она побежала играть с друзьями.

— Вот, по-моему, прочная хижина, — говорил Кроули, постучав сапогом по сваям здания, открытого всем ветрам. — Устраивайтесь!

Примечательно, что все эти дома выстояли в непогоду, доказав тем самым свою прочность.

И все же ларошельцы растерянно взирали на развалины, напоминавшие о смерти, болезнях, отчаянии людей, покинутых на краю света и погибавших здесь один за другим в борьбе с враждебной природой. Поразительны были розы, обвившие все вокруг, заставляя забыть об океане, воющем неподалеку, о грядущей зиме со шквальными ветрами и снегом, которая скует скалы льдом; о зиме, некогда сгубившей колонистов Шамплена.

Шотландец смотрел на них, не в силах понять, отчего у них так вытянулись лица.

— Если сейчас все возьмем за дело, у вас будет по меньшей мере четыре помещения для ночлега.

— Да, а где же мы сегодня будем ночевать?

— Да, пожалуй, только здесь, — объяснил Никола Перро. — Форт и так набит до отказа. Иначе придется вернуться на корабль.

— Нет, только не это, — воскликнули они дружно.

Жалкие хижины сразу показались им дворцами. Кроули сказал, что может дать им доски, инструменты и гвозди. Он возглавил работы, послал индейцев нарезать соломы на крыши. Все с жаром взялись за дело.

Туман, переливающийся всеми цветами радуги, то появлялся, то исчезал, то открывал море вдали, то окутывал лужайку, где они работали, и тогда были видны розовые и зеленые дрожащие отблески. Правда, любоваться ими было некогда.

Напевая псалмы, пастор Бокер орудовал молотком так, будто он только это и делал всю жизнь.

Каждую минуту появлялись все новые индейцы, несущие яйца, кукурузу, рыбу, омаров, а также превосходную пернатую дичь, подвешенную на колья, великолепных дроф, индеек. Дом Кроули с примыкающим к нему «магазином» служил штаб-квартирой.

Вскоре были готовы один, затем два дома. В одном из них удалось разжечь огонь, и из трубы повалил славный дымок. Анжелике первой пришлось в голову наполнить водой котел, повесить его над очагом и бросить туда омара. Затем она посадила трех девушек ошипывать индюшек.

Из досок сделали рамы и перетянули их лыком.

Получились кровати, которые бородачи устлали тяжелыми шкурами.

— Вы сладко будете спать сегодня ночью, бледные рыбки, вышедшие из моря, красивые белые чайки, перелетевшие через океан.

Эти люди, пришедшие с севера, из канадских провинций, говорили по-французски медленно, но поэтично. В их речи чувствовалась привычка подбирать длинные иносказания и цветистые образы, приобретенная во время бесконечных бесед с индейцами.

— Ларошельцы! Ларошельцы! Посмотрите-ка! — воскликнула Анжелика.

Она указывала на очаг. Огромный омар, которому не хотелось вариться, приподнял крышку. Символ изобилия для этих уроженцев морских берегов, он выставил из кастрюли обе клешни и рос, рос в облаке

пара, как потустороннее видение...

Все расхохотались. Дети бросились вон из дома с пронзительными криками, толкаясь, валяясь по земле, смеясь до упаду.

— Да они пьяны, — испуганно закричала мадам Маниго, — чем их напоили?

Мамаши бросились смотреть, что пили дети. Но если они и впрямь опьянели, то лишь от спелых ягод, от родниковой воды, от пламени, пляшущего в очаге...

— Они опьянели от земли, — растроганно сказал пастор. — От вновь обретенной земли. Как бы она не выглядела, где бы не находилась, она не может не очаровывать после долгих сумрачных дней потопа...

Он указал на радужный свет, лившийся сквозь листву и дальше через прибрежные скалы, отражавшийся в волнах.

— Смотрите, дети мои: вот символ Нового Союза.

Он простер руки, и по его пергаментному лицу потекли слезы.

Глава 3

С наступлением ночи в лагере Шамплена появился граф де Пейрак в сопровождении испанских солдат. Он приехал верхом и привел шесть лошадей для протестантов.

— Лошади здесь редкость. Заботьтесь о них, как положено.

Сидя на лошади посреди лагеря, он окинул взглядом окрестные хижины, обратив внимание на оживление и порядок, царившие там, где недавно были лишь мрачные развалины. Граф приказал следовавшим за ним индейцам положить на землю тяжелые ящики. Из них вытащили новое, тщательно завернутое оружие.

— Каждому мужчине и каждой женщине по мушкету. Кто не умеет стрелять, пусть научится. Начните завтра же на рассвете.

Маниго, вышедший ему навстречу, недоверчиво взял один мушкет.

— Это нам?

— Я вам уже сказал. Вы также разделите между собой сабли и кинжалы, а для лучших стрелков есть шесть пистолетов. Это пока все, что я могу вам дать.

Маниго заявил с пренебрежительной гримасой:

— Как это понимать? Еще сегодня утром мы были закованы в цепи и нас должны были вот-вот повесить, а вечером вы нас вооружаете до зубов. — Он был почти возмущен тем, что ему казалось непоследовательностью характера. — Не наносите нам оскорбления, считая, что мы так быстро превратились в ваших союзников. Мы по-прежнему находимся здесь против воли и, насколько мне известно, пока не дали ответа на ваши принудительные предложения.

— Решайтесь поскорее. К несчастью, я вынужден вас вооружить. Я получил известие, что шайка кайюгов из враждебного нам племени ирокезов послана за нашими скальпами.

— За нашими скальпами, — повторили все, потрогав, себя за волосы.

— Увы, здесь время от времени случаются подобные неприятности. Англия и Франция никак не могут договориться, кому же из них принадлежит Мэн. Нам, поселенцам, это дает возможность мирно трудиться, однако время от времени правители Квебека платят пограничным племенам, чтобы они устроили набег и изгнали бледнолицых, которые обосновываются здесь без соизволения короля Франции. Англия поступает так же, но ей труднее найти сообщников, так

как я заручился поддержкой Массавы, великого вождя могижан. Тем не менее, ни один бледнолицый из большого леса не чувствует себя в полной безопасности от резни, которую может учинить любое из рассеянных здесь племен.

— Прекрасно, — саркастически заметил Маниго. — Вы восхваляли прелести и богатства «ваших» владений, но позабыли сказать об опасностях, которые нам здесь угрожают и о том, что нас могут перерезать полуголые дикари.

— Кто сказал вам, господа, будто на земле есть место, где человек не вынужден сражаться, чтобы сохранить жизнь? Рай земной давно уже не существует. Единственная свобода, которая доступна человеку, — это право выбирать, как и почему он хочет жить, бороться и умереть. И древние иудеи сражались во главе и Иисусом Навином, чтобы обрести землю обетованную.

Он повернул лошадь и растаял в сумерках.

На закате по небу поплыли опаленные облака, подобные дыму от огромного пожара на бледно-перламутровом фоне.

Море было цвета темного золота, а черные острова множились, как стая акул, плывущая к берегу.

Подошедший Кроули предложил воспользоваться последними лучами солнца, чтобы выставить сторожевые посты и часовых.

— Выходит, разговоры об индейцах — это серьезно?

— Все может случиться. Уж лучше знать об этом и быть настороже, чем проснуться со стрелой между лопатками.

— Я думал, он шутит, — задумчиво произнес Маниго, глядя на оружие у своих ног.

Пастор Бокер стоял с закрытыми глазами, будто громом пораженный.

— Он шутит, но он знает писание, — пробормотал он. — Его шутки заставляют о многом задуматься. Братья, а заслужили ли мы землю обетованную? Чем роптать на Господа за ниспосланные нам испытания, не лучше ли их принять, как справедливое искупление грехов наших и цену, которой нам предстоит оплатить нашу свободу?

Анжелика прислушивалась, как стихает в ночи стук лошадиных копыт. Дыхание ветра и моря. Тайна ночи над неведомой землей и ее опасностями.

Те, кто бодрствовали в ту ночь, прислушиваясь к малейшему шуму, были удивлены внезапно снизошедшим покоем. Тревога и сомнения оставили их. Ответственность за этот клочок земли, где они только что

возвели свои ненадежные убежища, вдруг придала им уверенность. Держа руку на дуле мушкета, вперив взор во тьму, протестанты сменяли друг друга на постах часовых, и их суровые фигуры вырисовывались у костров рядом с завернувшимися в меха охотниками. Своими цветистыми и живописными речами трапперы приобщали их к окружающему их полудикому миру. Ларошельцы начинали забывать о прошлом.

До утра тревоги так и не было, и это было воспринято чуть ли не с досадой.

Анжелика попросила разрешения взять лошадь, чтобы съездить в Голдсборо.

Пожалуй, ей больше всех было не по себе. Ее муж так и не призвал ее к себе. Приехав накануне, он даже не пытался ее увидеть и не спросил о ней. Он то обращался с ней фамильярно, как сообщник, то предоставлял ей полную независимость.

В сущности, такое поведение было неизбежно, пока окружающие не знали об узах, которые их объединяют. Но Анжелика начинала терять терпение. Отчужденность Жоффрея де Пейрака была ей невыносима. Ей было необходимо видеть и слышать его.

Кроули напомнил ей об индейцах-кайюгах. Но она лишь пожалала плечами. Индейцы кайюги! В том мрачном расположении духа, в котором она пребывала, она готова была обвинить Жоффрея в том, что он воспользовался этим предлогом, чтобы держать ее в отдалении.

— Хозяин запретил кому бы то ни было удаляться от лагеря Шамплена.

Анжелика с упрямым видом не обратила никакого внимания на эти слова. Ей надо в Голдсборо, сказала она.

Когда она садилась на лошадь, Онорина подняла такой крик, что пришлось взять ее с собой.

— Ох! Онорина, Онорина, деточка, неужели ты не можешь хоть один денек посидеть спокойно?

И все же она хорошенько усадила девочку перед собой, и они отправились в путь. Эта поездка напомнила Анжелике, как когда-то они с Онориной скакали по Ньельскому лесу.

Она ехала по дороге, устланной сухими травами, приглушавшими стук копыт. Лето приближалось к концу, и в воздухе плыл аромат лесных орехов и теплого хлеба. Знакомый и сладостный запах! Должно быть, под листьями прятались ягоды.

К привычной красоте дубового и каштанового леса добавлялась экзотическая прелесть светлых берез с потрескавшейся шелковистой корой

и истекающих душистым соком кленов. С наслаждением Анжелика вновь вдыхала лесной воздух — самый любимый. Но тайна этих мест была иной, чем тайна Ньельского леса. От девственного леса исходило особое очарование. Ньель был отягощен памятью о друидах. А викинги, единственные белые люди, которые в далеком прошлом высадились на этих берегах, оставили в память о себе только странные башни из грубо отесанных камней у самого моря.

Тяжелые шаги этих завоевателей так и не дошли до лесов, которые знали лишь бег бесчисленных животных и скользкую походку редких молчаливых индейцев.

Анжелика не заметила, что лошадь свернула на другую тропинку, ведущую к вершине холма. Внезапно открывшееся пространство поразило ее. Она увидела перед собой кукурузное поле. В центре на деревянном настиле под навесом сидел на корточках индеец и длинным шестом отгонял пернатых грабителей.

Справа виднелась изгородь вокруг индейской деревни. Над вигвамами вился дымок. Вдали пшеничное поле сменялось тыквенным и еще одним, где росли неведомые растения с большими блестящими листьями, которые она приняла за табак. И повсюду распускались яркие подсолнухи. Но вскоре лес вновь сомкнулся вокруг этого сельского пейзажа.

Удивленная всадница не догадалась спросить дорогу. Лошадь продолжала подниматься в гору, вероятно, по привычке. На вершине она сама остановилась. Анжелика окинула боязливым и в то же время жадным взглядом местность, простиравшуюся у ее ног. Среди деревьев повсюду угадывалось мерцание бесчисленных озер и прудов, и вся эта бело-голубая мозаика была усеяна скалами, с которых низвергались белоснежные потоки.

Она боялась дышать, постепенно привыкая к величественному и безмятежному пейзажу, с которым ей предстояло сродниться.

И в этот момент Онорина пошевелилась и вытянула ручонку.

— Там, — сказала она.

Внизу в долине взлетели птицы и с громкими криками пронеслись мимо них.

Но Онорина не опустила руку. Она пыталась привлечь внимание матери не столько к птицам, сколько к тому, что их спугнуло.

Анжелика взглянула вниз и обнаружила длинную цепочку индейцев, продвигавшихся гуськом вдоль ручья. Расстояние и ветви деревьев помешали ей отчетливо рассмотреть, но она заметила, что их было много и что они не были крестьянами, идущими в поле. И несли они на плечах не

земледельческие орудия, а луки и колчаны.

— Может, это охотники?

Она пыталась сама себя успокоить, но тут же вспомнила о кайюгах. Чтобы ее не обнаружили, она немного отступила назад к деревьям.

Индейцы двигались вдоль ручья проворно, но осторожно. Красные и синие перья у них на головах извивались среди листьев, будто длинная разноцветная змея. В самом деле, их было много... слишком много! Колонна двигалась прямо к морю. Поверх их голов в туманной дали проступал силуэт форта Голдсборо над бухтой, чья блистающая гладь сливалась с небом, бледным под лучами солнца. Была видна дорога, ведущая из Голдсборо в лагерь Шамплена.

«Если индейцы доберутся туда, мы будем отрезаны от форта и не сможем помочь друг другу. К счастью, Жоффрей раздал оружие...»

В ту самую минуту, когда она подумала о нем, Анжелика различила всадника в европейской одежде, скачущего по дороге, ведущей из форта. Инстинктивно она узнала его раньше, чем он успел приблизиться. Черный развевающийся плащ, перья на широкой шляпе... Это был граф де Пейрак. Один!

Она подавила крик. С возвышения она видела, как индейцы съезжались к месту сбора на берегу. Через несколько минут всадник, скачущий во весь опор, столкнется с ними. Ничто не могло предупредить его об опасности.

Она крикнула изо всех сил. Но голос не достиг его слуха, потерявшись в безграничном пространстве. Однако вдруг — предупредил ли его инстинкт человека, не раз смотревшего смерти в глаза, или один из индейцев слишком рано выпустил стрелу, или другой испустил боевой клич — она увидела, как он сдержал лошадь с такой силой, что она встала на дыбы, затем повернул ее, съехал с дороги и поднялся на скалистый холмик, возвышавшийся над деревьями. Там он быстро осмотрелся, чтобы оценить положение. Вдруг без видимой причины его лошадь снова встала на дыбы, затем рухнула. Анжелика догадалась: в нее попала стрела. Это были они, страшные кайюги. К счастью, Жоффрей вовремя высвободился из стремян и, быстро вскочив на ноги, укрылся за скалами на вершине холма. Поднялось белое облачко, затем до ушей молодой женщины донеслись звуки выстрелов. Видимо, каждый из них поражал врага, но у него не могло быть достаточно боеприпасов, чтобы продержаться долго. К тому же его начинали окружать. Раздался очередной выстрел.

Онорина снова вытянула пальчик.

— Там.

— Да, там, — повторила Анжелика, в отчаянии от собственной беспомощности.

Звук выстрела был не громче треска расколотого ореха.

— Никто в Голдсборо его не услышит. Слишком далеко.

Она хотела было поскакать в сторону боя, но наткнулась на сплошные ветви деревьев. К тому же у нее не было оружия. Тогда она галопом спустилась с холма и понеслась в сторону форта. Лошадь ее мчалась, как на крыльях. Пересекая кукурузное поле, она крикнула сторожу, неподвижно сидевшему под навесом:

— Кайюги! Кайюги!

Вихрем она ворвалась в лагерь Шамплена.

— Кайюги напали на моего мужа на дороге в Голдсборо. Он укрылся за скалами, но скоро у него кончатся пули и порох. Скорее на помощь!

— Напали на кого? — переспросил Маниго, решив, что он ослышался.

— На моего... На графа де Пейрака.

— Где он? — спросил подбежавший Кроули.

— Примерно в миле отсюда.

Машинально она передала Онорину в чьи-то протянутые к ней руки.

— Дайте мне скорее пистолет.

— Пистолет... леди? — возмутился шотландец.

Она вырвала тот, что он держал в руках, проверила его, прицелилась, зарядила с быстротой, выдававшей долгую привычку.

— Пороха! Пуль! Скорее!

Не споря больше, шотландец тоже схватил мушкет и прыгнул в седло. Анжелика устремилась за ним вдоль берега.

Вскоре они слышали звуки выстрелов и боевой клич ирокезов. Кроули обернулся и радостно крикнул:

— Он еще стреляет. Мы успели вовремя.

На одном из поворотов дороги им преградила путь группа индейцев. Сами захваченные врасплох, они не успели натянуть луки. Кроули промчался между ними, круша направо и налево прикладом мушкета. Анжелика следовала за ним.

— Стойте! — приказал он чуть дальше. — Вот еще другие бегут сюда. Укроемся за деревьями.

Они едва успели скрыться в лесу. Вокруг дрожали стрелы, вонзаясь в твердые стволы деревьев. Анжелика и Кроули стреляли по очереди. Наконец индейцы залезли на деревья, чтобы следить за дорогой, находясь в большей безопасности. Но Кроули доставал их и между ветвями, и их тела тяжело падали на землю. Анжелика хотела было двинуться дальше, но

Кроули ее отговорил. Ведь их было только двое.

Внезапно до них донесся топот лошадей, мчавшихся из лагеря Шамплена. Показались шесть вооруженных всадников. Среди них были Маниго, Берн, Ле Галль, пастор Бокер и два лесных охотника.

— Господа, скачите вперед на помощь графу де Пейраку, — крикнул им Кроули. — Я остаюсь на дороге, прикрою вас с тыла.

Всадники вихрем пронеслись мимо. Анжелика вскочила в седло и присоединилась к ним. Чуть дальше они наткнулись на группу индейцев и с ходу опрокинули их. Тем, кто бросался на них с поднятым томагавком, раскроили черепа выстрелами в упор.

Они продвигались вперед. С облегчением Анжелика увидела, что вскоре они достигнут места, где держал оборону ее муж. Правда, здесь им пришлось спешиться и укрыться за скалами, но их действия сильно сковывали индейцев. Меткие попадания графа де Пейрака с вершины кургана залпы протестантов и охотников, выстрелы Кроули начали серьезно тревожить индейцев, несмотря на их многочисленность.

— Я расчищу тебе путь, — сказал Маниго Ле Галлю, — а ты прорвись в Голдсборо, подними тревогу и возвращайся с подмогой.

Моряк вскочил на лошадь и, дождавшись момента, когда огневое прикрытие освободило дорогу, помчался во весь опор. Над его ушами просвистела стрела, сбив колпак.

— Проскочил, — сказал Маниго. — Они не смогут его преследовать. Теперь нам остается только терпеливо ждать, пока появится месье д'Урвилль со своими людьми.

Кайюги начинали понимать, что им грозит. Вооруженные лишь томагавками и стрелами, они не могли противостоять огнестрельному оружию объединившихся бледнолицых. Засада не удалась. Надо было отступить.

Они начали отступление, пробираясь ползком к лесу, чтобы затем собраться у ручья. Оттуда они хотели достигнуть реки, где их ждали лодки. Приближение подмоги из Голдсборо превратило их отход в беспорядочное бегство. И тут они столкнулись с индейцами из деревни, предупрежденными Анжеликой, и те осыпали их стрелами. Уцелевшие даже и не пытались теперь добраться до ручья. Им оставалось лишь податься в сторону леса. Никто больше не пытался узнать, что с ними случилось.

Анжелика бросилась к холму, перешагивая через длинные медные тела, похожие на подбитых птиц с царственным оперением. Она искала мужа и наконец увидела его у раненой лошади, которую ему пришлось

прикончить.

— Вы живы! — воскликнула она. — Как я перепугалась! Вы скакали прямо на них, а потом остановились. Почему?

— Я узнал их по запаху. Они смазывают тело жиром. Ветер донес до меня его душок. Я поднялся на эту горку, чтобы посмотреть, не отрезан ли путь к отступлению, а они подстрелили мою лошадь. Бедный Солиман! Но как очутились здесь вы, неосторожная женщина?

— Я была на холме и увидела, что вы оказались в трудном положении. Мне удалось добраться до лагеря и вызвать подмогу.

— А что вы делали на холме? — спросил он.

— Я ехала в Голдсборо и ошиблась тропинкой.

Жоффрей де Пейрак скрестил руки на груди.

— Когда же наконец вы будете подчиняться приказам и дисциплине, которую я требую? — спросил он, едва сдерживая гнев. — Я запретил выходить из лагеря. Это было настоящее безрассудство.

— Но ведь и вы так же подвергли себя опасности.

— Верно, и я за это мог дорого поплатиться. Во всяком случае, лошадь я уже потерял. Почему вы покинули лагерь?

Она откровенно призналась:

— Я поехала вам навстречу, потому что не могла больше не видеть вас.

Жоффрей де Пейрак улыбнулся:

— Я тоже, — сказал он.

Он взял ее за подбородок и приблизил свое черное от пороха лицо к такому же перепачканному лицу Анжелики.

— Оба мы немного сумасшедшие, — мягко прошептал он. — Вам так не кажется?

— Вы ранены, Пейрак? — послышался голос месье д'Урвилля.

Перебравшись через скалы, граф спустился к собравшимся.

— Благодарю вас, господа, за ваше вмешательство, — сказал он протестантам. — Вылазка этих бандитов свелась бы к обыкновенной перестрелке, если бы я не сделал глупость, выехав из лагеря без охраны. Пусть это послужит уроком всем нам. Такие набеги диких племен не представляют серьезной опасности, если мы будем вовремя предупреждены, сумеем держаться вместе и организовать оборону. Надеюсь, никто из вас не ранен?

— Меня чуть не ранили, — сказал Ле Галль, разглядывая свой колпак. Маниго был сбит с толку слишком быстрым развитием событий.

— Лучше не благодарите нас, — сказал он брюзгливо. — Все, что здесь происходит, лишено всякой логики.

— Вы так считаете, — сказал Пейрак, глядя ему прямо в глаза. — Я же, напротив, нахожу, что все, что произошло, вполне соответствует логике Мэна. Позавчера вы желали мне смерти. Вчера я собирался вас повесить. Но вечером я дал вам оружие, чтобы вы могли защищаться, а сегодня утром вы спасли мне жизнь. Что может быть логичнее?

Он засунул руку в кожаный мешочек и вынул два блестящих шарика.

— Посмотрите, — сказал он, — у меня оставалось только две пули.

Во второй половине дня обитатели лагеря Шамплена были приглашены в Голдсборо, чтобы встретить великого сашема Массава. Вооруженные мужчины шли по бокам колонны, охраняя женщин и детей. Проходя мимо того места, где утром произошла стычка с кайюгами, они остановились.

Высохшая кровь почернела. Над брошенными трупами кружили птицы.

Картина смерти, несовместимая с трепетной жизнью деревьев, колыхавшихся от легкого ветерка, и шумом морских волн...

Они постояли молча.

— Такой будет наша жизнь, — произнес наконец Берн, отвечая на свои мысли.

Они не были ни опечалены, ни испуганы. Такой будет их жизнь...

Через некоторое время граф де Пейрак, как в первый день, собрал их у моря. Вежливо поклонившись дамам, он с озабоченным видом посмотрел в сторону бухты.

— Господа, сегодняшнее происшествие заставило меня задуматься над вашей судьбой. Окружающие вас опасности в самом деле слишком велики. Я готов снова посадить вас на корабль и отвезти на острова Вест-Индии.

Маниго подскочил, как от укуса осы.

— Никогда, — прорычал он.

— Спасибо, месье, — поклонился граф. — Вы дали тот ответ, на который я рассчитывал. И я с благодарностью думаю об этих славных кайюгах, чей набег заставил вас осознать, что ваши земли уже дороги вам.

Маниго понял, что снова попался в ловушку. Правда, теперь он сам не знал, обижаться ему или нет.

— Ну что ж! Мы и впрямь решили остаться. Не думайте, что мы будем подчиняться всем вашим капризам. Мы останемся. Ну, а уж работы здесь

хватает.

В разговор вступила, явно стесняясь, молодая вдова булочника:

— Вот что мне пришло в голову, господин граф. Пусть мне дадут добрую муку и помогут сделать печь в земле или из щебня, а я уж замешу хлеба, сколько понадобится, потому что я помогала мужу в его работе. И мои детишки тоже умеют лепить булочки и молочные хлебцы.

— А я, — воскликнула Бертиль, — стану помогать отцу делать бумагу. Он передал мне секрет ее изготовления, потому что я его единственная наследница.

— Бумагу! Бумагу! — воскликнул Мерсело почти со слезами. — Да ты с ума сошла, дочка. Кому нужна бумага в этой пустыне?

— В этом вы не правы, — сказал граф. — После лошади бумага — самое великое завоевание человека, он не мог бы без нее обойтись. Он не познает себя, если не может выразить свою мысль в форме менее преходящей, чем устная речь. Лист веленовой бумаги для него то же, что зеркало для женщины: ему нравится себя в нем созерцать. Да, чуть не забыл, дорогие дамы! Я приготовил для вас кое-какие принадлежности, без которых вам трудно начать новое существование. Мануэлло, Джованни!

Матросы поднесли сундук, который они бережно вытащили из шлюпки. Когда его открыли, в нем оказались зеркала всех форм и размеров, переложенные сухой травой.

Жоффрей де Пейрак вручил их дамам и девушкам, поклонившись каждой из них, как в первый вечер на борту «Голдсборо».

— Наше путешествие подошло к концу, любезные дамы. Оно было беспокойным, временами даже тяжелым. Мне бы хотелось, чтобы вы сохранили на память о нем лишь эту безделицу, в которой вы сможете созерцать свои черты. Это зеркальце станет вашим самым приятным спутником, так как в этой стране есть одна особенность: она делает людей красивыми. Не знаю, в чем тут дело: в прохладном ли тумане, в смешанных ли чудодейственных испарениях моря и леса, однако те, кто здесь живет, отличаются совершенством лица и тела. Желаю вам как можно скорее подтвердить правоту моих слов. Так что смотрите в зеркало! Любуйтесь собой!

— Я не решаюсь, — сказала госпожа Маниго, теребя свой чепчик и пытаюсь убрать под него волосы. — Я, наверное, ужасно выгляжу.

— Да нет же, матушка. Вы и вправду очень красивы, — хором воскликнули дочери, тронутые ее смущением.

— Давайте останемся, — взмолилась Бертиль, лоя солнечных зайчиков зеркальцем с серебряной ручкой, в которое она уже успела

насмотреться.

Глава 4

Великий сашем Массава, подъезжавший на белом коне, принял за особый знак почета блеск зеркал, поднятых бледнолицыми женщинами в странной одежде.

Придя в прекрасное настроение, он спускался по тропинке медленным шагом в окружении своих воинов и сбежавшихся со всех сторон индейцев. Издали казалось, что он едет словно в венце из перьев. Шествие сопровождалось мерным боем барабанов и ловкими прыжками идущих впереди танцоров.

В конце тропинки он спешил и с рассчитанной торжественной медлительностью подошел к собравшимся. Это был старик высокого роста, с лицом цвета красной меди, изрезанным морщинами. Его бритый череп, выкрашенный в синий цвет, был увенчан фонтаном из разноцветных перьев и двумя ниспадающими пышными хвостами в черную и серую полосу, явно принадлежавшими местной разновидности диких кошек.

Его голая грудь, руки в браслетах и ноги были покрыты такой густой татуировкой, что он казался одетым в тонкую синюю сетку. С шеи до бедер свешивалось несколько рядов невыделанных жемчужин и разноцветных стекляшек. Такие же украшения с перьями были у него на руках и на щиколотках. Короткая набедренная повязка и просторный плащ из блестящей ткани, изготовленной из растительных волокон, были богато расшиты черным по белому. В ушах висели странные подвески из надутых и выкрашенных в красный цвет кожаных пузырей.

Граф де Пейрак подошел к нему, и они приветствовали друг друга величественными жестами. Затем вождь направился к протестантам, осторожно неся обеими руками длинную палку, украшенную двумя белыми крыльями чайки и с золотой коробочкой на конце. Над ней вился тоненький дымок.

Он остановился перед пастором Бокером, на которого ему указал граф де Пейрак.

— Господин пастор, — сказал граф, — великий сашем Массава предлагает вам то, что индейцы называют трубкой мира. Это всего лишь длинная трубка, набитая табаком. Вы должны затянуться несколько раз в его обществе, потому что курить из одной трубки — это символ дружбы.

— Дело в том, что я никогда не курил, — с опаской отвечал старый пастор.

— Все же попытайтесь! Если вы откажетесь, это будет считаться проявлением враждебности.

Пастор поднес трубку к губам, стараясь, по возможности, скрыть свое отвращение. Великий сашем в свою очередь выдул из трубки несколько длинных колец, передал ее стройному подростку с большими черными глазами, повсюду следовавшему за ним, и уселся рядом с графом на ковры, сложенные в тени столетнего дуба, чьи огромные корни, подобно щупальцам, протянулись почти до самого моря.

Никола Перро перевел пастору и Маниго предложение занять места слева от сашема.

Вождь выглядел совершенно невозмутимым. Казалось, он ни на что не обращал особого внимания, но кожа на его безбородом морщинистом лице слегка подергивалась.

Он словно окаменел, но в то же время был настороже. Одну руку он небрежно опустил в сундук с жемчугами и блестящими камнями, преподнесенными ему графом де Пейраком. А другой поглаживал топорик с простой рукояткой из дикой вишни, но с лезвием из великолепной мексиканской яшмы и с огромным изумрудом на конце древка. Это было не столько оружие, сколько символическое украшение.

Его скошенные глаза сужались еще больше, когда он исподтишка поглядывал на своего белого скакуна. Иногда он бросал острый, как бритва, взгляд на кого-нибудь из присутствующих, к ужасу обычно невозмутимого адвоката Каррера и даже такого закаленного человека, как Берн.

Анжелика испытала знакомое ей смутное чувство смятения, которое не прошло даже тогда, когда вождь отвернулся с тем же отрешенным выражением снисходительной скуки.

За ним стояли два индейца, обвешанные украшениями. Представив их, Никола Перро, который должен был переводить слова сашема, дал протестантам некоторые разъяснения.

— Великий вождь Массавы прибыл по суше из окрестностей Нью-Амстердама, то есть Нью-Йорка. Его нога никогда не ступала на корабль, хотя он месяцами путешествует в пироге. Тут проходит крайняя граница его владений. Он бывает здесь очень редко, но встреча с графом де Пейраком по его возвращении из Европы была предусмотрена заблаговременно... Хорошо, что вы в ней участвуете, раз вы собираетесь остаться здесь... Вы также видите перед собой двух местных вождей: Каку — предводителя абенаков, береговых охотников и рыбаков, и Мулофва, предводителя могикан, земледельцев и воинов, живущих в глубине страны.

Поклонившись небу и солнцу, великий сашем заговорил. Звук его голоса напоминал монотонную литанию, но иногда в нем слышалась глухая угроза.

— Я, великий вождь Массавы, земли которого протянулись от далекого юга, где растет табак и где я против своей воли сражался с вероломными испанцами, обещавшими нам поддержку своих посланцев, но собиравшимися превратить нас в рабов или в бездомных странников... до границ крайнего Севера, где лишь одни туманы отмечают подвижный предел моего царства. Я говорю о стране, в которой мы находимся и где правит мой вассал Абенакй-Каку, великий рыболов и охотник на тюленей, присутствующий здесь, как и другой мой вассал, не менее достойный, могучий воин и охотник на северных оленей, лосей и медведей, вождь могикан... Не мне, великому вождю могучих и грозных вождей, являться к бледнолицему, как бы знаменит он ни был, чтобы вести переговоры о войне или мире между нами...

Этот монолог прерывался паузами, во время которых сашем, казалось, дремал, в то время как канадец переводил его слова.

— Но я не забуду, что я разделил свою власть с этим человеком, приплывшим с другого берега моря, ибо он никогда не обращал оружие против моих краснокожих братьев... Я дал ему право заботиться о процветании моих земель, как это умеют бледнолицые, оставив за собой право управлять своими братьями, как велят наши обычаи... И тогда надежда родилась в моем сердце, уставшем от сражений и разочарований. Ради него я приму его друзей, ибо он никогда меня не обманывал.

Беседа продолжалась долго. Анжелика видела, сколько сил прилагает муж, чтобы ни малейшим движением не выдать своего нетерпения. Ей показалось, что сашем беспокоится о том, как вновь прибывшие поведут себя с обитателями береговой полосы в отсутствие его самого или его союзников.

— Не забудут ли они об обещаниях, которые ты мне дал, и не станут ли притеснять и уничтожать все живое вокруг себя, повинувшись ненасытному голоду, живущему в сердцах бледнолицых? Тогда, когда ты будешь далеко отсюда?

«О каком отъезде он говорит?» — подумала Анжелика.

Время от времени ее обжигал взгляд великого сашема, хотя даже самый внимательный наблюдатель не смог бы утверждать, что он обращал на нее свой взор.

«Я непременно должна почувствовать к нему симпатию, — говорила

себе Анжелика, — иначе мы все погибли. Если он заметит мой страх или подозрительность, то станет мне врагом».

Но когда Никола Перро перевел то место, где шла речь о ненасытном голоде, живущем в сердцах бледнолицых и заставляющем их уничтожать себе подобных, она научилась понимать этот народ, как раньше его понял ее муж.

«Он сам боится и сомневается. Этот гордый человек с руками, полными даров, вышел навстречу закованному в латы и разящим огнем людям, которые высадились у берегов его владений. А они вынудили его ненавидеть и сражаться...»

Сидевший у ног Массавы черноглазый подросток, на которого она сразу обратила внимание, наконец встал и, взяв из рук сашема яшмовый топорик, резким движением погрузил его в песок.

Это послужило сигналом к началу другой церемонии. Все встали и пошли к морю. Массавы несколько раз облил себе голову ледяной водой, а затем, пользуясь, как кропилом, пучком кукурузной соломы, который он окунул в сосуд из тыквы, наполненный морской водой, щедро обрызгал своих подданных, так же, как своих старых и новых друзей, повторяя индейское приветствие:

— На пу ту даман асургати...

Затем все уселись на краю отмели и приступили к пиршеству.

Глава 5

Жоффрей де Пейрак размышлял о старом сашеме Массавы. Прошедший день принес ему не только удовлетворение, но и серьезные причины для беспокойства.

Узы, которые пока еще удерживали Массаву от бунта против европейцев, в этот день показались ему особенно хрупкими. Это его тем более тревожило, что он понимал, как много у великого вождя было причин для начала непримиримой борьбы — решение, к которому его подталкивало отчаяние. Никогда Массавы не сможет понять, что бледнолицые, с которыми он заключал союз, не были свободны в своих действиях. Они вынуждены были предавать его, если того требовало их далекое правительство.

К счастью, здесь, в Мэне, вдали от мира, никому не ведомый граф де Пейрак мог еще поступать по-своему. Массавы знал, что его слову можно доверять. Он намеренно вручил топор войны своему приемному сыну-испанцу, ребенку, чьи родные были вырезаны одним из его племен, и которого он взял и воспитал, чтобы научить его «счастливой жизни». Поручая ему закопать в песок символический топор, он вновь подтвердил, что не хочет терять надежду.

Затем он уехал с грузом подарков. На смену дневному гомону пришла предсмеречная тишина. Когда люди разошлись, окрестности вновь обрели торжественность, присущую этой девственной земле.

Граф де Пейрак в одиночестве шел по песчаной отмели. Быстрым шагом он взбирался на красные скалы, которым вечерний свет придавал лиловый оттенок; время от времени останавливался, чтобы окинуть взглядом изрезанный берег.

Острова засыпали, окутанные туманом, похожим на бесчисленные облака на багряном небосводе. Очертания бревенчатого форта на высоком берегу сливались с лесом. Терялся силуэт «Голдсборо», стоявшего на рейде. Шум прибоя, казалось, становился все громче, превращаясь в звучную музыку. Море, всемогущий повелитель берега, который оно лепило каждый раз по своему капризу, вновь вступало в свои права. Скоро наступит зима, пора жестоких бурь на американской земле: ураганы, суровые морозы, стаи голодных волков. Жоффрей де Пейрак будет тогда далеко отсюда: он встретит зиму в глубине страны, среди лесов и озер.

«Голдсборо» тоже будет далеко. Он поручит командование кораблем

Эриксону, и в последние дни осени корабль отплывет в Европу, груженный мехами, единственным товаром, который пока поставляла эта полудикая земля.

Графа терзали сомнения. Как поступить с сокровищами инков, которые его ныряльщики подняли с испанских галионов, затонувших в Карибском море? Сумеет ли Эриксон их продать? Или лучше закопать их в песок на краю леса до следующего раза? Или же оставить их в распоряжении протестантов, которые сумеют извлечь прибыль, меняя монету за монетой на товары с кораблей, заходящих в залив? Но ведь есть опасность появления незваных гостей. Кто, кроме свирепых пиратов, может пристать к этому дикому берегу? Надо будет раздать мушкеты всем ларошельцам, а д'Урвилль, между двумя кружками кленового или кукурузного пива, всегда поддержит их огнем своих пушек. Под его началом останутся несколько человек из экипажа, а «Голдсборо» отвезет в Старый Свет жителей Средиземноморья и мавров. На смену им надо постараться найти новых переселенцев, лучше всего северян. Он посоветует Эриксону отправиться к себе на родину — правда, граф толком не знал, откуда тот был родом, Но наверняка с севера — и избрать преимущественно протестантов, которым будет легче ужиться в новой общине.

Но что делать с испанцами Хуана Фернандеса? Как поступить с ними, если они по-прежнему будут упорствовать в своем нежелании вернуться на выжженные плоскогорья Кастилии, привыкнув к жизни под сенью диких лесов Нового Света? Оставить их д'Урвиллю? Они не окажутся лишними, если придется стрелять из пушек или если пламя индейских бунтов охватит абенаков и могокан. Но мирное сосуществование с большим доном Хуаном Фернандесом и его подчиненными, обидчивыми, как арабы, и сумрачными, как инквизиторы, грозило множеством неожиданностей. Д'Урвилль и вождь Каку уже не раз обращались к нему с жалобами по этому поводу. А что будет, если дон Хуан вздумает ссориться с пастором Бокером, которого он считал еретиком?

Он решил забрать их с собой. Опытные воины, привычные к превратностям опасных походов, говорившие на нескольких индейских диалектах, были самыми подходящими людьми, чтобы обеспечить защиту каравана. Но испанцы вызывали такую неприязнь, что их присутствие могло пробудить недоверие и повредить планам графа. Впрочем, там, куда он направлялся, его уже знали. Там известно о покровительстве, которое оказывает ему великий Массава, поэтому примут и испанцев. Хотя прежде всего именно в них полетят из-за деревьев смертельные стрелы сарбаканов.

Почему же они не хотят вернуться в Европу? В этих несчастных, укрывшихся под его покровительством, Жоффрей де Пейрак видел символ упадка, грозившего величайшей из наций цивилизованного мира. Испания, с которой его связывало лангедокское происхождение и общие вкусы — горное дело, благородные металлы, морские приключения, завоевания, — скатывалась в пропасть, которой суждено было стать могилой ее могущества. Повинная в уничтожении 30 миллионов индейцев в обеих Америках, могла ли она устоять перед упадком, вызванным этим ужасным преступлением? Ей суждено было исчезнуть вместе с племенами, павшими ее жертвой. Старый Массава будет жестоко отомщен.

Кто же займет ее место в Новом Свете? Какому народу суждено собрать рассеянные силы, восстановить богатства, расхищенные жадными грабителями, принять на себя тяжкое наследие массовых побоищ? На этот вопрос уже можно было ответить. Удача выпадет на долю не одной нации-победительницы, а представителей разных стран, объединенных общей целью: добиться процветания новых земель и преуспеть вместе с ними. Во владениях Массавы было больше всего белых американцев, но испанцы здесь не жили. Было много англичан и голландцев, которые недавно потеряли Нью-Амстердам, но примирились с его новым названием: Нью-Йорк. Были также шведы, немцы, норвежцы и много энергичных финнов, бесстрашно покинувших далекую родину ради страны, климат которой напоминал им Финляндию. Пейрак был одним из немногих французов, которым вздумалось поселиться на этой ничейной земле на севере штата. Влияние англичан, даже влияние Бостона, здесь мало ощущалось.

Вызвавший поначалу недоверие, он сумел завоевать уважение английских поселенцев своей безукоризненной честностью в торговых сделках. Ничего подобного они не ожидали от человека, чей внешний вид и склад ума, по мнению протестантов, делали его похожим на опасного авантюриста.

И тем не менее они стали друзьями. В те годы, когда он занимался поисками сокровищ в Карибском море, он часто заходил в Бостон, где царил совершенно иная атмосфера, как в материальном, так и в нравственном смысле. Его особенно привлекал этот контраст.

Он считал, что в бассейне Карибского моря любое серьезное дело будет немислимым в течение еще долгого времени. Состояния здесь приобретались азартной игрой и спекуляцией и в любой момент могли исчезнуть, разграбленные флибустьерами и пиратами, которые мало чем отличались друг от друга и со всех взимали тяжелую дань. Испанская золотая лихорадка способствовала постоянным войнам. И хотя его влекли

дух приключений и чудесная природа островов, сама атмосфера игры быстро надоедала своей бесцельностью.

Конфликт с испанскими властями вынудил его отказаться от намерения доверить воспитание сына каракасским иезуитам.

По слухам, самые лучшие преподаватели были на севере, в Гарвардском университете, основанном пуританами лет тридцать назад. К своему великому изумлению Жоффрей де Пейрак обнаружил там искреннее стремление к терпимости «без различия рас и вероисповедания», как это было провозглашено хартией, которую намеревались принять английские колонии.

Первым ему посоветовал отправиться в Мэн преподаватель арифметики в Гарвардском университете, седовласый квакер по имени Эдмунд Андрос.

— Этот край похож на вас. Такой же неукротимый, эксцентричный, слишком щедро одаренный, чтобы быть оцененным по достоинству. Вы полюбите его, я уверен. Его богатства неисчислимы, хотя на первый взгляд в это трудно поверить. По-моему, это единственное место на земле, к которому не подходят общие законы мироздания. Там совершенно не чувствуешь себя связанным множеством мелочных, но обязательных правил. Однако вскоре начинаешь понимать, что дело тут не в анархическом вызове, а в высшем порядке вещей. Там вы будете царственно одиноки и свободны в течение еще долгого времени, ибо на свете мало правительств, которые хотели бы завладеть этим краем. Он внушает страх. У него слишком дурная слава. Люди покорные и мягкие, робкие, изнеженные, коварные или эгоистичные, слишком простые или слишком цельные натуры там обречены на гибель. Там нужны настоящие мужчины, не лишенные самобытности. Это неперемное условие; край сам по себе неповторим, хотя бы из-за его разноцветных туманов.

Он и представил графа старому Массаве. Один из сыновей вождя учился в Гарвардском университете.

От планов создания поселений на береговой полосе Жоффрей де Пейрак перешел к намерению закрепить за собой внутренние территории. Процветание невозможно, если страна не использует свои подземные богатства. Потребность в денежных знаках ставит колонии в зависимость от далеких великих наций, от английского или французского королевств, расположенных за четыре тысячи лье отсюда.

Никола Перро рассказал ему о залежах серебряноносного свинца у истоков Миссисипи.

В этом месте своих размышлений Жоффрей де Пейрак поднял голову. Вот уже несколько минут он в глубокой задумчивости следил за волнами, бьющимися у его ног. Теперь он снова начал воспринимать окружающее, и губы его прошептали имя Анжелики.

В тот же миг у него стало легче на душе, беспокойство рассеялось, как прихотливый туман, и к нему вернулась уверенность в себе.

Несколько раз он произнес ее имя: «Анжелика! Анжелика!» Повторилось любопытное явление: всякий раз, как он произносил ее имя, ему казалось, что на горизонте светлеет, вмешательство королей Англии или Франции в его дела представлялось маловероятным, а самые грозные препятствия выглядели легко преодолимыми.

Он рассмеялся без всякой задней мысли. Ее присутствие озаряло все вокруг. Рядом с ней все менялось к лучшему. Она любит его — значит, ему нечего бояться. Он вспоминал ее лучистый нежный взгляд, когда она сказала ему порывисто: «Вы способны на любую щедрость». От этих слов он почувствовал себя счастливым, как юный рыцарь, которому прекрасная дама бросила перчатку на турнире.

Это не было тщеславием. В нем возрождалось чувство, угасшее было из-за отсутствия достойного предмета любви: радость быть любимым женщиной и любить ее.

Анжелика была ему возвращена в то время, когда уже подкрадывалась к нему горечь, недуг мужчин, приобретших большой опыт, но не утративших трезвость ума. Куда бы ты ни пошел, повсюду встретишь чудеса творения, но всегда и всюду смертельная угроза отравляет прекраснейшие плоды жизни. Повсюду лежащие втуне богатства, попусту растроченные таланты, загубленные жизни, попранное правосудие; повсюду прекрасная природа вызывает пренебрежение, наука внушает страх; мир полон глупцов, слабых людей, сухих плодов; бесплодных, как пустыня, женщин.

Поэтому бывают минуты, когда горечь переполняет сердце. Подобно яду, цинизм проникает в ваши слова, и они превращаются в отравленные плоды. Значит, смерть уже заметила вас.

— Но я люблю жизнь, — говорила Анжелика.

Он вспоминал живость ее бледного лица, восхитительные глаза, казалось, ощущал под пальцами шелк ее волос.

«О, ты прекрасна, ты прекрасна, возлюбленная моя! Уста твои — запечатанный источник. Источник наслаждений...»

Анжелика воплощала в себе всех женщин. Он не мог сравнить ее ни с кем, как не мог пресытиться ею.

В каком бы обличье он ее ни встретил, ей всегда удавалось пробудить его любопытство и воспламенить чувства.

Тогда в Кандии он вообразил себе, что больше не любит ее из-за измен, но достаточно было увидеть ее, как его захлестнули желание и нежность. Он полагал, что забыл ее настолько, что сможет без сожаления уступить другим. Но одна лишь мысль, что какой-то Берн пытался ее поцеловать, вызвала у него ревнивую ярость...

Он пытался ее презирать, но вдруг понял, что она — первая женщина, чей характер вызывал у него искреннее восхищение. Он думал, что больше не желает ее, а сам без конца мечтал о ее теле, о ее устах, о ее глазах, о ее голосе и размышлял, какими уловками сумеет он пробудить страсть в этой строптивой красоте.

Не потому ли грубые одежды, в которые она была облачена в Ла-Рошели, вызывали у него такое раздражение, что они слишком хорошо скрывали формы, чьи сладостные тайны вновь манили его?

И желание унижить, ранить ее было вызвано этой жаждой обладания.

Она заставила его утратить обычную выдержку. Его мужские расчеты, его знание женских хитростей разбились вдребезги, как стекло, и ничем не помогли ему.

Он потерял из-за нее голову, вот в чем дело!

Поэтому он восхищался ею и преклонялся перед ней, тем более, что она, кажется, и не подозревала о своей победе.

Этим она тоже привлекала его.

Ее сдержанность нелегко было преодолеть.

Она была не из тех болтливых женщин, которые с кем угодно делятся самыми интимными переживаниями. Ее считали цельной, непосредственной натурой, но превратности судьбы усилили ее природную гордость. Скорее из стыдливости, чем из высокомерия, она ни перед кем не открывала свою душу, зная, что не стоит искать сочувствия в чужих сердцах.

Она опускала свои длинные ресницы и ничего не говорила. Она замыкалась в себе. В каком тайном саду? В каких воспоминаниях? Или в каких страданиях?

Перед Анжеликой оказался бессильным его дар читать чужие мысли. Многие провидцы находили у него этот талант, который он развивал и оттачивал, учась у восточных мудрецов.

Потому ли, что он любил ее слишком сильно? Или потому, что мощь ее собственного ума притупляла его проницательность?

Именно поэтому он с нетерпением ожидал, что скажет о ней Массава.

Массава был прозорлив, как все люди, не утратившие связи с природой, к тому же богатый жизненный опыт обострил его природную интуицию. Он не мог ошибиться.

Граф устроил так, что на отмели Анжелика оказалась в первом ряду протестантов. Казалось, Массава ничего не замечает, но граф знал по опыту, что это не так.

После окончания церемонии они долго беседовали о разных предметах: об испанцах с юга, о бостонских квакерах, об английском короле, об изобилии лосей в этих краях и о земных божествах, с которыми нелегко поладить.

— Сумеешь ли ты привлечь на свою сторону земные божества, как привлек морские? Прав ли ты, меняя духов, которые уже покорились твоей власти, на других, незнакомых и ревнивых? — спросил вождь.

Они сидели вдвоем перед фортом, на высоком мысе, откуда было видно все море. Сашем прибыл издалека, чтобы поговорить с тем, кого называли «Тот-Кто-Слушает-Вселенную». Нужно было уделить вождю достаточно времени. Жоффрей де Пейрак отвечал спокойно, не нарушая долгих пауз.

Наконец, сашем заговорил о том, что интересовало графа.

— Почему Женщина-со-святыми-волосами живет среди Бледнолицых-с-ледяными-душами?

И, подумав минуту, он добавил:

— Она не из их племени. Почему же она с ними?

Граф молчал. Он чувствовал, что его сердце бьется с юношеским волнением. Сашем несколько раз глубоко затянулся трубкой. Казалось, он задремал. Потом глаза его вновь загорелись.

— Эта женщина принадлежит тебе. Почему ты держишь ее в отдалении? Почему подавляешь желание, которое она у тебя вызывает?

Казалось, он почти оскорблен, как и всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться с безумным поведением бледнолицых. Лишь в подобных случаях чувства отражались на его бесстрастном лице.

— Ум у бледнолицых темный и негибкий, как плохо выделанная кожа, — отвечал Жоффрей де Пейрак. — Я не обладаю твоей проницательностью, о великий сашем, и сомневаюсь в этой женщине. Я не знаю, достойна ли она жить под моим кровом и разделить со мной ложе.

Старик кивнул:

— Друг мой, твоя осторожность делает тебе честь. Тем более, что это редкое качество. Женщина — единственная дичь, которая кажется безобидной даже самому осторожному охотнику. И он не образумится

раньше, чем она его всего не изранит. И все же я скажу те слова, которые надеется услышать твое сердце, уже охваченное любовью. Эта женщина может спать рядом с тобой. Она не уменьшит твою силу и не замутит твой разум, ибо она сама — сила и свет. Сердце ее — из чистого золота: в нем горит огонь приветливости, подобный пламени очага, у которого присаживается усталый воин.

— Великий вождь, я не знаю, не ослепил ли и тебя этот свет, — рассмеялся граф де Пейрак, — но то, что ты мне сказал, превзошло все мои ожидания. Быть может, кротость, которой ты ее наделяешь, на самом деле всего лишь притворство? Признаюсь тебе, перед этой женщиной дрожали принцы.

— А разве я сказал, что перед лицом врагов у нее не найдется когтей, острых, как кинжалы? — сердито возразил старый Массавя. — Но ты сумел ее покорить, и теперь тебе нечего бояться: ты навек ее господин.

Старый индеец чуть улыбнулся:

— Плоть ее сладостна, как мед. Насладись же ею.

«Благодарю тебя, старый Массавя! Даже если бы ты сделал только это: просветил мой ум, «темный и негибкий», отравленный сомнениями, ты бы сослужил своему народу добрую службу. Потому что, пока я жив, я буду бороться, чтобы защитить его. А если она будет рядом, у меня хватит сил, чтобы жить и бороться».

Из-за того, что некогда он жестоко страдал, утратив ее, у него сложилось о ней представление, как о пустой, черствой и неверной женщине. Кантор рассказывал, что никогда мать не говорила им о нем. Только теперь он начинал понимать, что тому могли быть причины иные, нежели забвение.

Ночь на «Голдсборо» успокоила его в одном отношении: их тела были созданы друг для друга.

Та жажда, которая влекла ее к нему, оказалась сильнее всех ее опасений. И хотя прекрасные патрицианские губы не раскрылись под его поцелуями, он ощутил другие признаки ее слабости. Он по-прежнему был единственным мужчиной, способным взволновать ее чувства, сломить ее сопротивление. И для него она всегда будет единственной женщиной, которая — даже такая холодная и дрожащая, как в ту ночь, — могла доставить ему любовные наслаждения, близкие к экстазу.

У него бывали искусные любовницы. Но с ними все было лишь милой игрой.

Когда же он заключал в объятия Анжелику, ему казалось, будто он отплывает на остров богов, в царство огня, проваливается в темную

пропасть, где расстается с самим собой, чтобы на миг вкусить райское блаженство.

Власть, которой обладала над его телом ее нежная золотистая плоть, была воистину колдовской.

Он ощутил это со всей силой еще в те времена, когда не мог понять, как сумело его обворожить это красивое неопытное создание. И вот пятнадцать лет спустя он испытал то же удивление и восхищение, в эту ночь на корабле, совсем не похожую на их прежние ночи. И это теперь, когда они оба были изгнанниками, почти чужими друг другу.

Он быстро шагал, полный страсти, в раздуваемом ветром плаще, с восторгом глядя вокруг.

Берег с отменями цвета зари казался ему сверхъестественно красивым. Это зрелище усиливало экстаз, который он испытывал, открыв в себе неведомую прежде великую любовь. Ее жаркий огонь воспламенял его сердце.

То, что некогда судьба отняла у него, ныне было ему возвращено сторицей. Богатство, замки, титулы? Может ли все это сравниться со счастьем быть человеком в расцвете сил, на неизведанных берегах, с великой любовью в сердце?

Вернувшись в форт, он приказал седлать лошадь.

Конечно, Анжелика сейчас в лагере Шамплена. Она делает все, что ей вздумается. За годы независимости она привыкла сама устраивать свою судьбу. Нелегко будет вновь приучить ее к супружеской покорности. И хотя старый Массава уверенно объявил: «Ты ее господин», имея дело с Анжеликой, следовало соблюдать величайшую осторожность.

Улыбаясь, он ехал по протоптанной в лесу тропинке, которую огромные деревья и наступившая ночь окутали непроглядной тьмой.

«Чем труднее победа, тем дороже любовь», — так говорил Ле Шапелен, древний учитель Искусства Любви. Каким далеким теперь казался тот веселый двор, где он так ревностно способствовал возрождению традиций прошлого. Он вспоминал о нем без сожаления. Он всегда умел забывать былые радости, исчерпав их до конца, чтобы обратиться к новым, неизведанным удовольствиям. «Новая любовь изгоняет прежнюю».

И лишь одной Анжелике удалось опровергнуть мудрую старую пословицу.

Причиняя то радость, то страдания, любовь к ней всегда была жива в его сердце.

Неподалеку от лагеря Шамплена он повстречал процессию, шествующую при свете факелов.

Кроули переезжал вместе с женой, детьми и слугами, чтобы устроиться на ночлег в соседней индейской деревне.

— Я уступил свою хижину той восхитительной леди, которая так хорошо владеет пистолетом. Индейцы прозвали ее «Летним светом». Извините меня, господин де Пейрак. Поздравляю вас. Говорят, это ваша любовница.

— Нет. Она мне жена, а не любовница.

— Так вы женаты? — воскликнул Кроули. — Невероятно! Она ваша жена? Но с каких пор?

— Уже пятнадцать лет, — сказал граф, пуская лошадь галопом.

Глава 6

Приехав в лагерь Шамплена, он соскочил с коня, бросил поводья сопровождавшему его телохранителю и, никем не замеченный в темноте, приблизился к дому Кроули. За драгоценными стеклами крохотных окошек светились огоньки. Жоффрей де Пейрак наклонился, заглянул внутрь — и был потрясен открывшейся его глазам картиной, ибо умел тонко чувствовать красоту и женскую прелесть. То, что он увидел, было очень просто и вместе с тем исполнено чудесной гармонии.

Встав на колени перед очагом, Анжелика мыла стоящую в лохани Онорину. Голенькая девочка, вся розовая от отблесков пламени, потряхивающая упавшей ей на плечи искристой копной длинных рыжих волос, была полна того невинного и чуть пугающего очарования, которое, как говорят, отличает шаловливых эльфов, этих излюбленных героев сказок и легенд. Они живут по берегам рек или в лесах, украшают себя ракушками и листьями и, по поверьям, обожают играть шутки с заплутавшими путниками, а потом вдруг исчезают — и тебе становится грустно, словно тебя покинуло твое собственное детство.

По сравнению со своей маленькой дочкой Анжелика казалась слабой и беззащитной. Ее красота уже не была опасной, а только пленительной, и он понял, что именно Онорина сделала из нее ту, другую женщину, которую ему так трудно было узнать.

Какая же она милая... Глядя на нее, он впервые подумал, что такие вот простые жесты очень для нее естественны. Ему вспомнилось, что она выросла в той почти крестьянской бедности, которая стала уделом многих провинциальных дворянских семей. «Маленькая дикарка», — шептали в Тулузе, когда ее привезли туда и он представлял ее обществу как свою жену. И она сохранила эту способность — жить просто и довольствоваться немногим. Сейчас она поливает чистой родниковой водой маленькое тельце своей дочери — и уже этим счастлива.

Разве он предпочел бы видеть ее иной — озлобленной, ожесточенной крушением всей своей жизни, которая из первой дамы Версаля превратила ее в нищую и, лишив всего, принесла к берегам полудикой страны? А ее красота — разве устояла бы она под натиском разочарования и злобы? Ненависть могут позволить себе только юные... Да, Анжелике есть на что пожаловаться, и все-таки жизнь не утратила для нее своей прелести. Узы, соединяющие этих двоих: мать и дочь — прекрасны, и никто — ни он, ни

кто-либо еще — не сможет их порвать. Некоторые народы Востока верят в перевоплощение душ. Кто вы, мадемуазель Онорина? Откуда вы к нам пришли? Куда направляетесь?

Девочка повернула голову к окну, и он увидел, что она улыбается.

Жоффрей де Пейрак обошел кругом бревенчатую хижину и постучал в дверь.

Анжелика вымыла голову и себе, и Онорине, и всем детям, которые попались ей под руку. Она бы и двадцать раз с ведрами к роднику, не жалуясь на усталость, так неистощима была ее радость — вода, свежая пресная вода! Ее так много и она такая вкусная!

Тельце Онорины стало шершавым от морской соли, кожа побледнела и из-под нее выпирали все кости, а ведь прежде малышка была такая крепкая и пухленькая.

— О, Господи, — вздохнула госпожа Каррер, — еще немного, и они бы все поумирали у нас на руках!

Но все дети добрались до Земли обетованной целыми и невредимыми.

Вместе с Анжеликой и Онориной в домике Кроули, самом благоустроенном, разместились также госпожа Каррер со своими младшими отпрысками, вдова булочника с двумя маленькими сыновьями и трое детей Берна.

— Черный человек пришел! — сказала Онорина. И с сияющей улыбкой добавила:

— Он мне очень нравится.

Анжелика не сразу сообразила, о каком черном человеке идет речь.

Увидев мужа, она смешалась. Ее смущение стало еще больше, когда он, поклонившись дамам, подошел к ней и негромко сказал:

— Я искал вас, сударыня...

— Меня?

— Да, вас, как это ни странно. Пока вы были у меня на корабле, я по крайней мере всегда знал, где вас искать, но теперь, когда в вашем распоряжении целый континент, задача становится труднее.

Она засмеялась, но взгляд ее оставался грустным.

— Верно ли я поняла — вы хотите, чтобы я жила рядом с вами?

— А вы в этом сомневаетесь? Разве я вам не говорил?

Анжелика отвернулась. Она подняла Онорину из лохани и завернула в одеяло.

— Я занимаю в вашей жизни такое незначительное место, — сказала она вполголоса. — Я значу для вас совсем мало, и так было всегда. Я

ничего о вас не знаю: ни о прошлой вашей жизни, ни о нынешней. Вы столь многое от меня скрываете... Вы же не станете это отрицать?

— Не стану. Я всегда был немножко мистификатором. Но ведь и вы платите мне тем же. К счастью, великий сашем заверил меня, что вы самое светлое и ясное существо на свете. Правда, я все же задаю себе вопрос: уж не попался ли он со всей своей пронизательностью в сети ваших чар, как до него многие другие... Кстати, что вы о нем думаете?

Анжелика отнесла Онорину на кровать, которую та делила с Лорье. Потом подоткнула одеяло и дала дочери ее шкатулку с «сокровищами». Вечные жесты, одинаковые во все времена...

— О великом сашеме? Выглядит он внушительно и грозно. И, однако, сама не знаю почему, мне его жаль.

— Вы очень пронизательны.

— Монсеньор, — спросил Мартиал, — верно ли, что все леса вокруг — ваши?

— По договору с Массавой я имею право распоряжаться тем, что не принадлежит живущим здесь индейцам. У них есть небольшие деревни, вокруг деревень — поля, а вся остальная земля абсолютно девственна, и никто не знает, что лежит в ее недрах. Там может быть и золото, и серебро, и медь.

— Так вы богаче короля?

— Что такое богатство, дети? Если быть богатым — значит, владеть землями, обширными, как целое королевство, — что же, тогда я богат. Но у меня больше нет ни мраморного дворца, ни золотой посуды. Только несколько лошадей. А когда я отправлюсь в глубь страны, у меня не будет иной крыши над головой, кроме звездного неба и листвы деревьев.

— Значит, вы уезжаете? — перебила его Анжелика. — Куда? Зачем? Меня это, конечно же, не касается?.. Я не имею права что-либо знать ни о ваших планах, ни даже о том, намерены ли вы взять с собой меня.

— Замолчите, — сказал Жоффрей де Пейрак (он был в восторге от ее негодования). — Вы шокируете остальных дам.

— А мне все равно. Да и нет ничего шокирующего в том, что жена хочет последовать за своим мужем. Ибо я ваша жена и отныне буду кричать об этом везде. Хватит с меня этой выдуманной вами комедии. Если вы не возьмете меня с собой, я соберу свое собственное войско. И последую за вами. Я привыкла жить в лесу, под открытым небом. Посмотрите на мои руки. Их уже давно не украшают золотые кольца, зато они умеют печь хлеб в золе и обращаться с мушкетом.

— Наслышан. Все говорят, что нынче утром вы с кайюгами разыграли

великолепную сцену охоты. Что ж, продемонстрируйте мне ваши таланты, — заключил он, вынимая из кобуры один из своих тяжелых пистолетов с серебряными рукоятками.

Вид у него при этом был довольно скептический, и Анжелика вскипела.

Она взяла пистолет и, с вызовом взглянув на мужа, осмотрела оружие. Оно не было заряжено. Анжелика вынула из дула стержень, с помощью которого в ствол забивался заряд.

— Где шомпол?

— Зачем он вам?

— В стволе может быть пороховая пыль, тогда при выстреле пистолет разорвет.

— Мои пистолеты всегда содержались в порядке, сударыня, однако такая заботливость выдает в вас хорошего стрелка.

Он расстегнул пояс и бросил его на стол вместе со всем, что на нем висело: пистолетами, кинжалом, кожаными мешочками с порохом и пулями.

Анжелика нашла в кобуре шомпол, привычным движением всунула его в дуло и несколько раз протолкнула туда и обратно. Потом, повернув пистолет к темному окну, щелкнула курком, проверяя, есть ли искра.

Насыпав в дуло пороху, Анжелика выбрала пулю и покрутила ее двумя пальцами, проверяя, вполне ли она круглая.

— Здесь нет затравочного пороха.

— Используйте вместо него вот эти турецкие запальные пистоны.

Анжелика так и сделала.

— Открой окно, Мартиал.

Ночь была на удивление светлая, хотя блеск луны застилала легкая дымка.

— Вон там, на дереве, сидит птица и очень противно кричит.

Жофfrey де Пейрак глядел на жену с любопытством.

«Да, видно, что она воевала, — думал он. — Против кого?.. Против короля?..»

Тонкая рука уверенно сжала рукоять тяжелого пистолета и легко подняла его.

Прогремел выстрел. Пронзительный крик птицы тотчас смолк.

— Какая меткость! — вскричал граф. — И какая сила! — добавил он, сжав руку Анжелики выше локтя. — Честное слово, у вас стальные мускулы! Положительно, я все больше и больше убеждаюсь, что в своем суждении о вас великий сашем был не прав.

Но он смеялся, и ей даже показалось, что он немного гордится ею. Дети, которые поначалу зажали уши, разразились веселыми криками и хотели тут же броситься наружу за подстреленной птицей. Однако женщины, прибежавшие на шум из соседних хижин, помешали им.

— Что случилось? В чем дело? На нас напали индейцы? Или пираты?

Вид Анжелики с дымящимся пистолетом в руках очень их удивил.

— Это была просто игра, — успокоила она их.

— Хватит с нас таких игр! — раздалась ворчливый голоса.

— Сударыни, довольно ли вы тем, как вас разместили? — осведомился граф с учтивостью хозяина, принимающего гостей.

Бедные женщины ответили, что все хорошо. Они смотрели на него со смесью страха и восхищения. Напомнив гордым ларошельским буржуа, что их жены нисколько не хуже и не глупее их самих, он покори́л их сердца навсегда.

И опять именно Абигель решилась вслух произнести то, что думали все женщины.

— Примите нашу благодарность, монсеньор, за ту величайшую милость, которую вы нам оказали, несмотря на все наши заблуждения. Гонения, которым мы подверглись, скорбь о покинутых очагах, страх, что отныне никто уже не подаст нам руку помощи, — все это породило в наших душах сомнения и растерянность. Но вы смогли понять нас и пощадить.

Жоффрей де Пейрак ответил ей нежнейшей из своих улыбок. С Абигель он всегда был необычайно приветлив, и, глядя на него, Анжелика почувствовала, что почти ревнует. Поклонившись молодой гугенотке, он сказал:

— Вы очень добры, мадемуазель, вы возлагаете на себя вину за чужие ошибки, которых сами вы никогда не одобряли. Я знаю, сударыни, что вы пытались отговорить ваших мужей от осуществления их преступного плана, поскольку догадывались, что он обречен на провал. Что бы там ни говорили, а здравым смыслом обладаете именно вы. Сумейте же воспользоваться вашим даром и здесь и будьте настойчивы, ибо земля, на которую вы ступили, не терпит никакой лжи и фальши.

Этот совет был оценен по достоинству. Граф пожелал дамам доброй ночи, и они удалились. Госпожа Каррер поспешила вслед за ними, и, едва выйдя за дверь, шепотом сообщила им последнюю новость. Она, правда, не была уверена, что поняла все до конца, но главное уловила, это уж точно: монсеньор Рескатор и госпожа Анжелика или женаты, или скоро поженятся, или только что поженились... Словом, в воздухе пахнет

свадьбой.

— Не уверена, что ваши советы обеспечат безмятежное будущее их мужьям, — задумчиво сказала Анжелика.

— Конечно, нет. И я очень рад. Это будет моя страшная месть. Выдать их на расправу собственным женам — разве это в конечном счете не ужаснее, чем отдать в руки палача?

— Вы неисправимы, — сказала она, смеясь.

Он вдруг схватил ее за талию обеими руками, высоко поднял и закружил.

— Смейтесь... Смейтесь... милая моя матушка-настоятельница... У вас такой чудесный смех!

Анжелика вскрикнула. Он держал ее легко, точно соломинку.

— Вы сошли с ума!..

Когда он опустил ее на пол, у нее кружилась голова, и она в самом деле только и могла, что смеяться.

Дети были в восторге. Никогда раньше им не доводилось видеть столько интересного сразу, да еще в час, когда их обычно укладывали спать. Эта новая страна нравилась им все больше и больше. Хорошо бы остаться здесь навсегда!

— Мама, — крикнула Онорина, — у нас что, опять война?

— Война? Нет! Упаси Бог! Откуда ты это взяла?

— Ты стреляла из большого пистолета.

— Это я просто так, чтоб было веселее.

— Но ведь на войне весело, — сказала Онорина. Она была явно разочарована.

— Как, — вскричала Анжелика, — неужели тебе нравится слушать грохот выстрелов, видеть раненых, убитых?

— Да, нравится, — подтвердила Онорина.

Анжелика смотрела на нее с изумлением — ведь матери всегда удивляются, впервые открывая для себя внутренний мир своих детей.

— Но... мне казалось, ты была опечалена, когда увидела, что Колючий Каштан...

Девочка как будто что-то вспомнила, и ее личико омрачилось. Она вздохнула.

— Да, бедный Колючий Каштан — ведь он умер.

Но она тотчас же заулыбалась снова.

— Зато как интересно, когда все вокруг кричат, бегают, падают. И все такие сердитые. Дым хорошо пахнет, и ружья стреляют: бах! бах! бах! Ты споришь с господином Маниго, и он становится весь красный... и ты меня

езде ищешь, а потом обнимаешь крепко-крепко... Ты меня очень любишь, когда война. Загораживаешь меня собой, чтобы солдаты меня не убили. Потому что ты не хочешь, чтоб я умерла... Я ведь живу еще очень-очень мало, а ты уже долго...

Слушая эту речь, Анжелика испытывала одновременно и беспокойство, и гордость.

— Не знаю, может быть, во мне говорит материнское тщеславие, но мне кажется, она высказывает суждения, необыкновенные для своих лет.

— Когда я вырасту, — продолжала Онорина, пользуясь тем, что наконец-то ее со вниманием слушают, — я всегда буду воевать. У меня будет конь и сабля и два пистолета... Как у тебя, — сказала она, посмотрев на Жоффрея де Пейрака, — но у моих рукоятки будут золотые, и я буду стрелять еще лучше... еще лучше, чем ты, — заключила она, с вызовом глядя на мать.

Подумав, она добавила.

— Кровь красная. Это красивый цвет.

— Но ведь это ужасно... то, что она говорит, — прошептала Анжелика.

Граф де Пейрак смотрел на мать и дочь и улыбался. Его и радовало, и удивляло, что они настолько разные. Рядом с девочкой Анжелика с ее нежностью и материнской любовью выглядела такой мягкой, такой простодушной. Нет, она никогда не была — не могла быть — грозной соперницей госпожи де Монтеспан или предводительницей бунтовщиков, скачущей во главе своего войска по лесным дорогам Пуату. Трудно поверить, что это она только что с холодной уверенностью поднимала тяжелый пистолет.

Анжелика взглянула на него, словно спрашивая его мнение. Воинственный пыл дочери явно поставил ее в тупик, однако она быстро нашла, чем себя успокоить:

— Она любит войну... Что ж, в конце концов, это благородное чувство. Мои предки не отказались бы от нее.

Она настолько забыла пережитый ужас, что ей и в голову не пришло, что свою удивительную и пугающую страсть к войне девочка могла унаследовать не только от ее предков. Жоффрей де Пейрак подумал об этом, но вслух не сказал ничего.

Он снял с пальца изящное золотое кольцо с крупным бриллиантом и протянул Онорине. Та с жадностью схватила его.

— Это мне?

— Да, мадемуазель.

Анжелика не преминула вмешаться.

— Это украшение очень ценное. Нельзя превращать его в игрушку.

— Природа здесь столь дика, что приходится переоценивать ценности. Маисовая лепешка и добрый костер оказываются куда ценнее, чем кольцо, за которое в Версале иные, не задумываясь, погубили бы душу.

Онорина вертела кольцо и так и сяк. Сначала она приложила его ко лбу, потом надела на большой палец и наконец стиснула обеими руками.

— Почему ты подарил мне его? — пылко спросила она. — Потому что ты меня любишь?

— Да, мадемуазель.

— А почему ты меня любишь? Почему?

— Потому что я ваш отец.

От этих слов личико Онорины преобразилось. Она онемела. На круглой мордашке отразились изумление, ликующая радость, невыразимое облегчение и безграничная любовь.

Задрав голову, она с восхищением глядела на одетого в черное грозного кондотьера, стоящего у ее изголовья, и его загорелое, иссеченное шрамами лицо казалось ей самым прекрасным из всех, которые она когда-либо видела.

Вдруг она повернулась к Анжелике.

— Вот видишь, я же тебе говорила, что найду его на другой стороне моря!..

— Не кажется ли вам, мадемуазель, что сейчас уже пора спать? — спросил Жоффрей де Пейрак тем же учтивым и уважительным тоном.

— Да, отец!

Онорина на удивление послушно скользнула под одеяло, сжимая в ручке кольцо, и почти тотчас уснула с выражением полного блаженства на лице.

— Господи, — сказала растерянная Анжелика, — как вы догадались, что девочка хочет найти себе отца?

— Меня всегда интересовали мечты, таящиеся в сердцах женщин, и, насколько это в моих силах, мне нравится их исполнять.

Анжелика переставила деревянную осветительную плошку, чтобы ее свет не падал на Онорину и Лорье.

В соседней комнате госпожа Каррер и жена булочника укладывали остальных детей. Жоффрей де Пейрак подошел к очагу. Анжелика тоже подошла и подбросила в огонь полено.

— Какой вы добрый, — сказала она.

— Какая вы красивая!

Она взглянула на него с благодарной улыбкой, потом со вздохом

отвернулась.

— Как бы я хотела, чтобы вы хоть иногда смотрели на меня так, как смотрите на Абигель. С дружеским расположением, доверием, симпатией. Можно подумать, вы опасаетесь, что я вас предам.

— Вы заставили меня страдать, сударыня.

Анжелика сделала протестующий жест.

— Разве вы способны страдать из-за женщины? — в ее голосе прозвучало сомнение.

Она присела у очага. Он придвинул табурет и сел рядом, глядя на огонь. Анжелике хотелось снять с него сапоги, спросить у него, не голоден ли он, не хочет ли пить. Ей очень хотелось хоть как-то поухаживать за ним, но она не смела. Ведь она не знала, что может понравиться этому незнакомцу, ее мужу, который иногда кажется ей таким близким, а иногда, наоборот — далеким и враждебным.

— Вы созданы для жизни одинокой и свободной, — сказала она с грустью. — Я уверена, что рано или поздно вы покинули бы меня, покинули Тулузу, чтобы отправиться на поиски новых приключений. Ваше стремление познавать мир неутолимо.

— Вы покинули бы меня первой, дорогая. Порочное общество, которое нас окружало, не позволило бы вам остаться верной супругой, ведь вы были одной из прекраснейших женщин Франции. Вас бы всевозможными способами побуждали испытать силу своих чар и на других мужчинах.

— Но разве наша любовь не была достаточно сильна, чтобы все преодолеть?

— Ей бы не дали времени окрепнуть.

— Пожалуй, — прошептала Анжелика. — Чтобы стать хорошим мужем или хорошей женой, нужен долгий срок.

Сцепив руки на коленях, Анжелика неотрывно глядела на пляшущее в очаге пламя, но всем своим существом, всей кожей чувствовала — он здесь, с нею, и это чудо, его близость, воскрешало в ее памяти те далекие вечера в Лангедоке, когда они вот так же сидели рядом и разговаривали. Она клала голову ему на колени и замороженная его рассказами (в них ей всегда открывалось что-то новое), смотрела на него мечтательно и пылко. Потом он незаметно переходил от серьезного разговора к шуткам, а от тех — к любви. Но как же они были редки, эти упоительные часы...

Она так часто мечтала о несбыточном, невозможном — о его возвращении! Даже в те времена, когда она думала, что он мертв, ей случалось — когда на душе бывало особенно тяжело — мысленно

представлять себе их чудесное воссоединение. Король Людовик прощает Жоффрея де Пейрака, ему возвращают титул, земли, состояние, и она снова живет рядом с ним — счастливая, влюбленная. Но эти сладкие фантазии всегда быстро рассеивались. Разве можно себе вообразить, чтобы гордый граф Тулузский стал умолять о прощении, когда вся его вина состояла лишь в том, что он вызвал зависть своего государя? Чтобы Жоффрей де Пейрак сделался послушным, подобострастным придворным? Нет, немислимо, король никогда бы не позволил ему вернуть себе прежнее могущество, а Жоффрей никогда бы не склонился перед королем. Слишком сильна в нем потребность действовать, созидать. В Версале он всегда вызывал бы враждебность и подозрение.

Она устало улыбнулась.

— Тогда мы, быть может, должны радоваться жестокой разлуке. Ведь она по крайней мере не дала нашей любви превратиться в ненависть, как это случалось со многими другими...

Он протянул руку и легко погладил ее по затылку.

— Сегодня вечером вы печальны. Вы, неукротимая амазонка, изнемогаете от усталости!

Его ласка, его голос возвратили ей силы.

— Нет, я чувствую, что могу построить еще несколько хижин, а если будет нужно — сесть в седло и последовать за вами. Но меня не оставляет страх — ведь вы хотите уехать без меня.

— Давайте объяснимся, моя душенька. Боюсь, что вы создали себе иллюзию. Да, я богат, но земли моего королевства девственны. Мои дворцы — это всего лишь бревенчатые форты. Я не могу вам предложить ни роскошных нарядов, ни драгоценностей — впрочем, в этой глуши они ни к чему. Ни безопасности, ни комфорта, ни блеска, ничего из того, что привлекает женщин.

— Женщин привлекает только любовь.

— Так они уверяют.

— Разве я вам не доказала, что не боюсь ни суровой жизни, ни опасностей? Наряды, драгоценности, блеск... Их у меня было вдоволь... И я хорошо знаю, что они несут с собой не только упоение, но и горечь: ведь для одинокого сердца все имеет привкус пепла. Мне важно только одно — чтобы вы меня любили — именно вы! — и чтобы больше не отвергали.

— Я начинаю вам верить!

Он взял ее руку и задумчиво посмотрел на нее. Маленькая, хрупкая рука лежала на его ладони, длинной и твердой, и чуть заметно дрожала, похожая на испуганную пленницу. Он подумал, что ее украшали кольца и

браслеты, целовал король, что она с холодной решительностью сжимала оружие, наносила удары, убивала. Сейчас она отдыхала в его руке, словно усталая птица. На один из этих пальцев он когда-то надел золотое обручальное кольцо. Воспоминание заставило его вздрогнуть, Анжелика это заметила, хотя и не могла проследить ход его мыслей.

Она тоже вздрогнула, когда он вдруг спросил:

— Почему вы подняли мятеж против короля Франции?

Она отдернула руку.

Говорить о прошлом, о том, как она жила прежде, было для него все равно, что прикасаться к открытой ране. Но он хотел знать.

Он сознавал, что мучает ее своими расспросами, и все же понуждал ответить. В ее минувшем было много такого, чего он не понимал, но должен был прояснить любой ценой, даже если это причинит ему новые страдания.

В глазах Анжелики отразился страх. Должно быть, по его лицу было ясно видно, что он твердо решил потребовать всю правду.

— Почему? — повторил он почти сурово.

— Откуда вы это знаете?

Он сделал жест рукой, словно отменяя праздные вопросы.

— Знаю. Отвечайте.

Пересилив себя, она сказала:

— Король хотел, чтобы я стала его любовницей. Он не принял моего отказа. Добиваясь своей цели, он не останавливался ни перед чем. Он прислал солдат, чтобы сторожить меня в моем собственном замке, угрожал арестовать меня и заточить в монастырь, если к концу срока, который он дал мне на размышление, я не соглашусь ответить на его страсть.

— Но вы так и не согласились?

— Нет.

— Почему?

Глаза Анжелики потемнели. Теперь они были такого же цвета, как океан.

— И это спрашиваете вы? Когда же вы наконец поверите, что потеряв вас, я была в отчаянии? Отдаться королю! Как я могла это сделать? Как могла предать вас, своего мужа, которого он несправедливо осудил на смерть? Отняв вас, он отнял у меня все. Все удовольствия, все почести, которые мне оказывали при дворе, не могли возместить этой утраты. О, как я звала вас, любовь моя!

Она вдруг заново пережила страшное чувство пустоты и ту тоску по потерянной любви, которая порой засыпала в ее сердце, но пробуждалась

от любого пустяка, жгучая, пронзительная. И Анжелика крепко обняла, своего мужа и прижалась лбом к его коленям. Его сомнения и вопросы причиняли ей боль, но он был рядом, он был с ней. А это главное!

Некоторое время он молчал, потом заставил ее поднять голову.

— И все же вы были близки к тому, чтобы уступить.

— Да, — ответила она. — Ведь я женщина, слабая женщина... Король был всемогущ, а я беззащитна... Он мог во второй раз разрушить мою жизнь. И он это сделал... Я вступила в союз со знатными сеньорами Пуату, у которых тоже имелись причины для восстания, но все было тщетно. Провинции утратили свою прежнюю силу, и король победил нас, разбил наголову... Его солдаты опустошили мои земли, сожгли замок... В ту ночь они убили моих слуг... зарезали моего младшего сына. А меня...

Она запнулась, не решаясь продолжать. Она предпочла бы промолчать, ничего не говорить ему о своем позоре. Но из-за Онорины, этого незаконнорожденного ребенка, чей вид не может не вызывать у ее мужа горечи (ведь он наверняка считает, что девочка — плод измены) она должна рассказать ему всю правду.

— Онорина — дитя той ночи, — глухо сказала она. — Я хочу, чтобы вы это знали из-за того, что вы сейчас для нее сделали. Вы понимаете, Жоффрей?.. Когда я смотрю на нее, я вспоминаю не мужчину, которого любила, как вы воображаете, а только ту страшную ночь с ее злодействами и насилием. Эти воспоминания преследуют меня, и я хотела бы все забыть. Я не стремлюсь пробудить в вас жалость. Такое чувство с вашей стороны ранило бы меня. Но я хочу устранить все, что омрачает нашу любовь, оправдать существование моей бедной малютки, которая встала между нами, и объяснить вам, почему я так к ней привязана. Да и как могла бы я не любить ее? Самые тяжкие свои преступления я совершила против этого ребенка. Я пыталась убить ее еще до рождения. Едва она родилась, я покинула ее, даже не взглянув... Но судьба возвратила мне ее. Мне потребовались годы, чтобы научиться любить ее, улыбаться ей. Появившись на свет, она столкнулась с ненавистью своей собственной матери, и за это меня до сих пор мучает совесть. Нельзя ненавидеть невинных. Вы это поняли и приняли ее, ребенка, у которого никогда не было отца. Вы поняли, что моя любовь к ней несколько не умаляет чувства, которое связывает меня с вами, и ничто, ничто, клянусь вам, никогда не могло заменить мне любви к вам или даже сравняться с нею.

Жоффрей де Пейрак вдруг резко встал, и Анжелика почувствовала, что он снова от нее отдалается. Она говорила горячо, не раздумывая, не выбирая слов, ибо все они шли прямо от сердца. И вот он стоит и холодно

смотрит на нее — а ведь только что называл ее душенькой... Ей стало страшно. Неужели он вынудил ее сказать что-то такое, чего он ей не простит? Рядом с ним она утрачивала хладнокровие, забывала об осторожности. Этот человек всегда был для нее загадкой. Он настолько сильнее ее!.. С ним невозможно хитрить, лгать. На дуэлях он был неуязвим, и таким же неуязвимым сделал свое сердце, мгновенно парируя направленные в него удары.

— А ваш брак с маркизом дю Плесси-Белльером?

Услышав эти слова, Анжелика тоже встала. От волнения все ее чувства до крайности обострились. Сейчас она была воистину самой собой, и он, вероятно, догадывался об этом. Наступил момент истины — и Анжелика злилась на мужа за то, что он заставил ее так обнажить душу.

«Нет, — сказала она себе, — от Филиппа я не отреклась. Ни от него, ни от сына, которого он мне подарил».

Она посмотрела на Жоффрея де Пейрака с вызовом.

— Я его любила!

Но едва произнеся это последнее слово, она осознала, насколько чувство, которое внушал ей Филипп, несравнимо с той любовью, которую она испытывала к своему первому мужу. И начала возбужденно объяснять:

— Он был красив, я мечтала о нем еще в отрочестве, а когда он снова появился на моем пути, я была одинока и несчастна. Но я вышла за него замуж не поэтому. Я заставила его жениться на мне, принудила его к этому браку с помощью самого низкого шантажа — потому что была готова на все, лишь бы вернуть моим сыновьям положение, которое подобало им по праву рождения. Только он, маркиз дю Плесси, маршал Франции и друг короля, мог открыть мне двери в Версаль, где я могла добиться для них почетных должностей и титулов. Теперь я ясно понимаю: все, что я тогда делала, было продиктовано желанием любой ценой спасти их от несправедливо уготованной им горькой участи. И я сумела представить их ко двору, добилась для них места пажей. Мои сыновья были в милости у короля. А раз так, все остальное уже не имело значения: и побои Филиппа, и его ненависть...

В устремленных на нее черных глазах мелькнуло насмешливое удивление:

— Неужели маркиз дю Плесси и впрямь вас ненавидел?

Она смотрела на мужа, словно не видя его. В этой хижине, затерянной в девственном американском лесу, перед ней оживали те, кого она знала в своей прежней жизни. И среди них — самый удивительный, самый непостижимый, самый красивый и самый злой из всех — несравненный

маршал дю Плесси, расхаживающий на своих красных каблуках среди вельмож и придворных дам и прячущий под атласным камзолом жестокое и печальное сердце.

— Он ненавидел меня так сильно, что в конце концов любил...
Бедный Филипп!

Она не могла забыть, что он сам бросился навстречу смерти, раздираемый между любовью к королю и любовью к ней, своей жене, не в силах сделать выбор... и «ему снесло голову ядром...»

Нет, она не отречется от него. И если Жоффрей не может этого понять — что ж, ничего не поделаешь.

Она прикрыла глаза, словно опуская завесу над своими воспоминаниями, и на ее лице появилось то особое выражение, одновременно горестное и нежное, которое он уже научился узнавать. Она ожидала нового саркастического вопроса и очень удивилась, когда вместо этого он обнял ее за плечи. Она бросила ему вызов — и вдруг он снова обнимает ее, приподнимает ее лицо, смотрит на нее ласковым взглядом...

— Что же вы за женщина, как вас понять? Честолюбивая, воинственная, неуступчивая — и вместе с тем такая нежная и слабая...

— Вы ведь умеете угадывать чужие мысли, почему же вы сомневаетесь во мне?

— Ваше сердце для меня — тайна. Наверное потому, что оно имеет слишком большую власть над моим. Анжелика, душа моя, что же все-таки нас еще разделяет: гордыня, ревность или слишком сильная любовь и чрезмерная требовательность друг к другу?

Он тряхнул головой и сказал, словно отвечая самому себе:

— И все же я не отступлюсь. К вам я подхожу с очень строгой меркой.

— Но вы уже знаете обо мне все.

— Нет, еще не все.

— Вы знаете мои слабости, знаете, о каких поступках я сожалею. Лишенная вашего тепла, я пыталась хоть немного согреться нежностью и дружбой других. Между мужчиной и женщиной это принято называть словом «любовь». Чаще всего я расплачивалась ею за право жить. Вы это хотели узнать?

— Нет, другое. Но скоро я узнаю...

Он еще крепче прижал ее к себе.

— Это так удивительно — открыть, что вы совсем не такая, какую я вас представлял... Необыкновенная моя жена, самая прекрасная, незабываемая... неужели именно мне вы достались в тот чудесный день в Тулузском соборе?

Она увидела, как изменилось его лицо, как эти резкие черты и чувственные, нередко так сурово сжатые губы дрогнули в улыбке, полной бесконечной грусти.

— Я очень плохо оберегал вас, бедное мое сокровище... драгоценное мое сокровище... я столько раз вас терял...

— Жоффрей... — прошептала она.

Она хотела сказать ему что-то важное, крикнуть, что все прошлые горести уже стертые, забыты, раз они вновь нашли друг друга, но в этот миг до ее сознания дошло, что в дверь стучат, и где-то рядом слышится голос разбуженного ребенка.

Жоффрей де Пейрак выругался сквозь зубы:

— Черт возьми! Похоже, в Новом Свете слишком много народу, чтобы мы могли без помех поговорить друг с другом.

На пороге хижины стояла юная дочь Маниго Ребекка. Вид у нее был растерянный, она тяжело дышала, словно только что пробежала несколько лье.

— Госпожа Анжелика, — проговорила она молящим, срывающимся от волнения голосом, — идемте... идемте скорее... У Женни начались роды...

Глава 7

Ребенок Женни родился на рассвете. Это был мальчик. Всем, кто собрался у хижины, где молодая мать произвела его на свет, казалось, что это самый необыкновенный ребенок на земле, а то, что новорожденный был мальчиком, представлялось настоящим чудом.

Накануне вечером Анжелика отвела Женни в домик Кроули, а спящих детей перенесли в другие хижины. Мать роженицы, госпожа Маниго, столь уверенно распорядившаяся в гостиных своего ларошельского особняка, совсем растерялась перед событием, которое могла себе представить не иначе, как в привычной обстановке благопристойности и достатка.

— Ах, зачем нас занесло в эту глушь! — причитала она. — Здесь нет ни грелки, чтобы согреть постель, ни повитухи, которая помогла бы моей бедной девочке. Когда я вспоминаю о прекрасных простынях с кружевной оторочкой, что остались на моей широкой кровати... Ох, Господи, Господи!

— Сейчас на ваших простынях с кружевной оторочкой спят, не сняв сапог, королевские драгуны, — с грубой прямоотой ответила Анжелика. — Вам это известно не хуже, чем мне. Радуйтесь, что ваш внук родится не в тюрьме, где удобств еще меньше, чем здесь, а на свободе, среди своих родных.

Женни, дрожа, цеплялась за руку Анжелики. Та терпеливо сидела рядом и в конце концов сумела ее успокоить. В середине ночи в хижину явилась странного вида женщина и принесла несколько мешочков с сухими лекарственными травами. То была старая индианка-повитуха — как выяснилось, граф де Пейрак послал за ней в ближайшую деревню.

Ребенок появился на свет легко, с первыми лучами восходящего солнца. Своим громким криком он словно приветствовал эту сияющую мириадами огней утреннюю зарю, которая соткала вокруг полуразрушенных хижин великолепные шатры из золотистого тумана.

После стольких часов тревожного ожидания все, и мужчины, и женщины, толпившиеся у дома Кроули, разразились радостными возгласами, а многие даже заплакали. Оказывается, жизнь — это так просто... Истине этой их научил новорожденный младенец, издававший свой первый крик, даже не замечая лишений, среди которых он появился на свет.

Анжелика еще держала ребенка Женни, запеленутого на индейский манер невозмутимой меднокожей повитухой, когда пришел граф де

Пейрак, чтобы засвидетельствовать свое почтение молодой матери.

Он вошел вслед за двумя слугами, которые поставили на кровать два ларца: в одном был жемчуг, в другом — два небольших отреза золотой парчи. Сам он протянул роженице футляр — в нем сверкал перстень с сапфиром.

— Вы преподнесли этой новой земле самый прекрасный подарок, какого она только могла ожидать, сударыня. В краю, где мы находимся, предметы, которые я вам дарю, имеют ценность прежде всего, как символы. Ваш сын рожден в бедности, но под знаком великого богатства. Я считаю это добрым предзнаменованием и для него, и для вас, его родителей.

— Сударь, я не могу поверить... — пробормотал, запинаясь от волнения, молодой отец. — Такой дорогой камень...

— Храните его в память об этом счастливом дне. Уверен — ваша жена будет носить его с радостью, хотя и не сможет доставить себе удовольствие поразить им целый город. Впрочем, такая возможность у нее тоже будет, дайте только срок... Кстати, как назвали это прекрасное дитя?

Родители и бабушка с дедушкой переглянулись. Если бы ребенок родился в Ла-Рошели, имя ему уже давно бы выбрали после продолжительных и жарких споров. Взоры присутствующих обратились было к господину Маниго, но тот уже вконец отупел. Он попытался вспомнить, как звали тех предков, чьими портретами были увешаны стены его дома, но ни одно имя так и не пришло ему на память. Последняя просто отказывалась ему служить, затуманенная неодолимой сонливостью — ведь Маниго не спал всю ночь, с минуты на минуту ожидая смерти дочери. В конце концов он сдался и признался, что ничего не может придумать.

— Выбирайте сами, дети мои. Здесь, на этой земле, обычаи, которые мы почитали священными, утрачивают свой смысл. Так что решать вам.

Женни и ее муж запротестовали. Они тоже не задумывались об именах, во всем полагаясь на решение главы семейства. Нет, такая ответственность им не по плечу. Ведь нельзя же дать первое попавшееся имя такому замечательному ребенку.

— Госпожа Анжелика, подскажите нам, — неожиданно решила Женни. — Да, да! Я хочу, чтобы имя нашему сыну дали вы. Это принесет ему счастье. Ведь это вы привели нас сюда, вы помогли нам спастись. Нынче ночью, когда я попросила позвать вас, я чувствовала: если вы будете рядом, со мною не случится ничего дурного. Дайте же ему имя, которое вам дорого... такое, каким вы бы с радостью называли маленького мальчика... веселого и живого...

Она замолчала, и Анжелика с удивлением подумала, что же именно знает о ней Женни, почему смотрит на нее глазами, полными слез и нежности?

Старшая дочь Маниго обладала чутким сердцем. В девушках она была немного легкомысленной, но замужество и перенесенные испытания очень ее изменили. К Анжелике она была привязана всей душой и горячо ею восхищалась.

— Вы меня смущаете, Женни.

— Ах, прошу вас, не отказывайтесь!

Анжелика перевела взгляд на младенца, лежавшего у нее на руках. Он был светленький, с круглыми щечками. Наверное, глазки у него будут голубые. Он будет похож на Жереми... И еще на другого малыша, такого светленького, такого румяного, которого она когда-то так же прижимала к сердцу.

Она нежно погладила маленькую пушистую головку.

— Назовите его Шарлем-Анри, — сказала она. — Вы правы, Женни, — я буду рада, если он будет носить это имя.

Она наклонилась к молодой матери, отдала ей ребенка и заставила себя улыбнуться.

— Если ваш малыш будет походить на того, другого... Шарля-Анри, вы станете счастливой матерью, Женни, — добавила она тихо, — потому что тот был самым прекрасным мальчиком на свете...

Анжелика поцеловала Женни и вышла на порог дома. Солнце ударило ей прямо в лицо, и ей почудилось, что перед нею стоит огромная, оглушительно шумящая толпа. Она покачнулась, закрыла глаза рукой и вдруг поняла, что очень устала.

Чья-то сильная рука поддержала ее.

— Идемте, — услышала она повелительный голос мужа.

Анжелика сделала несколько шагов, и дурнота прошла. Вместо большой толпы перед ней была только тесно стоящая кучка протестантов и рядом — матросы с «Голдсборо», трапперы, Кроули, господин д'Урвилль, несколько индейцев и испанские солдаты в своих черных доспехах.

Узнав удивительную весть о рождении первого белого ребенка, здесь собралась вся округа.

— Послушайте меня, — обратился к ним граф де Пейрак. — Все вы, люди белой расы, пришли сюда, чтобы еще раз увидеть это вечно новое чудо — рождение ребенка. Всякий раз, когда на ваших глазах начинается еще одна жизнь, вы на время перестаете помнить о смерти. Рождение этого слабого младенца объединило вас, заставило забыть о разделявшей вас

ненависти. Вот почему я выбрал именно этот час, чтобы обратиться к вам, тем, от кого зависит судьба народа, среди которого будет расти этот новорожденный... Ко всем вам, откуда бы вы ни прибыли: из Ла-Рошели, Шотландии, Германии, Англии или Испании, к вам, кто бы вы ни были: купцы или дворяне, охотники или солдаты... Я хочу сказать вам: необходимо положить конец распрям. Мы не должны ни на миг забывать то общее, что нас объединяет. Все мы изгнанники, все отвергнуты своими братьями. Одни — из-за своей веры, другие — из-за нечестивости, одни из-за того, что были слишком богаты, другие — потому что были бедны. Так возрадуемся же, ибо не каждому выпадает великая честь создавать Новый Свет. Сам я был некогда владетельным сеньором, мои земли в Лангедоке и Аквитании были огромны, богатства — несметны. Зависть короля Франции, которого пугало феодальное могущество провинциальной знати, сделала из меня скитальца, человека без имени, без родины, без прав. Меня ложно обвинили в бесчисленных преступлениях, приговорили к смерти — и я был вынужден бежать из страны. Я потерял все: земли, замки, власть; меня навсегда разлучили с моей семьей. С женщиной, которую я любил, которая была моей женой и подарила мне сыновей...

Он на мгновение замолчал, обвел пристальным взглядом разношерстную, оборванную толпу, которая слушала его, затаив дыхание, и его глаза весело сверкнули:

— Сегодня я рад этим испытаниям, потому что, несмотря ни на что, остался жив и не утратил главного — бесценного сознания, что я существую в этом мире не напрасно. К тому же, счастливый случай, который вы, господа, назовете Провидением, — тут он с подчеркнутой учтивостью поклонился протестантам, — вернул мне женщину, которую я любил.

Он поднял руку, в которой лежала рука Анжелики.

— Вот она... Вот женщина, с которой пятнадцать лет назад в Тулузском кафедральном соборе, со всеми почестями и пышными церемониями, я сочетался браком. Вот графиня де Пейрак де Моран д'Иристрию, моя жена.

Анжелика была ошеломлена этими неожиданными словами почти так же, как и все остальные. Она бросила на мужа растерянный взгляд, и он ответил ей заговорщической улыбкой. Все было так же, как давным-давно, в Тулузском соборе, когда он тщетно пытался успокоить свою испуганную юную жену.

Да, Жоффрей в полной мере сохранил свое пристрастие к театральным эффектам, так присущее горячим и пылким южанам. Чувствуя себя как

нельзя более непринужденно, очень довольный произведенным впечатлением, он провел Анжелику сквозь толпу, представляя ее бедно одетым поселенцам так, как будто это был цвет общества одного из городов Франции.

— Моя жена... графиня де Пейрак...

Жизнерадостный нормандский дворянин первым пришел в себя и подбросил в воздух шляпу.

— Да здравствует графиня де Пейрак!

Это послужило сигналом к громоподобной овации.

Вместе они прошли среди рукоплесканий и дружеских улыбок.

Рука Анжелики дрожала в руке графа де Пейрака, как и много лет назад, но сегодня она улыбалась. И чувствовала себя в тысячу раз счастливее, чем если бы он вел ее среди придворного блеска по дороге, усыпанной розами.

Глава 8

Весь день мэтр Габриэль Берн пытался подойти к Анжелике, чтобы поговорить с ней. Она это заметила и всячески его избегала.

Но когда вечером она одна пришла к роднику, торговец был тут как тут. Это ее раздосадовало. Ведь во время плавания он вел себя так, что она в конце концов засомневалась: уж не тронулся ли он в уме, и даже начала его побаиваться. Кто знает, до каких крайностей он может прийти в своем озлоблении.

Но он заговорил с нею очень спокойно, и у Анжелики отлегло от сердца.

— Я искал вас, сударыня, чтобы сказать, что сожалею о своих поступках. Вы держали меня в неведении относительно уз, связывающих вас с господином де Пейраком, и именно в этом причина моих ошибок. Ибо несмотря на...

Он запнулся, потом с усилием продолжил:

— ...мою любовь к вам, я бы никогда не покусился на священные узы брака. Муки, которые я испытывал из-за того, что вы увлечены другим, были усугублены уверенностью, что вы ведете себя недостойно. Теперь я знаю, что это не так. И я очень рад.

Он тяжело вздохнул и понурил голову.

И Анжелика сразу перестала на него сердиться. Нет, она не забыла, что Берн чуть было не убил ее мужа и причинил ему немало зла, но ведь его можно понять. К тому же сегодня она счастлива, а он страдает.

— Спасибо, мэтр Берн. На мне тоже есть вина. Я не была с вами вполне откровенна. Не могла объяснить вам, что со мной случилось. После пятнадцати лет разлуки, когда я считала себя вдовой, случай свел меня с тем, кто некогда был моим мужем, и мы... не сразу узнали друг друга. Владетельный сеньор, которого я помнила, стал морским бродягой, искателем приключений, а я... была вашей служанкой, мэтр Берн, и вы сами знаете, насколько бедственным было мое положение, когда вы дали мне приют. Ведь это вы разыскали в лесу мою дочку и вырвали меня из тюрьмы. Я всегда буду это помнить. Мой муж превратно истолковал мою привязанность к вам и вашим детям, и между нами начались ссоры. Но теперь все забыто, и мы можем, не таясь, сказать о нашей любви.

Лицо Берна исказилось. Бедняга так и не излечился от своей страсти. Он бросил на Анжелику взгляд, полный тоски, и она поняла, как тяжело у

него на душе. Со времени их бегства из Ла-Рошели он очень изменился. От былой его полноты мирного торговца, ведущего сидячий образ жизни, не осталось и следа. Теперь он напоминал телосложением своих предков-крестьян. Анжелика подумала, что человеку с такими широкими, сильными плечами грешно терять время, просиживая над счетами в полутемном складе; ему куда больше пристало осваивать девственные земли, создавая новый мир. Габриэль Берн нашел свое истинное предназначение. Но он этого еще не понял и оттого страдает.

— У меня словно сердце разрывается на части, — проговорил он сдавленным голосом. — Я никогда не думал, что можно испытать такую боль и не умереть... никогда не знал, что от любви можно так страдать. Мне кажется, теперь я понимаю тех, кто из-за плотской страсти совершает безумства и преступления. Я больше не узнаю себя и сам себя боюсь. Да, человеку трудно смириться; трудно увидеть себя таким, каков ты есть на самом деле. Сегодня я потерял все. У меня ничего не осталось.

Когда-то она сказала ему: «У вас осталась ваша вера». Но сейчас — Анжелика это чувствовала — Габриэль Берн вступил в ту полосу черной безнадежности, через которую некогда прошла и она сама. И она не стала напоминать ему о вере, а просто сказала:

— У вас осталась Абигель.

Ларошелец посмотрел на нее с величайшим изумлением:

— Абигель?

— Да, Абигель, ваш преданный друг из Ла-Рошели. Она втайне любит вас и притом очень давно. Кто знает, может быть, она любила вас еще тогда, когда вы были женаты... Уже много лет Абигель живет только вами и тоже страдает от любви.

Берн был потрясен.

— Не может быть. Мы с Абигель дружим с детства. Я привык к тому, что она часто заходит по-соседски... Она так самоотверженно ухаживала за моей женой в последние дни перед ее смертью, оплакивала ее вместе со мной... И я никогда не думал, что она...

— Да, вы не замечали ее любви. А она слишком скромна и стыдлива, чтобы вам открыться. Женитесь на ней, мэтр Берн. Именно такая жена нужна вам: добрая, набожная, красивая. Неужели вы никогда не обращали внимания, что у Абигель самые чудесные на свете волосы? Когда она их распускает, они закрывают все спину до талии.

Торговец вдруг рассердился.

— За кого вы меня принимаете? За ребенка, который потерял игрушку и которого можно утешить, подарив ему другую? Пусть вы правы, и

Абигель меня любит — что с того? Разве мои собственные чувства так же изменчивы, как погода? Я, сударыня, не флюгер! А вот вы обнаруживаете пагубную склонность смотреть на вещи без должной серьезности. Вам пора забыть, что вы, хоть и не по своей воле, долгое время жили без мужа — кстати, такая самостоятельность обошлась вам очень дорого. Теперь вы должны постараться обуздать свою натуру, чересчур яркую и легкомысленную, с тем чтобы целиком посвятить себя супружеским обязанностям.

— Да, мэтр Берн, — ответила Анжелика тем самым тоном, которым отвечала ему в Ла-Рошели, когда он отдавал ей какое-нибудь приказание.

Гугенот вздрогнул, вспомнив о том, что теперь их роли переменялись, и пробормотал извинение. Затем устремил на Анжелику долгий пожирающий взгляд, будто старался навсегда запечатлеть в памяти образ той, которая ворвалась в его жизнь подобно сверкающей комете и изменила его судьбу. Женщины, которую он мельком увидел на Шарантонской дороге много лет назад, а потом, годы спустя нежданно вновь встретил за поворотом ухабистого проселка, где его подстерегали разбойники. Эта женщина перевернула все его существование и в конце концов спасла его и его детей. Но сейчас все это уже позади, и отныне их дороги расходятся.

Берн овладел собой и вновь принял свой обычный, невозмутимый и сдержанный вид.

— Прощайте, сударыня, — сказал он. — Спасибо вам.

И, широко шагая, пошел прочь. Вскоре Анжелика услышала, как он спрашивает у входа в лагерь, где найти Абигель. Вот и хорошо. Ее подруга наконец-то будет счастлива. Став ее супругом, мэтр Габриэль запретит себе думать о ней, Анжелике, к тому же добрая, кроткая Абигель — именно та женщина, которая ему нужна. С нею он сможет удовлетворить свои желания, желания мужчины, которому не дает покоя его щепетильная совесть.

— Вы беседовали со своим другом Берном, — раздался за ее спиной голос Жоффрея де Пейрака. На слове «друг» он сделал ударение. Анжелика не стала притворяться, будто не поняла намека.

— С тех пор, как он угрожал убить вас, я перестала считать его своим другом.

— Однако любая женщина испытывает грусть, давая отставку пылкому поклоннику.

— Ох, какая глупость! — сказала Анжелика, смеясь. — Не могу

поверить, что вы в самом деле меня ревнуете, — настолько это нелепо. Я пыталась убедить мэтра Берна, что в его общине есть достойная женщина, которая его любит и ждет уже много лет. К сожалению, он из тех мужчин, что проходят мимо своего счастья, потому что не могут смотреть на женщину иначе, чем на коварную соблазнительницу, норовящую завлечь их в западню.

— Ну и как — ваша беседа помогла ему изменить свою точку зрения? — насмешливо спросил Жоффрей де Пейрак. — Что-то не верится, если судить по той бешеной ярости, в которой он только что пребывал.

— Вы, как всегда, сгущаете краски, — сказала Анжелика, делая вид, что обижена.

— Нацеленный на меня пистолет весьма наглядно показал мне, до каких крайностей вы доводите тех, кто имел несчастье в вас влюбиться.

Он обнял ее.

— Неуловимая моя владычица, я благодарю небо за то, что вы моя жена. По крайней мере я могу с полным правом никуда вас от себя не отпускать! Итак, вы сказали ему про Абигель?

— Да. Она сумеет привязать его к себе. Она очень красива.

— Я это заметил.

Анжелика почувствовала укол в сердце.

— Знаю, что заметили — и притом в первый же день на «Голдсборо».

— Ну вот, кажется, вы тоже начали ревновать? — с довольным видом спросил граф.

— С нею вы всегда так внимательны, учтивы — не то, что со мной. Вы доверяете ей всецело, а мне — нет. Почему?

— Увы, ответ напрашивается сам собой: вы делаете меня слабым, и я в вас не уверен.

— И когда же вы будете во мне уверены? — огорченно спросила она.

— Прежде мне необходимо рассеять одно сомнение.

— Какое?

— В свое время я вам все объясню. И не смотрите на меня так уныло, милая моя победительница. Право же, нет ничего страшного, если мужчина, которого вы изрядно помучили, стал держаться с вами осторожно. Вообще-то меня вполне устраивают и бури, и опасные сирены-обольстительницы — однако я вполне сознаю, что в такой женщине, как Абигель, можно найти сладостное прибежище. Я в первый же вечер заметил, что она влюблена в этого Берна. Бедняжку нужно было успокоить — ведь она думала, что он вот-вот умрет, и терпела адские муки. А он не видел никого, кроме вас, стоящей на коленях у его изголовья. Признаться,

меня это зрелище тоже отнюдь не радовало. Можно сказать, что нас с Абибель сблизило общее несчастье. Она была похожа на деву-мученицу из первых христиан, в ней словно горело некое чистое пламя, сжигающее ее изнутри — и все же, несмотря на свое горе, она единственная из всех этих премерзких праведников смотрела на меня с благодарностью.

— Я очень люблю Абибель, — резко сказала Анжелика, — но не могу спокойно слушать, когда вы говорите о ней с такой нежностью.

— Стало быть, вы менее великодушны, чем она?

— Конечно — когда речь идет о вас.

Они шли по опушке леса в сторону дороги, проложенной вдоль берега. Из-за берез донеслось ржание лошадей.

— Когда мы отправляемся в глубь континента? — спросила Анжелика.

— Вам не терпится расстаться с вашими друзьями?

— Мне не терпится остаться с вами наедине, — ответила она, глядя на него влюбленным взглядом, проникающим ему в самую душу.

Он нежно поцеловал ее глаза.

— Еще чуть-чуть — и я бы начал упрекать себя за то, что я вас поддразнивал, однако вы заслужили наказание за те мучения, которые мне причинили. Мы отправляемся через две недели. Мне нужно еще кое-что сделать, чтобы новые колонисты смогли пережить зиму. Она здесь очень суровая. Нашим ларошельцам придется сражаться и с враждебной природой, и с людьми. Индейцы — это им не запуганные черные рабы с плантаций Вест-Индии, и с океаном тоже шутки плохи. Вашим друзьям придется несладко.

— По-моему, вас радуют предстоящие им трудности.

— Пожалуй. Я вовсе не святой, моя дорогая, и не обладаю даром кротости и всепрощения. Я еще не забыл той злой шутки, которую они со мной сыграли. Но, по правде говоря, для меня важно только одно — чтобы они преуспели в том деле, что я им поручил. И они преуспеют, я в этом уверен. Они слишком предприимчивы, чтобы отступить, когда перед ними открылись столь заманчивые перспективы.

— Вы, наверное, поставили им весьма жесткие условия?

— Да, довольно жесткие. Но у них хватило здравого смысла их принять. Они понимают, что дешево отделались, ведь я вполне мог их повесить.

— А все-таки почему вы этого не сделали? — спросила вдруг Анжелика. — Почему не повесили их, как только одержали победу? Ведь вы сразу же вздернули взбунтовавшихся матросов-испанцев.

Прежде чем ответить, Жоффрей де Пейрак быстро посмотрел по сторонам. Анжелика удивлялась, как ему удается, не теряя нити рассуждений, постоянно следить за всем, что происходит вокруг. Казалось, он может видеть даже то, что скрыто за деревьями. Так же пристально он вглядывался в морские дали, стоя на мостике «Голдсборо»... «Человек-Который-Слушает-Вселенную»...

После долгого молчания он сказал:

— Почему я не повесил их сразу? Вероятно, потому что я не импульсивен. Видите ли, моя милая, перед всяким серьезным шагом (а хладнокровно лишить человека жизни — это очень серьезно) необходимо обдумать все возможные последствия. Избавить мир от такого сброда, как эти негодяи-испанцы, и к тому же удовлетворить мой экипаж, желавший правосудия, — тут все было ясно. И я, не мешкая, приказал их вздернуть. Другое дело — ларошельцы. Повесь я их — и все мои планы тут же бы рухнули. Я не мог отправиться в глубь континента, не основав на побережье поселение колонистов. Мне нужна эта бухта, нужен этот порт, пусть даже в зачаточном состоянии. К тому же, было бы просто глупо привезти сюда столько поселенцев, а потом отказаться от задуманной экспедиции к истокам Миссисипи. Повесив мужчин, зачинщиков бунта, я должен был бы взвалить на себя заботу о женщинах и детях, и мне пришлось бы опять плыть в Европу за другими колонистами, которые наверняка оказались бы хуже этих. Как видите, я внял вашей просьбе и по достоинству оценил их смелость и находчивость. Короче говоря, у меня было немало аргументов против казни и притом довольно веских, но они все же не перевешивали законного желания мести и необходимости наказать бунтовщиков в назидание другим.

Анжелика слушала его, покусывая нижнюю губу.

— А я-то думала, что вы их пощадили, потому что об этом вас попросила я!..

Он расхохотался.

— Подождите, пока я дойду до конца своей речи, — тогда и решайте, стоит ли принимать этот разочарованный, обиженный вид. Ах, моя душенька, вы остались женщиной до кончиков ногтей, несмотря на всю вашу новообретенную мудрость.

Он поцеловал ее в губы и не отпускал, пока она не перестала сопротивляться и не ответила на его поцелуй.

— А теперь позвольте добавить, что в глубине души у меня были и другие опасения: я боялся реакции госпожи Анжелики на этот акт правосудия, вполне оправданный, но непоправимый. И я колебался... и

ждал.

— Чего?

— Чтобы решила сама судьба... чтобы одна или другая чаша весов перевесила. А может быть, я ждал, чтобы ко мне пришли вы... кто знает?

Анжелика снова попыталась вырваться из его объятий.

— Подумать только, — воскликнула она в негодовании, — я дрожала, стоя у вашей двери, у меня ноги подкашивались от страха! Я думала, вы меня убьете, если я стану просить за них — а вы, оказывается, этого ждали!..

В глазах графа плясали веселые огоньки — ему очень нравилось, когда Анжелика, рассердясь, начинала вести себя, словно неразумный ребенок.

— Повторяю: я колебался. Я был убежден, что в конце концов именно вы определите их участь. Никак не возьму в толк, почему вы так негодуете.

— Ах, я не знаю... мне кажется, что тогда вы нарочно морочили мне голову.

— Вовсе нет, мой ангел, я нисколько не притворялся. Я ждал, давая судьбе время. Ведь вы могли и не прийти ко мне, не попросить, чтобы я их помиловал.

— И тогда вы бы их повесили?

— Наверное. Я отложил решение до рассвета.

Лицо графа де Пейрака вдруг стало серьезным.

Он еще крепче обнял ее, прижался щекой к ее щеке, и она вздрогнула, коснувшись его шрамов и ощутив тепло его загорелой кожи.

— Но ты пришла... И теперь все хорошо.

Темнота, наплывающая с моря, сливалась с мраком леса.

На тропинке появился индеец, ведя на поводу двух оседланных лошадей.

Жоффрей де Пейрак вскочил в седло.

— Вы поедете со мной, сударыня.

— Куда?

— Ко мне. Мое жилище не отличается изысканностью, это всего-навсего деревянная башня над заливом. Но там мы сможем любить друг друга без помех. Сегодня вечером моя жена принадлежит только мне.

Глава 9

— Так куда же мы едем? — снова спросила Анжелика, когда лошади вынесли их на ночной берег.

Он ответил:

— На берегу Гаронны у меня есть маленький замок, где мы сможем любить друг друга без помех.

И тогда она вспомнила ту тихую ночь в далекой Аквитании, когда он увез ее из Тулузы, чтобы обучить сладостной науке любви. Здесь же им бил в лицо неистовый ветер, а когда они подъехали к простому бревенчатому форту, грохот прибоя настолько усилился, что стало невозможно расслышать друг друга.

Однако внутренние помещения этой деревянной крепости, которую Жоффрей де Пейрак построил на побережье, были убраны с изысканной роскошью. В них забывалось, что природа этой новой земли еще не укрощена и что жизнь здесь скудна и полна опасностей. В стенах форта его хозяин собрал множество дорогих вещей, произведений искусства, ценных приборов. Во время его отлучек их охраняли отобранные им самим индейцы — причем охраняли с тем суеверным почтением, которое первобытные народы испытывают перед тем, что им непонятно. Стены главного зала, расположенного на самом верху центральной башни, были увешаны оружием: саблями, мушкетами, пистолетами. Все они могли быть немедля пущены в Ход и все представляли собой великолепные образцы мастерства оружейников: испанских, французских или турецких. Этот сверкающий металлическим блеском арсенал выглядел бы устрашающе, если бы не мягкий, волшебно красивый свет двух люстр цветного венецианского стекла, в которых заранее были зажжены фитили. От потрескивающего в лампах масла шел теплый запах, смешиваясь с ароматами стоящих на столе кушаний: жареной дичи, местных овощей и фруктов.

На обоих концах стола были поставлены блюда с ярко-желтыми поджаренными кукурузными початками. Жоффрей де Пейрак приказал слугам налить в одни кубки красное вино, в другие — белое, прозрачное. Затем, отослав их, внимательно оглядел стол, чтобы убедиться в том, что для их скромного ужина все приготовлено как надо.

«Он никогда не перестанет быть знатным сеньором», — подумала Анжелика.

Да, у Жоффрея тоже есть та благородная, присущая истинному дворянину черта, которая ее так привлекала в Филиппе — способность противостоять усилиям природы, упорно стремящейся низвести человека до положения своего раба и заставить его отказаться от того, что его возвышает: утонченных привычек, учтивых манер, пристрастия к роскоши. Как Филипп дю Плесси умел назло всем тяготам войны неизменно появляться не иначе как в искусно украшенной серебряной кирасе и с кружевными манжетами, так и Жоффрей де Пейрак, что бы ни проделывала с ним судьба, неизменно был изящен и элегантен.

Понадобились объединенные старания самых гнусных негодяев и его собственная решимость вырваться из их лап, чего бы ему это ни стоило, чтобы на время превратить его в униженного, одетого в рубище бродягу, с трудом волочащего по дорогам свое израненное тело. Анжелика не знала всего, не знала, какой жестокий поединок с болью и немощью пришлось ему выдержать, но она о многом догадывалась, глядя на его прямую, гордую осанку и шрамы на лице, особенно заметные в странном свете венецианских люстр. Его легкая походка была обретена ценой невероятных мучений, о чем свидетельствовал его навсегда сломанный голос. А между тем он казался человеком из стали, готовым вынести на своих плечах все трудности новой жизни с ее борьбой, надеждами, победами... а может быть — кто знает? — и разочарованиями.

Сердце Анжелики исполнилось безграничной нежностью. Когда она думала о том, что он перенес, он более не внушал ей страха и ей, как и всякой женщине, хотелось прижать его к сердцу, заботиться о нем, врачевать его раны. Разве она не жена ему? Вот только судьба их разлучила.

Но теперь он, похоже, в ней не нуждается. Он прожил немалую часть своей жизни, не испытывая потребности в ней, Анжелике, и, как видно, не тяготясь своим одиночеством.

— Как вам понравились мои владения?

Анжелика повернулась к узкому оконцу, через которое в комнату врвался рев прибоя. Форт, построенный специально для того, чтобы Жоффрей де Пейрак мог останавливаться в нем, когда приплывал в Голдсборо, стоял на берегу гавани — он был обращен к яростно бушующему океану. Такой выбор говорил о тайных страданиях того, кто здесь жил, быть может, о том, что душу его одолевает скорбь. Человек, предпочитающий предаваться грезам, созерцая дикую стихию, нередко делает это потому, что в ней он видит отражение того, что творится в его собственном сердце.

О какой женщине думал Жоффрей де Пейрак, уединившись в этом орлином гнезде и слушая грохот океанских валов? О ней, Анжелике?

Нет, он грезил не о ней. Он думал о том, как лучше организовать экспедицию к истокам Миссисипи, чтобы найти там золото, или о том, какого рода колонистов поселить на своих землях.

Она ответила:

— Маленькая речка Гаронна была куда спокойнее, чем этот гневливый океан... просто серебряная ниточка под луной. Там веял душистый ветерок, а не этот ужасный ветер, что пытается ворваться к нам сюда, чтобы задуть лампы.

— И юная супруга с берегов Гаронны тоже была куда безобиднее, чем та, которую нынче вечером я привел в свое логово на краю света.

— А ее супруг был куда менее грозен, чем тот, с кем она повстречалась теперь.

Они посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись.

Анжелика закрыла деревянный ставень, шум ветра и моря стих, и в комнате тотчас воцарился какой-то необычайный, таинственный уют.

— Как странно, — негромко проговорила она, — мне кажется, что все отнятое вернулось ко мне сторицей. Я думала, что навсегда покинула край моего детства, землю предков. Но растущие вокруг леса напоминают мне Ньельский лес, только здесь они еще больше, гуще, красивее. И это, пожалуй, можно сказать также и обо всем остальном. Все здесь огромно, намного больше, выше, прекраснее: жизнь, будущее... наша любовь.

Последнее слово она произнесла совсем тихо... почти с робостью, и он, казалось, его не расслышал.

Однако, немного помолчав, он продолжил начатую мысль:

— Помнится, в том маленьком загородном доме на Гаронне у меня было множество прелестных безделушек, но я готов держать пари, что здешнее убранство больше под стать вашему воинственному нраву.

Анжелика поняла, что от него не укрылся тот восхищенный взгляд, который она, едва войдя, бросила на висящее на стенах оружие. У нее чуть было не сорвалось с языка, что у нее есть и иные, вполне женские склонности и желания, но тут она увидела в его глазах лукавые искорки и промолчала.

Он спросил:

— Не ошибусь ли я, предположив, что кое в чем вы похожи на других дам и вас все же привлекают эти приготовленные для вас лакомства? Хотя им, конечно, далеко до тех, которыми вас потчевали при дворе.

Анжелика покачала головой:

— Я изголодалась по другому...

— По чему же?

Она почувствовала, как его рука легла ей на плечи.

О, счастье...

— Я не смею надеяться, — прошептал он, — что у вас вызовут интерес меха на этой широкой кровати, они очень ценные и к тому же, выбирая их, я думал о том, как красиво на их фоне будете смотреться вы.

— Значит, вы думали обо мне?

— Увы!

— Почему «увы»? Неужели я так вас разочаровала?

Она сжала пальцами его обтянутые камзолом крепкие плечи — и вдруг задрожала. Его объятия, тепло его груди разбудили в ней жгучее волнение страсти.

И вместе с восхитительным жаром желания к ней возвращалось все ее бывшее любовное искусство. Ах, если только ей будет дано вновь ожить в его объятиях — тогда она сумеет отблагодарить его сполна! Ибо нет на свете благодарности больше и горячее, чем та, которой женщина платит мужчине, сумевшему подарить блаженство ее телу и душе.

Он с изумлением и восторгом увидел, как глаза Анжелики вдруг широко раскрылись, зеленые и сверкающие, точно пруд, освещенный солнцем, и, когда он склонился к ней, ее прекрасные руки обвились его шею и она первая завладела его губами.

Ночь без конца... Ночь, полная ласк, поцелуев, признаний, произносимых шепотом и повторяемых вновь и вновь, недолгого сна без сновидений и упоительных пробуждений, отдаваемых любви...

В объятиях того, кого она так любила и столько лет ждала, Анжелика, вне себя от наслаждения и радости, вновь превратилась в тайную Венеру, чьи ночи приводили ее любовников в блаженное исступление, а потом поражали неисцелимой тоской. Буря, бушевавшая за окном, уносила прочь горестные воспоминания и гнала все дальше и дальше угрюмые призраки прошлого...

— Если бы ты тогда не покинул меня... — вздыхала она.

И он знал, что это правда, что если бы он остался с ней, в ее жизни никогда бы не было никого, кроме него. И сам он тоже не изменил бы ей вовек. Потому что никакая другая женщина и никакой другой мужчина не смогли бы дать ни ему, ни ей того неизъяснимого счастья, какое они познавали, отдаваясь друг другу.

Анжелика проснулась, чувствуя усталость и радостное довольство и

наслаждаясь тем свежим, безмятежно ясным видением мира, которое можно испытать разве что на заре юности.

Теперь у нее будет иная жизнь. Ночи больше не принесут ей холодного одиночества, напротив, они обещают ослепительное блаженство, упоительные часы полного счастья, нежности, спокойной истомы... И все равно, какое у них будет ложе: бедное или роскошное, и что будет вокруг: суровый зимний лес или хмельное благоухание лета. Всегда, всегда, будь то в пору опасностей или мира, в дни успехов или неудач, она будет ночь за ночью спать подле него. Эти ночи станут убежищем для их любви, приютом для их нежности. А еще у них будут дни, полные открытий и побед, много дней, которые они проживут рука об руку.

Анжелика потянулась, лежа на белых и серых пушистых мехах, наполовину прикрывавших ее тело. Венецианские люстры были погашены. Сквозь щели в ставне просачивался слабый утренний свет. Анжелика вдруг заметила, что Жоффрей уже стоит у постели, одетый и в сапогах. Он смотрел на нее загадочным взглядом. Но теперь она больше не боялась увидеть в его глазах подозрение. Глядя на него, она улыбнулась, счастливая своей победой.

— Вы уже встали?

— Пора. Только что прискакал индеец с известием о том, что караван из Бостона уже рядом. И если я смог оторваться от наслаждений этого ложа, то уж конечно не благодаря вашим стараниям. Скажу больше — похоже, что даже погрузившись в сон, вы продолжали делать все, чтобы заставить меня забыть о делах, которые ждали меня на рассвете. Ваши таланты превосходят всякую меру.

— Да? А не вы ли в прошлый раз жаловались на мою неискусность? Помнится, она вас даже задела?

— Гм! Право, не знаю, что и думать. Я не вполне уверен, что после ваших сегодняшних ласк не стал немножко ревновать вас задним числом. Не убежден, что именно я довел вас до такого совершенства — во всяком случае, я этого не помню. Ну ладно, давайте считать, что вы всем обязаны своему первому учителю и что с его стороны было бы просто грешно не быть в восторге...

Он стал коленом на край кровати и склонился над Анжеликой, любуясь ею в ореоле беспорядочно разметавшихся золотистых волос.

— И эта обольстительница рядится в платье бедной набожной служанки! И умудряется водить за нос этих чопорных, холодных гордецов

гугенотов! И часто вы так морочите людям голову, богиня?

— Реже, чем вы. Я никогда не умела хитрить, разве что при смертельной опасности. Жофfrey, я никогда не разыгрывала перед вами комедий, ни раньше, ни теперь и всегда сражалась с вами честно.

— Тогда вы самая удивительная женщина на свете, самая непредсказуемая, самая изменчивая, с тысячей разных граней... Но фраза, которую вы произнесли сейчас, внушает некоторую тревогу: вы сказали, что сражались со мной... Стало быть, вы смотрите на своего воскресшего из мертвых мужа как на врага?

— Вы сомневались в моей любви.

— А вы были абсолютно безгрешны?

— Я всегда любила вас больше всех.

— Я начинаю вам верить. Но скажите: раз уж наше сражение перешло в столь приятную форму, нельзя ли считать его законченным?

— Надеюсь, что да, — ответила Анжелика, чувствуя некоторое беспокойство.

Он задумчиво покачал головой.

— И все же в вашем прошлом есть немало такого, чего я по-прежнему не понимаю.

— Что же это? Я вам все объясню.

— Я не доверяю объяснениям. Хочу убедиться во всем сам, увидев вас без прикрас.

Перехватив ее встревоженный взгляд, он улыбнулся.

— Вставайте, душенька. Нам пора идти встречать караван.

Глава 10

Доскакав до пустынного места, окутанного туманом, всадники остановились и стали прислушиваться к глухому эху, в котором, казалось, сливались тысячи голосов. Анжелика посмотрела направо, затем налево и недоуменно спросила:

— Что за странное явление? Я никого не вижу.

Оставив без ответа ее вопрос, Жоффрей де Пейрак спрыгнул с лошади. Мысли его блуждали где-то далеко, она же была удивлена тем, что он не делится с ней причиной своей озабоченности. Молча подойдя к Анжелике, он помог ей соскочить на землю. Она с радостью увидела нежную улыбку на его все еще напряженном лице.

— Что с вами? — снова спросила она.

— Ничего, моя хорошая, — ответил он, крепко прижимая ее к себе. — Могу только повторить, что сегодня — самый прекрасный день нашей жизни.

И тут Анжелика поняла, что граф не озабочен, а взволнован. На мгновение ее охватил суеверный страх, опасение лишиться по воле слепого случая того хрупкого счастья, которым она теперь жила. Но вскоре ощущение тревоги сменилось предчувствием неожиданного события.

— В ясную погоду жизнь здесь кажется простой, — сказала она громким голосом, как бы торопясь рассеять какое-то наваждение. — Но когда опускается туман, все здесь выглядит совершенно иначе. Может быть, поэтому люди и привязываются к этому краю. Ими овладевает ожидание сюрприза, предчувствие чего-то хорошего.

— Вот я и привел вас сюда, чтобы преподнести приятный сюрприз.

— Я уже обрела вас.. Могу ли я теперь надеяться на большую радость?

И снова взгляд, который он бросил на нее, показался ей сумрачным, как это часто бывало на борту «Голдсборо». Она знала, что этот взгляд выражает сомнение в ней, желание получить отчет за совершенные поступки, неспособность его забыть ту горечь, которую вызывало в нем все ее прошлое.

Немой вопрос, который он мог прочесть в ее глазах, остался без ответа.

По мере того, как они продвигались вперед, смешанный шум прибора и человеческих голосов становился все явственнее. Умноженный отзвуками

эха, этот шум еще более усилился, когда они подошли к скоплению красных скал, на которые с грохотом накатывались волны. Тревожным и странным казалось только одно: нигде не было видно ни единого человека.

Наконец Анжелика различила на море по ту сторону скал маленькие черные точки на поверхности волн. Это были головы отважных маленьких пловцов.

— Это любимая забава местных детей, — сказал Жоффрей де Пейрак.

Игра заключалась в том, что дети подстерегали самую высокую волну, в бурлящей пене неслись на ее гребне к скалистой гряде и там цеплялись за уступы, прежде чем волна хлынет в грот. Затем дети взбирались на вершину скалы, ныряли в воду, и все начиналось сначала.

Глядя на них, Анжелика оцепенела. В этом зрелище ее привлекала не столько опасность, которой подвергались пловцы, сколько уверенность в том, что она уже наблюдала нечто подобное. И теперь она пыталась вспомнить: где и когда. Наконец она повернулась к мужу, чтобы поделиться с ним своими ощущениями. И вдруг из сумерек памяти до нее донесся юный голос, как бы звавший ее из грота. Все это было как во сне. Но сон был не ее, а Флоримона. Слух ее как бы вновь уловил слова, которые он произнес как-то вечером в замке Плесси, когда над ним нависла смертельная опасность. «Я видел во сне моего отца и брата... Кантор стоял на гребне большой белой волны и кричал мне: «Иди ко мне, Флоримон... Иди, это так весело...» Они сейчас в Стране Радуг».

Глаза Анжелики широко открылись. Она видела наяву то, что грезилось Флоримону. В листве трепетали радуги. Накатывалась белая волна...

— Что с вами? — с беспокойством спросил Жоффрей де Пейрак.

— Не знаю, что со мной происходит, — сказала побледневшая Анжелика. — Я уже видела это во сне. Точнее, не я. «Но как я могла видеть это в действительности, — прошептала она, обращаясь к самой себе... — Только у детей бывают такие предчувствия...»

Она не осмеливалась произнести имя Флоримона. Их пропавшие сыновья стояли между ними. Самые тяжкие упреки, которые ей пришлось выслушать, касались именно их. И сегодня, после восхитительных часов, которые они провели в объятиях друг друга, ей не хотелось напоминать об этом эпизоде.

Но все было так, как если бы она видела перед собой с необычайной остротой маленького Флоримона.

Уже много лет она ни разу не видела его столь отчетливо. Вот его ослепительная улыбка, его неотразимые глаза, вернее, зрачки. «Мама, надо

уезжать»... Он сказал ей это, чувствуя, что вокруг бродит смерть, но она не послушалась его, и он убежал сам, движимый инстинктом жизни, который — слава Богу! — направляет импульсивные поступки молодости. Он не мог применить силу, чтобы спасти свою мать и брата, бедный малыш, но, по крайней мере, спас свою собственную жизнь. Отыскал ли он эту страну, полную радуг, где он мечтал встретиться с отцом и Кантором? Кантором, погибшим семью годами ранее в Средиземном море...

— И все же, что с вами? — спросил граф, сдвигая брови.

Она попыталась улыбнуться.

— Ничего. У меня было какое-то подобие видения, как я вам сказала. Позднее объясню, почему. Как вы думаете, где караван?

— Давайте поднимемся на этот холм. Оттуда мы должны их заметить. Я уже слышу топот лошадей. Караван идет медленно, потому что здесь очень узкая тропинка.

С невысокого холма, на который они поднялись, они различили за лесом движение большой группы людей. Теперь был отчетливо слышен скрип повозок на каменистой дороге. Вдруг среди листвы мелькнули разноцветные перья. Может быть, это уборы индейцев-носильщиков? Нет, перья украшали шляпы двух всадников, возглавлявших движение отряда. Вот они выехали на опушку леса. Послышался отзвук мелодичного аккорда. Показав рукой на всадников, Жоффрей де Пейрак спросил:

— Вы видите их?

— Да, — ответила Анжелика, держа ладонь козырьком над глазами, чтобы лучше видеть. — Мне кажется, они очень молоды. У одного с собой гитара.

Больше она не могла произнести ни слова. Рука ее бессильно упала, и на какое-то мгновение ей показалось, что жизнь покидает ее тело, а сама она превращается в статую, лишённую всех признаков жизни, кроме зрения.

Да, теперь она видела двух приближающихся всадников. В реальности первого усомниться она просто не могла, второй же, похожий на пажа с гитарой, был пришельцем из царства теней. Не перенеслась ли она в это царство?

Они подъезжали, и мираж рассеивался. Чем ближе они были, тем лучше она видела их лица. Да, первым всадником был Флоримон. Он один улыбался так ослепительно, у него одного были такие насмешливые живые глаза.

— Флоримон...

— Мапочка! — закричал юноша и побежал с протянутыми руками к

холму.

Анжелика хотела броситься ему навстречу, но ноги ее подкосились, и она упала на колени.

Он упал на колени рядом с ней. Крепко обняв его за шею, она прижала его к своему сердцу, и его длинные темно-русые волосы рассыпались у нее на плече.

— Мамочка, мама, наконец-то мы вместе, я послушался тебя, но если бы я не отправился на поиски отца, он бы не смог вовремя поспеть тебе на помощь. Значит, все было правильно, ты здесь. Солдаты тебя не тронули? Король не бросил тебя в тюрьму? Я так счастлив, так счастлив, мамочка.

Анжелика изо всех сил прижимала к себе своего защитника, своего маленького рыцаря!

— Я знала, сын мой, — прошептала она сдавленным голосом. — Я знала, что вновь обрету тебя. Вот ты и добрался до Страны Радуг, о которой столько мечтал.

— Да... Я нашел их, и отца, и брата. Мама, смотри же... Это Кантор.

Второй юноша стоял чуть в стороне от отряда. «Да, Флоримону хорошо, — думал он, — он не испытывает никакой робости». Ему, же, Кантору, не так просто. Он очень давно расстался с матерью, феей, королевой, ослепительной любовью его раннего детства. Он и сейчас не до конца узнавал ее в этой женщине, стоящей на коленях и бормочущей бессвязные слова, крепко прижав к себе Флоримона. Но вот она протянула руку в его сторону, позвала, и он бросился к ней. Ему не терпелось оказаться в тех самых руках, которые когда-то его баюкали. Он узнавал ее запах, теплоту груди, особенно голос, пробуждавший в нем столько воспоминаний о вечерах у очага, когда они пекли блины или когда она заходила к нему, нарядная, как принцесса, поцеловать сына на ночь, как бы поздно ни возвращалась.

— Мамочка, дорогая!

— Сыночки, родные вы мои... Флоримон, но ведь это невероятно, Кантор не может быть здесь. Он погиб на Средиземном море.

Флоримон рассмеялся звонким, чуть насмешливым смехом.

— Разве ты не знала, что отец атаковал флот герцога Вивоннского, потому что там был Кантор. Это стало известно отцу, и он решил отбить его.

— Так он знал...

Это были первые слова, смысл которых дошел до сознания Анжелики, после того как Жоффрей де Пейрак показал ей двух всадников, и она,

потрясенная, различила в них любимые черты своих сыновей, по которым она выплакала столько слез.

— Так он знал, — повторила она.

Значит, все происходило не во сне. Все эти долгие годы ее дети были живы. Граф «отбил» Кантора, встретил и оставил при себе Флоримона, а в это время она, Анжелика, едва не лишилась рассудка. Теперь, возвращаясь к действительности, она ощущала прилив слепой ярости. Прежде чем Жоффрей де Пейрак успел что-то сообразить, она вскочила на ноги и, бросившись к нему, ударила по лицу.

— Так вы знали, — кричала она, обезумев от бешенства и боли, — знали и ничего не сказали мне! Вы спокойно наблюдали, как я обливаюсь слезами отчаяния, вы радовались моим страданиям. Вы чудовище. Я ненавистна вам... Вы ничего не сказали мне ни в Ла-Рошели, ни во время нашего плавания... ни даже этой ночью. Что же я натворила, прикипев сердцем к такому жестокому человеку. Не хочу даже видеть вас...

Ему пришлось употребить всю свою силу, чтобы удержать Анжелику на месте.

— Отпустите меня, — вопила она, пытаясь вырваться, — я никогда не прощу вас, никогда... Теперь я знаю, что вы не любите меня... Вы никогда не любили меня... Отпустите...

— Сумасшедшая, куда вы вздумали бежать?

— Подальше от вас, и насовсем...

Однако силы ее покидали. Опасаясь, как бы она не совершила какой-либо непоправимый поступок, граф держал ее, как в тисках. Анжелика задыхалась в его железном объятии. От гнева, но и от безумного счастья у нее перехватило дыхание, собственная шевелюра вдруг показалась ей тяжелой, как свинец, голова откинулась назад.

— О дети, дети мои, — вновь простонала она.

Теперь Жоффрей де Пейрак прижимал к себе безжизненное тело с закрытыми глазами на бледном, как смерть, лице.

— Ужасная женщина! Как вы меня перепугали!

Анжелика приходила в себя. Она лежала на подстилке из сухих листьев в индейской хижине, куда ее отнес муж, когда она потеряла сознание. Увидев, что он нагибается к ней, она запротестовала:

— Нет, на этот раз между нами все кончено, я больше не люблю вас, господин де Пейрак, вы причинили мне слишком много зла.

Сдерживая улыбку и крепко удерживая руку, которую она вырывала, он вдруг произнес совершенно неожиданные для нее слова:

— Прости меня.

Она бросила быстрый взгляд на благородное лицо мужа, несшее на себе суровый отпечаток пережитых опасностей, которые ни разу не сломили его. Слезы снова чуть не брызнули из ее глаз, но, преодолев себя, она упрямо тряхнула головой и подумала:

«Нет, простить нельзя, разве можно так играть с сердцем матери, обречь ее на такую пытку. Как мог он ставить мне в упрек потерю детей, отлично зная, что они живы-здоровы и ждут его в Америке, в Гарварде. А спровоцированная им самим «смерть» Кантора? Он даже не подумал о слезах матери, узнающей о гибели своего ребенка. Какое пренебрежение моими чувствами! Разве я не была ему женой? Не зря у меня возникло подозрение, что он никогда не испытывал ко мне большой любви».

Она попыталась встать и ускользнуть от него, но из-за слабости не смогла, и он мягко привлек ее к себе.

— Прости меня, — тихо повторил он.

Не в силах вынести его взгляда, полного страстной мольбы, Анжелика прижалась лицом к твердому плечу мужа.

— Вы знали и ничего не сказали мне. Вас нисколько не заботили страдания, терзавшие мое сердце. А ведь достаточно было одного вашего слова, чтобы вернуть мне радость. Вы ничего не сказали ни тогда, когда разыскали меня, ни потом на корабле... и даже этой ночью?..

— Этой ночью? О, родная моя! Этой ночью вы полностью овладели всем моим существом. Наконец-то вы принадлежали мне. Обуреваемый ревностью и эгоизмом, я решил, что никто не должен стоять между нами. Достаточно я делил вас с целым миром. Это верно, мне случалось быть жестким, порою несправедливым, но я бы не стал так сурово обращаться с тобой, если бы не любил так сильно. Ты — единственная женщина, сумевшая заставить меня страдать. Мысль о твоих изменах долгое время раскаленным железом жгла мне сердце, казавшееся неуязвимым. Все мои воспоминания были отравлены сомнением, я подозревал тебя в ветрености, бессердечии, равнодушии к судьбе наших детей.

Когда я тебя разыскал, все мое существо было настолько раздвоено между сомнениями и непреодолимым влечением к тебе, что я решил испытать тебя, выяснить, кто ты, увидеть тебя как бы при ярком свете. Я опасался и того, что у каждой женщины есть талант комедиантки, пусть даже очень скромный. Я вновь обрел жену, но не мать моих сыновей. Мне хотелось выяснить и понять все это, и это мне удалось только тогда, когда они предстали перед тобой без всякой подготовки.

— Я едва не умерла, — жалобно проговорила она. — Ваше коварство

чуть не стало причиной моей смерти.

— А я настолько ужаснулся твоему потрясенному виду, что это стало для меня самым тяжелым наказанием за проявленную жестокость. Ты и впрямь так любишь их?

— Вы не вправе сомневаться в этом. Ведь я их растила, отдавала им последний кусок хлеба, я...

Она не договорила слова «...продавалась ради них», но это лишь обострило в ней чувство горечи.

— Я подвела их только один раз, в день, когда я отвергла домогательства короля, не пошла на измену вам. И очень сожалею, так как это положило начало всем тем невероятным несчастьям, которые мне пришлось претерпеть из-за человека, даже не уважающего меня, пренебрегшего мною, отрекшегося от меня, человека, недостойного настоящей женской любви, любви до самой смерти. А вы, вы настолько избалованы женщинами, что вообразили себе, будто вам разрешено безнаказанно играть их сердцами, не опасаясь никаких неприятностей.

— И все же вы, сударыня, отвесили мне пощечину, — сказал Жоффрей де Пейрак, приложив палец к щеке.

Анжелика не без досады вспомнила о своем необузданном поступке, но решила не выказывать ни малейшего сожаления.

— Я ни в чем не раскаиваюсь... Будьте хоть раз наказаны за все ваши сомнительные мистификации и за... — тут Анжелика посмотрела ему прямо в глаза: — За ваши собственные измены.

Граф принял удар вполне хладнокровно, но в глубине его глаз проскочила задорная искорка.

— Так мы в расчете?..

— Это было бы слишком просто, господин граф, — ответила Анжелика, становясь все более воинственной по мере восстановления сил.

«Да-да, именно так, за его измены. Сколько их было, женщин со всего Средиземноморья, которых он осыпал подарками в то время, как она прозябала в нищете, и сколько безразличия он проявил к ее участи, участи матери его сыновей...»

Если бы граф не прижимал ее к себе так сильно, она бы сказала ему все, что думала. Но он приподнял вверх ее лицо и ласково вытер мокрые от слез щеки.

— Прости меня, — в третий раз повторил он.

Анжелике понадобилась вся ее воля, чтобы уклониться от губ, которые тянулись к ее устам.

— Нет! — все еще дуясь, сказала она, отводя лицо в сторону.

Но граф не сомневался, что, пока он держит ее в объятиях, у него есть все шансы вновь покорить Анжелику. Кольцо его рук ограждало ее от одиночества, защищало, баюкало, обволакивало лаской. Сбывалась мечта всей ее жизни. Скромная и громадная мечта всех женщин мира, мечта о любви.

Настанет вечер, который скрепит их примирение. Тогда он снова заключит ее в свои объятия, и отныне так будет всю жизнь...

Ночью одним движением она будет вновь и вновь разжигать их жаркую страсть. Днем ей будет тепло от излучаемой им спокойной силы. Никакой, даже самый праведный гнев не может противостоять такой обольстительной перспективе.

— Ах, почему я так безвольна, — вздохнула она.

— Bravo, небольшая толика безволия весьма к лицу вашей неотразимой красоте. Будьте безвольны, будьте слабы, дорогая моя, это вам очень идет.

— Мне следовало бы возненавидеть вас.

— Не стесняйтесь, любовь моя, только продолжайте любить меня. Скажите мне, моя милая, не кажется ли вам, что нам пора вернуться к юношам и успокоить их, продемонстрировав доброе согласие между родителями, наконец-то воссоединившимися и обретшими друг друга?.. У них накопилось для вас столько рассказов.

Анжелика шла, как после тяжелой болезни. Немыслимое видение не исчезло. Грациозно, как в детстве, опершись друг о друга, Флоримон и Кантор ждали их приближения.

Она закрыла глаза и возблагодарила Бога.

Это был самый прекрасный день ее жизни.

Флоримон считал, что в его приключениях нет ничего особенного. Не подозревая даже, от какой трагедии они спаслись, он и его друг и сосед Натаниэль отправились в путь за несколько часов до гибели своих близких.

После долгих скитаний они завербовались юнгами в одном из бретанских портов. Навязчивая идея Флоримона заключалась в том, чтобы уехать в Америку и отыскать там отца. Этот проект обрел реальность после того, как в Чарльзтауне Флоримон встретил купцов, знавших отца. Они сообщили ему, что в Бостоне по собственным чертежам графа тому выстроили корабль для плавания в северных морях и что он начал исследовать территорию Мэн. Затем один из друзей помог ему добраться до отца.

Кантор также считал свои приключения достаточно простыми. Он

начал розыски на море и через несколько дней после открытия навигации отец действительно раскрыл ему свои объятия на борту великолепной шебеки.

Затем Флоримон и Кантор упросили отца отправиться на поиски Анжелики, и поэтому совместное возвращение родителей нисколько не удивило их. Они воспринимали жизнь как цепь счастливых событий, которые, разумеется, должны благоприятствовать им. Они бы очень удивились, если бы им объяснили, что в мире есть люди, которым упорно не везет и которые, при всем старании, не могут осуществить ни одной своей мечты!

Глава 11

— А где аббат? — спросил вдруг Флоримон.

— Какой аббат?

— Аббат де Ледигьер.

Анжелика смутилась. Как объяснить восторженному юноше, что человека, о котором он вспомнил, уже нет в живых, что его наставника повесили. Пока она колебалась с ответом, Флоримон, видимо, все понял. Лицо его помрачнело, взгляд перенесся вдаль.

— Жаль, — сказал он, — я был бы рад повидаться с ним.

Он устроился на камне рядом с Кантором, который молча перебирал струны гитары, Анжелика подседа к юношам. День был уже на исходе. Флоримон и Кантор, успевшие разведать весь берег, показали ей волшебные заливы и бухты этого странного сложного побережья, выбросившего в море извилистые, как у скорпиона, щупальцы, розовые нагромождения скальных обломков, зеленые стрелки полуостровов, настолько истонченных морем, что видом своим они напоминали теперь каких-то рептилий, плавающих угрей. А сколько заповедных уголков, скрытых заводей, где каждый колонист, каждая новая семья смогут выбрать место по вкусу, обрести покой, добывать рыбу и дичь.

Между гребенчатых островов с редкими деревьями, сквозь прозрачную толщу моря были видны переливы подводных теней. Среди красных и розовых отмелей изредка встречались совсем белые. Одна из них почти доходила до персонального форта графа. Набегавшие на снежно-белый песок волны принимали цвет меда, на мгновение застывая нежными язычками в мягких узорах, неожиданных для этого сурового края.

Онорина бегала вокруг, собирая ракушки и складывая их на коленях у Анжелики.

— Отец сказал мне, что Шарль-Анри погиб. Наверно, его убили королевские драгуны? — спросил Флоримон.

Анжелика молча кивнула.

— И аббата тоже?

Видя, что мать не отвечает, юноша встал и обнажил шпагу.

— Мама, — взволнованно начал он, — хотите, я дам клятву отомстить за них обоих? Я хочу поклясться вам, что не успокоюсь, пока не перебью всех королевских солдат, которые попадутся мне под руку. Ах, мне так

хотелось послужить королю Франции, но такого стерпеть нельзя. Я никогда не прощу смерти малыша Шарля-Анри. Я перебью их всех до одного.

— Нет, Флоримон, — сказала она. — Никогда не произноси подобные клятвы и такие слова. Отвечать на несправедливость ненавистью? На преступление — мстью? К чему это тебя приведет? Опять же к несправедливости и преступлению, и все повторится снова.

— Это речь женщины, — бросил Флоримон, весь дрожа от сдерживаемых переживаний и возмущения.

До сих пор он всегда верил, что все в жизни улаживается само собой: бедный может разбогатеть, благодаря удаче; если вас хотят отравить завистники, не теряйте хладнокровия, верьте в везение и не упустите свой шанс обмануть смерть. Он сам бросил все и отправился на поиски пропавших брата и отца, и его смелость была вознаграждена маленьким чудом — вскоре все они встретились, живые и невредимые. Теперь же, впервые в его жизни, свершилось нечто непоправимое: смерть Шарля-Анри.

— А он действительно погиб? — горячо спросил Флоримон, цепляясь за надежду на чудо.

— Я своими руками опустила его в могилу, — ответила Анжелика глухим голосом.

— Значит, я никогда больше не встречу с братиком? — с трудом выговорил он. — Я так ждал его, мне так хотелось показать ему, наш красный гранит в Киуэйтене, малахит на Медвежьем озере и разные красивые минералы, которые можно найти под землей. А сколько интересных вещей я успел рассказать ему раньше...

Его тонкая шея вздрагивала от едва сдерживаемых рыданий.

— Почему же ты помешала мне увезти его, пока было время? — с упреком спросил он Анжелику. — Почему мне нельзя вернуться и расправиться с этими негодяями!

Размахивая шпагой, он завершил свою тираду дерзкими словами:

— Бог не должен допускать подобные преступления. Я больше не буду молиться ему!

— Не кощунствуй, Флоримон, — строго сказала она. — Твой бунт бесплоден. Следуй мудрому совету твоего отца, который просит нас не переносить на эту землю наши старые распри. Проклинать прошлое, ворошить давнишние ошибки, значит, служить злу больше, чем добру. Надо смотреть вперед. «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов», — говорится в Священном писании. Разве ты не понял, Флоримон, что

наша встреча сегодня — это чудо. Я никак не должна была быть здесь: смерть подстерегала меня сотни раз...

Задрожав, он пристально посмотрел на нее своими прекрасными черными глазами, сверкавшими пламенем юности.

— Мамочка, это невысказано. Ты не можешь умереть.

Бросившись на колени, он обнял ее и склонил голову ей на плечо.

— Мамочка, дорогая, ты будешь жить вечно, иначе быть не может.

Она ласково улыбнулась юному гиганту. Будучи выше матери на несколько дюймов, он все еще был ребенком, нуждающимся в ее присутствии, в том, чтобы она направляла, утешала и даже бранила его.

Она погладила его гладкий лоб, лохматую, черную как смоль голову.

— Ты знаешь, позапрошлой ночью в лагере родился мальчик, которого назвали Шарлем-Анри. Как знать, не вернулась ли к нам вместе с ним детская душа твоего бедного братика. Со временем ты бы мог многому научить этого ребенка.

Флоримон задумался, нахмутив брови.

— Да, я действительно уже знаю кое-что, — сказал он со вздохом человека, которому трудно решить, с чего начать обучение своего подопечного. — Вся эта малышня, привезенная вами сюда, только и знает, что бормочет библейские тексты. Им нужна хорошая выучка. Готов побиться об заклад, что они не отличат кварц от полевого шпата и ничего не смыслят в охоте. Правда, Кантор?

Не дождавшись ответа от замечтавшегося над своей гитарой брата, он стал рассказывать матери, как юные европейцы осваивают навыки, необходимые для жизни в условиях дикой природы. Они научились у своих индейских приятелей бесшумно подкрадываться по сухим лесным листьям к пугливой норке, скользить, как тень, между деревьями, маскироваться в шкуры убитых животных и имитировать голоса живых зверей, чтобы заманивать их в западню; все это было очень увлекательно, и каждый получал вознаграждение за свою ловкость, причем индейцы, которые выпитывают бескорыстие с молоком матери, всегда делятся с менее удачливыми соплеменниками. Братья научились попадать из лука в летящую стрелу. Но самая интересная охота бывает зимой, когда окоченевшие от мороза крупные звери на каждом шагу увязают в снегу, и охотники, легко и бесшумно передвигаясь на коротких индейских лыжах, без труда приближаются к ним и стреляют наверняка.

В рыбной ловле с гарпуном они преуспели не меньше, чем в стрельбе из лука. Даже отец признает это. Надо не только пронзить рыбу гарпуном, но и нырнуть в ледяную воду, чтобы вытащить добычу на берег. Вот когда

чувствуешь, что такое настоящая жизнь! Прекрасные пловцы, они не боятся пускать свои легкие пироги из березовой коры по самым бурным потокам. Не хочется уступать лососям, хотя те способны даже подниматься вверх по водопаду.

— А я-то воображала, что вы все в чернилах сидите, высунув языки, и набираетесь ума в Гарвардском колледже.

Флоримон вздохнул.

— И это тоже.

Действительно, часть года они проводили в стенах знаменитого колледжа. На каждого ученика там приходится больше преподавателей, чем в самом Париже. В развитии образования — главный шанс Америки, а территория Мэн является лидером нового континента в этой области. Естественно, что Флоримон постарался стать первым в математике и естественных науках. Но по-настоящему он жил здесь, в лесу, и вот, наконец, отец согласился взять их с собой в экспедицию. Хорошо бы добраться до зеленых Аппалачских гор, где охотятся на черного медведя, а может быть, и дальше, до Страны Великих Озер, где берет начало сам Отец Рек.

— Говорят, что у вас в Мэне тоже много озер?

— Пфф, мы их называем прудами. Только в замшелой Европе могут рассказывать байки о том, что за Онтарио в Мэне насчитывается пять тысяч озер. Нет, их пятьдесят тысяч, а наш Гудзон больше вашего знаменитого Средиземного моря.

— Похоже, ты хочешь стать лесным охотником, как Кроули или Перро...

— Мне очень хочется, но пока мне до них очень далеко. Отец все время напоминает нам, что в наше время надо учиться намного больше, чем раньше, чтобы проникнуть в тайны природы.

— А Кантор разделяет твои вкусы? — спросила Анжелика.

— Конечно, — самоуверенно заявил Флоримон, не давая слова младшему брату, который только пожал плечами. — Конечно... Например, он гораздо сильнее меня в «игре на волнах», правда, он и начал раньше меня. Практиковаться в морском деле он тоже начал раньше. А я обучился на корабле искусству обдирать себе пальцы при завязывании морского узла, но, правда, и правилам пользования секстантом для измерения пройденного расстояния по Полярной звезде и по солнцу. — Он захлебывался от наплыва мыслей.

Кантор улыбнулся, но ничего не сказал.

Непосредственность Флоримона развеяла неловкость, возникшую

после долгих лет разлуки. Он с детства был с матерью на «ты», и между ними сразу же восстановилась надежная и нежная дружба тяжелых прошлых дней.

Сложнее было восстановить контакт с Кантором. Они расстались, когда он был совсем маленьким, но уже замкнутым ребенком; теперь перед ней сидел крепкий, самобытный подросток, который долгие годы не испытывал на себе женского влияния.

— А ты, Кантор, что-нибудь помнишь О своем детстве?

Кантор смущенно потупился и грациозным жестом взял аккорд на гитаре.

— Я помню Барбу, — сказал он. — Почему она не приехала с вами?

Усилием всей своей воли Анжелике удалось не выдать охватившее ее волнение. На этот раз ей не хватит смелости сказать им всю правду.

— Барба ушла от меня. Маленьких детей в доме больше не было. Она вернулась к себе в деревню и вышла замуж...

— Тем лучше, — сказал Флоримон. — Все равно она относилась бы к нам, как к детям, хотя мы давно уже выросли из пеленок. И потом, в такой экспедиции как наша, не стоит отягощаться присутствием женщин.

Зрачки его зеленых глаз расширились, он явно отважился задать матери самый главный вопрос:

— Мама, — спросил он, — готовы ли вы всегда и во всем повиноваться нашему отцу?

Хотя вопрос был задан несколько жестким тоном, Анжелика не удивилась.

— Конечно, — ответила она, — ваш отец — мой супруг, и я буду во всем подчиняться его воле.

— Дело в том, что в сегодняшнем эпизоде вы не проявили особой покорности. Наш отец — человек сильной воли, и он не любит мятежей. Поэтому мы опасаемся, Флоримон и я, что все это кончится плохо и вы снова покинете нас.

Услышав этот упрек, Анжелика чуть не залилась краской, но предпочла не оправдываться перед сыновьями, а объяснить им причины своего поступка.

— Ваш отец вообразил себе, будто я вас совсем не люблю, никогда не любила. Разве я могла не взорваться? Вместо того, чтоб успокоить мое материнское сердце, он скрыл от меня, что вы живы. Признаться, от неожиданности я просто потеряла голову. Я рассердилась на него за то, что он позволил мне страдать, когда довольно было одного слова, чтобы успокоить меня. Но теперь вам нечего бояться. Мы с вашим отцом знаем:

есть нечто такое, что связывает нас навек и не может быть нарушено случайной ссорой. Отныне ничто не разлучит нас.

— Значит, вы любите его?

— Люблю ли я его! Дети, это единственный мужчина, который всегда был мне дорог, который пленил мое сердце. Долгие годы я считала, что он умер. Мне пришлось в одиночку бороться за свою и вашу жизнь. Оплакивать его я не переставала никогда. Вы верите мне?

Они кивнули с серьезным видом. Они ей прощали тем охотнее, что сами были причиной ее утренней вспышки. Родители не всегда ведут себя разумно. Главное, чтобы они любили друг друга и были вместе.

— Так значит, — настаивал Кантор, — теперь вы нас больше никогда не покинете?

Анжелика притворно рассердилась.

— По-моему, милые дети, вы перепутали наши роли. Разве не вы сами бросили меня и уехали без оглядки, не подумав о том, сколько слез я пролила из-за вас?

Они взглянули на нее с невинным удивлением.

— Да, сколько слез, — повторила Анжелика. Когда мне рассказали, что ты, Кантор, утонул в Средиземном море вместе с людьми господина де Вивонна, горе мое было безутешным.

— И вы много плакали? — спросил он с восторгом.

— Я тяжело заболела... Долгое время я всюду искала тебя, мой мальчик. Часто мне слышались звуки твоей гитары...

От скованности Кантора не осталось и следа, и он вдруг стал очень похожим на того мальчишку, каким он был в особняке Ботрей.

— Если бы я знал все это, — сказал он с сожалением, — я бы написал вам письмо и сообщил, что живу с отцом. Но мне это не пришло в голову. Хотя в то время я и писать-то не умел...

— Кантор, милый, все это в прошлом. Теперь мы снова вместе. Теперь все хорошо. Просто прекрасно.

— А вы останетесь с нами и будете заботиться о нас? Вы больше не будете заботиться о других, как раньше?

— О чем ты?

— Мы поспорили с этим мальчишкой... Не помнишь, как его зовут, Флоримон? Ах да, Мартиал Берн. Так вот, он уверял, что знает вас лучше, чем мы. Будто вы долго жили у них и были им матерью. Только это все не правда. Ведь он вам чужой. Вы не имеете права любить его так же, как нас. Мы-то ваши сыновья.

Их мстительный вид позабавил Анжелику.

— Неужто мне суждено вечно жить среди ревнивых мужчин, которые ничего не могут мне простить? — сказала она, ущипнув Кантора за подбородок. — И как только я буду жить под таким присмотром? Меня это несколько беспокоит. Но что поделаешь, видно, придется смириться.

Мальчики весело рассмеялись.

Тайна любви уже начинала тревожить их юные души, и Анжелика казалась им самой прекрасной из женщин, самой чарующей и привлекательной. Их сердца наполнялись гордостью и восторгом при мысли, что эта женщина — их мать. Только их...

— Ты наша, — сказал Кантор, прижимая ее к себе.

Она окинула их нежным взглядом и прошептала:

— Да, я ваша, родные мои...

— А как же я? — спросила Онорина, стоя перед ними и не сводя с них глаз.

— Ты? Да я уже давно твоя. Ты меня обратила в рабство, плутовка.

Это выражение так понравилось Онорине, что она принялась хохотать и прыгать от радости. Ее непоседливость стала еще заметнее теперь, когда все тревоги остались позади.

Плюхнувшись животом на песок, она уткнулась подбородком в ладошки и спросила:

— А какой сюрприз будет завтра?

— Завтра? Ты думаешь, теперь каждый день будут сюрпризы? Теперь у тебя есть отец, братья... Что тебе еще надо?

— Не знаю...

И сразу же предложила с таким видом, как будто ее осенила блестящая мысль:

— Может, немножко поиграем в войну?

Это звучало так, как если бы она попросила кусок пирога. Они рассмеялись.

— Какая смешная девчонка! — воскликнул Флоримон. — Я рад, что она мне сестра.

— Матушка, хотите, я спою? — предложил Кантор. Анжелика любовалась обращенными к ней лицами детей.

Красивые и здоровые, они радовались жизни, которую она им дала. Сердце ее затрепетало светлым благостным чувством.

— Спой, сынок, — сказала она, — это самый подходящий момент. По-моему, сейчас можно только петь.

Глава 12

Они отправились в дорогу в последнюю неделю октября. Кроме слуг-индейцев и испанских солдат к ним присоединились несколько моряков и лесных охотников. Следом ехали три повозки с припасами, инструментами, мехами и оружием.

Жофfrey де Пейрак и Никола Перро возглавили колонну, и она двинулась с места, покидая окрестности форта Голдсборо. Они сделали привал в лагере Шамплена, затем направились в сторону леса. За одну ночь наступила осень. Среди золотистых листьев выделялись ярко-красные кроны буков и кленов.

На этом пылающем фоне, будто на драгоценном ковре, разворачивалась процессия воинов в вороненых доспехах, индейцев в уборах из перьев, вооруженных мушкетами бородачей на белых и гнедых лошадях.

Веселый паж пощипывал струны гитары и распевал песни под топот копыт, приглушенный зеленым мхом на тропе.

Онорина ехала на лошади своего любимца Флоримона.

Когда был перейден первый брод, Анжелика получила приглашение присоединиться к мужу, ехавшему во главе колонны.

— Хочу, чтобы вы были рядом, — сказал он.

Обрамленное черным капюшоном лицо Анжелики с зелеными глазами и бледно-золотыми волосами, залитыми волшебным светом, проникавшим сквозь листву, было исполнено таинственной красоты. Она всегда принадлежала лесу. Теперь он вновь овладевал ею.

«Словно я вернулась в Ньельский лес... Только здесь все гораздо крупнее и ярче», — подумала Анжелика.

Он галопом поскакал к холму. Анжелика последовала за ним.

— Отсюда, сверху, еще можно увидеть море. Дальше его не будет видно.

По сравнению с бескрайней золотистой гладью, ограниченной лишь легкой дымкой тумана, отмель казалась тонким полумесяцем, розовым на фоне темно-синего моря.

Чуть дальше виднелся едва различимый среди сплошной листвы лагерь Шамплена, крохотная точка на фоне роскошной природы, затерянная между двумя огромными пустынями: морем и лесом.

И все же там была жизнь, единственная связь с остальным миром.

Несколько минут они смотрели в ту сторону, потом повернули налево. Деревья сомкнулись у них за спиной, море исчезло из вида. Теперь их окружал высокий частокол вековых деревьев. Здесь преобладали красные и оранжевые оттенки, а также цвет старого золота. Среди ветвей зеленовато-синим пятном сверкало озеро. У берега пил воду лось. Когда он закидывал голову назад, его рога напоминали темные крылья.

За хрупкими стволами берез, за рядами дубов обитало множество животных: лоси, медведи, олени, волки, койоты и тысячи пушных зверюшек: бобры, норки, серебристые лисы, горностаи. На деревьях гнездились птицы.

С легким сомнением Жоффрей де Пейрак снова взглянул на Анжелику.

— Так вы совсем не боитесь? И не о чем не жалеете?

— Я боюсь только одного: чем-нибудь вам не угодить. И жалею лишь о том, что столько лет провела вдали от вас.

Он протянул руку и властно и ласково коснулся ее затылка.

— Мы постараемся быть счастливыми вдвойне. Быть может, этот девственный край будет к нам не так жесток, как пресыщенный старый мир. Природа благосклонна к влюбленным. Уединение и опасности сближают их, а людская зависть старается разлучить. Мы будем продвигаться все дальше, нас поджидают бесчисленные испытания, но мы всегда будем любить друг друга, не правда ли? Быть может, мы достигнем Новумбеги, великого города индейцев, с хрустальными башнями, со стенами, покрытыми золотом и усеянными драгоценными камнями... Да вот он перед нами. Вот оно, его чистое золото и разноцветный обманчивый туман...

Жить в этой стране — все равно что быть в центре огромного алмаза со сверкающими гранями. Вот мои владения, о моя королева, вот мои дворцы.

Он привлек ее к себе и прижался щекой к ее лицу. Он целовал ее в краешки губ, нашептывая страстные слова:

— Моя героиня, моя амазонка, воительница... Сердце мое... Душа моя... Жена моя...

В его устах это слово приобрело свой самый глубокий смысл. Он произнес его, как пылкий влюбленный юноша и как мужчина, прошедший с ней долгую жизнь, полную любви и заботы. Он обрел ту, которая была ему необходима, чтобы жить, необходима так, как собственное сердце. Отныне она не была для него посторонней, чужой, иногда даже враждебной женщиной: она была в его сердце, любимая подруга,

неразрывно связанная с его жизнью и помыслами.

Он познал тайну любви. Они застыли в седлах, наслаждаясь мгновениями безоблачного счастья, выпавшими им на долю, на долю скитальцев, пилигримов любви.

Отвергнув сделки с совестью, не пожелав сравняться с посредственностями, они, подобно своим благородным предкам, не устрашились борьбы и войны, разлуки с родиной, утраты богатства и почестей, и вот теперь испили из жизненной чаши, носящей имя Святого Грааля, бесценной таинственной реликвии, доступной лишь рыцарям без страха и упрека.

— Ты для меня все, — произнес он.

Его трепетный голос наполнил Анжелику блаженством. Отныне она знала, что после стольких испытаний достигла своей цели: она вновь обрела его, он держит ее в своих объятиях, она владеет его сердцем.

Их любовь открывалась для новой жизни.

notes

1

Ют или полуют — надстройка в кормовой части верхней палубы

Мулей Исмаил (ок. 1646-1727) — султан Марокко с 1672 г. Объединил страну, жестоко подавляя волнения. «Мулей» означает «мой господин», этот титул носили все султаны Марокко

3

Бак или полубак — надстройка в носовой части верхней палубы

4

Порт — отверстие в борту судна для пушечного ствола (у старинных военных судов)

Твиндек — межпалубное пространство на судах, имеющих несколько палуб

Кандия — портовый город на Крите. В старину Кандией называли также и сам остров Крит

Онис — название исторической провинции Франции; главный город — Ла-Рошель

Бимс — поперечная балка, поддерживающая палубу

Шебека — легкое трехмачтовое парусно-весельное судно

Марс — площадка на мачте, служащая для наблюдения за горизонтом, а также для работ по управлению парусами

Дыба или «пыточная кобыла» — средневековое орудие пытки. Представляла собой раму с колесами, на которые наматывались веревки, привязанные к рукам и ногам пытаемого: при этом происходили растяжение и разрыв мышц, а все суставы растягивались вплоть до полного вывиха

Несс — герой древнегреческого мифа, кентавр. За попытку похищения своей жены Деяниры Геракл смертельно ранил его стрелой, смазанной ядом лернейской гидры. Желая отомстить Гераклу, Несс, умирая, собрал свою отравленную кровь в сосуд и отдал его Деянире, сказав, что, если Геракл ее когда-нибудь разлюбит, ей достаточно будет натереть этой кровью его одежду — и он вновь полюбит ее. Когда через много лет Геракл решил оставить Деяниру, она последовала совету Несса и послала мужу плащ, натертый кровью кентавра. Этот плащ прилип к телу Геракла и причинил ему жесточайшие мучения

Бухта — трос (снасть), уложенный кругами, цилиндром или восьмеркой

Магриб (араб. — запад) — регион в Африке, включающий Тунис, Алжир и Марокко

Левант — часто употреблявшееся раньше название для всех стран восточного побережья Средиземного моря и Ближнего Востока

Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его (арабск.)

Род длинной, широкой рубахи

Константинополь — столица Византии; в 1453 г, город был взят турками, провозглашен столицей Османской империи и переименован в Стамбул. Однако европейцы продолжали называть его Константинополем

Намек на знаменитую евангельскую притчу (от Луки 10: 30-37). Некий иудей попался разбойникам; те ограбили его, изранили и оставили у дороги. Священник и левит (т.е, храмовый служитель) равнодушно прошли мимо, а житель неиудейского палестинского города Самарии (самаритянин или самарянин), иноплеменник и иноверец, остановился и помог пострадавшему: перевязал его рану, довез на своем осле до гостиницы и заплатил за него вперед

Катай — название, которое дал Китаю Марко Поло

Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, выставленный с носа парусного судна; служит для вынесения вперед носовых парусов

Меццо-Морте (умер в 1698 году) — великий адмирал Алжира, ренегат, по происхождению итальянец из Калабрии. Людовик XIV дважды посылал в Алжир военные экспедиции для разгрома руководимых им пиратов, во второй раз Меццо-Морте был убит в сражении

Горе побежденным (лат.) — широко известная «крылатая фраза». Смысл ее вполне понятен, только когда знаешь, при каких обстоятельствах она родилась. В 390 г. до н.э. галлы захватили Рим и потребовали за свой уход огромный выкуп. Когда требуемое ими золото взвешивалось, галльский вождь Бренн в дополнение к гилям бросил на другую чашу весов еще и свой тяжелый меч. Римляне сказали, что это несправедливо, на что Бренн ответил всего двумя словами: «Горе побежденным!»

Клянусь Мадонной! Милая девочка, стало быть, ты католичка? (итал.)

Плюнь! Плюнь! (итал.)

Дети! (итал.)

Наше море (лат.) — так называли Средиземное море древние римляне. Впоследствии этим латинским названием часто пользовались в Западной Европе

Раис — начальник, главарь (арабск.). Раисами называли капитанов алжирских корсарских судов

Древнее название Гибралтара

Сеута — испанская крепость на территории королевства Марокко, на берегу Гибралтарского пролива

Сале — портовый город в Марокко

Земляника и черника (англ.)

Горе побежденным (лат.)

Миледи. Мой дом к вашим услугам (англ.)

В моей лавке (англ.)

Все, что нужно для хозяйства (англ.)

Входите, входите, (англ)

Нет (англ.)

Сегодня (англ.)

Да (англ.)